

Февраль 1931.

№ 15

Цена 35 с.

ПРОБУЖДЕНИЕ

323
18.XI.72 г.

Сборник статей, посвященных памяти П. А. Кропоткина
по случаю десятилетия со дня его смерти.

П. А. КРОПОТКИН.

Рос 4-4
1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ ГРУПП «ПРОБУЖДЕНИЕ»
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET

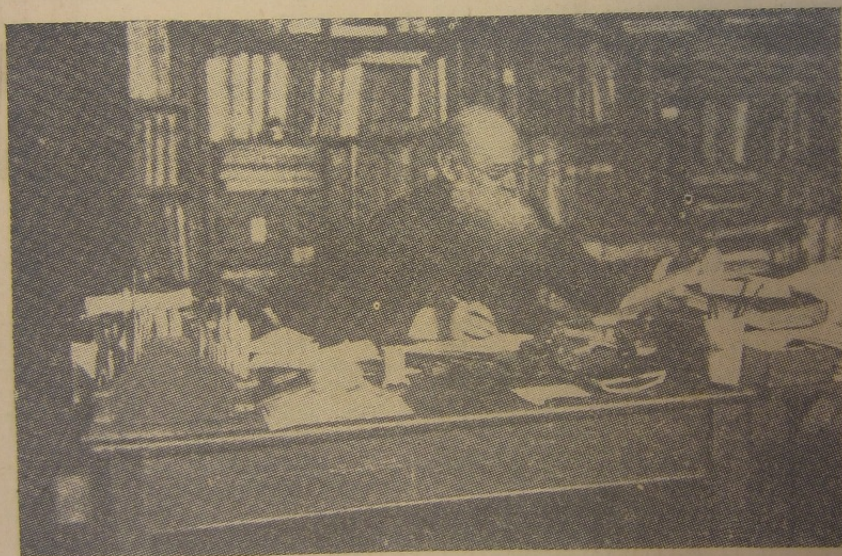
DETROIT, MICH.

Отдел литературы
русского зарубежья

№ 15

Февраль, 1931.

95-3

П. А. Кропоткин за работой

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ П. А. КРОПОТКИНА

(8-го февраля 1921 г.—8 февраля 1931 г.).

В галлерее великих людей, память о которых навсегда сохранится в сердцах благодарного человечества, Петр Алексеевич Кропоткин занимает самое почетное место. Он принадлежит к числу тех пророков, которых побивали камнями, пресле-

довали, бросали в тюрьмы и распинали.

Уже в раннем детстве Кропоткин остро ощущает неправду жизни, его молодое, доброе сердце возмущено жестокостями отца над крепостными крестьянами, в нем нарастает чувство протеста, завершающее-

ся разрывом с своей собственной средой и бунтом против господствующего класса, к которому он сам принадлежал по рождению.

Кропоткина нельзя было искушить никакими благами мира сего. Ведь эти блага в руках кучки паразитов и доступны только немногим избранныкам. Нет, — Кропоткин не желает для себя ничего, чего лишены миллионы порабоженного народа. И он отказывается от своего княжеского звания, придворных связей, блестящей службой карьеры, богатства.

В стан угнетенных Кропоткин приходит с твердым, бесповоротным решением посвятить все свои силы, знания и энергию революционной борьбе за освобождение порабоженных масс. И мы знаем, что Кропоткин на протяжении своей полувековой революционной деятельности ни на миг не отступил от принятого решения.

В истории международного революционного движения, за исключением, пожалуй, М. Бакунина, нельзя найти более стойкого, настойчивого и преданного своему делу революционера, чем Кропоткин. Некоторые менее стойкие, малодушные или уставшие товарищи Кропоткина по Интернационалу или русской работе уходили от движения временно, или навсегда, изменяли своему знамени, но неутомимый, непоколебимый и вечно действовавший Кропоткин не покидал революционного поста, не выпускал из рук своего черного знамени.

И этого служения делу анархии не могли остановить никакие преследования. Если тюрьма налагала на Кропоткина печать молчания, то он брался за перо и из-под него выходили замечательные анархические произведения.

Очень жаль, что значительное большинство литературных произведений Кропоткина написаны им на французском или английском языках, и все еще не собраны, не переведены на русский язык и не стали достоянием русского анархического движения. Статья нашего маститого историка, личного друга и сотоварища Кропоткина, д-ра М. Неттлау, в этом номере „Пробуж-

дения“ дает приблизительное представление о той колоссальной работе устной и литературной, которую проделал П. Кропоткин в продолжение своего вынужденного более сорокалетнего пребывания за границей.

Оставленное Кропоткиным духовное наследство огромно, и если-бы собрать и издать все написанное им, то для этого понадобились-бы десятки томов книг — работа, которая может быть выполнена усилиями всего международного анархического движения.

П. А. Кропоткин обладал многосторонними научными знаниями, и оставил большие научные работы по геологии, географии и другим научным дисциплинам. Научной авторитет его стоял настолько высоко, что он в продолжение долгого времени вел научный отдел в одном из самых солидных английских журналов „Деятельный Век“.

В качестве ученого Кропоткин вел борьбу против засорения науки элементами метафизики, сомнительными и ложными гипотезами, против искажения и использования ее в интересах господствующего класса с целью оправдания и утверждения несправедливостей буржуазного строя.

Дарвиновская философия выживания наиболее приспособленных в борьбе за существование встретила в лице Кропоткина самого непримиримого и серьезного противника, противопоставившего этой теории общительность и взаимопомощь в известной книге „Взаимная помощь как фактор эволюции“. Этой своей замечательной работой Кропоткин внес диссонанс в дружный хор буржуазных ученых, ухватившихся за теорию Дарвина для того, чтобы доказать, что все существующее в сем мире „разумно“. „Взаимопомощь“ Кропоткина пробита брешь в теории Дарвина, которая, несмотря на все усилия буржуазных ученых исправить повреждение, все-таки идет течью.

Особенно велики заслуги Кропоткина в разработке экономической стороны анархического учения. Кропоткин, подобно

Прудону и М. Бакунину и, пожалуй, никто в такой степени не понимал вреда и опасностей для социалистического движения, вытекающих из централизации, т. е. построения социалистического общества сверху вниз, по декретам и руководству центрального правительства, или диктатуры. Эта марксова, немецкая система централизованного социалистического строительства, как известно, подвергалась уничтожающей критике со стороны левого крыла Интернационала — бакунинцев, враждебно относившихся к централизму и противопоставлявших ему самостоятельность масс, свободных от опеки центральной власти, самоуправляющихся и создающих социалистическое общество на основе децентрализации и свободного договора.

Влияние анархической пропаганды бакунинцев и Кропоткина на рабочее движение в Англии, Франции, Испании и в других романских странах несомненно. Марксизм, к несчастью, проник и увлек за собой русские рабочие массы, не встретив там надлежащего противодействия своим диктаторским планам со стороны находившегося еще в зачаточном состоянии анархического движения.

Долголетняя пропаганда анархистов в Европе до известной степени парализовала быстрое распространение там большевизма, в то время, как политически плохо воспитанные народные массы в России позволили положить на себя ярмо удушающей диктатуры.

В настоящее время давящая тяжесть между марксистской централизацией и анархической децентрализацией перешла из области теории в практику. Тринадцать лет диктатуры в СССР, доведшей страну до голода, нищеты и разорения — самая красноречивая иллюстрация полного провала и банкротства прежде всего централистического строительства. Централизм породил в СССР невиданный доселе бюрократизм, все мертвящий и убивающий, парализующий инициативу и производительные силы страны. Разбухший бюрократический аппарат пожирает доходы обедневшего на-

родного хозяйства и строительство индустрии происходит за счет разоренного крестьянина-земледельца, принуждаемого работать на государство на положении бесправного раба. Успехи пятилетки несомненны: население страны голодает, ходит без обуви и в отряпках. Очереди на все, в которых очень часто ничего нельзя получить.

Таковы результаты сурового большевизмского централизма, при котором все предусмотрено, все взвешено, зарегистрировано и записано, и без плана и приказа сверху волос с головы не должен упасть. В теории плановость и централизация как будто бы вещи и не плохие, а в жизни получается мертвечина, застой, упадок, дефицит товаров и полная грабильность и обнищанность.

Но при большевизмском централизме иначе и быть не может. Социалистическое здание большевики возводят не с фундамента, не снизу, а с крыши, сверху вниз.

Как марксисты, они питают слабость к крупной промышленности и не терпят мелкой, — кустарничества. И принялись они уничтожать последнюю, не понимая того, что в большинстве случаев одна другую дополняет.

Кропоткин задолго еще до большевизмского опыта предвидел какие пагубные последствия может иметь марксистское преклонение перед крупными предприятиями и пренебрежительное, а то и враждебное отношение к мелкой промышленности. В своей книге „Поля, фабрики и мастерские“ Кропоткин с присущей ему основательностью и убедительностью вскрыл ошибочность марксовой теории об обреченности на исчезновение мелких предприятий и поглощении их более крупными предприятиями.

На многочисленных фактах и данных из области сельского хозяйства и различных отраслей промышленности Кропоткин показал удивительную живучесть и приспособляемость мелких предприятий к условиям жизни, и на большое значение их в общем развитии народного хозяйства.

Процесс концентрации, хотя и происходит в некоторых отраслях промышленности, но он почти неизменно сопровождается появлением новых видов мелкой промышленности. Статистика показывает, что число мелких предприятий не уменьшается; что число занятых в них рабочих в некоторых странах превышает рабочих, занятых в крупных фабриках и заводах и что преимущества больших предприятий перед мелкими проистекают не из удешевления продукции и повышения индивидуальной производительности, а скорее всего из-за возможности производить закупки сырья большими партиями и лучшей организации сбыта.

Но Кропоткин доказывает, что невыгоды мелких предприятий могут быть преодолены путем организации кооперативных закупок сырья и сбыта. Получение двигательной силы с центральной электрической станции еще более облегчает задачу кустаря.

Как видно из всего этого, Кропоткин оказался настоящим провидцем, более 30 лет назад оспаривавшим взгляды марксистов на маловажность мелкой промышленности и кустарничества.

Большевики посягнули на кустарничество, сделали ставку на крупную индустрию и очутились в тупике.

Глубокое понимание экономических тенденций позволило Кропоткину предвидеть затруднения, проистекающие из так называемой специализации стран. В упомянутой выше книге Кропоткин доказывает, что „народы, дотоле мало развитые в промышленности, стремятся развить — и успешно развивают — на своей собственной территории главные отрасли производства, и таким способом освобождаются от эксплуатации других народов, опередивших их в развитии техники“.

„Преобразованное общество вынуждено будет отрешиться от фантастической мечты о нациях, специализированных для производства либо сельскохозяйственных, либо промышленных продуктов. Оно должно будет положиться на самого себя для про-

изводства пищи и многих, — если не большей части, — сырых продуктов“.

Переживаемый нами промышленный кризис как нельзя лучше подтверждает правильность предвидений Кропоткина. Индустриальные страны, слишком увлекшиеся промышленной специализацией, выбросили на рынки неимоверное количество товаров, на которые нет спроса, ибо даже Индия и Китай обладают собственной ткацкой индустрией и не нуждаются во ввозе мануфактуры из Англии. Мировые рынки все более сжимаются, экспорт товаров понижается и промышленность работает на домашний рынок.

Образуются большие армии безработных, которых государство должно кормить, или поселить на земле, с которой человек сам мог-бы кормиться.

Кропоткин опять-таки самым основательным образом доказывает, что опасения о том, что Англия на своей территории не сможет прокормить всего населения, — не имеют под собой почвы и придуманы для оправдания колониальной грабительской политики.

—о—

Кропоткин был революционер в самом широком смысле этого слова. Очень часто он называл себя социалистом, хотя идеалом общественного устройства считал анархический, безвластный вольный коммунизм в отличие от большевистских форм принудительного централизованного коммунизма.

И были случаи, об одном из коих рассказывает нам сам Кропоткин (См. статью М. Неттлау), когда он рука об руку выступал с социалистами и в буквальном смысле слова грудью, рискуя своей собственной жизнью, защищал красное знамя.

Нападая на это знамя, полиция нападала на нас, и долг революционера в подобном случае защищать знамя, защищать себя.

Кропоткин считал социалистов сотоварищами по борьбе постольку, поскольку они были революционерами и признавали революционные методы борьбы. И пути

сотрудничества с социалистами расхо­дились там, где они теряли свою революци­онность и вступали на путь крохоборчест­ва, борьбы за пятак, фактически сводящей­ся к приспособлению к капиталистическим условиям жизни, и затушевыванию глав­ной цели социалистического движения — борьбы за уничтожение буржуазного строя и освобождение труда от капиталис­тического рабства.

Кропоткин превыше всего ставил ре­волюционность, понимаемую в смысле дея­тельности, направленной к ломке буржуа­зного строя и переустройству его на более справедливых началах анархического ком­мунизма. С этой точки зрения Кропоткин расценивал синдикалистическое и тред­юнионное рабочее движение в частности, значения которых в освободительной борьбе он особенно не преувеличивал.

В освободительном движении застрель­щиками, авангардом Кропоткин считал не те или иные массовые организации, а ре­волюционные группы и организации, соз­данные со специальной целью пропаганды и возбуждения народных масс к социаль­ной революции. Кропоткин всегда был душой группового движения. Он искал, собирал подходящих людей и создавал группы, которые вели анархическую про­паганду в массах, издавали анархические газеты и литературу, разрабатывали вопро­сы анархической теории и практики.

Изучая прошлую историю анархичес­кого движения кропоткинского периода, приходится удивляться тому, как в боль­шинстве случаев небольшими группами анархистов из нескольких человек дости­гались поразительные результаты в пропа­ганде и распространении анархических идей.

Нашими великими предшественниками и учителями Прудон, Бакунин, Элизе Реклю, Кропоткин, Жан Гравом, Мала­тестой М. Неттлау и другими выполнена самая трудная работа по разработке анар­хической теории и практики, намечены яс­ные пути и установлены вехи, которые не

позволят последующим анархическим по­колениям увлечь себя с столбовой дорожки анархизма, ведущей к подлинному осво­бождению трудящихся из-под капиталис­тического и государственного гнета. И нам только остается идти этими уже проложен­ными путями, воспитывая в себе и внед­рая в массы дух анархического бунта про­тив прогнившего до костей, разлагающе­гося и бьющегося уже в предсмертных су­дорогах капиталистического строя.

Будем же верны заветам наших вели­ких учителей, и в день десятой годовщи­ны смерти П. А. Кропоткина примем на се­бя обет с удвоенной энергией продолжать дело анархической пропаганды и борьбы за полное освобождение всего человечества от проклятий капитализма, государствен­ного и иного порабощения, за торжество анархии, за жизнь свободного человека на вольной земле.

— 0 —

В заключение хочется сказать несколь­ко слов о последних годах жизни П. Кро­поткина в России. Вернулся Кропоткин в свергнувшую царизм Россию в июне 1918 года после 41 года пребывания в изгнани­и за-границей. Революционная Россия горячо приветствовала уже 75-летнего ве­терана-революции, одного из самых не­примиримых врагов царского самодержавия. „Долой Романовых“ — было из­любленным восклицанием Кропоткина. И вот этих проклятых Романовых уже боль­ше нет на троне. Рок уготовляет им тра­гическую судьбу. Уже нависла секира над их головами, скоро от всемогущего са­модержца и его потомства не останется ни следа и даже пепел будет развеян по вет­ру.

А Петроград и Москва в это время тор­жественно встречают и чествуют П. А. Кропоткина, того самого узника, который был брошен Романовыми в каземат Петро­павловской крепости, но который 10-го июня 1876 г. убежал из-под стражи за­границу.

Сентиментальный Керенский — делает

красивый театральный жест: предлагает Кропоткину пост председателя совета министров. Но Кропоткин остался Кропоткиным. Портфелем премьер министра Кропоткина нельзя было соблазнить и поткупить. Кропоткин остался анархистом, властвовать он ни над кем не пожелал.

И каким контрастом, противоположностью Кропоткину казался тоже прибывший из изгнания в Россию большевистский лидер Ленин. Этого человека Керенский не приглашал разделить с ним власть, ибо Ленин сам пер и рвался к власти, и ради достижения своих властолюбивых целей не останавливался перед новым политическим переворотом. Ленин пошел на политическую авантюру; Кропоткин же не позволил увлечь себя разбушевавшейся слепой стихии и сохранил верность своим анархическим принципам. Кропоткин осуждал большевистский авантюризм, об этом знал

Ленин и большевики: травили Кропоткина до самой его смерти.

—о—

Еще несколько слов по поводу содержания этого номера, в котором читатели найдут замечательные статьи личных друзей и соратников П. А. Кропоткина—Жан Грава, Малатёсты и д-ра М. Неттлау. Группы „Пробуждение“ несказанно рады участию в журнале этих старых работников анархизма и наших учителей. В особенности пробужденцы признательны и благодарны д-ру М. Неттлау, собравшему интересные материалы, проливающие свет на многие стороны жизни и деятельности П. Кропоткина, доселе неизвестные нашим американским товарищам. В неоплатном долгу у д-ра Неттлау наши товарищи остаются еще и потому, что он принял на себя труд по подбору и редактированию материала, присланного из Европы для этого выпуска.

НЕСКОЛЬКО ВЫДЕРЖЕК ИЗ ПИСЕМ КРОПОТКИНА К ЖАНУ ГРАВУ

Жан Грав, которого я посетил в конце мая 1930 г., был нездоров и не мог написать статью о Кропоткине. Впрочем, он уже давно опубликовал многие из своих личных воспоминаний в двух брошюрах „Кропоткин, I, II“, появившихся в печати в 1921 г., а также в его „Записках“ (Февраль 1930 г.) и в различных статьях. Он очень любезно передал в мое распоряжение большое число писем, из которых мне предстояло выбрать материалы для „Сборника“ журнала „Пробуждение“. Я прочитал все эти письма и выбрал из них — приняв на себя полную ответственность за выбор — приводимые ниже страницы, дающие изложение значительной части идей Кропоткина, его планов и произведений, его собственными словами, в интимной частной переписке с одним из его ближайших западных друзей. Я прибавил несколько библиографических и иных примечаний, подписавшись инициалом Н. Пояснения в тексте, взятые в квадратные скобки [], также вставлены мною. Следует поблагодарить Грavic, сделавшего эти письма доступными для исторического изучения.

М. Н.

I. Письмо 1889 года, без числа.

... „Вот передовая статья (для „Ла револы“). Я принимаю теперь за эту серию. Когда появилась первая статья, вы мне сказали, что один из товарищей хотел сделать кой-какие возражения. Их будет много. Но надо пролить свет на эти вопросы.“

В 1883, когда я изложил Элизе [Реклю], в Клерво [в тюрьме] свои мысли о них, он горячо возражал. Теперь он убедился. Начиная с 1879 г., я ими стал заниматься и уже в Клерво я обещал моему английскому издателю из „Деятнадцатого века“ [Ноланд] статью на эту тему. Я написал их четыре вместо одной, 1) и над этой серией

я работал весь прошлый год [1888], при чем каждая статья отнимала у меня больше двух месяцев. (Это поставило меня в очень плохое положение в смысле заработка). Как бы там ни было, а серия содержит огромное количество фактов, и сами англичане признают, что прошло время, когда они обогащались внешней торговлей, что они должны пахать, как и все, и что они могут прокормить втрое больше жителей, чем имеют. Моя серия была такова:

1) Конец внешней торговли, как источника обогащения: все страны производят и будут производить сами все, что им нужно по части промышленности. Это нужно, это выгодно. Значит, надо пахать.

2) В Англии можно прокормить втрое больше жителей (это подтверждено позднее земледельцами-практиками) путем интенсивной обработки, требующей меньше времени.

3) Индустрия должна быть децентрализованна, в ее собственных интересах. Она должна сочетаться с земледелием. Фабрика хороша только среди полей.

4) Возможно дать каждому университетское образование и обучить ремеслу. Это было бы выгодно для науки, как и для промышленности. Эта, четвертая, статья сейчас печатается.

Я попробую изложить это вкратце для „Ла Револь“.

Я считаю, что для революции это представляет величайшую важность. Все социалисты, кроме нас, воображают, что каждому придется просто вернуться к своей работе, положить в карман прибавочную стоимость, и все сказано. Если бы Революция имела несчастье так поступить, она бы погибла. Парижской Коммуне придется самой сеять хлеб, иметь свои овощи, свое мясо, и она

царство изобилия“ (июнь); „Промышленная деревня будущего“ (октябрь), — и „Мозговая работа и ручная“, опубликованная только в марте 1890 г. Вместе со статьей „Мелкая промышленность в Англии“ (август 1900), эти статьи вошли в книгу „Поля, фабрики и мастерские“ (Лондон, 1901). Н.

1) „Крушение нашей промышленной системы“ („Nineteenth Century“, апрель 1888); „Грядущие фабрики и мастерские“ (Лондон, 1901). Н.

будет добывать их на территории департамента Сены. Территория была бы достаточна, нет нужды предаваться агрономическим мечтам“...

2. Письмо от 9-го декабря 1894 г.: Виола, Кресцент Роад, Бромлей, Кент.

... „Опять у меня был период работы на всех парах, чтобы поспеть во время с научной статьей („Наука в прошлом“, для „Десятинадцатого века“, декабрь 1894). Мне снова пришлось работать до 3-х и 4-х часов утра в течение двух недель.

Я писал вам отсюда, чтобы сообщить вам, что мы покинули Актоя 2) и переселились за пределы Лондона. У нас здесь совсем маленький, но очень удобный домик, а главное, прогулки здесь восхитительны. Кто бы мог подумать, что в 12-ти километрах от Чаринг Кросса можно найти такой деревенский простор... 3)

Я много работаю. С тех пор, как я написал вам, я закончил свою научную статью, которая отняла у меня безконечную массу времени, ибо надо было разобрать, насколько серьезно лечение дифтерита сывороткой, показать связь новых открытий с теорией Мечникова, и проч.

Моя работа на тему о взаимопомощи подвигается. Я добрался до вершины горы, напечатав две длинные статьи о взаимопомощи в средневековой коммунах 3). Мне остается, таким образом, только эпоха нового времени, и я собираю материалы, набрасывая, в то же время, необходимые выводы об этических чувствах человека. Это большая работа, ибо, после неудачной попытки дарвиновской науки (или, скорее, учеников Дарвина) построить этику, после решительной неудачи экономистов, историков и проч., построить этику в своих областях, религиозная этика пошла в атаку против науки по всей линии и нашла больше сочувствия, чем можно было думать 20 лет назад.

2) Западное предместье Лондона, куда Кропоткин переселился из Харроу и где он жил с 1892 г. до 1894 г. Н.

3) „Взаимопомощь в средневековом городе“. („Nineteenth Century“, август и сентябрь 1894 г.) Серия началась статьей от сентября 1890 г. Н.

Русские дела тоже отнимают добрую часть моего времени. Недавние перемены пробудили много надежд, и одна мысль повсюду в России пробивает себе [путь] — добиться перемены положения. Со времени последнего голода, повсюду оживление, и жизнь пробуждается. Интересно, что наши лучшие писатели, философы, социологи и просто народники видели необходимость бороться до крайности с марксизмом и его претенциозной теорией о том, что он владеет формулой прогресса, и его теорией „историческо материализма“, которая хочет видеть только саморазвитие капитала. Его приверженцы пришли к самым нелепым утверждениям относительно необходимости уничтожить общину, насильственно насадить капитализм, и проч., чтобы достигнуть концентрации, которую они считают необходимой для осуществления социализма. Вы можете себе представить, сколько возражений вызвала в России эта теория, представленная как квинт-эссенция науки! Поэтому Михайловский, один из наших наиболее философских писателей, завязал очень серьезный спор на эту тему. Надо посмотреть, нельзя ли это перевести для „Societe Nouvelle“ 4)

3. Письмо от 3-го июля 1902 г. (Истбурн).

„Дорогой, твое письмо меня очень озабочивает. Нейтлау уже жаловался на вред, причиняемый анархической пропаганде интересом к синдикатам. 5) Этому уклону в сторону синдикатов он принимал замедленные движения за последние годы. Однако, так как он понимает анархизм только в его

4) Ежемесячный журнал, издававшийся в Брюсселе и печатавший в те годы много статей, переводов и неизданных рукописей братьев Реклю, Кропоткина, Бакунина, Вильяма Морриса и проч. Н. ... 5) Я писал Кропоткину о целом ряде проблем и трудностей анархической пропаганды как я их понимал, и он ответил очень отрицательно данным письмом от 5 марта 1902 г., которое я опубликовал, с моими примечаниями в Supplemento к „La Protesta“ (Буэнос-Айресе) от 8, 15 и 22 февраля 1926 г., на испанском языке; оно было также опубликовано во французском подлиннике в „Plus loin“ в (Париж), пом. 23, 15 февраля 1927 и разобрано мною же в ЖЭМ 24-26. Н.

индивидуалистской форме — род чисто интеллектуального движения среди образованных людей, 6) — то я не придаю никакого значения его замечанию. Теперь ты тоже ставишь в упрек синдикализму сужение анархического движения — и это заставляет меня задуматься.

Конечно, если наша партия — единственная, оставшаяся революционной — целиком посвятит себя мирному синдикалистскому движению, — ее существование потеряет смысл. Когда я поощрял рабству в синдикатах и доказывал ее необходимость, то верил в существование революционного ядра, которое видело бы в синдикатах вспомогательное движение, а не главную цель. Если оно принято теперь за главную и единственную цель пропаганды, — тогда, очевидно, дело плохо.

И однако, я все время думал вот о чем: Повсюду побеждает реакция. Здесь (в Англии) — католицизм, поны, империализм, милитаризм берут верх. Малейшее благоприятное событие — новая война — и все это будет доведено до крайности. Социализм здесь (в Англии) — ничто. Как во Франции, он соединился с радикальной партией. От „социал-демократии“ осталась только „демократия“. О социализме 7) нет более речи. Самое большее, говорят мимоходом о пенсиях престарелым рабочим: после 25-30 лет прилежного труда для хозяина, рабочий будет иметь право на милостыню в несколько франков в неделю. Самое большее, если упомянут, в качестве отдаленного пожелания, как милостивой уступки богатым, о 8-мичасовом рабочем дне.

6) В письме к Кропоткину от января или февраля 1902 я убеждал Кропоткина не выбрасывать новейшие индивидуалистические течения из того полемизма анархизма, которое мы проповедем, но если он думал, что мои взгляды правильно переданы в словах, написанных Граву, то он ошибался. Из писем Черказова: Окт. 1 и 4-го 1902, „Каторга и ссылка“. № 4, стр. 12 и 13 можно видеть, что он в то время считал Себастьяна Фора, Домела Ньюленгея и меня поклонниками индивидуалистического „идеала“, подобно Штирнеру и Ницше, чем никто из них никогда не был. П.

7) В Англии.

Во Франции, кажется, положение приблизительно такое же. В Германии еще много хуже. В Италии — ничего.

Что делать в этих условиях? Мне кажется, что сейчас мы находимся в таком же положении, как во время приближения конца Империи во Франции (без тогдашней республиканской оппозиции) и во всей Европе вообще [1870]. И я думаю, что только международное рабочее движение могло бы снова зажечь умы и образовать революционное социалистическое (я хочу сказать: коммунистическое). 8) Только новый Интернационал — под каким угодно названием, но очаг социализма и революции — мог бы снова дать жизнь. Что ты об этом думаешь? А под Интернационалом я подразумеваю нечто великое, производящее впечатление на широкую публику своими конгрессами и включающее революционеров, объединенных между собой союзом и оставшихся коммунистами. 9).

Это означало бы, следовательно, создание Интернационального Рабочего Союза, целиком вне социал-демократизма. Он мог бы выступить, не начиная войны с социал-демократами, признав, что они поставили себе целью борьбу в демократическом и социалистическом смысле, с помощью избирательного бюллетеня, и что мы, не желая мешать им в их борьбе, — а намереваясь, на-

8) В смысле немедленной экспроприации и коммунистической либертарной реорганизации производства и распределения.

9) Мысль о новом Интернационале имеет свой источник в событиях в Испании, в большой генеральной стачке в Барселоне в 1902 г., в позорной позиции интернациональных социал-демократов в этом деле и в успешных попытках некоторых испанских испанников в Лондоне, главным образом, покойного Таррида дель Мармоль, надлежащим образом представить дело испанских рабочих перед, по крайней мере, левым флангом британских труд-юнионистов (Том Мэнн и др.), — о чем свидетельствует большой митинг, состоявшийся в Лондоне в марте 1902 г., на котором выступали Кейр - Гарди, Гарри Келли, Сэм Мейнворинг, Кошполи, Балдомеро Оллер, Таррида, Малагета и др. — Предложение Кропоткина о новом Интернационале подробно обсуждалось в „Tierra y Libertad“ (Мадрид) от 13 и 20 сентября и 4 октября 1902 г.

оборт, усилить ее, — и, особенно, для того, чтобы высоко поставить социалистические требования, которые по необходимости должны быть интернациональными, — создаем эту организацию с намерением вести прямую борьбу, анти-капиталистическую борьбу рабочего против хозяев. И, конечно, внутри этого нового интернационального альянса надо создать более тесный союз знающих друг друга людей. 10).

Я не вижу другого выхода. В 1830—48 мы имели в Европе дв. движения: одно — Роберта Оуэна в Англии, которое создало Всеобщий Союз Ремесел, и движение Луи Блана во Франции, стремившееся создать Организацию Труда. Оба движения (совершенно так же, как и движение Интернационала в 1869 г. 11) выродились в правительственную демократию, слегка окрашенную социалистическими симпатиями.

Ничего больше не оставалось сделать, как создать — вне овенизма и Луи-Бланкизма — новое движение. Это и было сделано в Интернационале.

Понемногу Интернационал также вырождался в социал-демократию — в правительственную демократию. Эта демократия не может более быть революционной, и если Европа тем же ходом будет идти к реакции, то это потому (помимо общих условий), что нет европейской революционной партии. Вопрос таков: как ее создать? В форме blanкистского заговора — но это не удалось бы и дало бы немного. Остается только один выход: в форме большого рабочего движения.

Подумай об этом, дорогой, серьезно, и

.. 10) Здесь в точности воспроизводится идея и намерения Бакунина о тайном Альянсе внутри открытого Интернационала. Только в 1929 г., из письма 1880 г., которое я опубликовал, стало очевидным, что в Бакунинском Альянсе, с лета 1877 года продолжавшем свое существование как „революционное содружество“, или ссылавшем под таким названием, Кропоткин состоял секретарем в 1877 г. и еще считался таковым в 1880 г.

11) Ошибка. Следует сказать: „1864 г...“ или может быть, „в 1869 г.“, ибо разложение можно считать начавшимся в последние месяцы 1869 года, после Базельского конгресса.

нашими мне. Не думаешь-ли ты, что при симпатиях, какими мы пользуемся во Франции и в Испании, мы скоро сможем созвать Рабочий (Революционный) Интернациональный Конгресс, который, как бы умеренны и боязливы ни были выражаемые им идеи, мог бы стать зародышем нового движения. Рабочим — он должен быть: без этого он не будет серьезным“...

4. Письмо от 22 июня 1904. (Бромлей).

... „Мои дела с заработком очень плохи (с тех пор, как я не нашел издателя в Англии для моей английской книги о русской литературе, 12) и в этих условиях мне приходится сделать что-нибудь, чтобы заработать на жизнь. Дела идут очень плохо.

В смысле заработка у меня выбор только между научными статьями в „Nineteenth Century“ (из которых каждая представляет собой потерю в 10-15 фунтов [стерлингов] из моего кармана, если считать время, которое мне приходится затрачивать на их писание 13), и философскими статьями для „Nineteenth Century“.

Это я и делаю, чтобы окончить свою работу о „Нравственности“ — и это отнимает у меня невероятное время.

Наконец я послал статью — да еще и пришлось исправить корректуру. 14) Короче, мне пришлось пренебречь всей перепиской и прочим.

Что касается статьи для „Temps Nou-

12) „Русская Литература“, П. Кропоткина. Книга была напечатана в Соед. Штатах. Лондонское издание (Duckworth and Co., УП 341 ст.) датирована 1905 годом.

13) Последняя из статей о „Современной науке“ появилась в 1901 году. Даже если бы они оплачивались по 20 или 25 фунтов стерлингов, Кропоткин терпел бы убыток, ибо для того, чтобы их документировать, ему пришлось провести несколько недель в одном лондонском пансионе, с целью быть поближе к специальным библиотекам. Кроме того, ему приходилось много читать, чтобы быть вполне в курсе разнообразных научных вопросов, разбиравшихся им в 17-ти больших статьях, появившихся начиная с мая 1892 г.

14) „Нравственная потребность сегодняшнего дня“ („Nineteenth Century“, август 1904 г.), статья, составляющая первую главу его „Этики“. Той 1-й (Петербург — Москва, 1922, Голос Труда).

усаих“, то у меня есть одна — продолжение „Анархии и Великой Революции“. Рамка, материалы, — все готово: остается только писать, и я серьезно пытаюсь это сделать.

Надо тебе также сказать, что анархическое движение в России быстро развивается с тех пор, как молодые евреи сделали почин в России. И наша женевакая газета „Хлеб и Воля“ 15) также требует статей, брошюр и т. д.... Короче, мне пужны бы 3-4 молодых человека подле меня. В Париже они нашлись бы — но не здесь!“...

5. Письмо от 12 января 1910 (Рапалло, Италия).

... „Видел-ли ты мое письмо к Галлеани, которое “Cronaca Sovversiva 16) напечатала, “La Libertaire“ 17) перепечатал 2 января. Это, вероятно, вызовет интересный спор. Я опасуюсь, что ты тоже не такого мнения, но думаю, также, что если хорошо обсудить этот вопрос с желанием выяснить, что есть верного в этом, то мы пришли бы к той мысли, что пора уже переходить к другим задачам от индивидуальных актов и частичных забастовок (даже от генеральных стачек, не имеющих иной цели, кроме самой стачки). Пора подумать о восстаниях, которые могли бы начать революцию.

Если только анархисты станут на эту почву, то скоро найдут, что это был бы наилучший способ действий, если они скажут себе: это не будет анархия — мы это знаем — но мы сделаем многое для либертарного коммунизма и для проплатанды идеи анархии — лишь бы это было прочно, лишь бы поражение не пришло через два или три месяца после начала.

Период, когда наши силы гибнут, как одинокие часовые, достаточно длился. На-

15) „Хлеб и Воля“, Женева, август 1903 до ноября 1905, всего 24 номера. Покойный Гогеля, подписывавшийся также Органи и Пляшвиц, печатал этот журнал у себя, дома, ручным способом.

16) Итальянский анархический еженедельник, появлявшийся, начиная с 6 июня 1903 года, в Барр, Борконт, затем в Линц, Массе, под редакцией Луиджи Галлеани.

17) Парижский еженедельник, выходящий начиная с 16 ноября 1895 г.

до уже думать, как их использовать для серьезного натиска.

Ты, с своей стороны, подумай об этом“...

Письмо от 28 июня 1911 г. (Лонарно).

... „Я еще на прошлой неделе хотел написать тебе по поводу журнала [“Les Temps Nouveaux“, явившегося продолжением “La Revolte“ и “Le Revolte“]. С перерасходом, который будет доходить до 5000 фр. в год, положение, действительно, внушает безпокойство.

Нельзя-ли было бы, однако, пайти человек 50 товарищей, которые гарантировали бы по 100 франков в год, или, лучше, 100, или 80 человек, которые гарантировали бы 50 франков в год, или 5 франков в месяц? Короче, надо образовать в складчину основной фонд, какой мы всегда имели в “Freedom“?

Посылаю тебе, для начала, 25 франков. Если ты думаешь, что это полезно, то ты мог бы напечатать что-нибудь в таком смысле:

„Один из наших друзей пишет нам: „Когда-то мы имели “La Revolte“, “Le Libertaire“ “Pere Peinard“ 18) — три газеты, которые развивали анархическую идею в ее целом. В настоящее время газеты специализируются. “La Guerre Sociale“ 19) „специализировалась на борьбе с милитаризмом, “La Voix du Peuple“ 20) и 21) “la Bataille Syndicaliste“ специализируются на прямой борьбе Труда с Капиталом “Le Libertaire“, не специализируясь, особенно сосредоточивает свое внимание на борьбе с государством. Но по мере того, как эта

18) Парижский еженедельник, появившийся с 1889 г. до 21 февраля 1894 г., затем выходивший в форме брошюры в Лондоне, с 25 сентября 1894 г. до января 1895 г.; в виде газеты в Париже под названием “La Sociale“ с 11 мая 1895 г., а спустя несколько времени переименованный в “Pere Peinard“ и появившийся до 15 февраля 1900 г., — все время под редакцией Эмиля Пуже.

19) Еженедельник Гюстава Эрве, издававшийся с декабря 1906 г., — газета, никогда не пропагандировавшая анархических идей.

20) Синдикалистский еженедельник Генеральной Конфедерации Труда (СКТ), с 1 декабря 1900 г. под редакцией Эмиля Пуже.

21) Ежедневная синдикалистская газета, с 27 апреля 1911 г.

специализация, необходимая и высоко полезная, совершается, мы думаем, что каждый анархист тем более должен чувствовать необходимость органа, который занялся бы особенно **идей в целом, — Анархией вообще, —** который вдохновлял бы каждую сторону той борьбы, которую лишенные собственности ведут с властью и капитал имущими, и которая одна только и может сгруппировать и объединить их в непобедимую силу.

Представлять себе, что все уже сказано об этом, значит, жить иллюзиями. Напротив, каждый день, каждый новый факт жизни капиталистических государств нашего времени и борьбы пролетариата против государств выдвигает какой-нибудь новый пункт, пренебрегавшийся теми, кто своей повседневной борьбой делает из Анархии не теорию, а **взгляд на целое, всегда живой, всегда готовый усвоить новые элементы, пренебрегавшиеся до сих пор, либо в борьбе надо было торопиться к наиболее неотложным задачам.**

Каждый год, по мере того, как технические приемы совершенствуются, новые способы осуществить наши идеи преподносятся нам в результате нового развития различных видов экономической жизни народов. И, наконец, каждый год компромисс между теми представителями буржуазии, которые стали когда-то в ряды рабочих, завоевали их доверие, а теперь проповедуют **концентрацию капитала в руках буржуазного государства, —** этот компромисс становится все более и более явным. И он все более и более угрожает надолго задержать освобождение рабочих и крестьянских масс.

Борьба против этого извращения социализма, которая сейчас развивается; защита анархической идеи в ее целом; и прогрессивная разработка этой идеи, которая будет главной идеей двадцатого века, становятся, таким образом, необходимостью, — и мы спрашиваем у наших товарищей, не следует ли иметь газету, которая взялась бы за эту задачу“.

„После чего друг, пишущий нам эти строки, предлагает, чтобы те, кто может это сделать, объединились бы для создания га-

рабийного фонда газеты, обязуясь платить, каждый, по столько-то в месяц. Если бы нашлось... 50 человек, которые обязались бы платить по 5 франков в месяц, то это уже позволило бы нам...“

(Одним словом, ты редактируешь эту практическую часть предложения как найдешь лучше — если ты его одобряешь).

Если идея гарантийного фонда будет одобрена, то ты напечатаешь: **Гарантийный фонд. К. 25 фр.**

Если нет, то отнеси эти 25 фр. в „Отдел подписки“...

7. Обращение, помеченное Брайтон, 6-го декабря 1912 г. и посланное митингу парижских товарищей, собравшихся для чествования семидесятой годовщины со дня рождения Кропоткина (вероятно, опубликовано в свое время в „Temps Nouveaux“).

... „Естественно, что я обращаю сегодня свои взгляды назад, чтобы измерить пройденный путь. Я мысленно переношусь к 1878 году, когда при первых признаках пробуждения французского пролетариата после подавления Коммуны, первая ясная и точная формулировка прямой борьбы Труда против Капитала была дана нашим юрским товарищем Балливе, на Лионском конгрессе 22), и анархическая идея стала вновь выдвигаться на публичных собраниях в Париже некоторыми товарищами, из которых один, по крайней мере, Жан Грав, еще среди вас. 23).

Измеряя путь, пройденный с тех пор, невозможно не отметить, как правильно оказались основные идеи анархии, укрепившиеся с того времени, и насколько плодотворны они оказались для подготовки революции народа против угнетателей.

22) Второй Всеобщий Конгресс Французских Рабочих, состоявшийся в Лионе в январе 1878 года, на котором делегат лионских металликов Балливе, член тайной секции Интернационала в Лионе, единолично защищал идеи анти-авторитарного Интернационала. Он действовал в согласии с членами Интернационала в Швейцарии, включая Кропоткина. Об этом подробно рассказал Жюль Гильом в „La Vie Ouvrière“, Париж: от 5 июля 1910 г., стр. 11—14.

23) Это относится к периоду 1879-1880 гг.

Мы живем в этот самый момент накануне великих исторических событий. Мы все чувствуем их приближение.

Общее пробуждение трудящихся возникло с недавних пор в Европе и в Америке. Революционный трепет чувствуется в рабочих массах. Даже наши противники это признают.

И уже сейчас мы можем утверждать, что в этом намечающемся пробуждении масса идея анархизма ярко засияет, — будет стремиться к своему практическому осуществлению в жизни, будет влиять на ход событий.

Как далеко пойдет она? Мы не можем этого предвидеть. Революция доходит до пределов своего развития лишь после того, как она длилась несколько лет. Но что верно, так это то, что она не ограничится теми безобидными реформами, которые в наше время называют социализмом. Та граница, которую хотели поставить будущей революции, уже превзойдена. И будет зависеть от энергии, а особенно от творческой силы,

которую анархисты, идя рука об руку с пародом, сумеют развить в Революции для выработки новых коммунистических учреждений, — от этих двух элементов будет зависеть доведение революции до полного освобождения общества от двойной тирании, которая его угнетает: от тирании **Капитала**, главной опоры государства, — и от **государства**, — этого отпа современного капитализма, его главной опоры и его наиболее верно го слуги...

8. Письмо от 7-го августа 1913 г.

(9, Чешам стрит, Брайтон).

... „Я провел двенадцать дней в Лондоне, работая в Британском Музее, и здесь, в Брайтоне, где у нас был конгресс Британской Медицинской Ассоциации, и куда меня пригласили как члена секции Медицинской Социологии, я наделал немножко шума.

На дискуссии об евгенике я сказал им, что нет ни одного научного слова во всем том, что они толковали — по той простой причине, что **быстрота**, с которой накапливаются выродившиеся семьи, в современных условиях такова, что никакая кастрация или неспособленного“. Лекция, прочитанная

обезпокоение не смогут задержать ее (1/3 населения городов ниже уровня нищеты, вырождение детей, сифилис — 40,000 сифилитиков прибавляются ежегодно в Лондоне, как только-что заявили врачи в специальном манифесте, — и проч.)

На дискуссии о „Преступлении и Наказании“ мы наделали шума втроем. Я заявил и доказал, что тюрьмы — университеты преступности; один молодой профессор физиологии, Мур, заявил, что преступления необходимы: — без них выходило бы, что общество довольно своими законами; следовательно — нет прогресса; „я надеюсь, что всегда будут новые преступления“; и одна очаровательная суффражистка рассказала, какую потребность в алкоголе они испытывали в тюрьме: она мечтала о стакане шар-треза!

А одному негодяю, смотрителю тюрьмы (Симсон), говорившему с упоением о „кусочке веревки, затыкнутом вокруг шеи, чтобы прекратить жизнь“, я сказал, что это — христианство во вкусе Победоносцева и садизм. Я был в ярости. О, какая ехидна! Он готов был съесть меня!

На следующий день, 25 июля Daily News напечатало на первой странице, большими буквами:

„Необходимы-ли преступления? Пожелание новых преступлений на конгрессе врачей. Тюремные мечты. Укус и шартрез для суффражисток!“.

И менее крупными, но достаточно выделявшимися буквами:

„Тюрьмы — университеты преступности. Английские суды причиняют больше вреда обществу, чем все наши грабители и воры. Преступление — хорошая вещь, оно необходимо“.

Все газеты об этом заговорили. Болото немножко заволоновалось. После этого Daily News [Лондон] заказало мне один газетный столбец о тюрьмах, — я его написал немножко второпях. Статья появилась 30-го. [30 июля 1913]“...

[В „Mother Earth“ (Нью-Йорк) от декабря 1912 г. перепечатано: „Обезпокоение

П. Кропоткиным на Евгеническом конгрессе в Лондоне в августе (1927 г.), страницы 354-7. Здесь он выразил сожаление о необходимости „исключить из нашей дискуссии всю ту обширную область, где евгеника приходит в соприкосновение с социальной гигиеной“... „Выводы из этой науки уже были сделаны раньше, чем были установлены ее основные элементы“... „Наблюдается систематическое уклонение от изучения влияния окружающих условий на наследственность... Сами криминологи приходят теперь к выводу, что преступник есть „сфабрикованный продукт“, продукт самого общества (профессор Мак Доннел)... „Разрушите лагучи, постройте здоровые жилища, устраните скученную жизнь детей и взрослых, и не опасайтесь, как вы это часто делаете теперь, что вы „создаете социализм“; помните, что замочать улицы, устраивать снабжение города водой, уже есть то, что принято называть „введением социализма“! и вы улучшите зародыш будущего поколения в гораздо большей степени, чем с помощью любого количества „обезпложения“...

В этом духе Кропоткин выступил на Лондонском Евгеническом конгрессе 1912 г., и это привело к приглашению его в секцию Медицинской Социологии Брайтонского Медицинского Конгресса 1913 года. Н.]

На этом мы прекратим дальнейшее приведение выдержек из многочисленных писем, только часть которых мне довелось увидеть, и которые посвящены, главным образом, практическим вопросам, непрерывной заботе, советам и деятельному сотрудничеству Кропоткина в „Revolte“, „Revolte“ и „Temps Nouveaux“, где с 1879 г. все его анархические работы либо впервые печатались, либо появлялись позднее, в более сгущенной или более разработанной форме. Приведенные выше письма учат нас пош-

мать подробности этой работы, очень важные для будущих серьезных изданий трудов Кропоткина, когда надо будет показать последовательное развитие его идей.

В приведенных выдержках я считал возможным проследить источники идей, послуживших в основу книги „Поля, фабрики и мастерские“, до 1879 г.: (1), связь „Взаимопомощи“ со статьями об этике, (2), с мало известным планом о новом Интернационале 1902 г., с очень определенным намерением создать в нем Альянс на манер бакунинского, (3), с обстоятельностью, при которых „Этика“ была начата в 1904 г., (4) с очень отчетливым планом коллективной революционной работы анархистов в предреволюционный период, тогда наступавший, (5), с памятным объяснением задачи интеллигентного анархиста, всегда стоящей перед нами — „представлять себе, что все уже сказано.... [об общих анархических вопросах] означает жить иллюзиями“... (6), с ролью анархистов в грядущей революции, когда они должны будут дать не только энергию, но и творческую силу, для рука об руку с народом, (7), с удачными выпадами по адресу тех безсовестных и жестоких бездельников, которые присваивают себе права даже над телом бедных людей, в то же время тщательно уклоняясь от устранения жалких условий их жизни, — государства и лагучи, заражения обывательщины болотами суеверий, если можно так выразиться, — тех условий, которые порождают массы жертв социального строя. (8)

Обо всем этом П. Кропоткин еще раз говорил здесь с нами, и хорошо поступил товарищ Грав, что сохранил все эти письма и дал нам, таким образом, возможность услышать голос Кропоткина.

М. Неттлау.

8 июля 1930 г.

П. КРОПОТКИН КАК ХАРАКТЕР*)

В гениальном юношеском творении Ницше — „Рождение трагедии“ — есть, между прочим, одно утверждение, бросающее ослепительный свет на все разнообразие человеческих характеров. Это — утверждение о развитии всего искусства из основной антиномии человеческой природы, борьбы в ней двух начал: духа аполлинического и духа дионисийского.

Эта борьба есть величайшая организующая жизненная сила. Все достигнутое человеческим гением есть только продукт этого грандиозного турнира.

Что такое аполлинический дух?

Дух — пластики, оформления, организации. В аполлиническом творчестве все ясно, трезво, уравновешено; все — закон, все — мера. Горячий энтузиазм творца сдерживается мудростью самообладания. Все подчинено заранее избранному, строго отвечающему теме ритму. Восторг и гнев замкнуты в необходимые логические и психологические пределы.

Аполлинический дух — есть дух солнца, никогда не изменяющего своему назначению, солнца остающегося всегда символом мощи, ясности, яркости, горения, высоты подлунья.

Разумеется, за аполлинической ясностью, за кажущейся аполлинической простотой может крыться огромный, сложный, широчайший диапазон человеческих исканий, но они все подчинены единому верховному регулирующему центру. Есть основной, бесспорный, большой путь, и никакие красоты случайно бегущей мимо дороги, не увлекут с раз избранного пути мыслителя аполлинического типа.

Лик Диониса — не только противоречив, но обратен, противоположен, враждебен солнцу. Он — неисследим, безобразен, стихиям, переступает все пределы, пренебрегает мерой и весами. То пьяное упоение страстями, разгул разнузданных инстинктов, то

успокоение страданием и болью, но всегда во всем — стремление выйти из себя, выступить за положенные природой и разумом грани, разбить стеснительную оболочку „я“ в порыве к сверхъестественному.

В этих двух подюсах замкнуто все человеческое. Все человеческие характеры — бесконечные варианты основных типов Аполлона и Диониса.

В полном категорическом выражении обаяния — равно прекрасны, какие бы высокие этические и эстетические критерии мы ни прилагали к их оценке. Однако, начиная с истоков человеческой мысли, идеалом ее был всегда тип аполлинический, импонирующий человеческому разуму и человеческому чувству своей внутренней логикой, своей непогрешимостью. Стало почти традиционным верованием, убеждением, что аполлинический дух — всегда победитель.

Дионисийский дух — насыщенный актуальным, держащий разом на вершине и бездны, таит в себе возможности всепокоряющих взлетов, но и головокружительных падений. Аполлинический дух не падает никогда. Он светится ровным светом верящего, не сомневающегося в себе творца.

П. А. Кропоткин — был редким живым воплощением этого аполлинического духа. С ног до головы он был вооружен солнечной трезвостью, постоянством, непоколебимой уверенностью в своих целях и средствах, редчайшим умением отвести лишнее своим задачам, сосредоточить в творчестве внимание на материале, строго необходимом.

Среди исторических фигур трудно подыскать лицо более подходящее к типу „совершенного человека“, в классическом аристотелевском смысле этого слова, т. е. человека, осознавшего и осуществляющего цели, поставленные ему природой, чем П. А. Кропоткин.

В рационалистических учениях Аристотеля и Кропоткина — добродетель, блаженство, совершенство есть умение, умение отыс-

*) Отрывок из лекции, прочитанной в Перт-Ра-
дум. с.-хоз. академии.

как единственно верный подлинный путь, ведущий к единственно важной и достойной человека цели. Отсюда—чистота, простота, чувство меры—суть признаки правильного, истинного, совершенного учения. Именно в этом смысле учил Аристотель о „срединности“. — „Добродетель и есть срединность, ибо она, по существу, стремится к среднему“; „честные люди просты, дурные—сложны“ *).

Но гармонизм П. А. был некоторым выводом, синтезом слагающих черт в его характере.

Что было в нем доминирующей чертой?

По-моему, чувство молодости, неизменявшая ему до конца дней свежесть чувств, не только формально-пленительные, но определявшие действительное отношение П. А. к исследуемым им проблемам.

Огромный опыт жизни и научных знаний, казалось, должен был невольно—если не воспитывать в нем скептицизм, то, по крайней мере, притушить юношеский энтузиазм. Но для П. А. Кропоткина закона лет не существует. В последних своих произведениях, в неоконченной, являющейся духовным его завещанием, „Этике“ он с такой же горячностью, такой же категоричностью защищает свои ценности, как делал это чуть ли не пол-столетия тому назад.

Ветупление к „Этике“ переполнено восторгом перед эмпирическими успехами человечества, перед научным прогрессом, перед огромностью завоеваний естественных наук. Научное знание — всемогущее, оно раскрывает все двери, все обливает своим немеркнущим светом, оно—универсальный ключ к постижению всего, что мы лишь фигурально, только в силу временного несовершенства наших знаний зовем „тайнами природы“. Сложную, в гносеологическом и психологическом смыслах, проблему о вере и знании он разрешает категорическим отрицанием всяких „вер“, „интуиций“, „метафизик“, „индетерминизмов“, „спиритуализмов“ и пр. Не менее сложная проблема

этики представляется ему теоретически и практически разрешимой, если эту „отрасль знания“ поставить „в соответствие с современным состоянием науки и использовать ее завоевания“.

Так, при всей огромности своего кругозора, при редком универсализме знаний—он не знает никаких сомнений. Ему—все ясно. Он допускает один культ—культ теоретического рассудочного знания. И поразительно у него—острота и свежесть этого чувства. Никогда удивление перед достижениями человеческого разума и удовлетворение ими не переходит у него в бытовательское спокойствие, привычную уверенность, рутину. Он—всегда не насыщен. У последней черты жизни он все еще проектирует будущие завоевания и раскрывает дальнейшие новые горизонты, жаждущее человечество.

Но как и свойственно подлинному аполлиническому духу, нигде восторг перед любимым не переходит у П. А. в истерику, иступление, в котором вера в науку превращалась бы в слепой фетишизм, нечто самодовлеющее, утоняющее в безграничном преклонении к ней и самого творца ее—человека. Неизменяющая П. А. трезвость властно говорит ему, что высшей целью, в пределах доступного нам опыта, является сам человек; прогресс научных знаний вырастает стихийно из человеческого общества, как мощное орудие взаимопомощи, солидарности, любви. Так культурные ценности, которыми пламенел П. А. всю жизнь—и нет ли одного анархического учения, которое было бы так напитано культурным элементом—получают надлежащее место в его философии истории.

—0—

Молодость П. А.—не только в отсуствии скептицизма.

Она—также в специфической наивности, наивности великой мысли, которая, будучая чрезмерной многосторонности, чрезмерного критицизма, убивающего живое творчество, готова признать свои интуиции, свой опыт, свои открытия за единственно, действительно верное. Эта великодушная сме-

*) Цит. по книге В. Я. Железнова. Экономическое мировоззрение древних греков. М. 1916, стр. 161—162.

дость, характеризующая равно и молодость, и творчество гения, не раз переходила у него — я бы сказал — в своеобразную ограниченность, неспособность, невозможность для него понять некоторые, волнующие человечество, моменты.

Все трансцендентное отталкивает его, вытесняя в нем гнев, насмешку, пренебрежение. Неопределенному, чувственно неосозанному — не должно быть места. Смутное томление, искания „потустороннего“, „касания миров иных“ и пр. — продукт нашей умственной слабости, вернее слабости нашего вооружения. Не только мистика, но и чисто-формально логическое, оторванное от жизни знание, непроверяемое опытом, есть тьма. Но придут опыт, контроль разума, — и скроется тьма. Да здравствует солнце!

— 0 —

И еще больше, еще полнее говорит апокалиптический дух П. А. в мудром самообладании, с которым он подходит к величайшей пенности анархического мировоззрения вообще — человеку.

Его философия истории — протест против антропоцентризма, гимн вселенской федерации бесконечно малых. Он — безкалостен к себялюбивому, ограниченному, неизбежно бесплодному индивидуализму, он разрушает все иллюзии парящего „я“. Для него и человек существует не сам по себе, а только, как любящий, справедливый сын человечества. „Современная наука — писал он — дала человеку очень ценный урок скромности. Она учит его считать себя бесконечно малою частичкою вселенной... Она учит его понимать, что без великого целого наше „я“ — ничто, что „я“ не может даже определить себя без некоторого „ты“.

И не взирая на то, что стихия свободы, стихия личного освобождения есть то перво-данное, из чего вырастает все анархическое мироощущение — П. А. в угол последнего ставят не личное, а массовое начало.

Творческая сила масс — вот источник всего действительно разумного, благого, осуждающего, подлинно анархического. Индивидуальность — хаотична. Она — океан нерегулируемых, в себе лезащих устремлений, то фейерверком вскидывающихся вверх,

то камнем падающих вниз. В ней также: восторг подъема, бесстрашие и слияние с миром, как пучины оппортунизма, пугливое бегство от мира, аскеза. И потому, как ни дорога нам индивидуальность, как ни заразительны ее радости и песни, как ни убедительны страдания и кровь, не ей, не этому, вечно пружинящему, началу вверяет Кропоткин регулирующую роль. В массах с их медленной, но прочной поступью — критерии разума. „Народный инстинкт никогда не ошибается“. — Каковы бы ни были трудности на пути творящих масс, каковы бы ни были тормазы, действующие в их собственных рядах, их путь — единственно прямой, единственно верный.

И потому для П. А. невозможны — надрыз, растворение мира в стихиях собственного „я“, гипертрофия личного начала, не-отделимые от чувственно-экстатическоголика Диониса. Для него мир — симфония, отдельный человек — лишь участник великого вселенского хора.

Самое большое из всего сделанного Кропоткиным, его учение о взаимопомощи есть также убедительное свидетельство торжества в нем апокалиптического духа. Понятие и самый термин звучат той же непоколебимой трезвостью, дышат тем-же мудрым духом „срединости“, что и все другие ходы его мысли.

Взаимопомощь — не есть экстаз самозабвения, не истерический припадок самоотречения, не жертвенное самосожжение. Кропоткин менее всего ищет таких жертв, таких припадков любви, в которых сгорала бы индивидуальность. Но взаимопомощь — не есть также расчет делица, спекуляция ревнивого соседа, услуга ростовщика, ибо в их выкладках говорит только дух торгаша-предателя.

Взаимопомощь — есть инстинкт, космическая данность, присущая, в той или другой степени, каждому живому существу, только в человеческом сознании выросшая до высоты принципа, исторически содействующего человеку на всех фазах его социального творчества.

Проповедь взаимопомощи — не особенность, но сущность анархического мироощущения П. А. Кропоткина.

Основной пафос анархизма — в разрушении. Не самое ли упоминательное в учении и жизни Бакунина — его перманентный бунт, не только явное восстание против законов, но тайный мятеж и против „закона“. У него, об'являющего себя материалистом, позитивистом и пр., и пр., наряду с великодушной метафизикой мировой причинности, есть неудержимые прорывы причинности — самодовлеющее начало бунта, выдвигающего человека из общего строя природы и протестующего одновременно с протестом против правительств и их идеологов, также против автоматизма наших собственных понятий. Бунтарь, отмечающий не позитивное только, не привычные наши институты безопасности и благоустройства, но подкапывающий самые истоки нашей мысли — разумеется, прежде всего, апостол отрицания.

Обратить же все существующее и изжитое — в развалины, в пыль, в ней схоронить терзания противоречий — вот „я“ Бакунина.

Кропоткин мудро измерил мир, прежде чем бросить мироборческий вызов. И, измерив, взвесил опасность стихийного разрушения и уравновесил его пафосом, более близким и органичным ему — пафосом созидания.

В логические термины не укладывается разложение единого человеческого акта, синтетического творчества на элементы разрушения и созидания. Они — неотделимы и живут один в другом. Нельзя вызвать один призрак, чтобы ему не сопутствовала его могущественная тень.

И все же, в образе Кропоткина, невольно подпадаешь обаянию его созидющего лика.

Кропоткин знает соблазны лика отрицающего, заразительность его романтических влечений, его почти мистических упований и его — так часто — реальной безответственности. И он не устает напоминать об утверждении, созидании новых форм, закреплении побед. Из глубины своего интуитивного и исторического опыта он учит: „...разрушения недостаточно. Нужно также и уметь создавать. Наред всегда оказывался обманутым во всех революциях именно потому, что недостаточно думал об этом созидании“.

И здесь, как всегда во всем, он прежде всего — послушный, почти благоговейный ученик природы. Он готов изгнать из своего мироощущения все субъективное, чтобы доставить торжество объективному, представляющемуся ему единственно правдивым, описанию того, что было, что есть и что будет.

Анархическое мировоззрение, как и всякое социальное мировоззрение, каковы бы ни были его претензии на научность, есть прежде всего философия ценностей. Принцип явной или замаскированной целесообразности незримо присутствует в нем.

Но Кропоткин — здесь равно его сила и слабость — боится, не хочет этого признания. Не доверяя ничему субъективному, могущему исказить для него мировую гармонию, идет он к изучению человеческого общества с его непрекращающейся борьбой целей — с отмечающим крайности естественно-научным методом, к человеку с равным, любовно-солнечным чувством, как к любой бесконечно малой слагающей мироздания.

И здесь П. А. — прекрасное воплощение Аполлинического духа.

Алексей Боровой.

ВОСПОМИНАНИЯ Н. А. КРОПОТКИНА

Из „Записок“ П. А. видно, какая горячая дружба связывала его с братом Александром, моим отцом; понятно поэтому, что образ дяди с самого раннего детства моего присутствовал в нашей семье. Силою обстоятельств П. А. был разлучен с моим отцом долгое время, а после побега П. А. за границу в 1876 г. братьям уже не суждено было увидаться: мой отец умер в 1886 г. в Томске. Даже переписка с П. А. была почти невозможна, так как письма, и отправляемые, и получаемые отцом, всегда могли попасть в руки жандармов.

Летом 1886 года моя мать и трое нас, детей, из которых мне, старшему, было около восьми лет, отправились из Томска в Россию. Через три месяца после нашего отъезда должен был приехать к нам отец, срок ссылки которого к этому времени кончался.

По дороге мы заехали в г. Волчанск, Харьковской губернии, где брат моей матери был председателем земской управы. В Волчанск приехала и сестра матери, Павлинова, и ей выпало на долю сообщить нашей матери ужасную весть о трагической смерти ее мужа в Томске: вскоре после нашего отъезда он застрелился.

Горе моей матери не имело границ. Помимо потери любимого человека, да еще так трагически, она осталась почти без средств, с тремя малолетними детьми, беспомощная, непривыкшая к борьбе с тяжелыми условиями жизни.

Нам, детям, ничего не сообщили о смерти отца и мы узнали о ней только спустя несколько месяцев, уже в Лондоне, у Петра Алексеевича, куда уехали по его вызову, чтобы навсегда с ним поселиться.

К осени мы с матерью, няней и сестрой матери С. Н. Лавровой, большим другом и последовательницей П. А., приехали в маленький городок Гарро близ Лондона, где тогда жил Петр Алексеевич.

Детские воспоминания того времени охватили у меня образ живого, доброго дяди, очень любившего нас.

Он в то время увлекся ручным трудом, столярничал, учил нас с братом разводить огород и радовался, что дозрел в лондонском климате виноград, выращенный им в неотапливаемой стеклянной оранжерейке, в роде терраски при доме. Жил он чрезвычайно скромно, — в доме было очень пусто и просто; целые дни он проводил в своем кабинете с самодельной мебелью за книгой и пером. Ко времени нашего приезда П. А. знал только со своей женой и одной прислугой, англичанкой, которую вскоре заменила наша няня. В этот же год у него родилась дочь, Саша, единственный его ребенок, безумно и слепо любимый им всю жизнь.

Из наиболее близких друзей П. А. в то время часто бывали у него Кравчинский (Стенняк) и его милая, добрая жена, Фанни, удивительно тепло к нам относившаяся, Н. В. Чайковский с семьей, живший также в Гарро и инженер Линева, русский эмигрант.

Я помню, дядя поражал нас своей ловкостью в физических упражнениях, в езде на велосипеде, которые тогда были вновь еще и в Англии и имели либо три колеса, либо два, из которых одно, переднее, было огромное, а заднее совсем маленькое. Помню, как он одержал над всеми верх в стрельбе, к великой нашей гордости, из винтовки, разбивая бутылки, которые висели на высокой перекладине на луку близ нашего дома, во время какого то праздника. Он учил нас по всем правилам фортификации, — науке, к которой относился с великим уважением, считая ее необходимой для революционера, — строить укрепления из снега. Зима 1886-87 г. в Англии была исключительно снежная, что, казалось, веселым праздником англичанам, обычно мокующим зимой под дождями и заморозью. Мы устраивали отчаянные батальи со своими друзьями, — английскими мальчишками при благосклонном участии дяди.

Вообще же, повидимому, мы сильно нарушали строгий, трудовой уклад жизни дядино дома своей беспорядочностью, гамом,

ордами друзей, бивших окна и ломавших садики и в то же время, своей барской изнеженностью и беспомощностью; — таково было воспитание нашего отца и матери. П. А. попал между двух огней, — любимой и любящей женой с поворожденным ребенком на руках и настоящей русской недисциплинированной компанией родственников. Все это осложнялось еще довольно тяжелыми материальными условиями эмигрантской жизни, а, непривыкшие к европейской экономии и порядку, наша няня и тети в конце подрыблили скудный дядин обиход. И вот, после 8-ми месячной совместной жизни с П. А., наша семья и тетка С. Н. Лаврова уехали в Россию.

Мы расстались с семьей дяди друзьями и любимыми родными, в результате спокойного решения, что так будет лучше для обеих сторон.

Наша семья вернулась в Россию и, после разных скитаний, поселилась в Твери, потому что тут жили близкие друзья отца по сибирской ссылке.

П. А. долгое время помогал нашей семье, посылая ежемесячно некоторую сумму денег.

Образ его, как близкого, любимого дяди, все время оставался в нашей семье; переписка не была особенно обильной, но письма его всегда дышали нежностью и любовью к детям его брата.

Знание, наука всегда были, я скажу, верою П. А-ча и путь к осуществлению его социальных идеалов, он видел в знании, прогрессе, умственном, техническом освобождении разума людей через посредство знания от тьмы невежества и вековых предрассудков. Как согласуется с этим один из его первых подарков мне, 10-ти летнему мальчику, посланный в Тверь из далекого Лондона: — это была готовальня с надписью: „Учи! знание сила!“.

Годы шли. П. А. строил свое теоретическое здание научного анархизма, принимал живое участие в революционной, научной и журнальной жизни Европы. Мы росли и жили в России с ее противоречиями, аморфностью и темными путями.

Только в 1904 году я собрался к дяде в Лондон по семейным делам.

Приехал к январю 1905 г., проведя месяца два в Париже.

Это было интересное время в России: шла японская война и наступала „весна“ Святополк - Мирского. Тяжелый политический гнет несколько смягчался, разрешались всевозможные собрания, съезды, и пресса чувствовала себя свободнее.

Я жил зиму 1903-04 года в Петербурге, а лето в деревне в Тверской губернии, и потому понятен тот интерес, с каким направились на меня эмигранты в Париже, с которыми я, между прочим, впервые тогда встретился.

Мое интервью вовсе их не удовлетворило, т.-к. я чрезвычайно мало надеялся на возможность серьезного и прочного перевода, зная общее невежество и отсталость масс и оторванность от них и от жизни нашей интеллигенции. Эмигранты оставили меня и стали между собою рать о судьбах России и ее настроениях. Я же дивился их необыкновенной „беспочвенности“: их, как казалось мне, полному непониманию души русского народа. „Каков же дядя? думалось мне, тридцать уже лет не бывший в России, когда эти бывают там и так мало ее понимают и даже теряют русский язык?“.

Велико было мое удивление, когда в дяде я нашел, прежде всего, настоящего русского. Он удивительно чувствовал Россию: он понимал хорошо ее быт и нравы, самых различных слоев народа; необыкновенно живо передавал народный говор; русскую природу он все время как будто видел перед собою и любил ее страстно. Несмотря на некоторую, как казалось мне, идеализацию русского народа, он гораздо трезвее парижских эмигрантов смотрел на возможное будущее России.

Я застал его в постели выздоравливающим от воспаления легких. В это время он жил в городке Бромлей, близ Лондона, в небольшом коттедже со своей женой, дочерью, которой тогда шел семнадцатый год, и прислугой француженкой Marie, о которой рассказку ниже.

Он жадно расспрашивал меня о России и вовсе не так, как парижские эмигранты, больше интересовавшиеся банкетами в Петербурге и столичными слухами. Он расспрашивал о крестьянах, их обиходе, разговорах, о студентах, о помещичьем быте, — при чем обнаруживал необычайную, несколько восторженную любовь к крестьянству, но терпимо относился и к среде помещиков, хорошо зная ее и потому не рисуя в одних черных красках.

Он говорил мне, что всегдашняя его мечта, — это вернуться в Россию и издавать крестьянскую газету. Жаль, что последнего ему не удалось осуществить. Газета была бы во всяком случае интересна и уже, конечно, понятна народу. Он говорил, что когда пишешь, то всегда у него есть мысль, что это „пригодится и нам“.

Это говорил интернационалист в самом широком значении этого слова, человек, тесно связанный с революционным движением во всей Европе. И по воле судьбы ему почти все его книги пришлось писать на французском и английском языках, — даже свои воспоминания!

Язык его был прекрасный, — живой, образный, чистый. Таким языком говорили наши высококультурные эмигранты и узники, надолго оторванные от России, например, Вера Засулич. Язык его был совершенно чужд тому косноязычию, с массой иностранных и придуманных слов, которыми грешила и грешит наша интеллигенция и в речах и на бумаге.

Его дочь, Саша, родившаяся и выросшая в Англии, в 1905 г. говорила по-русски не очень хорошо, но П. А. и его жена настойчиво разговаривали с нею по-русски.

Во время этого моего пребывания у П. А. в Петербурге произошла Гапоновская история. Английские газеты чрезвычайно подробно описывали все события и приводили прокламации Гапона. П. А., лежа в постели, больной, был необычайно возбужден; он читал мне, незнавшему английского языка, по-русски английские газеты, — совершенно незаметно было, что он их переводит. Он так удачно находил слова для передачи пламенных прокламаций Гапона, что после,

когда я читал их по-русски, я увидел, что это были те самые слова, что я слышал от дяди в Бромлсе. „Подожди, теперь дело за Москвой!“ — сказал П. А.; он, повидимому, предчувствовал московское восстание.

Все эти дни дом П. А. осаждали бесчисленные репортеры, требуя от него интервью о русских событиях. Он их не принимал и единственное что они получили от П. А.-ча, это коротенькую записку, написанную при мне карандашом; на ней стояло: „Долой Романовых!“.

Я привез и передал дяде толстую пачку писем, написанных им самим и моим отцом друг другу с детских еще их лет, и тетрадки их отроческих рукописных журналов. П. А. в первый же день моего приезда страстно углубился в их чтение, вся юность и детство проходили у него перед глазами при чтении этих памятников прошлого. Старик, больной, в изгнании в чужом краю видел себя и близких в Москве в Левшинском переулке, в деревне, в корпусе, после 30 лет жизни на чужбине и более полувека от времени детства.

— о —

Следующее мое свидание с П. А. в 1909 г. в местности Лондона Хайгейт. Это было как и в предыдущий раз, зимой. Я нашел дядю бордым, здоровым, но озабоченным. Причину последнего я узнал позднее из его писем, — это было его желание на время отправить свою уже двадцатилетнюю дочь Сашу из Англии в Россию. Я увез ее к весне 1909 г. в Россию, где она и провела в разных местах время до глубокой осени.

Дядя вел все тот же регулярный трудовой образ жизни. Целые дни он проводил у себя в кабинете, заваленном и заставленном массой книг, и появлялся только к столу.

Раз в неделю, в воскресенье, он принимал всех, кто хотел придти. Общество, бывшее у него, было необычайно разнообразно и разношерстно — и русские эмигранты, и студенты, и русские господа, приезжавшие в Англию, из которых в то время очень многие увлекались его книгой „Поля, фабрики и мастерские“, вызвавшей вместе с Рескином нечто в роде общественного движения к

сельской жизни.

П. А. очень любил музыку и иногда не без вкуса играл на пианино, стоявшем в его гостиной.

Когда П. А. не был занят или озабочен, он был чрезвычайно весел, любил шутить, смеяться, был всегда необыкновенно подвижен, можно сказать, что почти бегал бегом по лестнице и комнатам. В это время ему шел 68-ой год, но он, кроме седой бороды и волос, почти не носил признаков старости: довольно плотная, живая и подвижная фигура, румянец, совершенно юные, живые, очень красивые, темно-голубые глаза, которые иногда казались почти черными.

Корреспонденция его была огромная; ежедневно ему приносили пачку писем, как в какое-нибудь учреждение, со всех концов земного шара, на всех языках и с самыми невиданными марками.

Но внешности и обращению П. А. был любезным, изящным человеком; чувствовалось его военно-светское воспитание и он походил на переодетого военного. Он был находчив и остроумен; в свое время был отличным танцором и наездником.

Был всегда любезен с окружающими, а по отношению к женщинам у него была немного старомодная, рыцарская манера. Но того же он ждал и требовал и от всех. Я сказала бы, что в своей, как это называют, „аристократической“ манере он был самый крайний демократ, считая, что все не только должны, но и могут всегда усвоить соответствующую манеру в общении.

Очень характерны для него были отношения его к их полу-прислуге, полу-члену семьи, француженке Marie. П. А., как горячий проповедник идеи о доброй природе человека и анархист, — считал преступность только виною несправедливых форм жизни и в согласии с этим взял в свой дом Marie, которая у себя на родине многократно попадалась в воровство.

К сожалению, она не оставила этого своего обыкновения в доме П. А-ча, думавшего, что совместная жизнь, простая, трудовая и идейная, исправит ее. Он предупреждал своих посетителей, чтобы они не оставляли в прихожей в карманах верхнего платья ко-

шельков и ценных вещей.

Я узнал об этом однажды, когда П. А., сидя со мною в столовой, вдруг выскочил в коридор и я услышал его гневные крики. Оказывается, он услышал шорох и застал Marie во время ревизии карманов моего пальто.

Его вера в добрую природу человека была так велика, что он долгие годы терпел в своем доме неисправимую воровку, не раз ставившую его в неловкое положение по отношению к его гостям. Marie любила П. А., как отца.

Насколько велика была доброта души и мягкость П. А-ча, настолько же велики были и его ненависть и вражда к тому, что он считал вредным для развития общества. Всякое попрание свободы, личности, узколюбие, доктринерство, самодовольство, невежество и предрассудки имели, кажется, врагов более страстных и горячих, как П. А. У него был темперамент бойца — смелый, буйный и страстный.

Свободное знание, критика, изобретательность, взаимная помощь и общение, — вот те средства, которые он всегда и во всем повседневно обиходе, как и в своих книгах, проповедывал для достижения лучшей жизни. Постоянный страстный бунт, „перманентная революция“ против всякого угнетения, всякого узколюбия, невежества и предрассудка, — вот тот путь, к которому он звал и по которому шел сам всю свою долгую жизнь.

Помню как однажды, сидя с дядей в столовой, мы услышали стук молотка в дверь: П. А. вышел открыть и тотчас я услышал его гневный голос и какой-то шум. Я вышел в прихожую и увидел незнакомого здорового англичанина, который приоткрыл дверь и поставил ногу так, что П. А. не мог закрыть двери. П. А. выходил из себя, осыпая бранью англичанина и старался вынудить его на улицу. А тот прехладнокровно продолжал держать дверь, не входя, но и не уступая. Дело стало принимать такой оборот, что я боялся возможности драки и, хотя не понимал в чем дело, на всякий случай взял толстую трость из стоявших тут же в прихожей. Наконец англичанин отсту-

пил, П. А. захлопнул за ним дверь с шумом, крикнув ему на дорогу какое-то ругательство.

Он долго не мог успокоиться и, наконец, на мои распросы ответил, что это было какое-то государственное должностное лицо, доставлявшее повестку, а вина его была в том, что он, вместо того, чтобы опустить ее в почтовый ящик, без достаточных оснований лезет в чужой дом. Это было нарушением одного из элементов гражданской свободы, — неприкосновенности жилища. Тут я узнал в жизни то, о чем раньше лишь читал. Гражданин Англии имеет право стрелять в каждого, кто без достаточных формальных оснований и против воли хозяина входит в дом. Основания же эти так трудно получить в этой свободной стране, что представители власти часто предпочитают ждать на улице, чтобы арестовать преступника, чем хлопотать о разрешении войти к нему в дом.

Тут я понял, что, пожалуй, только в Англии, да и то, конечно, со многими оговорками, мог ужиться так долго П. А. Не даром он был изгнан из двух республик — Швейцарии и Франции, а в последней пробыл даже три года в тюрьме.

Мы много беседовали с П. А. и о России, и о политике, и об искусстве; он вспоминал своих родственников, рассказывал события из своей богатой и разнообразной жизни.

По поводу искусства как-то в разговоре о „Воскресении“ Толстого, П. А. сказал приблизительно следующее: „Если бы я мог писать стихи и романы, я больше ничего не делал бы. Насколько меньше влияние поэта, ученых и журналистов, чем влияние талантливого поэта, на человечество. Путем искусства скорее можно бы приблизить общество к нашим социальным идеалам“.

Есть ученые люди, от которых мы слышим постоянно: „тот то доказал“, „такой то установлен“, „это окончательно установлено“ и т. п. Они, обладая умом посредственным, темпераментом благонадежным, носят с собой особый лирик, где сложены все премудрости: на всякий случай жизни они вынимают оттуда подходящее и подносят к вашему

носу разные схемы, теории и „тому жалких истин“: вы не видите работы их ума, они дают вас свою и чужую эрудицией.

Петр Алексеевич буквально ненавидел таких людей — „ученых дураков“, доктринеров, начетчиков. Для него не было авторитетов, принимаемых на веру. Когда он говорил, вам казалось, что он только сейчас сообразил то, что он утверждает, вы видели игру его ума, его критику. И в то же время он был человек выдающихся знаний и образования во многих областях и крупный ученый в области географии и геологии.

Его эрудиция не была торбой, которую он таскал с собою, а точилом, на котором он изощрил свой ум, свою критику.

Я навел П. А. снять в Лондоне еще раз в 1911 г. Ему было уже 69 лет, но это был все тот же бодрый, живой, страстный, готовый и к беззаботному смеху, и гневу, и шутке, и к задумчивой беседе свежий мужчина.

Конечно, это в значительной мере потому, что он жил в Англии, с ее культурным и здоровым укладом и потому, что судьба послала ему в лице жены настоящего друга и хранителя, принимавшего на себя многое, что так треплет человека. У нас, в России, с нашим разгильдяйством, „мирекой“ жизнью и безцеремонностью П. А. давно был бы разбит и „сведен“ и своими друзьями и врагами.

Наконец, в 1917 г. осуществились мечты П. А. — вспыхнула революция, опрокинув старый, ненавистный ему порядок, и он вернулся в Москву.

Я, живя в другом городе, встречал редко за эти годы не часто. Видел его раза два в Москве и раза три был у него в Дмитрове, где он жил с 1918 г. безвыездно.

Только поговорить с ним мне не пришлось ни разу, — встречались в Москве на людях, и вообще он неохотно высказывался в эти дни; он как-то присматривался к окружающему и, как мне кажется, был в некотором недоумении.

Отношение его к советской власти, на мой взгляд, было двойственное. С одной

стороны, он приветствовал смелость русской революции в сокрушении до конца старого порядка, с другой, как анархист, не мог мириться с централистически - государственной политикой и с „истинно-русскими“ методами управления, в конце попирающими свободу, самостоятельность и человеческую личность.

Он не мирился с уничтожением ростков общности, — единственно того, что, по его мнению, всегда двигало человечество, — местного самоуправления и вольной кооперации.

Жил он в нужде, хотя и не в крайней, какую мы видели за эти годы. Больше всего ему помогали кооператоры. Он никогда не жаловался на недостатки, дороговизну и пр., что делали почти все, — хорошо пони-

мая, что во время революции иначе и не бывает.

Помню мои мысли у гроба П. А., когда он стоял в зале бывшего Дворянского собрания, в той самой, где было его первое выступление в свет в детстве. Припоминались и его горячие речи, и бесконечно добрый взгляд прекрасных глаз, и его любовь к жизни с ее радостями и красотой, и нестерпимая вера в добрую природу человека, и Marie, и англичанки. Он всю свою долгую жизнь шел честно и смело своей дорогой, не сворачивая с нее, но и не будучи в то же время узким фанатиком.

П. А. был прежде всего и более всего далекой путеводной звездой, огнем, озаряющим дорогу к далекой цели для нас, блуждающих тернистыми и кровавыми тропами жизни.

Ник. Кропоткин.

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ И ПИСАТЕЛИ ЗАПАДА о П. А. КРОПОТКИНЕ

Жорж Ивто.

— Величественно прожив целую жизнь, как человек, исполненный добра, как ученый и как апостол, угас, в возрасте 78 лет, тот, кто был нашим духовным отцом, всех нас, сторонников свободного коммунизма.

Можно дать для настоящего и последующих поколений описание жизни и деятельности Кропоткина. Но мы не в силах передать другим то могучее, неоценимое влияние его анархической философии, которое мы испытали на себе.

Те представители рабочего класса, которые еще до войны умели мыслить и действовать на почве экономической, синдикальной и свобододобывной, наилучшим образом проликались учением Кропоткина. Его книги влились на своем месте в библиотеках синдикалистов.

Лично я, помимо моего глубокого уважения к Кропоткину, как к человеку, и преклоняясь перед его творениями, храню в уме и сердце воспоминания о нем, передаваемые мне теми, кто наблюдал его и ухаживал за ним в тюрьме Казре. Они доказывают, насколько человек большого сердца, сильно-го характера и твердых убеждений может иметь благотворное влияние даже на тех, кому платят за то, чтобы они плохо к нему

относились.

Вместе с Бакуниным и Толстым, Кропоткин образует троицу, которую Россия дала миру до своей революции для его освободительного движения. Вдохновляясь примером и учением этих трех необыкновенных людей, мы должны без колебания идти на завоевание свободы.

Бакунин был Действием, Кропоткин — Знанием и Толстой — Добром. Разве нельзя с этими силами построить мир?

Рудольф Роккер.

— Кропоткин был огромным событием в моей жизни. Его „Взаимопомощь“ произвела на меня, тогда сторонника марксизма, впечатление настоящего откровения. Эта грандиозная философия человеческой солидарности и созидательной силы, которая живет и действует в человеческих массах, открыла мне новые горизонты в эволюции человечества и явилась для меня истинной основой свободного (безгосударственного) социализма.

Кропоткин был не только производителем и истолкователем этой новой доктрины, он был сам наиболее совершенным живым воплощением того глубокого чувства солидарности, в котором выявляется стремле-

ние, присущее всеобщему развитию. Все его существо было гармоническим созданием великого мыслителя и вдохновенного идеалиста, полного самой чистой любви к ближнему. Он был замечательно цельным человеком, и Оскар Уайльд был, может быть, прав, указывая на него, как на одного из двух действительно счастливых людей, которых он встречал в своей жизни.

Кропоткин отличался не только провидательным умом, который умел производить точные исследования фактов, но обладал таубовым художественным чувством, придающим всем его творениям особую прелесть. В каждой его фразе чувствуется самое искреннее убеждение, которое озаряет ярким светом жизни все, о чем он говорит.

Те, кто имел счастье считать себя в числе его личных друзей, почувствуют самым сильным образом, что потерял мир в лице этого человека, который был одной из самых значительных и выдающихся индивидуальностей нашего времени, одним из больших светочей, которые указывают путь к новому будущему, к новой, более высокой социальной культуре.

Георг Брандес.

— В 1906 г. датская колония в Лондоне выразила желание, чтобы я приехал в Лондон для произнесения речи на ежегодном празднике введения у нас конституции и просила меня указать несколько лиц из моих друзей, присутствие которых на этом празднике могло бы доставить мне удовольствие. Я назвал только одно имя.

Так как Кропоткин, зная столь многое, понимал и скандинавские языки, я просил пригласить его на банкет. Он прислал Комитету вежливый отказ, мотивированный каким то случайным предлогом. Когда же я спросил его о настоящей причине отказа, он сказал следующее:

„Я не могу присутствовать на банкете, потому что там, без сомнения, будут произнесены тосты за королей Дании и Англии. Согласно моим убеждениям, я не встану при этом и внесу диссонанс в собрание. Месяц тому назад меня пригласили на банкет Географического О-ва в Лондоне. Председа-

тель провозгласил тост за короля. Все встало. Я один остался сидеть. Создалось тягостное положение. Но я был еще более смущен, когда тотчас же вслед за этим председатель воскликнул: „Да здравствует князь Кропоткин“ — и при этом тосте все без исключения встало“.

Члены Географического Об-ва были люди с умом и сердцем. Они подали отличный пример. В обществе хороших людей, где бы то ни было на земле, — достаточно сказать: „Петр Кропоткин“! — и все без различия политических и социальных убеждений встанут глубоко тронутые.

Ромэн Роллан.

— С глубоким чувством вызываю я в своей памяти святую личность Кропоткина. Я хотел бы передать, чем была для меня его книга „Записки революционера“, какой яркий след оставила она в моей душе. Я не могу думать об этом иначе, как с чувством сыновней благодарности.

Я очень люблю Толстого, но мне часто казалось, что Кропоткин был тем, о чем Толстой только писал. Он просто и естественно воплотил в своей личности тот идеал моральной чистоты, спокойного ясного самоотречения и совершенной любви к людям, которого мягущийся гений Толстого хотел достичь во всю свою жизнь и достигал только в искусстве (кроме, может быть, исключительных моментов своей жизни, под влиянием могучего, но скоро проходящего порыва).

Я присоединяюсь к благоговейному чувству любви, с которым вы отдаете последний долг вашему великому другу.

Шарль Деппан *).

— Произведения Кропоткина содержат все, что люди должны знать и соблюдать, чтобы между ними установились братские отношения, направляемые чувством справедливости и объединения в общем труде.

Его жизнь была примером и руководством. Он верил и учил нас верить, что люди могут сделаться добрыми и мудрыми, на деле проводя в жизнь начало свободы.

*) Французский рабочий синдикалист.

Эриино Малатеста.

— Огромный престиж Крототкина вытекает из того, что в нем слиты в гармоническое целое ученый, писатель, пропагандист, друг и честный человек, и все это вместе составляет личность, которая является самой „человечной“ из всех, которых я знал в жизни. Он любил людей. Все, что он думает и делает, вытекает из его доброты, из той великой любви к людям, ко всем людям, которая составляет основное свойство всего его существа.

Анри Барбюсс.

— Каждый человек с сердцем должен благоговейно склониться перед памятью того, кто ушел от нас, пресклав и выстрадав самую замечательную жизнь апостола, какую только можно себе вообразить. Крототкин представляет и всегда будет представлять собою символ того, кто встает во весь рост, прямо и честно, против окружающего зла и становится ярким разрушителем всего того, что стремится его подавить. Единство этого долгого, широкого и драгоценного существования, его безупречная гармония, мощь его никогда неиссякавшего гнева и возмущения против всех злоупотреблений и

против всех несправедливостей, встречающихся ему на каждом шагу, все это заставляет считать силу его ума и его духа более высокой, чем они могли бы быть на основе одних нравственных начал. Применимы ли высокие освободительные теории Крототкина к современному человечеству, не стоят ли они слишком высоко по отношению к разным практическим соображениям, с которыми необходимо считаться в современных условиях? И тем не менее, все-таки светлый жизненный путь этого человека, который не хотел примириться с несправедливостью и столько лет боролся против нее, служит примером для всех направлений освободительного движения, в какие бы формы оно ни выливалось. Он показал, до какой степени ум и сердце способны оторваться от традиций, от освященных временем привычек, от установленных культов, чтобы указать сквозь завесу того, что есть, то, что должно быть. Эта красота души обладает способностью сообщаться другим, и непросвещенные массы нуждаются в этом, чтобы очеловечиться. Неизмеримо благотворное влияние таких примеров.

ЧАС С ПЕТРОМ КРОПОТКИНЫМ *)

Хотя Кропоткин был уже целую неделю в Нью-Йорке, все же видеть его можно лишь „везде и нигде“. Ему не только приходилось делать научные доклады в „избранном“ обществе; мало того, что его заставляли выступать и говорить по-английски в огромном зале, „акустика“ которого могла погубить и слеза; мало того, что он должен был делать доклады на русском языке во втором, организованном, правда, в более подходящем месте, собрании, и устроили ему два „приема“, сопряженные с гонимой, которая одна могла сделать больным и двух сильных мужчин, — его буквально старались низвести до состояния „пленника“, „упротивная“ так далеко, как только можно было.

Наконец, все препятствия к нашей встрече были устранены, — и наша беседа состоялась в отеле Герард, где жил Кропоткин. Я никогда не забуду того часа, который я провел с ним — а, может быть, и он не забудет его — ибо это была не пустая болтовня.

Ни мой отец, ни женщина никогда не прижимали меня к своей груди сердечнее, чем принял меня Кропоткин. Он пригласил меня к чаю, и после первых вопросов и ответов личного характера мы быстро перешли к настоящей теме нашего разговора.

— Что вы скажете теперь об американском движении? — спросил наш друг, а в чертах его лица светился уже другой вопрос: „Вы, Фома неверующий, у которого всегда вместо ответа имеется одно „No good“ (ничего хорошего)?“

— Мне жаль, ответил я, что я вынужден охладить ваш пыл. То, что видели и слышали здесь, не имеет абсолютно никакого отношения к американскому (английскому) анархическому движению. Собрания

были совершенно интернационального характера. Они состояли из евреев, немцев, итальянцев, русских и т. д.

— Но мне говорили, что там было также очень много и „настоящих“ американцев, — возразил Кропоткин.

— Не говоря уже о том, ответил я, что около этого „очень много“ я поставил бы много вопросительных знаков, там, несомненно, присутствовали почти исключительно любопытные и любительницы сенсации; я знаю эту банду.

— Но меня уверили даже в студенческих кругах, где я недавно был, что анархическая идея быстро пускает там корни.

— Милый друг, это попросту напоминает мне, как забавлялись сочинениями энциклопедистов аристократы перед началом великой французской революции. Это — литературное лакомство — спорт, и ничего больше.

По лицу Кропоткина скользнуло облако сомнения, и он кивнул, неприятно убежденный.

— Я скажу, продолжал я, еще больше того: уже 18 лет тому назад, когда я только что приехал в эту страну, меня всегда уверяли даже Labor Leaders (вожди рабочих), безразлично к каким консервативным организациям они принадлежали, что они совершенно согласны с нашими взглядами. Они поступали так отчасти, чтобы уклониться от аргументов, овладеть которыми они не способны, частью же из жалкого лицемерия. Ибо эти молодцы развращены до мозга костей.

— Да, да это очевидно, — подтвердил Кропоткин.

— Когда я их спрашивал, продолжал я, почему они не приступают к пропаганде анархических идей, они просто пожимали плечами и отговаривались тем, что для этого еще не наступило время. В этой стране надо идти „Step by step“ (шаг за шагом). И сегодня эти шельмы все еще делают первый шаг.

*) Эта беседа Петра Алексеевича и Джона Моста происходила в конце марта 1901 г. и была напечатана в газете Моста „Freiheit“ 13 апреля того же года. Мы помещаем ее с небольшими изменениями.

— Но нужно все вновь и вновь пытаться действовать при помощи пропаганды на английском языке.

— Конечно. Так постоянно и делается. За все время, пока я живу в этой стране, на каждом более или менее значительном собрании редко не говорилось, между прочим, и по-английски — не говоря уже о печати. Товарищи всевозможных национальностей жертвовали огромные суммы для поддержания английских газет и распространения, кроме того, книг и брошюр — к сожалению, без значительного успеха.

— Именно потому, — заметил Кропоткин, — нужно еще гораздо больше агитировать.

— Это тоже придет, сначала должны еще явиться агитаторы.

— Что вы этим хотите сказать? — спросил Кропоткин.

— Я думаю, что в настоящее время их пока совсем нет; по крайней мере, нет компетентных.

— Компетентных?

— Да, компетентных. Ибо „чужие“ по импонируют американцам. На этом основании и я, например, в данном вопросе перенес центр тяжести на привлечение к делу американцев, обладающих способностью писать и говорить. Привлек Парсонаса в 1885 г., и он действовал блестяще, но, к сожалению, его повесили. Это был как раз человек, подходящий для того, чтобы пустить в ход английский движенье. Я привлек и других, напр., Горзуха, Вальтера Фрумана и т. д. Но они скоро подпадали соблазну политиков и предислали золото коррупции ницте анархического агитатора. „That's american style“ (это — американский стиль).

— Следовательно, положение безнадежно?

— Ничуть. Во-первых, Америка совсем молодая страна, и к 30-ти годам рабочий еще легко может составить себе здесь независимое положение; поэтому только поздно начинают тут думать о подлинном рабочем движении, и до настоящего времени здесь не пошли дальше элементарной фазы чисто

цеховых организаций. А, во-вторых, ведь совсем не верно, что Америка чисто английская страна. Америка — страна интернациональная, и в особенности интернациональный характер носит промышленный пролетариат; поэтому было бы прямо претуплением за счет иностранной агитации вести исключительно английскую.

— Но ведь это, это же ошеломляюще! Я, по крайней мере, не думал, что здесь столь силён так называемый „чужой“ элемент.

— Но это именно так. Возьмите, напр., Нью-Йорк и одинаково обстоит дело почти во всех больших городах и промышленных округах! Там немцев больше, чем в Гамбурге, чехов больше, чем в Пильзене, итальянцев больше, чем в Венеции, евреев больше, чем в Иерусалиме и т. д., и т. д. Я хотел однажды напечатать планы Нью-Йорка с разделением его на районы по национальностям и подписать под ним: „А где же нью-йоркцы?“. Ибо ирландцы, которых тут масса, есть и остаются именно ирландцами. Кто хочет сблизиться с ними, тот должен надеть зеленый галстук и повесить себе на шею образок богоматери.

Хотя Кропоткин и смеялся невольно над моими резкими выпадами, но лицо его отражало тысячу серьезных мыслей, проносившихся в его сознании. Может быть, он никогда еще не смотрел на дело с этой стороны.

Я продолжал:

— Кроме того, тут есть еще около 12-ти миллионов американских фермеров, в большей своей части людей несомненно недозрелых, но отнюдь не созревших для нашего учения, потому что они все еще смотрят назад, — вспоминая о так называемом „добром старом времени“, и ожидают спасения от шарлатанов вроде Брайана, а не от идеалов, к которым стремимся мы, и которые они еще считают „враками“. Есть еще цветной пролетариат юга, насчитывающий около девяти миллионов человек. Эти слои недоступны пока ни для какой социалистической пропаганды, частью благодаря их чрезвычайно низкому образовательному уровню, частью благодаря тому, что их „боссы“

самой грубой силой будут выступать против всякой агитации. Например, когда некто Гунер сделал подобную попытку, его попросту застрелили.

— И все-таки мы по-прежнему должны стараться вести в этой стране агитацию по-английски, — говорил наш друг, нахмурившись и проводя руками по своей большой густой бороде.

— Конечно, конечно, сказал я, хотя бы уже потому, что мы часто наталкиваемся на рабочих, представляющих собой настоящее вавилонское смешение национальностей, но все же понимающих немного по-английски, так что только на этом языке с ними и можно объясниться. Когда я, напр., вел агитацию в угольных копях Пеннсилвании, в одном месте я встречал только бельгийцев, в другом только итальянцев, в соседнем селении словаков, потом опять венгерцев или чехов, затем людей из Вестфалии или Силезии и т. д., и т. д. Но, как было сказано, если где-нибудь на свете необходимо вести интернациональную агитацию, т. е. на всех возможных языках, так это именно в Америке.

После короткого разговора о второстепенных вопросах Кропоткин сделал мне приятное сообщение о том, что один книготорговец предложил ему обехать всю Америку и написать путевые очерки, которые должны были бы появиться в форме книги. При желании он мог бы попутно вести и анархическую агитацию.

— Вы, безусловно, должны согласиться на это, — говорил я, — так как если действовать в более интернациональном тоне, чем принято здесь, этим обязательно будут достигнут очень и очень значительный результат.

— К сожалению, возразил Кропоткин, я не могу теперь согласиться на что-нибудь подобное. Я должен выполнить в Англии другие, ранее взятые на себя, обязательства, которые с 1-го мая деликом займут мое время в течение, по крайней мере, 2-х месяцев. Прежде всего мне придется пересмотреть и дополнить для „Британской Энциклопедии“ множество статей, касающихся

России, Средней Азии и т. д. в географическом, историческом, культурно-историческом и других отношениях. Затем я намерен переиздать некоторые из моих старых сочинений, разумеется, в дополненном и исправленном виде. И кто знает, что тем временем соберется на общественном горизонте Европы?

— Но, по крайней мере, вы приедете сюда ближайшей осенью, если это окажется возможным?

— Я думаю об этом.

Обращенный перед этим намек на европейское положение, конечно, привел мои мысли к вопросу:

— Что вы думаете о России? Хотя это и условное выражение, но в настоящий момент оно все же имеет очень серьезный характер.

— Да, Россия! — воскликнул Кропоткин, сразу вскочив со своего места и в глазах его загорелся огонь. Казалось, что все его прошлое в один миг с быстротой молнии прорезало его мозг, и все страдания русского народа, вся позорная история паризма, как в калейдоскопе, прошли перед его великой душой.

— Россия безусловно стоит перед кризисом. Некоторые свои мысли об этом я высказал на днях в журнале „The Outlook“. То, что происходит в настоящее время, уже не только симптом недовольства, не простое студенческое движение или что-нибудь подобное. Это пробуждение народного духа. Подымается молодая Россия, как таковая. Студенты только авангард; за ними стоит все более молодое поколение всех мыслящих людей России: промышленные рабочие больших городов, даже буржуазные классы и даже более молодые чиновники и офицеры. Теперешнего царя все ненавидят больше, чем обоих предшествовавших ему Александров и даже Николая I. Ибо, вместо того, чтобы оправдать хотя бы только малейшие из тех ожиданий, которые возлагал на него при его вступлении на престол образованный и свободомыслящий элемент России, он без оглядки бросился в объятия наиболее реакционного крыла старой России и дал увлечь себя на путь насильственных

мероприятий против интеллигентной молодежи, — мероприятий, напоминающих о временах Ивана Грозного. Либералы, а под ними я подразумеваю всех, кто против абсолютизма, уже поставили некоторым образом парю ультиматум: или указ о конституции, или революция.

— Но крестьяне, ужасающе огромная масса крестьян, — прервал я сверкавшую воодушевлением речь, — что можно ожидать или чего опасаться от них?

— Ничего хорошего и ничего дурного. Они просто останутся нейтральными или, скорее, безучастными. Борьба будет решена в Петербурге, — гласил ответ Кропоткин.

— Следовательно это будет политический переворот, и произойдет он в России в ближайшее время?

— Да, конечно, — что же другое может произойти? Для социальной революции в нашем смысле Россия еще не созрела. Но для социального революционного движения путь будет открыт, как только отойдет от русского народа давящий все и всех кошмар абсолютизма. Дальнейшее определят события в Западной Европе с их влиянием на Россию, которое при скольконибудь либеральной системе, должно сыграть свою роль.

— Значит, и нам „старикам“ тоже предстоят еще славные дни? И мы можем надеяться, что увидим собственными глазами начало конца?

— Конечно! — воскликнул Кропоткин и, схватив при этом обе мои руки, пристально смотрел мне в глаза, так что меня пронизал священный трепет. Мне казалось, будто воплощенный пророк объявил мне радостную весть о грядущей весне народов.

После небольшой паузы, невольно вызванной нашей обоюдной взволнованностью, Кропоткин поставил вопрос:

— Как обстоит дело с Германией? — Революционен ли Берлин?

Я не мог, к сожалению, ответить кратким „да“ или „нет“.

— Я думаю, — сказал я, — я надеюсь, по крайней мере. В мое время, т.е. в

1876-78 г.г., берлинцы в смысле бунтарского духа не оставляли желать ничего лучшего. День за днем говорил я перед полетине чудовищными собраниями, и чем радикальнее были мои высказывания, тем громче было одобрение. Реакционная печать неистовствовала; полиция бросала с кафедр свои проклятия „красным“; полиция и суд все время были наготове, чтобы схватить когонибудь из наших; и „старый Лемани“, как мы звали тогдашнего „кайзера“ в память его бегства в 1848 году переехавшим почтальоном Леманиом, — „старый Лемани“ при виде такого подарка буквально хватался руками за свою баранью голову:

„Мой милый Рони, — писал он бывшему военному министру, с которым был очень близок, — мой милый Рони, мы живем в плохое время. Эти Мостовские происки напоминают стремления демагогов во время французской революции. Под покровительством наших либеральных законов безнаказанно попирается религия, государственный авторитет, все, что является собой цивилизацию и порядок. Что делать?“ — Рядом с этим „безнаказанно“, во всяком случае, было бы уместно поставить несколько возпросительных знаков, так как с июня 1871 года по ноябрь 1878 г. мне, например, пришлось выдержать не менее 50 судебных процессов, и хотя две трети из них кончались оправданием, они все же принесли мне четыре года тюрьмы. Других ораторов и писателей пролетариата — в зависимости от их рвения и темперамента — постигла подобная же участь. Но никто не думал „ворчать“; „происки“ или все дальше и дальше, и агитация велась даже из тюремных камер. Коротко говоря, жить было истинным наслаждением; революционный дух становился крепче с каждым днем, с каждым часом! И мне было бы очень жаль, если бы с тех пор дело пошло назад.

С серьезным видом и очевидным интересом внимал Кропоткин моим словам, но затем он сказал:

— Но Либкнехт, не думаете ли вы, что он создал совершенно невероятный застой и ужасно опоздал движение?

— По крайней мере, он пытался совершить в этом направлении самое скверное, — должен был я согласиться. — Чем Лютер являлся для крестьянских войн, тем Либкнехт был в отношении социал-революционных движений нашего времени — сначала злостный подстрекатель, а потом фанатичный тормазной кондуктор. Все же я не верю, чтобы ему удалось совершенно оскопить берлинцев. Хотя я и не хочу утверждать, что берлинцы захватят инициативу в отношении грядущей социальной революции, — они предоставят это опять парижанам, — но я убежден в том, что если наступит крах во Франции, то и в Берлине, а, значит, и в Германии, тоже разразится гроза.

Радость оставила при этих словах лицо нашего друга. Он сказал потом:

— Даже у Маркса часто бывали горькие контрверсы с Либкнехтом из-за его консервативных припадков.

— Это я могу только подтвердить, — заметал я, ибо когда я навещал Маркса в Лондоне, не один раз он говорил: „Либкнехт — политический осел!“... Да, он выразительно подчеркивал по поводу частных разногласий между мною и Либкнехтом, что он много раз имел случай намылить последнему голову. Вы должны знать, что мой спор с Либкнехтом возник впервые не после издания „Freiheit“, но тянулся все время моей деятельности в Германии, хотя публично это и не было очень заметно. Едва я принял в 1871 году, молодым человеком 25 лет, редактирование „Chemnitzer Freie Presse“, как получил от Либкнехта из Лейпцига нечто вроде указа, в котором мне повелевалось писать менее радикально. „Если в Лейпциге хотят разговаривать в другом тоне“, — писал я в ответ, — „их на то добрая воля; здесь же будут писать именно так“. Это было, конечно, слишком сильно, и с тех пор я навсегда потерял благожелательность Либкнехта. Вероятно, я был бы немедленно прижат к стене, т. е. отлучен от церкви, если бы не пользовался всеобщей популярностью среди рабочих.

— Вы, значит, лично общались с Марксом?

— Да, конечно, — во всяком случае

около 3-х месяцев. Маркс даже обещал сначала поддерживать „Freiheit“. Но Энгельс был против, а что приказывал или запрещал Энгельс, имело для Маркса решающее значение.

— Не было ли это печальным обстоятельством?

— Конечно, печальным, но фактически было так. Энгельс сказал мне: „Как можем мы интересоваться такой газетой? Она ведь не просуществует и 3-х месяцев. Н родилась она в недрах „Коммунистического Фейербаха для просвещения рабочих“, который 8 лет назад обидел Маркса, — уже поэтому мы не хотим иметь с ней никакого дела“.

— Возможно ли, чтобы люди, которых считают великими, могли быть на самом деле такими маленькими?

— Еще гораздо меньше. Маркс написал мне однажды, что я больше не являюсь для него желанным гостем, так как я позволял себе злоупотребить его именем в почтовом ящике „Freiheit“. Дело в том, что некоторая сумма денег была получена от „Маркса“, и это было совершенно правильно, так как деньги исходили от некоего Маркса из Вульвича, что я и объяснил протестовавшему, от которого, однако, не получил на это ответа. Вы видите, следовательно, можно быть большим человеком и все же вести себя совсем по-ребячески.

Кропоткин невольно должен был искренне засмеяться.

— Мост, — сказал он потом, — почему вы не издадите своих мемуаров? Многочисленные происшествия, пережитые вами, и отношения ваши с людьми, конечно, представили бы большой интерес. Вы прямо-таки обязаны дать такую книгу. —

— Так говорили уже некоторые, а иные морщили нос и заявляли, что мне нечего выставлять себя смешным. Впрочем, я уже опубликовал кое-что из пережитого частью в виде брошюр, частью в „Freiheit“.

— Я это знаю, но этим не достигается истинная цель таких набросков. Они должны появиться в виде книги, чтобы иметь длительное значение.

— Прекрасно, но ведь здесь есть и дру-

гая сторона. Я не могу найти подходящего издателя, а издавать самому у меня нет средств.

— Старая песня, — сказал Кропоткин с подавленным вздохом. — Мы хотим теперь издать в Лондоне на английском языке так называемую „Книгу конгресса“, и хотя мы и сократили почти на половину перевод относящихся сюда докладов, все же денег не хватает. Поэтому доход от моей агитации частью должен быть обращен и на эту цель.

Наконец мы перешли к личным обстоятельствам, которые в сущности сюда не относятся; но я все-таки хочу позволить себе привести здесь часть этого разговора.

— Милый друг, — сказал я, — в прошлом году меня позорно оклеветали в Европе.

— Но вы должны быть выше этого.

— Тем самым все же наносится вред делу, которое мы защищаем. Некто К. зашел так далеко, что распространил в голландских газетах подлые пересуды и сплетни обо мне, перекочевавшие из Америки в Париж.

— Мост, Мост, кто же может вас оклеветать? — воскликнул Кропоткин. — Вы представлены „Freiheit“. Пусть с вас будет довольно того, что я одного мнения с Элизе Реклю, и что мы уже говорили это сто раз, кто хочет слышать: „Freiheit“ — лучшая социалистическая газета.

— Это звучит во всяком случае лестно, но ведь в настоящее время немного немец-

ких газет нашего направления; таким образом, это мало говорит.

— Нет. Мы думаем не так, мы имеем при этом в виду все социалистические и анархические органы.

Настало время расстаться (Кропоткин вскоре должен был сделать доклад). Я притянул ему руку на прощанье, говоря:

— Благодарю моего учителя за то, что он сделал меня таким, каков я ныне.

— О, мы все учимся один у другого, это взаимно.

— Не совсем так, по крайней мере, между нами двумя. Я с детства был мягкотелом. Постепенно из меня вырабатывался атеист, коммунист и анархист; но между коммунизмом и анархизмом мне долго не хватало разных соединительных звеньев: я почерпнул их из ваших сочинений и оказался, таким образом, в состоянии ясно, логично и последовательно выступать за наши идеалы.

Кропоткин вновь заключил меня в свои объятия и поцеловал меня. На мои глаза навернулись слезы умиления. И мой голос звучал тихо, когда я говорил:

— До свидания, осенью!

При выходе другая мысль промелькнула у меня в голове:

— В Европе мы едва ли встретимся, — заметил я.

— Кто знает, отвечал Кропоткин твердым голосом. Каждый день может принести нам из Петербурга или Парижа такую весть, которая всех нас призовет под наше знамя!

Джон Мост.

МЫСЛЬ ЖИВЫХ

В одном из номеров анархического ежечасника — „Путь к свободе“ (Октябрь, 1930) Том Вэлл писал:

„Мы утверждаем, что если бы Бакунин и Кропоткин вернулись сегодня, они не знали бы нас вернуться к их прежней пропаганде, которая часто более не соответствовала нашим изменившимся условиям, но они напомнили бы нам скорей, что их учение всегда призывало основываться не на авторитете мертвых, но на мысли живых“.

Именно такими словами хочется теперь думать о Кропоткине, когда, готовясь к его юбилею, оглядываясь на всю его былую деятельность, на всю его яркую жизнь.

Вся жизнь Петра Алексеевича была мужественным отказом от хождения из той старой, наезженной колеи, которая была освящена всеми традициями прошлого и которой продолжало еще держаться все окружающее общество, но которая, как это ясно стали видеть все лучшие умы всех народов, замышлялась в дурный же все человечество порочный круг.

Кропоткина нельзя причислить к тем, кто ненавидит все прошлое человечество, кто видит в прошлом одно лишь зло, подлежащее сплошному уничтожению и тем паче заслуживающее одно лишь осуждение. Но он имел всегда силу подходить к этому прошлому критически; оценивая прошлое, он видел, как во все века шла упрямая борьба между двумя категориями сил — одни уносили человечество все дальше и дальше вперед, другие же — неизменно оказывались враждебными всякому конструктивному движению, всякому изменению и развитию человеческой жизни, во всех ее многообразных проявлениях. При этом все симпатии Кропоткина оказались, разумеется, на стороне первых; со вторыми же он открыто и до конца всеми силами боролся.

Но опять-таки в своей симпатии, в своей любви, в своем уважении ко всем тем, кто через все века, через все времена, через историю всех народов героически проявлял пламя борьбы за вечное обновление жизни,

за все более и более полное и прекрасное совершенствование всех ее форм, он вовсе не доходил до слепого и безоговорочного признания абсолютной, непреложной истины всего того, что они в своей борьбе оставляли человечеству.

Если он и не был сплошным хулителем и отрицателем всякого „авторитета мертвых“, то все же он не признавал за этим „авторитетом“ право властвования над ним, над его жизнью, над его деятельностью, над его мыслью.

Устанавливая свое отношение к тому, что было сделано, написано, сказано лучшими представителями ушедших поколений, Кропоткин никогда не становился в положение „законопослушного“ последователя, ученика, связанного обетом покорного, нераспускающего послушания, но он скорей как бы создавал себя наследником этих ушедших поколений, вместе с наследием принявшим прежде всего долг, обязанность не расточить его, но развить, умножить.

В то время, как кругом продолжал еще почти повсюду господствовать воспитанный церковью дух фетишизма, рабская покорность традициям, догмату, слову, вещи, в то время, как кругом мертвое все еще продолжало владеть, руководить живым, в то время, как руководящие слои общества продолжали все силы свои полагать на то, что бы удержать то, что не могло не расти, не развиваться, не изменяться, в окаменевших рамках прошлого, в это время Кропоткин встал в ряды тех, кто будил в народах сознание того, что они призваны быть свободными сынами жизни, могущие найти самое верное руководство в жизни не в знаках, начертанных прошлым поколением на каменных скрижалях, и не в гробницах, но в данном им разуме, в данной им совести.

Что также следует признать одной из отличительнейших черт Кропоткина это, несомненно, тот благородный оптимизм, которым отличались многие крупные мыслители его времени. На оптимизм, особенно на тот оптимизм, который можно назвать „чрез-

мерным", можно взглянуть двояко: с одной стороны к нему можно отнести отрицательно, как к своего рода уклонению от действительности, как к некоторому фантазированию, отвращающему человека от здорового реализма. С другой же стороны его можно, наоборот, приветствовать, как ту „веру“, которая „горами движет“, которая творит чудеса.

Пожаауй, эти две различные оценки соответствуют двум близким, родственным и все же глубоко различным между собою видам оптимизма.

Бывает оптимизм расслабляющий человеческую волю, внушающий человеку мысль, что он может спокойно весь свой век на боку лежать, а галушки сами к нему в рот с неба козлятся.

Бывает же наоборот оптимизм, поддерживающий в человеке до конца веру в свое свободное творческое усилие.

Так вот, бесспорно, Кропоткин был богатым оптимизмом второго вида.

И, думается, что не обладая таким оптимизмом, не веря до конца и вопреки всему как в свои собственные силы, так и в некоторые высокие качества народа, невозможно было решиться на тот подвиг, на который решился Кропоткин и другие революционеры его эпохи, и невозможно было бы, следовательно, осуществить все то, что они в конце концов (опять-таки вопреки и наперекор всему) осуществили.

Кропоткин был один из тех, кого можно, мне кажется, уподобить человеку, бесстрашно и прямо прошедшему по самому краю пропасти в значительной мере благодаря тому, что опасность пути, глубина пропасти были скрыты ночной тьмой и он видел во тьме лишь цель, лишь свет впереди. Если бы он заранее увидел трудность того пути, по которому ему предстояло идти, весьма возможно, что у него не хватило бы силы на него встать; и если бы он все же решился бы вступить на него, то опять-таки весьма возможно, что заглянув в разверзавшуюся у самых его ног пропасть он стал бы жертвой головокружения — либо погиб бы, упав бы на ее дно, либо должен был бы прекратить свое движение...

Умалает ли достоинство Кропоткина признание за ним такого „ослепляющего“ оптимизма? Нисколько, конечно, т. к. роль его была поистине творческой. И тут кстати нельзя не вспомнить, что во все века в авангарде человечества всегда шли люди, сочетавшие уверенность в достижимость, в близость „обетованной земли“, „царства божия“, „царства справедливости“ с невидением всех окружающих трудностей, препятствий, пораздавших часто у других либо все разедающий скептицизм, либо унылый, бесплодный пессимизм.

Скептики обыкновенно пытаются смеяться над такими людьми, как Кропоткин. Они полагают все свои усилия на то, чтобы представить такую способность жить и дышать, видя перед собой лишь одну дающую, светящуюся цель (да и то в призрачном виде), как ту причину, вследствие которой люди спотыкаются о то, что у них находится под ногами. А между тем, в действительности эта способность, эта сконцентрированность всего своего внимания на „дальнем“ является во все времена необходимейшим качеством, необходимейшим условием для „пробивания первой брешки“ в глухой, мертвой стене старых традиций, старых форм жизни.

И всегда после, — когда первая брешка бывала уже энтузиазмом, „безрассудною верою“, пробита, — оказывалось возможным делаться более „разумным“, более „зрячим“, более „рациональным“. И разумность, и зречность, и рационализм — все это приходило всегда потом, когда первая, самая страшная, р-няющая схватка оказывалась уже позади, когда „безумство храбрых“ разбивало уже те позиции, которые скептики и рационалисты „трезво и спокойно“ объявляли неприступными.

Самым ярким проявлением Кропоткин-ского оптимизма следует, пожалуй, признать его глубокую веру в высокие качества народа. Неповздуя принцип равенства всех людей, самым решительным образом отвергая старые сословные подразделения на „черную“ и „белую“ кость, Кропоткин в то же время настолько отождествляет все человеческие беды, все социальные несправед-

ливости с деятельностью ограниченного круга людей, принадлежавших к привилегированным классам, и в то же время настолько снимал всякую ответственность за эти беды и несправедливости со всей остальной части человечества, что как то совершенно невольно снова утверждал, восстанавливал это деление общества на два, качественно совершенно между собой различных, лагеря, одному из которых приписывались все добродетели, а другому все грехи. Только, разумеется, в представлении Кропоткина „черное“ и „белое“ оказались поменявшимися местами.

Быть-таки не одни только Кропоткин, но и многие другие выдающиеся мыслители минувшего века считали, что все беды в конце концов сводятся к тому, что миллионы и миллионы хороших, мирных, трудящихся людей поработены ничтожными кучками зловерных, тунеядствующих негодяев. И сообразно с этим они верили, что достаточно произойти революции, достаточно разорвать цепи, достаточно дать массам свободу, как все очень быстро устроится.

Такой мощный мыслитель, как Толстой, тоже не раз писал в том смысле, что дело полугового преобразования всей общественной жизни уже не за горами, т. е. сознательно или бессознательно и он связывал наступление, приближение этого преобразования с одним голым фактом, так сказать, персонального устранения с верхов социальной жизни старого дворянства и духовенства.

И Кропоткин, и Толстой и многие другие не видели того, что и в самом народе крепко еще сидят те пороки, которые они считали присущими одним привилегированным классам. До их сознания часто как будто не доходил тот факт, что простой народ даже получив свободу, даже получив наконец возможность читать, свободно писать, свободно высказываться, свободно собираться, свободно голосовать и т. д. употребит все это на удержание и на восстановление старого, прогнившего социального порядка, все это, на удержание, то-есть против самого же себя и против всех тех, кто борется за лучшее, за более светлое, более достойное будущее.

Уже во времена Кропоткина в так называемых „демократических“ странах можно было наблюдать, как под влиянием всяких мелочных расчетов или трусости народные массы употребляют все „демократические свободы“ на то, чтобы себе же покрепче ковать цепи.

Но тогда все это объяснялось как временное, долженствующее быстро и легко пройти, явление. Совершенно не допускалась возможность того, что и самому народу некоторые пороки присущи в такой мере, что он, как пьяница, отдающий за губящий его алкоголь все свое имущество, сам будет тащить все свои свободы вместе с возможностью перестроить наконец общественную жизнь в вертеп капитализма, где его соблазняют игорным азартом, надеждой житейской удачи, перспективой славы, возможностью жить по чужой указке, тащиться, не ломая себе головы, на поводу у тех, кто захватил в прошлом его судьбу в свои руки.

Все великие люди минувшего века были истыми демократами в том смысле, что они глубоко верили в лучшие чувства и в здравый смысл народа - демоса.

Но вряд ли возможно теперь отрицать то, что последние десятилетия нанесли этой вере сильный удар.

Многие события и явления последних лет с неоспоримой ясностью показали, что народ, „демократия“, может быть столь же глухим и даже столь же жестоким по отношению к тому, что развивается ему же на благо, как и реакционные правительства, как привилегированные классы, как и духовенство.

Постолько, поскольку прежняя борьба против старой власти, против старых привилегий сословий, наконец увенчивалась все более и более решительным успехом, параллельно с нею начала все яснее и яснее вырисовываться новая задача, едва ли не еще более важная и сложная: все яснее и яснее делается необходимость бороться не только с уже достаточно изобличенными и дискредитированными в сознании широких масс социальными „верхами“, но и с той реакционностью, с той косностью, с теми пороками, которые разлиты в жизни, в быту, в

правах, в стремлениях этих же самых изуродованных масс.

Все яснее и яснее делается, что капиталистический мир теперь держится вовсе не одним лишь обманом и вовсе не одним лишь насилием буржуазии, но главным образом косностью и грубым эгоизмом самого трудящегося народа, держащегося за старый общественный порядок вовсе не обязательно „по слепоте“, „по неведению“, но, как я уже раньше сказал, в силу той же порочности, под влиянием которой и пьяница, великолепно зная, что губит себя, все же продолжает пить.

Если бы все дело было в кучке капиталистов, в их ближайших наемниках и пособниках, старый социальный строй уже оказался бы замененным новым, т. е. эти „верхи“ достаточно уже разоблачены: — все почти знают их настоящую цену и вряд ли найдется много любителей готовых драться и бороться за то, чего они вовсе не уважают.

Главная беда уже не в капиталистах и не в их министрах, президентах, генералах и пр., но в той части народа, трудового народа, которая, увы, все еще состоит из мелочных эгоистов, гонящихся в разброд за своими ближайшими индивидуальными интересами и этим в результате упрачивающих положение тех, кто у них же на спине сидит.

И каждый из этих мелочных эгоистов все это и сам великолепно сознает и видит, но это ничуть не улучшает общего положения, т. е. эгоизм в том и заключается, что никто из людей им пораженных просто-напросто не желает первым сделать то усилие на построение общего блага, которое в ближайшее время может от него потребовать тяжелых жертв.

Всякий эгоист всегда благоразумно предпочитает оставаться при той „синичке“, которую он же сам больше всего проклинает. Добывать же „журавлей“ он предоставляет другим. „Вперед, ребята — я за вами“ — вот слова, могущие быть принятыми лозунгом для общества, составленного из эгоистов, хотя и видящих великолепно необходимость перемен, необходимость совершенствования социальных форм, но абсолютно не

способных это совершенствование осуществить.

Эгоистический индивидуализм, пропитавший собою жизнь почти всего современного общества, не только диктует всякому, в ком он сидит, благоразумный, осторожный консерватизм, но проявляется также и в прямой враждебности к тем, кто берет наконец на себя трудное, неблагоприятное дело обновления общественной жизни.

Всякий эгоист, всякий мелочный индивидуалист очень неурочь, чтобы его сыпали всякими благами, чтобы другие уступили ему все свои богатства и пр., но он не только сам не хочет палец о палец ударить для радикального изменения окружающей жизни, но и от других, берущихся наконец за осуществление этого изменения, требует того, чтобы они его производили так, чтобы его драгоценный покой и его священные удобства остались бы ни в чем не нарушенными.

Вот почему сочувственное отношение к идее революции, жадное стремление к захвату чужих богатств так часто сочетается с непримиримой враждебностью по отношению к тем, кто начал наконец осуществлять революцию не в розовых облаках, но на земле, имел несчастье возмутить покой, нарушить полусытенское благополучие того эгоиста — индивидуалиста, который все еще представляет общественное большинство. И чем сильнее часто ненависть к существующему социальному порядку, чем горше его отношения на свои лишения, на свою нищету, на свое бесправие, тем яростнее слышны и рядом бывает ненависть и к тому, кто несет наконец обновление всей жизни человечества, ибо дело этого обновления, конечно, неразрывно сочетается с временным ухудшением всех условий жизни.

Чем ярче иногда некоторая наружная „революционность“, чем неистовее иногда крики и протесты против всего существующего, тем крепче часто все это оказывается сплоснувшимся с реакционностью чистейшей воды, с реакционностью, хотя и сохраняющей „левизну“ слов и фраз, но на деле становящейся в бешеную оппозицию по отношению ко всему, что уже не на словах

а на деле меняет общественную жизнь.

Таким образом, если бы такой человек, как Кропоткин, снова пришел в наше общество, то ему пришлось бы прежде всего, считаться с тем фактом, что по отношению к его лучшим, наиболее светлым надеждам и наиболее светлым стремлениям значительная часть трудящегося народа во всеоружии всего, что ей дали все „демократические“ свободы, оказывается сплошь и рядом палачем еще более жестоким, чем правительств, чем было дворянство и современная буржуазия.

Как бы Кропоткин реагировал на это существеннейшее явление нынешней социальной жизни? Какими методами, какими средствами постарался бы он преодолеть это главное в нашу эпоху препятствие к дальнейшему поступательному движению человечества, т. е. нежелание народных масс, наконец, встряхнуться, наконец сделать над собой усилие и наконец решиться на эту, конечно, трудную, мучительную, но в конце концов все же неизбежно подлежащую разрешению (если только люди не хотят вечно оставаться на месте...) задачу перестроения собственной жизни?

Я не буду за Кропоткина подставлять на этот вопрос свои ответы. Я полагаю, что думая о Кропоткине, каждый должен сам стараться себе представить — как бы он поступил, если бы он снова оказался среди нас и если бы он снова признал первейшей своей обязанностью бороться за общее благо и при том, прежде всего, в согласии не с тем, что требуется „авторитетом мертвых“, но с тем, что согласуется с „мыслью живых“, с мыслью, которая свободна от заискивания пред кем бы то ни было, которая чужда нездоровой демагогии и для которой дорога исключительно одна голая правда.

В заключение мне остается только сказать, что если бы Кропоткин снова вернулся в наше время, столь богатое контрастами, то, конечно, чрезвычайно богатой компенсацией за то бевеселое чувство, которое в нем вызвала бы инертность и реакционность значительной части народа, для него явилось бы обнаружение здорового меньшинства, несомненно, имеющегося среди того же народа и готового снова самоотверженно, забывая о собственных мелких, ближайших интересах, взяться за продолжение того дела, которому столько сил отдал когда-то и он, Кропоткин.

Когда-то интеллигенции принадлежала чуть ли не монополия на социальную активность. Вся социальная борьба протекала почти исключительно на общественных верхах. Трудящийся же народ в этой борьбе играл роль пушечного мяса. Теперь же, наконец, и трудящиеся начинают все более и более полно — признанными сказать в этой борьбе свое собственное слово.

И если пока что большинство трудящихся, к сожалению, в своем участии в социальной, в политической жизни своих стран проявляет себя как силу недоверчиво — враждебную ко всякой радикальной попытке изменить общественную жизнь не только на словах, но и на деле, то с другой стороны можно с облегчением констатировать рождение нового типа трудящихся, достигающих в своей мысли и в своем чувстве той же силы, какой достигали в прошлом лучшие представители человечества. Вот в теснейшем сотрудничестве с этими людьми Кропоткин и постарался бы, бесспорно, продолжить свое дело, если бы ему суждено было снова начинать свою яркую, красивую жизнь.

А. Хилнов.

ФРИДА ЧЕРНЕЗОВА.

ПЕТР КРОПОТКИН = КАКИМ Я ЕГО ЗНАЛА

Когда один из друзей попросил меня написать что-нибудь о Петре Кропоткине, моим первым импульсом было отказаться. „Зачем предавать гласности личную жизнь человека?“ — спросила я себя. „В своих книгах и статьях он дал все свое лучшее, а остальное, чисто личное, может быть оставлено в покое“. Но когда я начала думать о дружбе, начавшейся в 1900 году, когда мой муж пригласил меня первый раз на маленькую дачу в Бромлей, и Кропоткин обнял меня и сердечно поцеловал по русскому крестьянскому обычаю, когда его жена и дочь так же тепло приняли меня (все с беззастенчивым предчувствием — подойдет ли псовый человек к такому узкому кругу, как впоследствии они мне сказали), и что эта дружба продолжалась до конца, во мне появились сомнения, следует ли мне, как скряге, сохранять для себя такие ценные воспоминания о самой милой личности, какую я встретила в движении: воспоминания, которые, если они дороги для меня, также могут быть желательны вашим читателям и могут помочь им сохранить веру в человеческую доброту.

„Великий человек не должен быть виден дома“, часто приходится слышать. Если великий человек является хорошим человеком, ему не следует бояться этого. Доброта Кропоткина не османивалась даже его врагами; что касается его величия, то на этот вопрос должны ответить те, кто читал и будет читать его сочинения, влияние которых было широким и глубоким.

Поэтому никакой страх не может удерживать его друзей от передачи другим некоторых воспоминаний, которые могут пролить больше света на человека и его взгляды. И если эти строчки могут помочь нашим товарищам яснее представить себе лучезарное человечество, пронизательный мозг и живизненность Кропоткина, они не будут написаны напрасно, тем более в настоящее время, когда вера в человечество пала так низко, и когда пересмотр идеалов и методов

требует, чтобы мертвые и живые любители свободы пролили весь свет на стоящие перед ними проблемы.

Каждый человек, входивший в контакт с Кропоткиным, очевидно был поражен фактом, что он был главным образом общественной личностью. Он любил иметь вокруг себя много друзей. Когда к нему, как например — после конгресса, приходило много друзей, он был в своей атмосфере. Я помню, как после казни Феррера посетили его многие испанские анархисты: все сидели вокруг большого стола, единственного места, где можно было устроить их в небольшой комнате, а он сел перед ними и внимательно прислушивался к тому, что говорили даже самые скромные из них. Потом он излагал свои взгляды и планы и интересовался их мнением. Он не боялся возражений и разбивал любой пункт не только своим превосходным характером, но и своими душевными и сердечными аргументами. Тем не менее, была одна вещь, которая могла превратить его из теплого и охотного собеседника в сдержанного и односложного слушателя — это была неискренность. Если он подозревал это, он становился холоден, а если он убеждался в этом, его ответы становились безжалостными и острыми. Так как он сам был искренним и натуральным, он никому не мог простить отсутствия этих качеств. „Почему женщины не могут быть натуральными?“ — воскликнул он однажды в раздражении после ухода нескольких английских дам. Сама страдая застенчивостью, я старалась дать ему понять, что быть натуральным — не очень легко для всех.

Я часто замечала, что природная острота, которая делает англичан такими переносчивыми в проявлении чувств и мыслей, и в то же время их изумительная деятельность и инициатива, часто озадачивали человека, чья мысль и выражение ее были ясными, чьи симпатии были чистыми и определенными, и чьи мечты подтвержда-

дались фактами, как в книге „Поля, фабрики и мастерские“.

Среди его посетителей, тем не менее, было много таких, которые смутно сочувствовали его идеям. Иногда, особенно если они несколько позировали, его жестокая логика приводила их к неприятным фактам. Однажды голландский поэт, представившийся в то время анархистом, в споре с Кропоткиным об экспроприации имущих классов намекал, что они должны быть вознаграждены. Кропоткин с негодованием спросил: „Зачем вознаграждать людей, которые в течение поколений жили на похищенное имущество? Они будут иметь равные возможности с рабочими, но не больше привилегий“. И когда голландец попытался защищать свои взгляды, Кропоткин сказал ему кратко: „Вы не социалист и несомненно не анархист“, и казался таких гневным, что после этого последовало тягостное молчание. Но Кропоткин никогда не дулся и скоро разговор снова стал веселым, так как Кропоткин чувствовал, что его гость не был настолько искренним, насколько воздерживался от неприятных последствий своих неясных анархических симпатий — таких неясных, что, если я не ошибаюсь, он заключил в лоне римско-католической церкви.

Большинство посетителей приходили по воскресеньям, единственный день, который Кропоткин посвящал досугу, хотя и в этот день он часто работал по утрам. Так как он был добросовестный работник и никогда не занимался такой работой, которая противоречила бы его убеждениям, и исполнял свою работу настолько хорошо, насколько возможно, он вел суровую борьбу за существование в те годы, когда его книги еще не печатались. Он посылал небольшие отрывки, взятые большей частью из русских газет, в английскую прессу, и однажды мне сказал: „Я часто считал, сколько было напечатано в течение недели, и знал, что я заработал столько-то пол-крои“ (60 центов). Позже он зарабатывал лучше и получал около 40 фунтов стерлингов за статью о Современной Науке для журнала „Nineteenth Century“ (Девятнадцатый Век), которую,

однако, ему приходилось писать несколько месяцев. Его жена София, кроме забот о здоровье мужа и присмотра за небольшим и скромным домиком, искала свою работу и справлялась с нею. Она также занималась приготовлением простой, но здоровой пищи.

Правда, на одежду мало было расходов; сам Кропоткин донашивал старые пальто в своем кабинете, так как он, как и все люди, ведущие сидячий образ жизни, был очень чувствителен к холоду и сквозняку. Его кабинет был более или менее одинаковым и в Бромлей, и в Гайгейт и впоследствии в Брайтоне — это была самая большая комната в доме, стены которой были покрыты книжными полками, сделанными самим Кропоткиным; грубый кухонный стол и деревянный стул; в углу небольшая кушетка и дальние книги на других столах и в других местах; огонь в камине, который Кропоткин разводил часто своими руками. Если ему замечали, что он заикался, он вытирал руки о пальто и с каким-то злоумышленным миганьем говорил: „Видите, совершенно чистые; между прочим, вы не можете развести хороший огонь пинцами!“.

Когда мы приезжали в воскресенье в полдень — это был установленный порядок — Кропоткин сбегал вниз, но после обмена приветствиями он и мой муж, как два школьника, выпущенные на волю, исчезали в кабинете. Никому, кроме моего мужа, не позволялось рассматривать его книги и бумаги. Кушетка в углу была его любимым местом для сна, если мы оставались на ночь. Оба они, казалось, были всегда переполнены такими вещами, которые они должны были передать друг другу при встрече, и я никогда не видела ни одного из них таким веселым с другими, какими они были, когда были вместе. В то время Черкезов читал в Британском музее и собирал материалы к своей книге для опровержения марксизма *). Каждое воскресенье он се-

*) Книга В. Черкезова имеется в русском переводе под названием „Предтечи интернационала - Доктрины марксизма“. Изд. „Голос Труда“. Петербург - Москва, 1920.

общал Кропоткину, какого прогресса он достиг в своих исследованиях. Иногда София должна была по несколько раз звать их к столу, так как они не могли оставить предмета. Ей так надоели Маркс и Энгельс, что они серьезно старались менять разговор в ее присутствии. Но когда однажды она неожиданно вошла в столовую, где Маркс был „табу“, она заметила, что они с виновным видом перестали разговаривать и пытались удалить из виду книгу. „Я уверена, что это Маркс“, сказала она и вытатила **corpus delicti** (преступный предмет). Они были так похожи на учеников, пойманных учительницей, сказала она мне, что разразились смехом и она стала уделять больше внимания Марксу.

Редко я встречала двух мужчин так привязанных друг к другу, и тогда я начала понимать, чем может быть дружба.

Я должна сказать несколько слов о Кропоткине и Черезове.

Обстоятельства сделали их легко понимающими друг друга. Оба они родились в рабовладельческих семьях, один на равнинах России, другой в Кавказских горах, оба в раннем возрасте возстали против той системы и научились любить крестьян. Оба выросли в военных школах и презирали военные и церковные церемонии, на которых они были вынуждены присутствовать многие годы. Призывая невежество и лицемерие русской церкви, которая позволила себе быть орудием царизма, оба они презирали церковь и стали откровенными атеистами. Черезов был моложе Кропоткина, но раньше появился в революционном движении и встретился с Кропоткиным только за границей, когда он бежал из Сибири, а Кропоткин из крепости.

Эта встреча была началом тесной дружбы, продолжавшейся всю жизнь и основанной на взаимных личных симпатиях и общих идеалах. Даже когда появились такие политические события, которые могли толкнуть их в разные стороны, так как один был русский, а другой грузин, страстно привязанный к своей маленькой горькой стране, которая после долгого независимого существования была присоединена к цар-

ской империи, их отношения никогда не были омрачены непониманием. В последние годы жизни Кропоткина, когда большевистский режим уничтожил почтовые и другие сообщения с Грузией, он нашел возможность посылать нам время от времени письма. Последнее письмо пришло в день его похороں. Оно дышало теми же чувствами и идеями, что и его мысль, будучи оторванной, шла по тем же направлениям и приходила к тем же выводам, к каким приходила и мысль его старого друга.

Среди его посетителей были иногда артисты и музыканты. Кропоткин любил театр и русский балет, хотя средства редко позволяли ему посещать их. Если приходил какой-нибудь пианист (любимец Кропоткина был Марк Гамбург), он всегда играл, хотя в доме было только дачное пианино, и Кропоткин слушал игру с восторженным вниманием. Когда у Кропоткина была некоторое время одна немецкая артистка, я нашла однажды Кропоткина сидящим на вершине лестницы, притянутым из кабинета ее чарующим голосом, и слушающим в ее исполнении песни Шуберта. Кропоткин был поглощен этими прекрасными мелодиями. Лучшее всего было видеть самого Кропоткина за пианино, исполнявшего преимущественно отрывки из опер Глинки, и поющего с таким энтузиазмом, что человек забывал его ошибки в аккомпанименте, так как он был далеко не превосходным музыкантом. Иногда мой муж присоединялся к нему и так как он имел превосходную музыкальную память и хороший голос, вещи становились величественными и мы много наслаждались нашими маленькими концертами. Вечером мы часто играли в шарды, когда его дочь была в ударно-сценическом возрасте, и Кропоткин всегда входил со всей душой в эту игру.

Он любил видеть вокруг себя веселые лица и всегда имел готовую шутку. Маленькая бельгийская горничная обожала „Monsieur“ или, как она часто называла его, „Papa“. Даже брахмальные и надменные английские сестры милосердия, которые при заблуждении Кропоткина приглашались для ухода за ним, так как он был очень

трудным пациентом для его семьи, скоро начинали любить его и смиряться. После одной из его болезней нужно было уехать куда-нибудь для поправки, но постоянный недостаток денег сделал это затруднительным. Газеты по всей вероятности сообщали о его болезни, во всяком случае, хорошо известный английский писатель (я думаю, что я теперь могу раскрыть, что это был Бернард Шоу) предложил средства для поездки. Многие другие хорошие друзья сделали то же самое, но Кропоткин, с его лютой независимостью, распорядился уехать без помощи на Южное побережье на короткий срок.

Обыкновенно, удовольствия, которые он позволял себе, были самые скромные и часто были связаны с его работой, как например, научные собрания, особенно Королевского Географического Общества. Когда он работал в Британском музее, он любил проводить вечера со своими друзьями. Замечательный ужин, когда они жарили гевдину на вертеле (в моем отсутствии нельзя было найти никакой кухонной вилки) над огнем, часто повторялся.

Они были тогда в "республике", как они называли это, когда семьи уезжали куда-нибудь. Иногда к их празднествам присоединялся профессор Нисс (Nys), известный юрист, который летом приезжал по праздникам для занятий в Британском музее, и чей острый юридический ум и большое знание делали его курьезным, но и очень ценным дополнением к их обществу. Он безжалостно дразнил Черкезова, который приготавливал цыганским способом разные кушанья и имел гениальную способность стряпать без кухонной посуды.

Втечение одного из этих „республиканских“ периодов, к Кропоткину пришла издалу старая английская дама со своею дочерью. Кропоткину пришлось быстро приняться за приготовление чая для своих гостей, прибывших издалека. „Бедный человек, — сказала она мне впоследствии, — должен заниматься такими вещами“. Ее дочь только улыбнулась и сказала: „Мама, разве ты не заметила, что это ему нравит-

ся?“ Такая оценка, равно как и сожаление и удивление его отказом от титула и положения, очень часто высказывались. Другие говорили: „Он пожертвовал всем ради своих идеалов“. Не все понимали то, что видела английская девушка. Я думаю, что Кропоткин не жертвовал своим счастьем, а нашел его, когда он узнал, где он может использовать все силы своего ума и сердца. Он поймал раз и навсегда ту прекрасную нить, которая, как он однажды сказал мне, говоря о чьей то бесполезной деятельности, должна проходить через всю жизнь, если она имеет значение. Его „Воззвание к молодым людям“ является слоганным призывом к „самой совершенной жизни“. —

Такое определение было дано Оскаром Уайльдом двум жизням, которыми он больше всего восхищался — жизням Кропоткина и Верлена. Хотя Кропоткин отказывался предаваться исключительно науке, бывшей для него истинным искусством, он остался ее скромным слугою и полагался только на нее, когда показывал человеку его истинное место в природе и средства к созданию благополучия и свободы.

—o—

Когда сообщения о русской революции стали известными — британская военная цензура задержала опубликование их целую неделю — Кропоткин, живший тогда в Брайтоне, в то время как мы были в Лондоне, был рад несказанно, как и мой муж: они чувствовали, что наконец наступил разсвет: что они не напрасно работали: их мысли, которые очень чужды в одинаковом направлении, восприняли даже к одной и той же цитате и они одновременно написали друг другу: „Владыко, ныне отпусти раба твоего с миром, ибо очи мои видели спасение твое“.

Оба решили ехать в Россию. Для нас это не имело большого значения, так как Черкезов был там несколько раз под разными паспортами. Мы также посетили эту страну в 1906 году, когда царская амнистия после революции позволила вернуться в Россию, пока реакция не заставила снова бежать в Англию. Но Кропоткин не был

в России со времени своего побег и в это время решил не ждать разворачивания событий, а вернуться „домой“.

По приезде в Петроград, он был встречен населением с большим энтузиазмом. Когда мы ехали по городу (я случайно оказалась в автомобиле), его волнение успокоилось и он отдал все свое внимание рассмотрению города. „Смотри, Соня, там Петропавловская крепость! Смотри, Соня!“ и т. д. (Его жена была первый раз в Петрограде). И так он был все время взволнован, если видел знакомый вид.

Между тем, события скоро начали бросать свои тени перед ними. И с душевной болью Кропоткин, Черкезов и многие другие старые революционеры увидели революцию уклоняющейся в сторону другой, более бешеной тирании, чем даже был царизм. „Большевики показали, как не делать революцию“, писал Кропоткин в своем письме к западно-европейским рабочим, в письме доверенному Маргарет Бондфильд, нынешнему английскому министру труда, посетившей Россию в качестве члена первой рабочей делегации в 1918 году. Если Кропоткин уже в Петрограде часто задумывался, когда видел как развивались события, его беспокойство росло с течением времени, тем не менее, с его широким взглядом на жизнь, подкрепляемым его историческим знанием, он сохранил веру до конца, что несмотря на невыносимое новое притеснение с его последствием — Чехой, которую он никогда не упоминал без отвращения, русский народ не останется в подчинении, раз он узнал, как сделать первый шаг к свободе.

Мы, конечно, часто обсуждали вопросы, которые начали выступать на передний план, главным образом, о национальностях, насильно удержанных в Российской империи. Безразличие и недостаточное понимание этого вопроса среди русских часто удивляло меня и я убеждала Кропоткина написать о необходимости признания прав национальностей. „Никто не заинтересован в этом вопросе или не видит его значения“, ответил он. „Революция с самого начала должна быть актом справедливости

по отношению к угнетенным“, писал он в своих „Записках“. Но ничего не было сделано для национальностей: наоборот, притеснение Керенского скоро оказалось в трениях с Финляндией, Украиной и Грузией, которые верили, что революция дала им право национальной инициативы; они скоро были обмануты Петроградом, показавшим, что имперская централизация должна быть утверждена и сохранена.

На большом Демократическом Совещании в Москве в 1917 году Кропоткин прочитал доклад о федерализме; он прошел незамеченным, некоторые лица даже замечали наивно: „Почему он выбрал такой неинтересный предмет?“.

Скоро Финляндия, Польша, Украина, Кавказ и Сибирь сами отделились, но, за исключением первых двух, снова были насильно захвачены. Большевики, громко провозглашавшие права национальностей, оказались на практике такими же большими централистами, какими были царисты. Под маской многочисленных „независимых“ советских республик с правом ухода из Союза (Грузия пыталась сделать это при помощи восстания в 1925 году, но за эту попытку было казнено 5,000 человек), Москва продолжает угнетать и эксплуатировать национальности как и прежде.

Кропоткин, как анархист, всю свою жизнь поддерживал федерацию свободных единиц. Когда он был в Сибири, он встречал тысячи польских изгнанных, работавших в рудниках в самых безчеловечных условиях за участие в Польской революции в 1863 году. Эта революция потерпела неудачу, как он объяснял, потому, что она была часто националистической и оставила ничету народа нетронутой, — факт, который русские скоро использовали, отдавая землю польских помещиков крестьянам, и так разбивая единство поляков. Кропоткин понимал национальные стремления этой несчастной страны, как понимали их Герцен и Бакунин, и был сердцем и душой с польскими революционерами. В его доме в Брюсселе можно было встретить финских, польских и грузинских революционеров, желав-

ших освободить свои народы не только от иностранного господства, но и от капиталистической эксплуатации. За много лет до русской революции, Кропоткин говорил, что России нужна не одна Дума, а не меньше семи или восьми, соответственно национальным и культурным территориям. Смущение русских социалистов и других лиц, выслушивавших такое мнение, было комично. Большинство русских социалистов были и до сих пор являются центристами и в действительности империалистами.

Дружба Кропоткина с Черкезовым удерживала его в постоянном контакте хотя с одной угнетенной нацией; Грузия, которая была захвачена русским правительством в 19 веке и которая, как и Финляндия, обладала высшей культурой и социалистическими симпатиями (она послала почти всех социалистических депутатов в Думу), страстно презирала жестокое порабощение ее нацией, чужой по языку и традициям. Могу добавить здесь, что она восстановила свою независимость и существовала как Социалистическая республика с 1918 по 1921 г., когда вторглись большевистские армии под красивым флагом и оккупировали их однородную республику, с тех пор казня, заключая и ссылая людей.

Кропоткин, к счастью, не видел этого преступления; наоборот, в 1920 году, за год до его смерти, Москва официально признала

независимость Грузии и он, может быть, думал что естественный процесс разделения империи, начавшийся на Кавказе, приведет к федерализму и дружбе между Россией и ее бывшими территориями. И кто знает, будет ли русский народ идти вперед даже в тот момент, когда он выйдет из своего оцепенения и поймет уроки прошлого, и протянет ли руку дружбы и равенства тем нациям, которые когда то разделяли с ним угнетение и революцию и вернется ли он таким образом к идеалу федерализма, поддерживавшемуся Герценом, величайшим русским его времени, и анархистами Бакуниным и Кропоткиным. Такая федерация, включающая нации от Белого моря до Кавказа, от Польши до Дальнего Востока, могла бы стать примером добровольной ассоциации свободных наций, работающих рука об руку для мира и благосостояния. Это — сон? Быть может, но такой сон, к которому русская революция, если бы и не осуществила его, могла бы попытаться приблизиться, вместо того, чтобы создавать вокруг него атмосферу печали и страха.

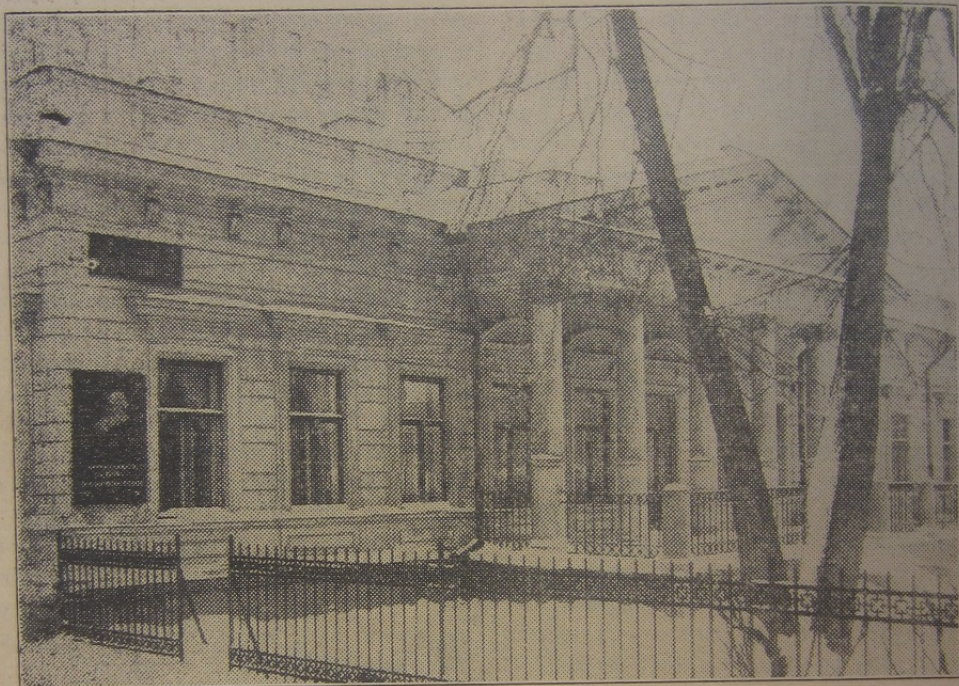
Кропоткин, веривший в свободу и прогресс, основанные на науке и взаимной помощи, первый приветствовал бы общество, построенное на этих принципах.

ФРИДА ЧЕРКЕЗОВА.

Лондон.

МУЗЕЙ ИМЕНИ П. А. КРОПОТКИНА

Всей читающей публике известно, кто та-
кой был Петр Алексеевич Кропоткин. Его
книги читает не только широкая русская
публика в России и за границей, но и ино-
странина. Почти все книги П. А. Кропо-
ткина переведены на все иностранные язы-
ки, в том числе и на китайский и между-
народный язык эсперанто, и имеются во мно-
гих городских и общественных библиотеках.

П. А. Кропоткин был выдающийся уче-
ный, известный теоретик безгосударственно-
го анархического коммунизма и обществен-
ный деятель. Он принадлежал к числу луч-
ших представителей русского народа. Его
вся жизнь была и будет для многих — вы-
соким примером самоотверженности и пре-
данности науке, революции и идеалам сво-
боды и справедливости.

П. А. Кропоткин умер десять лет тому
назад (8 февраля 1921 г.) в городе Дмит-
рове, вблизи Москвы, на 80-ом году жизни.

Так как П. А. Кропоткин был не только
бунтарь - анархист, но и всесторонний уче-
ный и большой общественный деятель, то,

вскоре после смерти его, друзья и последо-
ватели П. А. нашли нужным запечатлеть
образ и жизненный подвиг ушедшего масте-
ра ученого и славного революционера, ор-
ганизовав музей его имени.

Музей имени П. А. Кропоткина в Моск-
ве существует с 9 декабря 1923 года.

Музей находится в одноэтажном доме -
особнячке, где П. А. родился и провел свои
детские годы.

„Дом - Музей имени П. А. Кропоткина
находится в глубине небольшого сада, об-
несенного железной решеткой. Его одноэ-
тажный простой, но изящный фасад укра-
шен шестью белыми колоннами, поддержива-
ющими фронтон, который красиво выделя-
ется сквозь зелень деревьев. Двенадцать
больших окон и стеклянная дверь на бал-
кон выходят в сад.

В доме, взятом под Музей, имеется ве-
семь больших комнат, заполненных различ-
ными музейными экспонатами, относящимися
к жизни и деятельности П. А. Кропотки-
на.

Первая комната посвящена предкам и родословной П. А. Кропоткина. В ней отражены барская жизнь князей Кропоткиных и крепостная жизнь рабов.

Вторая — показывает научную и революционную деятельность в 1870-1876 гг. В ней выставлены географические карты П. А. Кропоткина, научные труды "Исследование о ледниковом периоде", знакомство с Интернационалом и Парижской Коммуной, пребывание в Петропавловской крепости, знаменитый "погреб" на волю и т. д.

Третья занята экспонатами, иллюстрирующими жизнь и деятельность П. А. Кропоткина в Европе, где он прожил в изгнании более сорока лет. Здесь много выставлено собственноручных рисунков П. А., в которых изображены виды тюрем в Швейцарии, Франции и др. странах, где Кропоткин провел несколько лет за свою революционную работу.

Четвертая посвящена последнему периоду жизни Кропоткина, его возвращению в Россию (1917 г.), жизни в Дмитрове и смерти.

Пятая служит копией рабочего кабинета П. А. в Лондоне, где он больше всего прожил. В ней показана простота обстановки, большой письменный стол, за которым П. А. работал все время прожизни в Англии (1886-1917 гг.), столлярный верстак и разнообразнейшая библиотека П. Алексеевича, состоящая из 2.000 томов.

Шестая занята экспонатами, касающимися болезни, кончины и похорон П. А. Кропоткина.

Седьмая посвящена выяснению влияния Кропоткина и его идей на мировое революционное движение. Здесь собраны образцы газет, изданных и издаваемых учениками и последователями П. Кропоткина в Европе, Америке, в Китае, Японии и в др. странах. А также цитаты из статей о Кропоткине передовых деятелей рабочего движения разных стран.

Восьмая занята под библиотеку и кабинет для чтения. Здесь собраны все произведения Кропоткина и литература по революционному движению.

Ограниченный размер статьи не позволя-

ет подробнее коснуться внутреннего описания Музея. Те, кто желает узнать подробнее о Музее имени П. Кропоткина, могут прочесть книжку Н. К. Лебедева "Музей имени П. А. Кропоткина", в которой подробно описано все то, что имеется в Музее и сам Музей *).

Музей имени П. А. Кропоткина создан и поддерживается на добровольные пожертвования. Ежегодно друзья и последователи Кропоткина собирают посильную помощь в СССР и за границей и посылают в Музей на содержание и на расширение Музея. В сборе средств принимает участие более десяти национальностей.

Так как П. Кропоткин принципиально был против того, чтобы его книги переиздавало государство на средства, выкачиваемые путем налогов с народа, то создатели Музея, следуя учению П. А-ча, отказались принять субсидию для музея от советского правительства, предложенную Музеем несколько лет тому назад. На этом же основании С. Г. Кропоткина, супруга П. А. Кропоткина, отказалась принять ежемесячную пенсию от соввласти, выдаваемую всем женам умерших видных революционеров.

Ведает Музеем: „Всероссийский Общественный Комитет по увековечению памяти П. А. Кропоткина“.

„Комитет по увековечению памяти П. А. Кропоткина, имеет К. К. Лебедев в „Музее П. А. Кропоткина“, стремясь следовать духу и учению П. А. Кропоткина, верящего в свободное творчество народа и считавшего основным принципом жизни добровольное сотрудничество и кооперацию — полагает, что создание Музея имени П. А. Кропоткина должно быть делом широко общественным и международным, плодом добровольного сотрудничества всех, кто хранит благоговейную память о великом революционере“.

Почетной председательницей Музея все

*) Книжка эта имеется в Ньюйоркском Комитете Помощи Музею, в книжном отделении в Нью Йорке и в книжном складе при газете „Рассвет“ в Чикаго. Цена 60 центов.

время является Софья Григорьевна Кропоткина, а председателем — Вера Николаевна Фигнер, известная революционерка партии народовольцев. Секретарь Музея — Николай Константинович Лебедев.

С. Г. Кропоткина ездила в Лондон и много трудов и хлопот затратила на то, что бы собрать мебель, документы, библиотеку П. А. Кропоткина и проч. и послать для Музея. Она же с самого начала принимает

живое участие в Музее, отказывая себе во всем в пользу Музея имени Кропоткина, с которым она много трудилась на общественной ниве труда, будучи верным другом и незаменимым помощником до кончины П. А. Она следует строго заветам и идеалам П. А. Кропоткина.

Кропоткинский Музей — лучший памятник П. А. Кропоткину.

Нью Йорк.

Д. Г.

Переписка П. А. Кропоткина с Н. А. Рубакиным.

1911-1913 г.г. С приложением примечаний и послесловия Н. А. Рубакина.

ПИСЬМО П. А. КРОПОТКИНА К Н. А. РУБАКИНУ

9 Chesham Street,
Brighton.

20 ноября 1911 г.

Многоуважаемый Николай
Александрович,

Прежде всего, позвольте очень извиниться перед вами за то, что до сих пор еще не поблагодарил вас за присылку вашего мемуарального труда *).

Когда я получаю от автора хорошую книгу, мне всегда совестно бывает написать баяльное изъяснение благодарности, раньше, чем я действительно прочту книгу, или, по крайней мере, большую ее часть.

Получивши же вашу действительно мемуаральную и в высшей степени самостоятельную работу, и поняв с первых же прочитанных при разрывании строк, что такое представляет собою этот труд, я тем не менее был способен написать вам, не познакомившись хорошо с вашей работой.

Увы, — годы и болезни не позволили раньше это сделать. Пришла ваша книга, когда я серьезно был болен (шла речь о серьезной операции), — как раз, к тому же, когда приходилось разорвать наскладенное гнездо с его 3-4 тысячами книг, газет, вырезок, и перебираться в другой город.

Ну, — словом пережил и болезнь, и пересад (с разбором книг etc!!!) и я мог взяться за „Среди Книг“.

От души благодарю вас за присылку этой вашей замечательной и в высшей степени полезной, — сказал бы „необходимой“ работы, если бы не понимал невероятной массы труда и умного, знающего кратического разбора, которого требует такой труд.

И прежде всего взялся за „Этику“ *), по которой читал недавно два года под ряд своей теперешней работы. И просто поражен был полностью сообщаемых там сведений, а еще более того, верностью, точностью и полнотой (при не-русской сжатости) ваших отзывов. Знал, сколько времени уходит, когда хочешь ориентироваться в мире сделанного раньше по любому вопросу, раньше чем нападешь на руководящий труд и ориентируешься в различных частичных работах и их направлениях, — зная это хорошо, я не могу не чувствовать к вам глубокой благодарности от лица всех серьезно-работающих в любой отрасли общественного знания, и не радоваться встрече такого родственного мне критического ума, как ваш.

Ваша книга была для меня открытием. Вероятно у вас есть предшественники в этой отрасли, но я не знал их — знал только по отдельным специальным вопросам, — и часто мечтал дать для наших французских рабочих (и близких рабочих) читателей „La Revolte et Temps Nouveaux“ что-нибудь подходящее к указаниям для чтения, которые вы даете. Я думал обра-

*) Речь идет о I томе 2-го издания „Среди книг“.

*) Т.-е. отдел „Этика“ в I т. „Среди Книг“ (Изд. 2-е. стр. 352-393).

таться к некоторым товарищам (мы не раз говорили об этом с П. Реклю), чтобы составить такой указатель. Но, признаться, помимо недостачи времени, не было отчетливой мысли, как это сделать, как за это взяться. „The Hundred best books“, с которыми здесь носились одно время — ведь вадор. Теперь я вижу из вашего „Введение“ (еще не все прочел) и из общих обозрения „Отделов“, какой подготовительной работы это требует: и как это следовало бы написать; и как каждая прочтенная книга, ради общего ознакомления с „Космосом“ (Космология и Антропология) потребует изучения новых книг. Хорошо было бы составить такое небольшое руководство (оно бы послужило и для подбора изданий Народных Университетов *). Жаль только, что мне невозможно этим заняться, а то я составил бы предварительный такой обзор и переслал бы его вам, если бы эта мысль вас заинтересовала. Как рад был бы покойный Феррер, если бы ему попалось что-нибудь вроде **Среди Книг**, когда он издавал свой ряд книжек для „Escuela Moderna“.

Не буду больше отнимать вашего времени. Извольте прибавить одно, что я редко с таким наслаждением знакомился с книгой, как знакомство с вашей „Среди Книг“.

Хорошо было бы составить о ней заметку для „Athenaeum“^a (на каком угодно языке: французском, немецком, английском и послать экземпляр ее также в British Museum — наше чудное книгохранилище.

Не думаете ли вы как-нибудь приехать в Англию? Если Лондон соблазнит вас — известите. Встретиться, было бы для меня большим удовольствием.

Примите уверение в глубоком уважении.

П. Крпоткин.

С большим нетерпением буду ждать выхода вашего 2-го тома. У меня не оказывается ни одного экземпляра моей послед-

ней книжки („La Grande Revolution“), а потому прошу издателя вам выслать. Если вам интересны наши русские лондонские издания — с величайшим удовольствием вышлю.

**ПИСЬМО Н. А. РУБАКИНА К
П. А. КРОПОТКИНУ**

Кларн 16 декабря 1912 г.

Глубокоуважаемый

Петр Алексеевич,

Позвольте присоединить и мой скромный голос к многочисленным голосам, приветствующим Вас в день Вашего личного праздника, который, вместе с тем и праздник всей мыслицей России, и, что особенно важно, не только России, — это праздник, который не знает национальных границ, праздник, который помогает общественному сознанию достойно оценить тиски не только русской государственности, не только русского социального строя, — праздник длительный, как те идеи истины и справедливости, которым Вы так блестяще служите. И Ваши книги несут эти идеи, — могут это засвидетельствовать цифры, — не только в интеллигентские верхи, но и в пробуждающуюся толщу трудящегося народа.

Глубокоуважающий Вас

Н. Рубкин.

**ПИСЬМО П. А. КРОПОТКИНА К
Н. А. РУБАКИНУ**

Адрес до 1 мая: Casa AW. Respini
Locarno 12 марта 1913.

Многоуважаемый

Николай Александрович,

Мне так совестно, что я давно уже не ответил вам на ваше ласковое письмо от прошлого декабря. Но через несколько дней после дня моего рождения я свалился, сперва от инфлуэнцы, а затем — от тяжелого воспаления легких, от которого и до сих пор еще настоящим путем не оправился. Вот уже три недели, как мы здесь, а усталость — совсем мне незнакома — не покидает меня. Каждый день хочу засесть за письма — и не удается.

Карточка вашего секретаря, пересланная мне из Брайтона, выводит меня из апатии.

Вдвойне хотелось вам писать; чтобы по-

*) Приблизительно такое Руководство составлено мною под названием „Практика Самообразования“ (Среди книг и читателей). Опыт системы самообразовательного чтения применительно к личным особенностям читателя. Москва. Изд. „Наука“. 1914. 504 стр., 2-е изд., сокращенное и переработанное Москва 1922.

благодарить вас за добрую память, и чтобы сказать вам, как меня порадовал отдел о Самообразовании, открытый в **Жизнь для Всех** *). Многие и многие помнят вас добром за этот отдел, и именно вам его вести. Посе прислал мне №1 1913 года, и мы с женой сейчас же абонировались на **Жизнь для Всех**. Мне очень хотелось бы, чтобы ваши Беседы о самообразовании (Первую я получил от вас, и не поблагодарил еще вас, все по той же причине) были переведены на французский язык. Имеете ли вы в виду это сделать? Буду ждать теперь продолжения с нетерпением.

Душевно, сердечно благодарю вас, многоуважаемый Николай Александрович за ваше доброе душевное письмо. Вдвойне отменно было его получить от вас. Позвольте братски, сердечно позжать вашу руку.

П. Кропоткин.

Сейчас выслал вам мою новую книжку *La Science Modern et l'Anarchie* **). В декабре вышла *Modern Science and Anarchy*, — но она содержит только стр. 1—132 и Appendice французского издания. Стр. 233-326 (*L'Etat moderne*) написаны вновь.

**ПИСЬМО Н. А. РУБАКИНА К
П. А. КРОПОТКИНУ**

13 марта 1913.

Глубокоуважаемый

Петр Алексеевич,

Позвольте обратиться к Вам с большой просьбой — просмотрите (и, буде нужно, сделайте ба полях Ваши заметки) прилагаемые при сем несколько страничек моего обзора литературы об анархизме, которая существует на русском языке. Мне очень хотелось бы сделать ее обзор возможно полнее. Книги, которые я вераще характери-

зую, у меня все имеются, и я просмотрел их как умел добросовестно. Странички, которые я посылаю, войдут во II том „Среди Книг“, ныне заканчивающиеся печатанием.

Простите великодушно, что я, зная, сколько Вы и без того работаете, все таки затрудняю Вас еще одной работой. Делаю это лишь из фанатизма к моей „Среди Книг“, I том которого за полтора года уже распродан более, чем на половину (из 5,500 экз. осталось менее 2,000) и сделался настольной книгой. Тяжеловесный облик моей работы дает возможность вводить в нее много такого, что иным способом не проходит *).

Мне было бы очень желательно получить от Вас небольшой список иностранной литературы по анархизму. Я бы мог его включить в мою работу целиком, — пусть русские читатели знают о том, какие книги существуют по данному вопросу.

Еще посылаю Вам две моих новых книги „Письма к читателям“ и „Россия в цифрах“. Первая книга вполне агитационная, вторая — отчасти. Первая представляет собой, по мысли автора, как бы небольшое руководство для пропагандистов. Очень бы хотелось услышать Ваше мнение об этой книге. У меня в настоящее время есть в России 1984 читателя, самообразованием которых я руковожу, посылая в письмах программы для чтения, составляемые на основании предлагаемых читателю вопросов **). Дело развивается и придавило меня изрядно. Вторая книжка составлена на основании строго подобранных материалов. Обратите внимание на главу о чиновниках.

Позвольте надеяться, что здоровье Ваше хорошо.

Глубокоуважающий Вас

Н. Рубакин.

*) „Жизнь для Всех“, журнал изд. В. Посе в С. Петербурге. В этом журнале я ввел особый отдел под названием „Беседы о самообразовании“. Статьи, помещенные в этом отделе вошли отчасти в „Практику Самообразования“.

**) Полученный от Н. А. Кропоткина экземпляр этой книги, с собственноручной подписью автора („М. А. Рубакин с братским приветом“, Лозанно, 11 марта 1913 г.) хранится в библиотеке Международного Института Психологии, в Лозанне.

*) Т.е. сквозь царскую цензуру. Только благодаря этому удалось ввести во 2-е изд. „Среди Книг“ не только запрещенную литературу, изд. в царской России до 1914 г., но и зарубежную, и подпольную, чего царская цензура даже и не замечала.

**) К 1 января 1915 г. число это возросло до 5507. См. Приложение к 3-му американскому изданию „Письма к читателям“.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО П. А. КРОПОТКИНА К Н. А. РУБАКИНУ

Локарно, 15.III. 1913.

Сейчас получил рукопись и книги *). Очень, очень, очень благодарю за книги. Только взглянул в „Письма о Самообразовании“ и уже вижу, какая славная книга. Ее нужно сильно распространить, чтобы так же разошлась, как „Среди Книг“, или вернее, более. Рукопись прочту без промедления. Но боюсь, что ничего не имел здесь под рукой, кроме нескольких книг по этике, окажусь плох по библиографии.

Д-р М. Неттлау, который удивительно хорошо знает библиографию анархизма, и имеет ее под рукою, теперь в Париже. Он чрезвычайно милый человек.

Как только прочту рукопись, верну в целости.

П. Кропоткин.

Гогелия выпустил ко дню моего рождения книжку, где дал полную библиографию моих работ, проверенную Неттлау лично.

ПИСЬМО П. А. КРОПОТКИНА К Н. А. РУБАКИНУ

Casa Avv. Respini S. Francesco,
Locarno 17 марта 1913.

Многуважаемый

Николай Александрович,

Прежде всего позвольте сердечно поблагодарить вас за „Письма к читателям“ и „Россия в цифрах“, а также за присылку вашей рукописи об „Анархизме“ для „Среди Книг“.

Простите, что задержал эту последнюю дольше, чем следовало. Поэтому, сегодня ограничусь тем, что возвращаю ее, а о „Письмах к читателям“ напишу на днях *).

Ваш обзор Анархизма и Синдикализма оба — превосходны, особенно, первый. Ничего более полного (при **необходимой сжатости**) и более беспристрастного и желать нельзя. Именно это нужно. Сказано ровно столько, сколько нужно сказать, чтобы

дать общее серьезное понятие, и чтобы заинтересовать к дальнейшему ознакомлению. Все — хорошо: и общий обзор, и по авторам. Может быть два слова следовало бы сказать о периодическом издании „Хлеб и Воля“ (издавал Гогелия—Оргеннани—Илиановили, тогда еще очень молодой) и Листки Хлеб и Воля, издавал я, а после этого я продолжал издавать брошюры Листков Хлеб и Воля. Последние брошюры Оргеннани — интересные.

Я послал вам некоторые из нашей последней серии пять брошюр, — те, которые здесь имею, и написал в Лондон А. Шапиро (очень **хороший** человек), прося его выслать вам остальные. Могут пригодиться.

Насчет синдикализма, — книги Лагарделля и Сореля (особенно первая) не дают настоящего понятия о происхождении синдикализма. Синдикализм не что иное, как возрождение Интернационала, — федералистского, рабочего, латинского. А потому, мне смелно было читать, напр., у Лагарделля, о периоде до-синдикализма (pre-syndicalisme) и синдикализма, который ведется от речи механика Balaud на Лионском Конгрессе в феврале 1879 г., тогда как эта речь — в некотором сокращении доклад, написанный мною и Брюсселем, как ответ на 3-й вопрос (о парламентаризме и рабочем движении), поставленный Лионскому Конгрессу и данный нами (Французской Федерацией Интернационала) на нашем 1-м Конгрессе в Швейцарии, летом 1868 (напечатан целиком в „**Avant-Carde**“, вашей газете фр. федерации).

Но это, конечно, не ваше личное мнение, а основное начало того, чем должен был быть Интернационал, по мнению его французских основателей и чем он остался после того, как марксисты пошли в парламентаризм после Гаагского Конгресса.

В чистоте эта мысль сохранилась в Испании, где я нашел в 1878 г. превосходно организованных, в рабочих профессиональных союзах, около 60,000 человек, причем, душой союзов был наш товарищ Farga Pellicer, а редактором их газеты был д-р Vinas, тоже бакунист, член тайной орга-

* Рукопись отдела „Анархизм“ для II тома (2-е изд.) „Среди Книг“, тогда уже печатавшегося и мои книги „Письма к читателям о самообразовании“ и „Россия в цифрах“, СПб. 1913. *

*) Это обещание П. А. не успел исполнить, а, быть может, письмо его не дошло до меня.

низации Интернационала. Впоследствии, во Франции, Pougst сыграл ту же роль по отношению к французским рабочим организациям.

В сущности, рабочие профессиональные организации, владеющие средствами производства, — вместе с общинами, организовавшими потребление, заступающими государство, — это идея Прудона, которая и легла в основу Интернационала в 1864 г.

Ну, да это детали. (В брошюре Гогелла, имеются в сносках мои замечания, которые я сделал к его рукописи, думая что он обработает их). Просто для вас к сведению.

Вчера не удалось кончить этого письма. Читаю с глубоким удовольствием, дорогой Николай Александрович, ваши „Письма о Самообразовании“, и сказать не могу, на сколько мне serene и близок сердцу весь дух вашей работы. Неленые люди, считающие кличку „культурник“ оскорбительной, — если бы сами были немного более „культурными“, а не просто „напастскими“ для партийных или даже кружковых целей, — не наделали бы тех ошибок, которые наделали во время революции. Я уверен, что когда вы дойдете до истории, то, несмотря на трудности задачи, вы сумеете и книги по истории также хорошо рассортировать и указать их достоинства, как вы сделали с книгами по философии, этике, мировоззрению. А именно этого знания по истории, особенно по истории политической, и не хватало русским деятелям, к сожалению развившимся на экономической литературе марксизма.

Я, со своей стороны, всегда стараюсь быть „культурником“, т. е. насадителем „знания“, одновременно оставаясь революционером, и не брезгая такими большими работами, как разработка Истории Французской Революции (и истории человечества вообще), с народнической точки зрения, — зная, что именно знающие рабочие будут наилучшими революционерами. Разве может быть революционером тот, кто под словом „революция“ понимает легонькую вспышку 18 марта 1848 года в Берлине, и воображает, что в этот день в Берлине совершилась революция, и что „революция“

совершается в один день!!! — С такими реаними не трудно справиться, как и с теми, кто думает, что „революция“ может быть делом одной партии.

Пишу все это, дорогой Николай Александрович, чтобы пояснить как понимаю я глубокое значение „культурной“ работы и как уважаю тех, кто ею задается, правильно ее понимая.

Свидеться с вами очень бы хотелось. Если удосужитесь сюда приехать, мы оба — жена и я — чрезвычайно будем рады. Постараюсь также вернуться через Лозанну, хотя должен сказать, что путешествие сюда из Лондона с остановками, очень меня утомило.

Ну, крепко, крепко жму вашу руку.

П. Кропоткин.

Прилагаю библиографию моих литературных работ, которую составлял для брошюры, изданной в Париже ко дню моего рождения. Она была исполнена Нетлау и издана в Париже. 2)

ПИСЬМО Н. А. РУБАКИНА К П. А. КРОПОТКИНУ 2)

16 апреля 1913 г.

Глубокоуважаемый и дорогой.

Петр Алексеевич,

Прежде всего, не знаю как и благодарить Вас за просмотр отдела об анархизме и за сделанные указания, и за присланные книги и сведения о моих литературных трудах. Все это я в точности использую и надеюсь не только в „Среди Книг“, а и в других работах. Меня очень подбодрило Ваше доброе слово о работе и о моем направлении работы. Вы написали именно то, чем я особенно дорожу. Я боюсь беспочвенности всякой пронаганы и агитации, т. е. отсутствия позиций. Задача, которую нужно разрешать (если уже не разрешить), заключается в том, чтобы из возможно боль-

*) Рукопись этой библиографии, написанная самим П. А. Кропоткиным, хранится в архиве Международного Института Библиологической Психологии в Лозанне.

2) Это письмо, надо полагать, не дошло до П. А. Кропоткина, так как от него я уже не получил никакого отклика, что несоответствует обычной оттачиваемости его.

шего числа работников 1), действующих в обыденной жизни и стоящих на всевозможных житейских позициях, сделать проводников знания, понимания, настроения в самую глубину обыденной, прикованной к земле массы. Мне особенно дороги ваши слова, ваше одобрение, слова поддержки.

Увы, от „своих“ почти не приходится встречать ее! 2). Сегодня окончил работу (частью уже пошла в печать) „Пособие для проведения идеи в жизнь“ 3). Странное пособие! Не так ли! Мне очень хотелось приехать с этой работой к Вам в Локарно, но болезнь моей семьи не только не позволила этого (да и работа тоже), но и задержала ответ на Ваше письмо. Все откладывал его в надежде, что вот-вот поеду, да так и не смог. Не знаю, дойдет ли до Вас это письмо в Локарно. Надеюсь, что пребывание там хорошо отзовется на Вашем здоровье. Читая Вашу книгу и нахожу в ней для себя настоящее наслаждение, и, грешен, многое уже вложил в это мое „Пособие“. Будете прежде всего здоровы. Жду с нетерпением Вашей критики на мои, быть может слишком приспособленные к неподготовленной толпе читателей „Письма о самообразовании“. Но такого рода книга, увы! должна быть размазиста написанной. (В первый месяц, как пишет издатель, продаю 1,000 экземпляров). Жду дозора „Нового Времени“ уже было там на другие мои книги до пяти дозоров). Горжусь этим.

Все еще надеюсь добраться до Локарно. До каких пор пробудете там?

Уважающий Вас

Н. Рубанин.

НЕОБХОДИМЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К МОЕЙ ПЕРЕПИСКЕ С П. А. КРОПОТКИНЫМ

Письма П. А. Кропоткина, впервые здесь публикуемые, нуждаются в кое-каких пояснениях. Без них вряд ли они будут вполне понятны для тех, кому неизвестна та эпоха русской общественности, когда эти письма были написаны.

Почти двадцать лет они тщательно сохранялись в моем архиве, как одно из самых светлых и дорогих воспоминаний, как своего рода „святая святых“, и я не решился публиковать их, так как мне казалось, что в этих письмах очень много личного и написанного только по моему адресу. Но, перечитав теперь еще и еще раз эти письма, я должен был изменить свое решение: в них, ведь, много и такого, что представляет большой общественный, литературный и исторический интерес, и уже по одному этому, было бы грешно с моей стороны хранить их под сукном.

Но, быть может, следовало опубликовать их не в полном, а в сокращенном виде? Я лично всегда считал, считаю и буду считать не только литературным трюком, но и прямо таки преступлением всякое изменение текста, в него вносимые не самим автором, а кем-то другим, посторонним и чуждым: всякое сокращение всегда бывает только искажением. Тем более, нельзя искажать писем таких замечательных людей, как П. Кропоткин. Такие люди не бросают своих фраз на ветер, и за каждым словом, в процессе его кристаллизации, наверно скрывался целый вихрь безконечно сложных глубоких и многозначительных психических явлений.

Поэтому в публикуемых мною письмах не сделано решительно никаких сокращений или других изменений, даже в расстановке знаков препинания. Копии писем тщательно сверены с подлинником.

—0—

В 1911-13 гг., к каким относятся публикуемые письма, я жил в небольшом швейцарском городке Клаарне и усиленно работал над изучением книг. И не столько над изучением их, так наз. „содержания“, т. е.

1) Речь идет о кулуарниках - революционерах, т. е. о том течении, к которому принадлежу и я с 1888 года.

2) До 1909 г. я был в народнической партии Социалистов-Революционеров, но, после дела Азефа, в обвинении которого тоже принимал участие, вышел из нее, не изменяя своих народнических убеждений.

3) Эта работа, рукопись которой хранится в Институте Биологической Психологии, была действительно знакома в апреле 1913 г. под названием „Практическое Руководство к творческой работе в обыденной жизни“, но не была в 1913-14 гг. издана, а ныне совсем устарела.

того, что в них вложено авторами, сколько того воздействия, того влияния, какое оказывает та или иная книга на своих читателей. Такое изучение книг — вовсе не библиографическая, а библио-психологическая работа, потому что в ней занимает главное место не сама книга, а читатель ее и его психология. А на читателей всякая книга, как известно, оказывает вовсе не одинаковое влияние, — напротив, это влияние бывает бесконечно разнообразным, смотря по тому, каков сам читатель: всякая его особенность отражается так или иначе и на качестве, и на количестве действия данной книги на него. Отсюда видно, что такое (библио-психологическое) изучение книг можно вести не иначе, как сопровождая его одновременным изучением и их читателей. Но чтобы изучать читателей, необходимо быть с ними в возможно близких, дружеских отношениях, в переписке с ними. А дружба, как известно, лучше всего доказывается не письмами только, а практической, активной помощью человеку, каков бы он там ни был.

И вот, одновременно с изучением книг, была организована еще в 1889 г. дружеская переписка с читателями, которая с 1908 г. продолжалась и в Кларане. Книжки, таким образом, делались полезными читателям и их образованию и самообразованию, а читатели были полезны книгам, — их правдивой оценке по их действиям и влияниям.

Результатами такого изучения книг и читателей явились в конце концов следующие труды: 1) трехтомный „Среди Книг“, содержащий описание, особым способом поставленное, по меньшей мере 22,000 наиболее замечательных и важных произведений — оригинальных русских и иностранных, переводных, появившихся с древних времен вплоть до начала XX века, и 2) „Письма к читателям о самообразовании“, в складчину в 1923 г. переизданное (3-им изданием) Группой Русских Рабочих, живущих в Америке.

Об этих двух моих трудах и говорит П. А. Кропоткин в своих письмах. В 1911 го-

ду он жил в Локарно, откуда собирался приехать и в Кларан.

В 1911-13 гг. русская революция уже носилась в воздухе. Ведя обширную переписку с читателями, нельзя было не чувствовать этого. Жить под тогдашним парским режимом было слишком душно и слишком тесно. Но командующие высоты того времени были упорно глухи, да и совершенно не понимали, сколько горячего материала, уже накопил под их ногами весь ход русской жизни за вторую половину XIX и особенно в начале XX столетия. Можно сказать, что революционные искорки чувствовались тогда буквально в каждом читательском письме, иногда в очень ясной, а иногда в неясной форме, — то искорки сознания, то полусознания, а то и подсознания. Многое множество уже написанных и даже распространенных книг, раз они попадали к подходящему читателю превращали даже очень маленькие искорки души в настоящее пламя. Да это делать с помощью подцензурных книг было и вовсе не трудно. Но всей такой работе, как о том и пишет П. А. Кропоткин, прямо таки грош цена, если книга не затрагивает самой глубины читательских душ и если она там зажигает только огонь чувств или только холодное сияние рассуждений, или только дает знания: не в чувствах, и не в рассуждениях, и не в знаниях заключается основная ценность человеческой личности. Но в чем же изменно? Вот об этом то и пишет П. А. Кропоткин.

Летом 1911 г. вышел 1-й том (второе, сильно переработанное и дополненное издание) „Среди Книг“, и я немедленно послал его П. А. Кропоткину, впрочем без всякого письма, а лишь с авторским посвящением. Письмо П. А. от 20-го ноября 1911 г. представляет собой отзыв на посылку ему этой книги.

Как известно, П. А. выпало на долю величайшее счастье — принадлежать к числу тех, относительно очень немногих гениев и друзей человечества, ум которых прямо таки всеобъемлющ и вмещает в себя не какую либо одну специальность, а все главнейшие отрасли человеческого знания, и при этом

вовсе не представляет, так сказать, их склад, а их химическое соединение — их синтез. И не только синтез без всякой социальной и нравственной оценки, а именно с нею, и она то и бешется, и одухотворяет, и углубляет такой ум, как ум П. А. Кропоткина, и манит, и зовет, и толкает человека и человечество вперед и вверх. Все такие особенности Кропоткинского гения отражаются и в его письмах; он, кристально честный ученый и мыслитель с синтетическим складом ума, особенно подчеркивает значение синтетической точки зрения кстати сказать, положенной и мною в основу „Среди Книг“ и „Писем к читателям“. В силу этой же синтетической точки зрения, и для меня лично, еще во время моего студенчества, все мною тогда читанные и перечитанные произведения П. А. Кропоткина производили непреодолимое и неизгладимое впечатление. Не без их влияния стало очевидным и для меня, что человеческое знание и понимание — вовсе не игра в бирюльки, и что Космос (Природа, Вселенная), и человечество, и человек, словом сказать, все существующее, вплоть до самого последнего атома нашего тела, представляют собой единое и нераздельное целое. Это и дает понять Кропоткин в своих письмах.

Есть в них еще кое-что замечательное, а именно его отношение ко всем снаноумслящим, — его взгляд на тех, чьи мнения и убеждения не тождественны с его собственным. П. А. всегда подчеркивал, да подчеркивает и в своих письмах, не то, что разделяет разных людей, а то, что соединяет или что может соединить их прочными, глубокими, духовными, светлыми. Здесь перед нами такая особенность Кропоткинского гения, пред которою все мы, так понимающие, чувствующие, уважающие его, не можем не преклониться. Дружелюбием и безграничным доброжелательством веет с каждой строки каждого письма П. А. Кропоткина.

Особенно знаменательно то, что Кропот-

кин говорит в своих письмах о культурной работе. Как известно, среди русских революционеров того времени, такие слова, как „культурник“, „культурничество“, „культурничанье“, „культурническая и культурная работа“ имели несколько пренебрежительный оттенок. Но в то же время существовало среди русской интеллигенции и такое течение, которое можно назвать „культурническим революционерством“ или „революционным культурничеством“. Его представители смотрели на революционную работу как на цель, а на культурническую — как на очень выгодную позицию для революционной работы и как на наиболее практ. и основательное средство, лучшее всего ведущее к конечной цели, — к свержению тогдашнего политического и социального строя. Это течение революционного „культурничества“ имеет в виду П. А. Кропоткин в своем последнем письме.

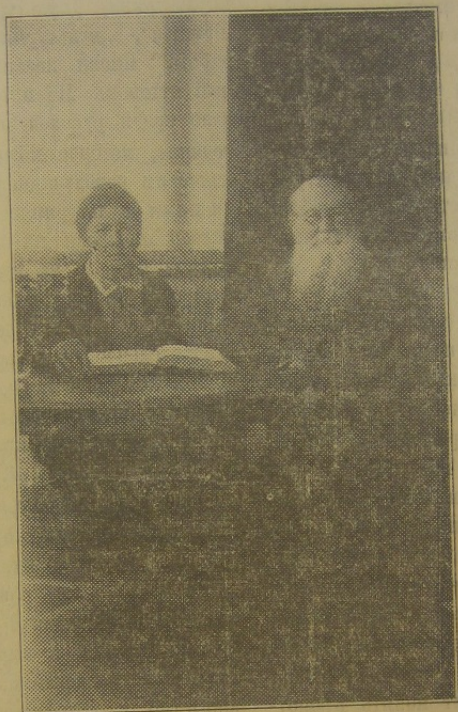
Но в его письмах есть еще кое-что более глубокое. Читая их, мы чувствуем, что здесь перед нами совесть человечества. Я называю этим словом тот предел человеческого сознания, с высоты которого это последнее неопровержимо, и отчетливо, и бескорыстно отсортовывает добро от зла, справедливость от несправедливости, истину от лжи, красоту от безобразия. И самая суть такой совести вовсе не в знаниях, и не в рассуждениях, и не в умениях, а в нравственной чистоте самой оценки и оценщика. Таким-то и является П. А. Кропоткин в этих письмах.

Вот эту то настоящую, неподдельную совесть человечества и умел так четко, красиво и оригинально выявлять П. А. Кропоткин в каждом своем произведении, будь это большая книга, или же маленькое частное письмо. И всегда умел он зажигать как в отдельных людях, так и в группах людей, тот священный огонь, носителем которого он и сам являлся весь свой век.

Ник. Рубанин.

М. НЕТТЛАУ.

Последние слова Кропоткина о русской революции.

П. А. и его жена — Софья Григорьевна.

В этом мемориальном сборнике могут занять прочное место последние впечатления Кропоткина — какие нам известны до сих пор — о Русской революции, написанные им в качестве частного документа 23 ноября 1920 года, за одиннадцать недель до его смерти. Они были напечатаны в начале 1922 года, со вступительной заметкой его дочери, как мне кажется, в большой буэнос-айресской газете, из которой были перепечатаны анархической газетой "La Antorcha" (Буэнос-Айрес) от 31 марта 1922 года; вскоре после этого я сделал перевод для "Freie Arbeiterstimme" (Нью-Йорк). Затем берлинский ежемесячник — „Рабочий Путь“, в июле 1923 года, напечатал оригинальный русский текст, которого я, к сожалению, не имею под рукой. В "Road to Freedom" (Нью-Йорк) за декабрь месяц 1925 года был напечатан текст этих мы-

слей, который, по заявлению редактора, был привезен из России Генри Г. Альсбергом и напечатан впервые. Оттуда текст перешел в несколько газет, как в парижский "Libertaire", от 5 февраля 1926 года, а также в римский "Libero Accordo".

Впрочем, хотя этот документ и был напечатан, но его многие могут забыть или затеряли, несмотря на то, что он в данный момент заслуживает частого перечитывания, ибо это самые патетические слова Кропоткина, и может быть единственный случай, где мы находим его не уверенным, а глубоко рефлексивным перед той проблемой, для которой он не имел полного разрешения.

Я могу воспроизвести документ только по тексту, напечатанному в "Road to Freedom". (Текст документа взят из „Рабочего Пути“. Перев.).

Что же делать?

Мы переживаем революцию, которая пошла вовсе не по тому пути, который мы ей готовили, но не успели достаточно подготовиться... Что же делать теперь?

Мешать революции? — Нелепо. Поздно. Революция будет идти своим путем, в сторону наименьшего сопротивления, не обращая ни малейшего внимания на наши усилия.

Теперь русская революция стоит в таком положении.

Она творит ужасы. Она разоряет всю страну. Она в своем бешеном остервенении истребляет людей: — потому она и есть революция, а не мирный процесс, что она ломает не глядя, что она губит и куда идет.

И мы бессильны пока направить ее по другому пути, вплоть до того, как она изжиет себя. Нужно, чтобы она изжила свои силы.

А тогда?

Тогда — розовым образом придет реакция.

Таков закон истории, и легко понять, по чему иначе и быть не может.

Вообразают, что мы можем изменить ход революции — детская мечта. Революция — такая сила, что ее хода не изменишь.

И потому реакция абсолютно неизбежна, точно также, как неизбежно углубление поверхности воды позади каждой волны, как неизбежен в человеке упадок сил после лихорадочного повышения.

А потому все, что мы можем сделать, это направить наши усилия, чтобы уменьшить ее рост и силу надвигающейся реакции.

Но в чем могут состоять наши усилия?

Умерить голос страстей, с той и другой стороны? Кто же нас станет слушать? — Во всяком случае, даже если есть дипломаты, способные сделать чтонибудь в этой роли, — то время их выступления еще не наступило: ни та, ни другая сторона еще не расположена их слушать.

Я вижу одно: нужно собирать людей, способных заняться построительной задачей, среди каждой из своих партий, после того, как революция изжиет свои силы. Нам,

анархистам, нужно подобрать ядро честных, преданных, не сбедаемых самолюбием работников анархистов. И если бы я был моложе и мог видеть сотни людей, — конечно, так, как это следует делать, если хочешь собирать людей для общего дела...

Если такие "собиратели" анархистов найдутся среди товарищей, то я, конечно, готов им помогать. Тогда и писанья надо вести — но гораздо больше переноской и личными связями, чем путем печати".

—0—

Я не могу сказать, весь ли это текст и сохранился ли или потеряна осталая часть, если она была написана. Содержание относится к непосредственному положению-невозможность для Кропоткина действовать при существовавшем положении вещей — и это говорит целыми томами о той ситуации, которая существовала после ноября 1917 года, когда всегда действовавший, всегда помогавший Кропоткин не видел, что делать в революционной России, кроме самого примитивного — собирания людей при помощи писем и личных разговоров, как это бывает в первые моменты всякого движения.

Был ли это действительно революционный поток, находившийся на его пути? Я думаю, что в действительности — революционным 1917 году голос Кропоткина не был умолкшим, но что многие уважали и слушали его. В 1920 году уже существовала принудительная навелировка мнений в пользу диктаторской партии, а несколько месяцев спустя, в марте 1921 года, Кропоткин был подвергнут бомбардировке по воле Троцкого.

После землетрясения и тайфуна в природе, наступает спокойствие и скоро расцветают цветы, где пронеслась губительная катастрофа. Но после катастрофы 1914 года, созданной людьми, или после войны 1914-1918, вместо мира наступило господство приказов, и диктаторское проведение их в жизнь вызвало нынешний всемирный кризис. После Русской революции существовала не дружеская кооперация всех сил, которые в природе равняют поля битвы и

скоро покрывают их травой и цветами, а существовала и существует диктаторская партийная власть, и кризис таким образом увековечивается, как увековечился военный кризис.

Но совет Кропоткина — начинать работу даже в таких минимальных размерах — был правильным: это была и есть потребность времени втечение всех этих лет. Нужны не новые каналы крошечных размеров, которые не будут замечены и будут залиты новым лодянным потоком, а пузико широкое и глубокое распространение свободной мысли и готовность к разумному действию, которые, как утверждает Кропоткин, не было

доступно тем, кто придерживался таких и подобных идей, но бесценен был действительность.

Поэтому, не „Платформистскими“ регламентациями, которые являются только школьными сказками, а действительным распространением великой и великодушной мысли, прилежным изучением и опытом мы можем встречать новые события с надеждой, что печальные ошибки и недостатки прошлого времени больше не повторятся.

В этом смысле последние слова Кропоткина являются для нас еще одним хорошим советом и дружеской помощью.

Вена, 15 ноября 1930.

М. Неттлау.

ПЕТР КРОПОТКИН

Прошло десять лет с тех пор, когда Петр Кропоткин оставил нас. С его смертью мир стал беднее, ибо, несмотря на силу и власть обстоятельств, всегда так было и вероятно будет, что мужчина и женщина, оставившие глубокое впечатление на своих друзей, долго будут чувствоваться после их смерти. Кропоткин был одним из них. Он умер десять лет тому назад, но он живет в сердцах и сознании многих людей, которые, несмотря на то, что они широко рассеяны физически, остаются связанными идеалом этого великого человека.

Я хорошо знал Кропоткина и провел много-много часов в его маленьком домике в Бромлее, в окрестностях Лондона. Там, в тишине его дома, я изучил его любовь к детям, к его друзьям, музыке, науке и искусству. Там я узнал его глубокую симпатичную натуру: его страстный протест против несправедливости; его любовь к свободе. Там я глубоко приобщился его философии. Не пренебрегая злом войны, суверенитетом церкви и государства с их развешивающими и развращающими влияниями, он видел в них такое зло, с которым нужно бороться, ибо в борьбе человек достигает все высшей и высшей ступени, пока не станет свободным после достижения свободы. Если я в своем 60-летнем возрасте не так полон надежд на человечество, как был полон он, то только потому что немногие из нас одарены его

знанием прошлого и могут соединить это знание с его способностью проныкать сквозь занавес, отделяющий нас от будущего.

Как один из знавших и соглашавшихся с философией Кропоткина, я всегда сожалею во время своих размышлений о том, что я был лишен возможности поговорить с ним по поводу Великой войны и Русской революции, ибо меня интересует вопрос, как отразились эти великие события на его теориях. Для меньшинства людей, подобных нам самим, безчеловечность человека к человеку, проявленная в обоих конфликтах, приносит страшные результаты и уменьшает наше усердие и нашу веру в человека. Но вероятно не так было с Кропоткиным, ибо он обладал двойным превосходством, будучи ученым и гуманистом. Одно давало ему возможность заглядывать далеко в будущее, а другое заставляло его побуждением бороться против несправедливости даже тогда, когда борьба казалась безнадежной.

Кропоткин умер тогда, когда мир вступил в период хаоса, с миллионами людей на краю голода, с милитаризм и тирания обезумели. Так как ему было около 80 лет, то невозможно, чтобы он мог принимать активное участие в событиях последних десяти лет, но он оставил нам наследство, заключающееся в надежде и вере в человечество, которые пробьются через гущу разврата и деспотизма и, мы верим, выйдут в борьбе

победителями.

Тридцать-сорок лет тому назад анархисты, равно как и последователи Герберта Спенсера, считали, что грядущая борьба будет происходить между государственным социализмом и анархизмом, или между свободой и властью. Ни один серьезный мыслитель не мог оспаривать того, что могут существовать такие условия, какие существуют сейчас. Власть всегда существовала в той или иной форме, и борьба на протяжении веков заключалась не только в том, чтобы извлечь из природы высший уровень комфорта, но также и в том, чтобы освободить человека от вековых суеверий власти и таким образом достигнуть степеней самоуправления. Эта борьба настолько интенсивна сейчас, насколько была интенсивна в прошлом, а может быть еще интенсивнее, ибо даже среди реформаторов и так называемых революционеров власть обожествлена. Люди всегда поклонялись свободе, но слава Кропоткина заключается в том, что он обосновал принципы анархического коммунизма на научной почве. Эти принципы не были приняты людьми при его жизни только потому, что он опередил свое время. Нужна некоторая доля веры для того, чтобы принять теорию, находящуюся далеко за пределами сознания среднего мужч. или женщ. Но нельзя предполагать на этом основании, что такие условия невозможны, ибо, несмотря на наше плохое и ненаучное распределение богатства, мы живем в научном веке, многие теории ученых приняты миллионами людей без доказательства или понимания, как была принята и принимается религия. Когда писались эти строки, великий физик Эйнштейн получал одобрение с одного конца Америки до другого. Его теория света и пространства, которую, как признано, понимают в Америке не более шести человек, принята так широко, как принята каждая христианская догма. Может быть опасно принимать за правду то, чего мы не понимаем, но если поддерживаемый принцип во своем существе является верным, то все большее и большее число людей будут понимать его и, понимая, будут постепенно принимать теорию.

Я всегда чувствовал, что Кропоткин прежде всего был гуманистом, а затем ученым, и что его гуманизм привел его к отысканию фактов, подтверждающих его чувства, что жизнь устроена неправильно и требует исправления. Его любовь к крестьянам уже в его детстве доказывает, что его дружеские чувства к тем, кто считался ниже его, появились раньше любви к науке. И эта любовь к крестьянам и понимание плохого обращения с ними и эксплуатации их в конце концов закончилась его решением пожертвовать своей научной карьерой ради изучения социального вопроса и использования своего научного знания и способностей для изготовления того, что он считал лекарством. Человек может быть хладнокровным ученым и в то же время оказывать большую услугу человечеству, но он также может быть великодушным и чувствовать, что его научная подготовка должна быть использована в области великих социальных несправедливостей, для изучения причин и устранения этих социальных несправедливостей.

Если Кропоткин был очень оптимистичным в своих заключениях, касающихся взаимной помощи, то только потому, что его сердце улавливало разумное. Однако, факты, раскрытые им, неоспоримы и нельзя отрицать того, что он оказал великую услугу человечеству благодаря исправлению теории Гексли о „зубах и когтях“. Только время покажет, был ли он чрезмерно верным к человечеству или нет. С аналитической стороны, утверждение анархиста, что злоупотребление и тирания неотделимы от правительства, независимо от его формы, неоспоримо: что оно враждебно прогрессу и развитию человека, это признается все увеличивающимся числом людей. С конструктивной стороны, утверждения, что общество может существовать на основе добровольного соглашения, то еще недоказанная теория, но это величайший сон человечества, какой оно когда либо видело, и мы будем стремиться и стремиться к нему, пока в один прекрасный день он будет осуществлен.

ГАРРИ КЕЛЛИ.

ПИСЬМО КОРПОТКИНА К ДМИТРОВСКИМ КООПЕРАТОРАМ

Друзья и товарищи,

... Я знаю, в какие тяжелые условия поставлена теперь кооперация. Но я знаю также, что она сумела создать за последние пять лет: сколько личного труда, любви к делу и понимания задач общественного строительства было положено на то, чтобы пробудить среди крестьян, разоряемых паразитным правительством, новый дух, — дух свободной общественности.

Зная это, я глубоко убежден, что русская кооперация далеко еще не изжила своих сил. И я верю, что из теперешних испытаний кооперация выйдет еще более общественной, еще более необходимой частью новой общественности, зарождающейся теперь повсеместно в Европе.

Насколько я знаю вашу работу, ее оживляющая мысль не может заглухнуть.

Вы старались создать такие союзы, которые необходимо вели людей к пониманию, что настало время, когда экономическую жизнь необходимо обобществить: — но не из-под палки, так как общественность, созданная насильем, не сможет удержаться, а путем вольных соглашений.

И сделанное вами в этом направлении не пропадет — не может пропасть бесследно. Сгруппировав 30,000 потребителей — кооператоров, вы объединили не только 30,000 простых покупателей, а сотни людей, понимающих, что есть в жизни нечто высшее, чем простое личное благосостояние. А потому я убежден, что кооперация выйдет из теперешних условий еще большей общественной силой, чем теперь.

Когда я беседовал с вами в прошлый раз, я говорил, что сама жизнь требует от нас организации производительной кооперации — и вы, действительно, пытались организовать кое-что в этом направлении.

Теперь же жизнь уже ставит вам новую, более крупную задачу.

Англичанин Роберт Оуэн, когда он основал в тридцатых годах девятнадцатого века первую кооперацию, его мысль была, что

он основывает ячейки для перестройки общественной жизни на новых началах. И вот теперь сама жизнь требует от нас, чтобы мы стали деятельной силой в великой перестройке производства и потребления, которая громко стучится в двери в Европе и Америке.

Ужасная по своим размерам и последствиям война сделала неизбежной и, заметьте, безотлагательной эту перестройку общества на новых более справедливых, социалистических началах.

Действительно, спросите себя, в чем была главная коренная причина последней войны? И вы увидите: она была в том, что все народы Европы, как только развивалась у них обрабатывающая, мануфактурная промышленность, стремились каждый захватить под свою власть как можно больше народов, отсталых в промышленности. Им обывали в три-дорога всякий фабричный товар похуже, и от них по дешевой цене получали сырье. И таких народов стремились подчинить себе, не только в Африке и в Азии, но и в Европе: в Италии, в Турции и, увы, в России. Таким путем Англия нажила в Европе громадные богатства: и тем же путем хотели богатеть теперь другие народы, вместо того, чтобы у себя дома развивать общее благосостояние.

В конце-концов разразилась ужасная по своим размерам, жестокий приемом и последствиям война. И эта война сделала безотлагательной перестройку образованных обществ на новых, социалистических началах. Иначе невозможно будет избежать еще более ужасных войн, как положили конец эксплуатации одних классов и одних народов другие.

Последняя война только подтвердила то, что предвидели социалисты сороковых годов, и что Герцен так верно выразил после разгрома революции 1848 г.: "А вы не захотели социализма?" — писал он. — "Так будет у вас семилетняя, тридцатилетняя война!" И, действительно, пока богатство

одних народов будет строиться на эксплуатации других, — войны неизбежны.

Правильная проповедь против войны не может помешать новым войнам разорять человечество, пока в основе наших обществ будет оставаться такое безнравственное начало, как обогащение чужим трудом. Мало того, по мере развития техники, войны будут становиться все более опустошительными, все более жестокими.

Вследствие пережитого Европой за последние шесть лет, народы Европы стоят теперь на перепутьи. Они вынуждены, либо начать перестройку общественной жизни так, чтобы больше не было наживы одного класса недоплаченным трудом другого класса, или других народов; или же готовиться к новым войнам и выращивать своих детей для новой бойни.

Вот почему трудящиеся классы, везде в Европе настоятельно требуют, чтобы безотлагательно была начата подготовка перехода от теперешнего строя к новому, социалистическому строю, точно также как чувствовалась в свое время необходимость перехода от крепостного права и рабовладения к более свободному труду и уничтожения самодержавия. Везде чувствуется, что настало время, когда производство того, что необходимо для безбедной жизни всех, и потребление того, что производит страна, должны стать делом общественным, а не оставаться делом личным, как оно было до сих пор.

Могут ли кооператоры остаться безучастными в такой глубокой перестройке? Конечно, нет! И вот вам пример из действительной жизни.

На днях до меня дошла из Франции весьма поучительная работа. Всеобщий союз французских профессиональных Союзов, известный под именем „Всеобщей Конфедерации Труда“, взял на себя разработку вопроса, — каким образом, на каких основаниях должен совершиться переход всего производства и потребления из частных капиталистических рук в руки самого народа? Но не в виде какой-нибудь утопии, какие писались отдельными людьми со времени мудрецов древней Греции и вплоть до на-

ших времен, — в чем грешил и я, — а в виде общего плана, разработанного самими теми, кто принимает прямое участие в производстве, т. е. рабочими, кооператорами, служащими и техниками. Для этого Французский Союз профессиональных Союзов решил основать „Экономический Совет Труда“. Но, уже наученные опытом предыдущих революций и не веря более ни в личил, ни в партийных „спасителей“, французские рабочие пригласили сотрудничать с ними в Экономическом Совете Труда:

Национальную Конфедерацию Кооператоров.

Национальную Конфедерацию Служащих, и Синдикальный Союз Техников в промышленности, торговле и земледелии.

Совет, составленный из этих четырех элементов, собрался в первый раз в январе нынешнего года и сейчас же приступил к работе, приглашая принять в ней участие также и добровольцев, из людей знающих в своих областях, и в результате Совет Труда уже издал проект национализации всех рудников, как главного элемента всех производств. Когда этот проект будет обсужден профессиональными союзами, кооператорами, служащими и техниками, и разработанными, буржуазное правительство уже не сможет противопоставить им свой запрет, или навязать свое решение этого первой важности вопроса.

Мы еще не знаем, конечно, что выйдет из этого нового шага французских рабочих и я еще не успел прочесть и обсудить проект Экономического Совета Труда. Но для нас сегодня, особенно важно, отметить выступление кооперации в новой для нее роли, — хотя уже девятию лет тому назад Роберт Оуэн предвидел это.

Теперешнее русское правительство, в социальном, держалось централизованного государственного коммунизма в своих планах перестройки общества; оно обращает кооперативные организации в органы государственной централизации в производстве и потреблении. Но в западной Европе и особенно в латинских странах, где сильно развит в силу исторических причин, дух местной, общинной независимости, — в коопе-

рании видят одну из общественных сил, которые должны содействовать в социалистической перестройке общества. И я едва ли ошибусь, предвизя, что и русские кооператоры не окажутся в этом отношении позади своих западных собратьев.

Уже в бытность за границей, а тем более по приезде сюда, меня поразило количество культурной работы, делающейся русскими кооператорами, несмотря на все препятствия со стороны царского правительства, — боявшегося, как все деспотическое правительства, — „государства в государстве“. Уже тогда чувствовалось, что кооперация есть сила, которую временно можно ослабить, но что убить ее нельзя.

Тем более этого нельзя будет сделать теперь, если наши кооператоры, убедившись в неотложности перестройки общества на новых началах и видя, какую роль кооперация уже начинает играть в этом на Западе, сами поставят себе более широкие задачи в этом направлении.

Двадцатый век неизбежно будет веком глубокой общественной перестройки; и те общественные организации, которые поймут задачу века, и ею будут руководиться в своей деятельности, — какие бы ни возникали препятствия на их пути, — станут действительно могучею силою.

П. Кропоткин.

14-го ноября 1920 г.

ПАМЯТИ КРОПОТКИНА.

Парил он в высотах. Все тайны его
Неведомы были долинам.
Вдруг раны открылись в груди у него
И начал спускаться он к горным вершинам.

Оттуда он видел все муки земли,
И стоны он слышал людские;
Они в его сердце терзанье внесли,
Они пробудили в нем чувства другие.

На стоны людей и на жалобы их
Он песнью свободы ответил.
И скоро в убогих равнинах земных
Движенья и ропот он всюду заметил.

Проснулись порывы. Тревога пришла —
Предвестница бурь и рассвета...
Но песня внезапно его замерла,
Осталась в долинах земных недопетой.

Р. З.

АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК.

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ П. А. КРОПОТКИНА*)

8-го февраля, в день смерти П. А. Кропоткина, комиссия по организации похорон предложила мне поехать в Дмитров, чтобы вместе с Сандомирским представлять анархистов в Дмитровском Комитете по похоронам. Снабженный командировкой и деньгами, я выехал. В доме Кропоткина я застал, помимо Софьи Григорьевны, Александры Петровны и некоторых родных, Эмму Гольдман, Бориса Лебедева, Сандомирского и сына Атебеяна.

О личных впечатлениях и о том многом интересном, что пришлось увидеть и услышать там, здесь не место говорить. Но во время разговоров несколько раз упоминалось, что перед смертью П. А. было высказано пожелание, чтобы на его похоронах смогли бы присутствовать анархисты, заключенные в тюрьмах и кооператоры, арестованные в Дмитрове за принятие из одного кооперативного съезда резолюции в духе идей, высказанных Кропоткиным на этом съезде.

Это сильно заинтересовало меня и я высказался за принятие мер к выполнению последней воли покойного. Раз большевики устраивают П. А. национальные похороны, они нравственно обязаны выполнить и последнюю волю его. Некоторые начали было указывать, что похороны носят семейный характер и что поэтому не следовало бы вмешивать сюда чисто политические вопросы. Но все таки было решено написать письмо Ленину от семьи с изложением этой последней воли Кропоткина.

Еще одно пожелание Кропоткина было то, чтобы во время его похорон не игрался оркестром и ни пелся „Интернационал“, ко-

торый напоминает ему, по его выражению, вой голодных собак. И это пожелание П. А. анархистами было выполнено: во все время похорон ни одного раза „Интернационал“ не играли, ни пели.

Переговорив с комиссией в Москве по прямому телефонному проводу об этом, наутро через два часа было извещено, что Ленин будет ждать это письмо и чтобы постарались как можно скорее привести его в Москву.

К этому времени приехал из Москвы Х. Гейцман и сначала думали, чтобы письмо повез он, но потом пришли к заключению, чтобы письмо повез я, как более заинтересованный и который, потому сделает все возможное, чтобы письмо было передано Ленину лично, и таким образом, арестованные смогли бы приехать на следующий день со специальным поездом для сопровождения тела П. А. Особенно настаивал на этом Сандомирский.

Переговорили опять с Москвой о принятии мер, чтобы письмо могло попасть в руки Ленину в ту же ночь. Но поезд сильно опоздал. Автомобиль, который должен был ждать на станции в Москве, не дождался поезда и уехал, а поэтому пришлось проделывать всю дорогу с Савельевского вокзала до центра Москвы пешком. Секретарь Московской комиссии Пиро ждал с большим нетерпением, так как из Кремля уже несколько раз запрашивали о письме.

Но когда мы отозвали в Кремль, чтобы прислать за письмом, то оказалось, что Ленин ждал до 1 часу ночи это письмо и не дождавшись его, усталый пошел спать. Остался же ждать письмо его секретарь. Также, что ввиду позднего времени, мотоциклист, который должен был поехать за письмом, отпущен, так что сейчас некого было послать, предложив оставить это до утра. Но мы настаивали и Пиро наконец добился, что будут ждать в Кремле пока мы письмо туда доставим своими средствами. Сговорившись с А. Шаниро по телефону, мы

*) В этом очерке я касаюсь исключительно тех событий, которые были тесно связаны с последней волей П. А. и опускаю имена и многое интересное по причинам вам понятным. О самих похоронах, как и о других многих событиях, при возможности, расскажу отдельно.

отправились к последнему на квартиру, откуда с Каменецким пошли в Комиссариат Иностранных Дел, откуда обещали сейчас же передать письмо в Кремль.

По прибытии на следующее утро на Савеловский вокзал стало известно, что письмо Ленин получил, но передал его на рассмотрение В.Ц.И.К. Советов. Как Пилат, Ленин умыл себе руки. Возмущенные революционных анархистов и толстовцев не было конца. Советские же анархисты старались как-нибудь найти оправдание этому поступку Ленина.

Арестованных вырвать из цепких лап коммунистов не удалось, но планам коммунистов и советских анархистов удар был нанесен непоправимый. Специальный поезд, составленный из вагонов 1-го класса, имел еще два специальных вагона: один от В.Ц.И.К. Советов, другой Ц.К. коммунистической партии. Как потом выяснилось, в этих вагонах должны были поехать несколько видных коммунистов, чтобы сопроводить тело Кропоткина. Но это письмо дело осложнило, и они не поехали. Ленин и коммунисты стали перед дилеммой: или выпустить анархистов и этим признать, что анархисты преследуются в России за их идеи, или отказаться от той роли, которую они хотели было, с помощью советских анархистов, разыграть на похоронах Кропоткина, в то время коммунисты еще заигрывали в Европе с анархистами и они выбрали последнее.

В поезде уже удалось сговориться со многими товарищами, особенно, со студентами и рабочими, не допустить, чтобы этот поступок Ленина и коммунистов прошел без протеста и тут же сговорились о тех песнях, которые мы будем петь. И тут же в поезде были переделаны ряд революционных песен на антибольшевистский лад, как например:

„Нам Ленин испугался
„Идал манифест;
„Мертвым все почести,
„Живых под арест“... и т. д.

Или:

„Нас давит, товарищи, власть коммунистов,
„Чистят-враг царичий повсюду“... и т. д.

Или:

„Милиция к порядку штыком призывает,
„Коммунист чужь горюит с трибуны,
„А Ленин и Троцкий башкою кивают
„Коммунизм, мол, хозяин у трона...“ и т. д.

Со временем некоторые из этих переданных песен постараюсь восстановить и напечатать. По нашей же просьбе художники расписали все вагоны изречениями Кропоткина:

„Где власть, там и насилие“. „Прав не дают, их берут“, и т. д.

Шестые с пустым гробом к дому Кропоткиных прошло спокойно. Но на пути к станции, мы начали запевать наши песни, и некоторые большевистствующие члены комиссии начали на нас коситься. Но первое столкновение с ними мы имели, когда прийдя на станцию увидели все вагоны расписанными.

„Кто это сделал? Кто это сделал?“ — возмущались они. Мы им ответили, что это сделали мы и что так оно и останется. Они хотели было стереть эти изречения с вагонов, но увидя настроение молодежи и рабочих, должны были отказаться от этого своего намерения. И так поезд и прибыл в Москву.

Но особенно сильное столкновение пришлось иметь уже на станции в Москве. Большевистствующие члены комиссии, видя настроение анархистов, которых количество еще увеличилось, захотели было повести тело форсированным маршем до дома Союзов, мотивируя это поздним временем и что это — похороны семейные. Но мы категорически воспротивились этому и двинулись целю вперед катафалка с венком антикоммунистических наших песен. Дойдя до Бутырской тюрьмы, мы остановили шествие, сложили знамена и пропели во весь голос Марш анархистов и другие песни. Дмитровская коммунистическая молодежь и кооператоры шли все время с процессией и также сложили знамена. Но зато советские анархисты или со станции же уехали со своими знаменами, или шли в процессии возмущаясь. Некоторые из них даже угрожали, заявляя, что мы издеваемся над покойным Кропоткиным, на что мы отвечали,

что это Кропоткина товарищи и ученики сидят в тюрьме, и если Ленин и коммунисты не выполнили последней воли почившего, то мы, его ученики, нравственно обязаны защищать его волю и передать его предсмертный привет заключенным анархистам. И так с пенцем и протестами мы дошли до дома союзов, где тело покойного находилось до дня погребения.

На следующий день в пятницу 11 февраля стало известно, что В.Ц.Н.К. советов передал пожелание П. А. Кропоткина на усмотрение В.Ч.К., а В.Ч.К. заявила, что она выпустит только тех, кого она считает анархистами и то только для участия в похоронах.

В ответ на подобную пиздост коммунистов нами было решено сделать знамя протеста от имени преследуемых коммунистической властью анархистов. Коммунисты для похорон давали все в избытке и черной и красной материи также было вдоволь. Художники работали по первой же нашей просьбе, и в два счета знамя было готово и написана, набросанная мною наспех, надпись: „Требуем освобождения анархистов из тюремных застенков, борющихся за идеи Кропоткина — анархии“.

Не найдя места для нашего знамени в центре громаднейшей залы, так как вокруг возвышения и вокруг центра залы были помещены, главным образом, венки и знамена официальные и советские, в большинстве своем красивые, черные же за малыми исключениями, были помещены по углам или за колоннами. Мы начали искать возможности поместить его гденибудь на видном месте. Члены художественной комиссии категорически отказались дать этому знамени место в центре залы, не тут „универсалисты“ согласились снять свое знамя, которое висело на самом видном месте, и мы укрепили там наше. „Универсалисты“ же свое знамя поместили за колоннами.

Но не прошло и двух часов, как прибегают товарищи студенты с сообщением, что комиссия знамя это сняла и уничтожила. Мы бросились туда, и действительно знамени не стало. Члены художественной комиссии вам заявили, что сняли они это зна-

мя по постановлению комиссии по похоронам и категорически отказались вернуть его. Но мы решили знамя протеста иметь, и уже было начали готовить знамя еще более резкое, когда вдруг один из служащих Дома Союзов нам отыскал старое. Набив его на древко, мы поставили его на старое место, постаравшись, чтобы сочувствующие фотографы и кинематографисты его сейчас же сфотографировали. Для того же, чтобы знамени протеста опять не сняли, было решено дежурить комунибудь у гроба — это взял на себя привезенный вместе с нами из Харькова рабочий анархист Коалов — Конанов, который провел у гроба, охраняя знамя 32 часа. Товарищи ему носили туда кушать, и время от времени, уходили навещать наше знамя. Членам же художественной комиссии было категорически и определенно заявлено, что если они захотят еще раз снять знамя, то без чекистов они сделать этого не смогут.

Комиссия по похоронам продолжала еще вести с В.Ч.К. переговоры об освобождении анархистов, хотя бы на 24 часа, но без положительных результатов. Заключенные категорически отказывались выходить по рыбору, или все, или никто, — заявили они.

Наступил день похорон. Комиссия почтила меня честью, вместе с нятю другими анархистами, выносом гроба из Дома Союзов и сопровождением его. Со мною вместе, с одной стороны донесли два рабочих: Александр К. и Князев, старый революционер, участник восстания 1905 года в Москве.

Кончилась панихида. На улице стояла сотысячная толпа. И все было готово к выносу тела... Но тут мы трое, уговорившись заранее, заявили, что не подымаем гроба пока не исполнится последняя воля П. А. и не придут на похороны заключенные анархисты из В.Ч.К. и Бутырек, как это до последнего момента утверждала комиссия.

Все в зале заволновалось, комиссия забегала. Забеспокоились и семейные. Пока, наконец, после угрозы одного из членов семьи П. А. выбросить из процессии все венки и знамена коммунистов и советских учреждений, Каменев дал слово, что заключенные придут в залу.

Более получаса простояла стотысячная толпа у улицы в недоумении, а тысячи в зале удивлялись гробовому ожиданию.

Прошло томительных полчаса. Мы стояли у гроба не двигаясь и ожидали чем это кончится. Все мы ожидали, что скорее придут за нами, чем привезут наших товарищей. Но вдруг все заводиновалось в зале. Как мертвецы из гроба, вошли один за другим семь анархистов, выпущенных на 24 часа из В.Ч.К. Все они: Ольга Таратута, Фаня Барон, Арон Барон, Давид Коган, Марк Мрачный, Александр Гувеский и Алексей Олонецкий имели ужасный вид. Обросшие, бледные, они напоминали каторжников царских времен. Особенно ужасен был вид Алексея Олонецкого. Имея один единственный солдатский костюм с короткими штанами и обмотками, он где то потерял одну обмотку и так и ходил с одной голой ногой. По залу пронесся ужасающий шопот при виде этих живых мертвецов. У нас же вырвался вздох облегчения.

Один по одному входили они на возвышение, где был гроб и где все время стояли три старейших революционера народника: Вера Фигнер, Бах и Сажин-Росс.

Посоветовавшись наскоро между собой, мы решили, чтобы гроб выносили заключенные анархисты. Сначала большевистствующие члены комиссии было не соглашались, но потом согласились, чтобы поскорее покончить с неудобным для них положением, ибо вдруг выплыл новый инцидент.

Художественная комиссия начала устанавливать вешки и знамена для процессии и впереди поставила красное знамя анархо-синдикалистской группы „Голос Труда“ с черным траурным обводом. Знамя же протеста поставила в хвосте. Наскоро выбрав пять студентов, среди них и высланного впоследствии с нами Петра Михайлова и нескольких рабочих, среди них Потехина, впоследствии расстрелянного и после быстрого соглашения или нести это знамя впереди процессии, или попасть в чеку, знамя протеста было поставлено впереди.

Началась суматоха. Члены комиссии волновались, угрожали, ни чего не могли

поделать. Тогда они забежали и привели члена комиссии Х. Этот было начал угрожать и нам пришлось сразу же его обрезать: „Кропоткин был анархистом и не боялся черного знамени, а, главное, его последняя воля не была выполнена коммунистами, и поэтому знамя протеста не пойдет впереди только в том случае, если вы пригласите наших друзей из Чека. В противном же случае это знамя будет впереди, будь что будет“.

Студенты и рабочие нас поддерживали, и, взбешенный этот член комиссии должен был уйти. И так знамя протеста и шло все время впереди. И даже многие из тех, кто нас поносили и ругали, потом гордились и выставляли перед заграницей это знамя.

На обратном пути с кладбища, мы это знамя опять повесили развернутым во главе небольшой демонстрации до помещения анархического клуба. Толстовцы нас сопровождали до Толстовского Музея, дмитровские кооператоры и ком. молодежь вошла со своими знаменами с нами. Большевистствующие же анархисты свернули свои знамена еще на кладбище и уехали, оставив нас с нашим знаменем протеста. По пути нам сообщили, что навстречу нам движется особый отряд В.Ч.К. Но почему то вдруг он завернул на смежную улицу и пропустил нас. И мы без особенно важных инцидентов, дошли до клуба.

Так выполнили коммунисты и Лении последнюю волю великого революционера-анархиста и великого сердца человечества, — П. А. Кропоткина.

На следующий день после похорон, небольшая группа товарищей и мы опять собрались на похороны. Но на этот раз должны были похоронить заживо семь товарищей и друзей, которые добровольно выполняли данное палачам слово.

В 11 часов утра было решено известить в В.Ч.К., что заключенные вернутся только к вечеру.

В 6 часов вечера, небольшой группой, мы двинулись сопровождать наших товарищей к Лубянке. Каждый шаг отбивался догребальным звоном в наших душах. Мы ве-

ли в живую гробницу наших товарищей, и если тяжело хоронить товарища умершего, то еще во много раз тяжелее хоронить живых. Но наши мысли витали в стране будущего и наши глаза горели огнем веры, радости и надежды.

Наконец мы подошли к Лубянской площади. Заняв своей страшной пастью вход В.Ч.К. У многих из нас плакали сердца, но горели живым огнем и теплой верой души.

Мы подошли к дверям, обменялись по-

следним прощаньем, и знаящая пасть страшно-го кровавого зверя, начала одного по одному быстро поглощать наших товарищей. У одного из нас вырвалось: „До свидания, ребята... в Чехе“.

Так выполнили эти семь анархистов великий завет анархиста Кропоткина: оставаться анархистами и перед зияющей пастью мотылы.

А. Горелик.

Буэнос-Айрес, 10 января 1931 г.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ КРОПОТКИНА

Через тридцать восемь лет после появления книги Кропоткина „Хлеб и Воля“, тридцать лет после английского издания (1901 г.) его „Поля, фабрики и мастерские“, через двадцать шесть лет после „Взаимопомощи“, мы не только вправе, но и прямо обязаны определенно высказаться о научной ценности трудов Кропоткина. Мы обязаны это сделать также из уважения к его личности и из преданности нашему освободительному движению, которому Кропоткин посвятил свою богатую содержанием жизнь.

Я много спорил с противниками о научном значении трудов Кропоткина и готов признать их правоту, поскольку они правы.

„Кто хочет — сказал мне один из этих противников, — провести параллель между семьей муравьев и хозяйственной жизнью человека, тот должен еще сначала доказать, что то, что годится для муравьев, правильно и полезно также для хозяйственной жизни человека“.

Такого рода доводы нашел я также в отзыве одного бельгийского социолога второго или третьего разряда о „Взаимопомощи“ Кропоткина.

На такие доводы я всегда отвечал, что Кропоткина, как и всякого ученого, надо рассматривать как дитя своего века. За последнее время твердо установлено, что сравнение между жизнью и трудом человека и других млекопитающихся (особенно высшего порядка, а также муравьев и пчел) можно тем лучше провести, чем больше точек связи между ними можно установить. Однако, ес-

ли принять во внимание, что целая отрасль науки, как психология животных, возникла только в последние годы, то нельзя упрекать Кропоткина за то, что он в данном случае был скорее пионером современного научного знания, чем строго современным ученым.

Приведенный пример понадобился для того, чтобы пояснить, что наш великий друг Кропоткин, конечно, не вполне владел тем строгим научным методом, которого требует современная наука от нынешних ученых, и что такого метода и требовать нельзя было от Кропоткина.

В этом смысле Кропоткин находится в том же положении, что и другие ученые его времени, — например, Спенсер или Гексли в Англии или Огюст Конт, Мишле и Ренан во Франции. От них также нельзя требовать современного научного метода.

В доказательство того, что я сказал выше о Кропоткине, приведу еще один пример, взятый из области общественных наук: те идеи, которые наш великий предшественник развивал в книге „Хлеб и Воля“ в качестве агронома — относительно культуры фруктов и овощей, — несомненно представляют собой научное достижение и оказали практическое влияние во многих направлениях. Однако, когда Кропоткин пошел так далеко, что выдвинул тезис, будто каждая страна может более или менее хорошо кормиться собственными продуктами, и что культура плодов под стеклом может сыграть в этом деле решающую роль, то здесь он не-

решил границы научности в экономической области. Пределы возможностей в этой области оказались значительно уже, чем думал Кропоткин. Этому давно уже научил нас опыт.

То же самое относительно тезиса Кропоткина, что индивид есть основа общественной жизни человека, и что принципы, развитые им во „Взаимопомощи“, руководят индивидом в строительстве общественной жизни. Кропоткин не видел, что в этом утверждении заключаются спорные пункты, которые приводят к неразрешимым противоречиям. Но и здесь не было вины Кропоткина.

Только новейшие изыскания вполне выяснили, что не индивид как таковой, а только агрегат индивидов—племя, род, семья, нация, — в ходе столетий строят основы общественной жизни, — что даже в более ранние времена и в эпоху более старых цивилизаций, чем современная, человек, как индивид, всегда был безусловно подчинен интересам агрегата, к которому принадлежал, — и что только в течение самых последних веков освободительные движения постепенно отвоевали для индивида признание и некоторое уважение.

Приводя эти критические замечания о Кропоткине как ученом, с точки зрения требований современной науки, мы не можем не указать, что для своего времени и своего поколения научные идеи Кропоткина были в высокой степени передовыми.

О таких выдающихся умах, как Кропоткин, нельзя судить справедливо, не приняв во внимание, что к концу 19-го века социальные науки еще находились под гнетом метафизики, а экономические науки под давлением марксистской диалектики.

Неогегельянцы, как Маркс и Энгельс, особенно сильно влиявшие на социал-демократию, отрешались только от социальных теорий Гегеля, но не от его духа: разрешали все экономические проблемы с помощью диалектики и согласно дедуктивному методу. Они видели в „человеческом сознании“ (под этим благозвучным именем они подразумевали сознание Маркса и Энгель-

са) путеводную нить для объяснения развития человеческого общества, вместо того, чтобы, наоборот, индуктивным путем, путем точного изучения действительного развития общества, расширить свой собственный кругозор и ограничиться тем, чтобы из тщательно изученных фактов действительной жизни вывести общие правила и законы.

Против ложных экономических выводов социал-демократической диалектики, вроде теории неизбежного и всеобщего обнищания рабочего класса, определения буржуазии как „силовой реакционной массы“, руководящей идеи „революционной диктатуры пролетариата“, осуществленной теперь в России и причинившей столько бед, и других таких же теорий и принципов, Кропоткин, Элизе Реклю и другие выступили всеми силами.

Благодаря особенно новейшим изысканиям естественных наук, которые остались почти неизвестными таким людям как Маркс, новейшие социологи сумели объяснить всю сложность общественных явлений и показать односторонность и упрощенность марксизма. Государственному социализму и государственному капитализму, к которым необходимо должен был прийти марксизм, как мы это видим теперь в России, они противопоставили общественный порядок, свободно и прочно построенный на основе коммуны и федеративного союза народов.

В том и состоит значение таких ученых, как Кропоткин и Реклю, что они являются одновременно теоретиками нового хозяйственного строя и предвестниками нового социального знания. И с этой точки зрения совершенно безразлично то, что при современном состоянии наук приходится вносить в их теории некоторые поправки.

Знание — не религия. Оно не построено на догмах, рассчитанных на долгие века. Мы с усилием делаем шаг за шагом, постоянно проверяя добытые знания и себя самих. Поэтому знание и плодотворно, живительно, в то время, как религия окаменела. Будущее принадлежит знанию.

Плодотворность научных трудов Кропоткина теперь обнаруживается на каждом ша-

ту. Его идеи о сближении фабрик с полями, а полей с городами уже теперь нашли себе практическое применение в городах-садах. Также и его идеи о соединении физической и умственной работ нашли себе широкое распространение в молодом поколении.

В этом смысле Кропоткин равен великим провидцам 19-го века — Сеп-Симону, Фурье, Роберту Оуэну и Прудону, из „утопий“ которых (как их называли противники) вы-

шло столько прекрасных идей: кооперативные товарищества, детские сады, коммунистические кухни, и пр.

Так же будет и с нашим предшественником, Кропоткиным. Потомки возьмут из его научных трудов и из его принципов анархической морали все то, что может быть использовано в данное время и в данном месте, для того, чтобы постепенно превратить это в действительность.

Париж.

Х. Корнелиссен.

ПЕТР КРОПОТКИН

ВОСПОМИНАНИЯ И КРИТИКА ОДНОГО ИЗ ЕГО СТАРЫХ ДРУЗЕЙ.

Петр Кропоткин несомненно был одним из тех, кто наиболее содействовал — быть может, больше даже, чем Бакунин и Эллизе Реклю, — разработке и пропаганде анархической мысли. И он вполне заслужил всепрощения и признательности, которые питают к нему анархисты.

Но из уважения к правде и в высших интересах дела нужно сказать, что его работа не вполне и не всегда была благотворна. Это было не по его вине: напротив, именно значительность его заслуг была причиной зла, которое я намерен указать.

Естественно, Кропоткин не мог — как и никто не может — совершенно избежать ошибок и охватить всю истину. Нужно было, следовательно, использовать его драгоценный вклад и продолжать поиски в интересах дальнейшего прогресса.

Но литературные таланты Кропоткина, ценность и обширный охват его творчества, престиж, который давали ему его заслуги крупного ученого, тот факт, что он пожертвовал своим высоко привилегированным положением для защиты, ценою опасности и страданий, народного дела и, вместе с тем, обязательность его личности, которая очаровывала всех тех, кто имел счастье войти в соприкосновение с ним, делали его настолько выдающимся человеком и давали ему такое влияние, что он казался, а в значительной степени и был на самом деле, признанным учителем значительного большинства анархистов.

В результате, критики были обезкуражены, и произошла остановка в развитии идеи. В течении многих лет, несмотря на боевой и прогрессивный дух анархистов, большая часть их, поскольку речь шла о теории и пропаганде, только изучали и повторяли Кропоткина. Высказываться иначе, чем он, многие из товарищей считали почти ересью.

Было бы, поэтому, полезно подвергнуть учение Кропоткина суровой критике, без предассудков, чтобы выяснить, что остается в нем попрежнему верным и живым и отделить это от того, что позднейшие мысли и опыт признают ошибочным. Впрочем, это касалось бы не одного только Кропоткина, ибо ошибки, в которых можно его упрекнуть, свойственны были взглядам анархистов прежде, чем Кропоткин занял выдающееся положение в движении: он их укрепил и упрочил, поддерживая их своим талантом и своим престижем, но мы, старые борцы, все или почти все несем в этом отношении нашу долю ответственности.

Сейчас, когда я пишу о Кропоткине, я не имею намерения заняться основательным рассмотрением его учения. Я только хочу отметить некоторые впечатления и записать некоторые воспоминания, которые могут послужить, как я надеюсь, к выяснению морального и интеллектуального облика Кропоткина и сделать более понятными его заслуги и его ошибки.

Но прежде всего я скажу несколько слов, которые идут из моего сердца, ибо я не могу

думать о Кропоткине, не испытывая волнения при воспоминании об его безпредельной доброте. Я вспоминаю о том, что он сделал в Женеве зимою 1879 или 1880 года, чтобы помочь группе бедствовавших итальянских эмигрантов, к числу которых принадлежал и я: 1) я вспоминаю о заботах, — я называл бы их материнскими, — которые он проявил по отношению ко мне в Лондоне однажды, ночью, когда я стал жертвою несчастного случая и вынужден был постучать в его дверь; я вспоминаю тысячи случаев, когда он проявлял свое добросердечие по отношению ко всем, и я вспоминаю атмосферу сердечности, которую все дышали вблизи его. Ибо он был действительно добр тою почти безсознательной добротой, которая испытывает потребность облегчить все страдания и распространить вокруг себя улыбки и радость. Можно было бы сказать, что он был добр, сам того не зная; во всяком случае, он не любил, чтобы об этом говорили. Он почувствовал себя обиженным, когда в одной статье, которую я написал по случаю его 70-ти летия, я сказал, что доброта была первым из его качеств. Он больше любил проявлять свою энергию и свою гордость, — быть может, потому, что эти последние качества развивались в борьбе и для борьбы, тогда как доброта была самопроизвольным выражением его натуры.

— 0 —

Я имел честь и счастье быть связанным с Кропоткиным в течение долгих лет самой братской дружбой.

Мы любили друг друга потому, что нас воодушевляла одна и та же страсть, одна и та же надежда... а также одни и те же иллюзии.

Оба мы были по темпераменту оптимисты (я думаю, однако, что оптимизм Кропоткина далеко превосходил мой оптимизм и, быть может, имел иной источник). Мы видели жизнь в розовом свете, — увы! в слишком розовом свете, — мы верили более 50-ти лет тому назад в близость революции, которая должна была осуществить наш идеал.

1) Это случилось в первых месяцах 1879 года, до изгнания Малатесты из Швейцарии. М. Н.

В течение этого долгого периода было много моментов сомнения и уныния. Я вспоминаю, например, что Кропоткин однажды сказал мне: „Дорогой Аяри, я боюсь, что только ты и я верим в близость революции“. Но это были мимолетные моменты: бодрость скоро возвращалась, мы так или иначе объясняли себе затруднения сегодняшнего дня и скептицизм товарищей и продолжали работать и надеяться.

Тем не менее, не следует думать, что у нас были одинаковые взгляды. Напротив, во многих основных пунктах мы далеко не сходились, и почти каждый раз, как мы встречались, у нас возникало какое-нибудь разногласие, вызывавшее между нами крикливые споры; но так как Кропоткин всегда уверен был, что он прав, и не мог спокойно мириться с возражениями, а я, с другой стороны, питал большое уважение к его знаниям и очень считался с его расстроенным здоровьем, то мы всегда кончали тем, что меняли предмет спора, чтобы не слишком раздражаться.

Однако, это несколько не вредило дружественности наших отношений, ибо мы любили друг друга и работали совместно по побуждениям скорее сентиментальным, чем интеллектуальным. Несмотря на различие объяснений, которые мы давали фактам, и аргументов, при помощи которых мы оправдывали наше поведение на практике, мы хотели одного и того же и нас толкало одно и тоже пламенное желание свободы, справедливости и довольства для всех. Мы, поэтому, могли идти вместе.

И действительно, между нами никогда не было серьезного разногласия, вплоть до того дня, когда в 1914 году, возник вопрос практического поведения капитальной важности для меня и для него: вопрос о позиции, которую должны были занять анархисты по отношению к войне. В этом печальном случае сказалось и обострилось его старое предпочтение всего того, что было русским или французским, и он заявил себя страстным сторонником Антанты. Он как будто забыл, что он интернационалист, социалист и анархист; он забыл о том, что

сам же он сказал несколько ранее того о войне, которую готовили капиталисты. 2) он стал восхищаться худшими из государственных деятелей и генералов Антанты, он называл трусами анархистов, отказывавшихся вступать в священный союз и создавал, что возраст и здоровье не позволяли ему взять ружье и идти против немцев.

Столковаться не было возможности. По моему, это был подлинно патологический случай. Во всяком случае, это был один из наиболее тяжелых, наиболее трагических моментов моей жизни (и, смею сказать, его жизни), — тот момент, когда, после чрезвычайно тягостного спора, мы расстались противниками, почти врагами.

Велико было мое горе по поводу потери друга и ущерба, причиненного делу в результате сумятицы, которую мог внести в ряды анархистов такой уклон. Но, несмотря на все это, остались нетронутыми во мне любовь и уважение к человеку, а также надежда, что когда пройдет похмелье момента и выяснятся последствия войны, он признает свои ошибки и вернется к нам.

—о—

Кропоткин был одновременно и ученым и социальным реформатором. Им владели две страсти: желание знать и желание работать для блага человечества. Две благородные страсти, которые могут быть полезны одна другой и которые хотелось бы видеть во всех людях. Но Кропоткина был ум в высшей степени систематический; он хотел все объяснить, исходя из одного принципа: он хотел все свести к единству — и он часто делал это, по моему мнению, даже вопреки логике. Вот почему он научно обосновывал свои социальные чаяния, которые были, по его мнению, ничем иным, как строго научными выводами.

Я не обладаю никакой специальной компетентностью, чтобы судить о Кропоткине, как ученом. Я знаю, что в своей ранней

юности, он оказал замечательные услуги географии и геологии. Я ценю великое значение его книги о „Взаимномомии“ и убежден, что — он, благодаря своей обширной культуре и большому уму, мог бы внести более крупный вклад в прогресс наук, если бы его внимание и его деятельность не были поглощены социальной борьбой. Однако, мне кажется, что ему чего-то не доставало, чтобы быть настоящим человеком науки: способность забывать свои желания и предубеждения, чтобы с безпристрастной объективностью изучать факты. Он казался мне скорее тем, что я охотно называл бы поэтом науки. Он мог бы угадывать новые истины силой гениальной интуиции, но эти истины должны были бы быть проверяемы другими людьми, которые могли бы обладать меньшей гениальностью или вовсе не быть гениальными, но должны бы быть одарены тем, что называют научным духом. Кропоткин был слишком страстен, чтобы быть точным наблюдателем.

Обычно он создавал сначала гипотезу, а потом искал фактов, которые могли бы ее оправдать. Это, может быть, хороший метод для открытия истины, но Кропоткину случалось, помимо его воли, не видеть фактов, которые противоречили его гипотезе.

Он не умел решаться на признание факта и, зачастую, даже не принимал его во внимание, если ему не удавалось предварительно объяснить его, т. е. заставить этот факт войти в его систему.

В качестве примера я расскажу эпизод, повод к которому дал я.

В период 1885-1889 г.г., когда я был в аргентинских пампасах, мне случилось прочесть кое что о гипнотических опытах школы в Нанси. Вопрос меня чрезвычайно заинтересовал, но в то время я не имел возможности подробно ознакомиться с ним. Вернувшись в Европу, я встретился с Кропоткиным в Лондоне и спросил его, мог ли бы он дать мне сведения о гипнотизме. Он решительно заявил мне, что ничему здесь не следует верить: что это были галлюцинации и надувательство. Несколько времени спустя я вновь встретился с Кропоткиным,

2) Это относится к брошюрам Кропоткина „Война“ (Париж: издание „Les Temps Nouveaux“, 1912, 22 стр., а на итальянском языке „Война, причины и следствия“ (Март 1912) Женева, издание „Risveglio“, 22 стр. — М. Н.

и разговор снова зашел о гипнотизме. С удивлением я нашел, что его мнение совершенно изменилось: гипнотические явления стали вопросом интересным и заслуживающим изучения. Что же случилось? Узнал ли он о каких-нибудь новых фактах? Или он получил убедительные сведения о фактах, которые он изучал? Нисколько! Он просто прочел книгу, не знаю какого немецкого физиолога, и почерпнул из нее теорию о взаимоотношениях между двумя полушариями мозга, которая, плохо ли, хорошо ли, могла послужить для объяснения данных явлений. 3).

Такое расположение духа заставляло его по-своему решать вопросы чистой науки, где страсть не должна омрачать разум. Нетрудно было видеть, что происходило, когда

3) Малатеста вернулся в Лондон, приблизительно, в Октябре 1889 г. Вопросу, о котором говорит здесь Малатеста, Кропоткин посвящал лекции, прочитанные им в Английском Братстве и в Лондонском Этическом Обществе, приблизительно, в 1890 г. Эти лекции были переработаны Кропоткиным, изложены на русском языке и напечатаны под заголовком "Справедливость и правдивость" (Петербург-Москва, "Золотое Труд", 1921, 55 стр.) Кропоткин связывает склонность человеческой мысли к справедливости и к уравновешенности с симметрическим устройством полушарий человеческого мозга. Здесь он находит, в качестве гипотезы, физиологический базис идеи справедливости и равенства. Он прибавляет в одном примечании, что ранее ему не было известно, что Литтр высказал такое же предположение в журнале "La Philosophie Positive", (повидимому, в конце 60-х годов. Н.). — Таким образом, из воспоминаний Малатесты мы узнаем, что Кропоткин находился под впечатлением того, что он узнал по данному вопросу из германской научной книги зимою 1889-90 годов, а из лекции мы узнаем, что Кропоткин обосновал на симметрическом устройстве мозга гипотезу о происхождении этических представлений из физиологического устройства человека. Таким образом, эта гипотеза вошла в основную систему Кропоткина, стала естественным базисом его "Этики". Отсюда, как говорит Малатеста, Кропоткин мог сделать допущение, что исключительными причинами некогда приостановили сотрудничество обоих половин мозга, вызывая этим исключительными явления гипнотизма. Малатеста возможно, не знает об этой брошюре (я послал ему экземпляр ее), но она полностью подтверждает то, что он хочет доказать: когда Кропоткин оказался в состоянии связать эти исследования о физиологии мозга с частью его собственных рассуждений и гипотез, то именно тогда он стал интересоваться ими. М. Н.

он разрешал вопросы, близко задевавшие его самые горячие желания и его самые заветные надежды.

—0—

Кропоткин придерживался материалистической философии, преобладавшей среди ученых второй половины 19-го века, философии Моленшота, Бюхнера, Фогта и др.: поэтому его представление о вселенной было строго механическим.

Согласно этой системе, воля (творческая сила, источника и природы которой мы не можем понять, как, впрочем, не можем мы понять источника и природы "материи" и других "первооснов"), воля, говоря я, которая так или иначе определяла бы поведение индивидов и обществ, не существует, это иллюзия. Все, что было, что есть и что будет, начиная от бегства звезд, до рождения и гибели цивилизаций, от движения земли до мысли Ньютона, от аромата розы до улыбки матери, от жестокости тирана до доброты святого, — все происходило, происходит и должно происходить, как фатальный результат причин и следствий механической природы, которая не оставляет места ни для какой возможности изменения. Иллюзия воли также является не более, как механическим фактом.

Естественно и логично, что если воля не имеет никакой силы, если она не существует, если все необходимо и не может быть иным, то идеи свободы, справедливости, ответственности не имеют никакого значения, не находятся ни в каком соответствии с действительностью.

Следуя этой логике можно только наблюдать то, что происходит в мире, непытаясь равнодушие, удовольствия или горе, смотря по особенностям данного лица, но без надежды и без возможности что-либо изменить.

—0—

Итак, Кропоткин, который был очень строг по отношению к историческому фатализму марксистов, оказывался во власти механического фатализма, который в гораздо большей степени парализует волю.

Но философия не могла убить могучую волю, которая жила в Кропоткине. Он был

слишком убежден в истинности своей системы, для того, чтобы отказаться от нее, или, хотя бы только спокойно выписать возражения тех, кто сомневался в ней, но он был слишком страстен, слишком любил свободу и справедливость, чтобы остановиться перед трудностью разрешения логического противоречия и отказаться от борьбы. Он выходил из положения путем включения анархии в свою систему и превращения ее в научную истину.

Он укреплялся в своем убеждении, утверждая, что последние открытия во всех областях науки, от астрономии до биологии и социологии, все более и более доказывали, что анархия есть такой способ социальной организации, который требуется естественными законами. Ему можно было возразить, что каковы бы ни были те выводы, которые можно извлечь из современной науки, все же не подлежит сомнению, что если бы новые открытия подорвали современные научные представления, то он, Кропоткин, остался бы анархистом вопреки науке, как он был анархистом вопреки логике. Но Кропоткин не смог бы допустить возможность конфликта между наукой и его социальными чаяниями. Он всегда придумал бы какой-нибудь способ. — не важно, логичный или нелогичный. — чтобы примирить свою механическую философию со своим анархизмом.

Например, сказавши что „анархия есть такое понимание вселенной, которое основано на механическом истолковании явлений, обнимающем всю природу, включая сюда жизнь общества“ 4) (признаюсь, что я никогда не мог понять, что это означает). Кропоткин забывал, как ни в чем не бывало, свое механическое истолкование явлений и бросался в борьбу с увлечением, эн-

тузиазмом и верою человека, который убежден в могуществе воли и ядется, путем своей борьбы, завоевать или содействовать завоеванию желаемого.

— 0 —

В действительности, анархизм и коммунизм Кропоткина, прежде чем быть вопросом мысли, были результатом его чувствительности. В нем сначала говорило сердце, а потом являлось рассуждение для оправдания и обоснования влечений сердца.

Основной сущностью его характера была любовь к людям, сострадание к бедным и угнетенным. Он подлинно болел чужою болью, и несправедливость, даже если она была в его пользу, была непереносима для его души.

В эпоху, когда я посещал его в Лондоне, он зарабатывал на жизнь путем сотрудничества в обзорах и других научных изданиях и жил в условиях сравнительной обеспеченности, но он испытывал как бы угрызения совести от того, что жил лучше, чем большинство ручных рабочих, и, казалось, всегда хотел извиниться за свои маленькие удобства. Он часто говорил, имея в виду себя и тех, кто жил, как он: если нам удалось научиться и развить свои способности, если мы имеем доступ к интеллектуальным наслаждениям, то это потому, что мы воспользовались, благодаря случайности нашего рождения, эксплуатацией, которой подвергаются рабочие. Борьбей за их освобождение, для нас — обязанность, священный долг, который мы должны уплатить.

Из любви к справедливости, как бы для того, чтобы искупить привилегии, которыми он в свое время пользовался, он отказался от своего положения и пренебрег научными занятиями, которые он любил, чтобы посвятить себя пропаганде среди петербургских рабочих и борьбе против царского деспотизма. Под влиянием этих настроений он примкнул к Интернационалу и усвоил анархические взгляды. Наконец, среди различных анархических взглядов он избрал программу коммунистов — анархистов, которая, будучи основана на солидарности и

4) С этих местом следует сравнить письмо Кропоткина к Джейму Гильому от 12 Июня 1903 г., выдержки из которого приведены в моем обзоре писем Кропоткина в настоящем сборнике. — Вопрос, который Малаatestа здесь рассматривает, обсуждался им и некоторыми другими в его журнале "Pensiero e Volonta", (Рим), 1924-26 годов. К этому журналу должны обратиться те читатели, которые желают знать аргументы Малаatestы полностью. М. П.

якобы, идет дальше даже самой справедливости. 5).

Но, естественно, и как это можно было предвидеть, его философия не осталась без влияния на его понимание будущего и борьбы, которую надо было вести во имя будущего.

Так как, согласно его философии, все, что случается, должно было случиться, то анархический коммунизм, к которому он стремился, фатально должен был победить, как бы силою закона природы.

И это освобождало его от всяких колебаний и скрывало от него всякое затруднение. Буржуазный мир фатально должен пасть; он уже разлагается, и революционная борьба должна только ускорить его падение.

Большое влияние, которое он оказывал в качестве пропагандиста, объяснялось не только его талантами, но и тем фактом, что он изображал дело настолько простым, настолько легким, настолько неизбежным, что энтузиазм охватывал тех, кто его слушал или читал.

Моральные трудности исчезали; ибо он приписывал „народу“, рабочей массе, все добродетели и все способности. Он с полным основанием восхвалял облагораживающее влияние труда, но недостаточно ясно видел принижающее и развращающее влияние нищеты и подчинения. И он думал, что достаточно будет уничтожить привилегию капиталистов и власть правящих, чтобы все люди немедленно стали любить друг друга, как братья и заботиться о чужих интересах, как о своих собственных.

Таким же образом он упускал из виду материальные трудности, или легко отделялся от них. Он усвоил ходкую в то время среди анархистов мысль, что скопление продуктов земли и промышленности так обильно, что на долгое время не придется беспокоиться о производстве, и он всегда говорил, что очередной проблемой яв-

ляется потребление; что для успеха революции нужно немедленно и полностью удовлетворить потребности всех: производство естественно следовало бы за ритмом потребления. Отсюда эта мысль: „бери, что хочешь“, которую он сделал модной и которая, конечно, является наиболее упрощенным способом понимания коммунизма, наиболее способным правиться толпе, но, в то же время, самым примитивным и самым утопическим.

И когда ему указали, что это скопление продуктов не может возникнуть, потому что капиталисты обычно производят только то, что они могут продать с прибылью, и что, быть может, в первые времена революции придется организовать кормление пайками, а в то же время больше развивать промышленность, чем поощрять распределение по способу „бери, сколько хочешь“, то он принялся изучать этот вопрос более тщательно и пришел к выводу, что, действительно, изобилия не существует, и что в некоторых странах население живет под постоянной угрозой голода. Но он вознаграждал себя тем, что указывал на великие возможности развития земледелия при помощи науки. В качестве примера он взял результаты, добытые некоторыми земледельцами и некоторыми учеными агрономами на ограниченных участках земли, и из этих примеров делал выводы самые ободряющие, не думая ни о препятствиях в виде невежества и отсталости крестьян, ни о времени, которое во всяком случае потребовалось бы для широкого распространения новых способов культуры и распределения.

Как всегда, Кропоткин видел вещи такими, какими он желал бы, чтобы они были, и какими, как мы все надеемся, они когда-нибудь будут: он считал уже существующим или непосредственно осуществимым то, что должно быть завоевано долгими и тяжкими усилиями.

—а—

Кропоткин понимал природу, как некое Провидение, благодаря которому повсюду должна царить гармония, в том числе и в человеческих обществах.

5) Справедливости в смысле: строгой взаимности, взаимодушия, когда даешь больше, чем получаешь. — такова вершина этики, как ее понимает Кропоткин. М. И.

Это и заставляет многих анархистов повторять эту сочную и совершенно кропоткинскую фразу: „анархия — естественный порядок вещей“.

Можно было бы спросить себя, почему природа, — если верно, что ее закон есть гармония, — стала ждать, чтобы появиться в мире анархисты, и до сих пор еще ждет, пока они победят, чтобы устроить страшные и убийственные противоречия, от которых всегда страдали люди.

Не будем ли мы ближе к истине, если скажем, что анархия есть борьба в человеческих обществах против дисгармонии природы?

—0—

Я подчеркнул две ошибки, в которые, по моему, впал Кропоткин: его теоретический фатализм и его чрезмерный оптимизм, ибо я считаю установленным, что эти ошибки оказали дурное влияние на наше движение.

Были товарищи, принявшие всерьез фаталистическую теорию (которую, в виде эфемизма, называют детерминистической) и в результате совершенно утратили революционный дух. Революция не делается, стали говорить они, она придет, быть может, когда наступит для нее время; но бесполезно и антинаучно и даже смешно желать ее сделать... И с этими милыми доводами они отошли и стали заниматься своими делами. Но мы ошиблись бы, если бы подумали, что для всех эта теория была удобным извинением для того, чтобы отойти от борьбы. Я знал нескольких товарищей, отличавшихся пылкими темпераментами и готовых пренебречь всякой опасностью, которые пожертвовали своим положением, своей свободой, и даже своей жизнью во имя анархии, будучи при том убеждены в бесполезности своей борьбы. Они сделали это из отвращения к обществу, из мести, из отчаяния, из любви к красивому жесту, но без веры в то, что они служат делу революции и, следовательно, не выбирая цели и момента и не думая о том, чтобы согласовать свою борьбу с борьбой других людей.

С другой стороны те, кто, не занимаясь философией, желали работать для того, что-

бы приблизить и совершить революцию, считали это дело гораздо более легким, чем оно есть на самом деле, не предвидели трудностей, не подготовились как следует... и оказались неспособными к действию в тот день, когда, быть может, явилась возможность сделать что-либо практическое.

Да послужат ошибки прошлого уроком для будущего!

—0—

Я кончил:

Не думаю, чтобы моя критика могла унижить Кропоткина, который остается одним из наиболее светлых явлений в нашем движении.

Моя критика, если она справедлива, послужит для доказательства, что никто не свободен от ошибок, даже если он обладает большим умом и героическим сердцем Кропоткина.

Во всяком случае, анархисты всегда найдут в его писаниях сокровищницу изобретательных идей, а в его жизни — пример и побуждение к борьбе за добро. 6).

ЭНРИКО МАЛАТЕСТА.

6) Малаatestа, которому 4-го Декабря 1930 года исполнилось семьдесят семь лет от роду, и который закончил эту статью 30-го Декабря несмотря на то, что чувствовал себя не весьма хорошо, изложил в этой статье многое из своего богатого либертарного опыта, который насчитывает теперь уже 60 лет, начиная с ранней весны 1871 года. Те, кто знаком с историей анархического движения, могли бы многое добавить к каждому его замечанию здесь.

Личность Кропоткина и его идеи были так обаятельны, что все движение склонилось к их пользу. Почти каждое критическое замечание, изложенное здесь, было часто высказываемо Малаatestой 50 лет тому назад и постоянно повторялось им с тех пор. Но общая ценность Кропоткина для движения была так велика, что те товарищи, которые не поддались под обаяние его личности и его идей, всегда сами воздерживались от решительного выражения своего несогласия. Некоторые думают теперь, что много времени было потеряно благодаря этому воздержанию и надеются, что придет день, когда критика станет свободнее. Необходимо, чтобы все знали, что анархизм не исчерпывается Кропоткиным, как он не исчерпывается Бакуниным и Малаatestой, как музыка не исчерпывается Бетховеном и Вагнером — но что эти и все другие применения человеческих способностей и энергии гораздо шире и являются безконечной координацией лучших порывов множества людей. М. П.

Взгляд на жизнь и учение П. А. Кропоткина в свете некоторых его писем 1876-1914 годов

по опубликованным и неопубликованным материалам составил
М. НЕТТЛАУ.

Многие из ранних социалистов и анархистов писали свои письма очень старательно, и благодаря этому в некоторых случаях сохранилось немало интимных материалов для истории огромного международного распространения их идей в течение последних 150 лет.

Их социальная природа, пропагандистский пыл, товарищеский дух, а также, временно, чувство одиночества, желание развить рождающиеся в их умах идеи с помощью обсуждения, — наконец, постоянные требования со стороны ранних и еще очень небольших движений, возлагавших тяжелое бремя как раз на самых активных и преданных, — все это делало частые письма необходимостью. Переменяясь с личным обменом мнений, эти письма являются, таким образом, самым основным материалом, который, в наш век секретарей, телеграфа, телефона, диктофона, не собираются большинством социалистических и профсоюзных организаторов, ораторов, писателей, печатников и проч., ибо все такие материалы принимают теперь форму механически ретипируемых деловых сообщений. Взгляд на интеллектуальную мастерскую раннего социализма и анархизма, попытка осветить ее, может показаться странным времяпрепровождением торопливому работнику или исследователю, воспитанному нашим машинным веком.

Но мы можем уверить их, что если они, бедные жертвы системы, созданной в интересах паразитов и лентяев, не хотят стать совершенно бездушными привесками к машине, и, в сущности, частью самой машины, то они ничего лучшего не могут сделать, как погрузиться в прошлое, когда люди, в условиях значительно меньшего развития технических приспособлений всякого рода, но при более ясном небе, в более теплом общении с другими людьми и с природой,

ведя более спокойную уместяющую жизнь, мыслили и работали для освобождения человечества и были среди первых, бросивших вызов тогдашним тиранам и угнетенщикам и смело выступавших против всех препятствий, нагроможденных на пути прогресса. Переписка таких людей является не только неоценимой основой социалистической и революционной истории, но также и источником духовной силы, а часто — и добрых советов современному читателю.

Очень многие письма Прудона, Бакунина, Элизе Реклю, Кропоткина, Джемса Гильома, Густава Ландауэра и, конечно, других, сохранились, но еще большее количество их уничтожилось или до сих пор находится в забросе. По крайней мере, три больших коллекции имеются в распоряжении читателей: письма Прудона (14 томов, 1875 г.), Реклю (3 тома, 1911-25 гг.), Ландауэра (2 тома, 1929 г.), а кроме того — большой том на русском языке, содержащий письма Бакунина к Герцену и Огареву (1896). Избранные письма из переписки Прудона, опубликованные в нынешнем году в Париже в одном томе, были встречены публикой, как самая привлекательная литературная новинка. Большая часть найденных писем Бакунина разбросана, однако, в различных, иногда — ставших уже редкими изданиях или существуют только в рукописных списках и выдержках у меня и еще немногих других.

Письма Кропоткина еще менее известны. Некоторое число их было опубликовано в периодических журналах после его смерти, в отдельных номерах или сериях номеров, собрать которые трудно в настоящее время. Многие из них, вероятно, хранятся в архиве Московского Музея, который и до сего времени еще не опубликовал никаких сообщений, основанных на массе на-

копленных им документов. Многие из них хранятся в ожидании серьезной попытки напечатания какого-нибудь сборника их, а многие другие, повидимому, заброшены, постепенно теряются и уничтожаются, ибо владельцы их думают, что к этим письмам нет более живого интереса. Бывает также, что владельцы таких писем умирают или уходят на покой, и письма становятся достоянием людей, чуждых или враждебных их идеям.

У меня была возможность видеть несколько связей таких писем, и я списал их для своей исторической работы. Они оказались неоценимыми для освещения швейцарского периода жизни Кропоткина (1877—1881). Другие письма изображают позднейшие периоды его жизни. Я думаю, что лучше использовать исторически важные части этих писем таким способом, чем ограничиваться ожиданием, что когда-нибудь может выйти полное собрание этих писем.

В том же духе и смысле я также нахожу, что то небольшое число выдержек из напечатанных и ненапечатанных писем, которые дошли до моего сведения, явятся поощрением к опубликованию полного издания, так как эти выдержки покажут, какие биографические материалы и другие интересные заметки содержатся в этих письмах. Сошлюсь также на выдержки из писем Кропоткина к Грау в другой статье этого же Сборника.

Выдержки приводятся в хронологическом порядке и кой-где поясняются мною. В некоторых местах, путем вставки слов, взятых в квадратные скобки [], я добавляю такие пояснения, как, например, название какого-нибудь издания или дату, так как нынешнему читателю неизвестны подробности, которые автор письма в свое время считал слишком известными, чтобы требовать пояснений. Я также добавил новейшие сведения о другом автобиографическом материале и других сериях писем и проч., чтобы показать, для каких периодов существуют хорошие источники — печатные или рукописные — и какие периоды особенно требуют дальнейших изысканий. Но так

как это — не исторический труд, а только юбилейная статья, то я вовсе не старался быть исчерпывающим. Я только имел в виду бросить взгляд на переписку Кропоткина, считая, что этот очерк должен стать поощрением к тому, чтобы предпринять эту задачу в более широком масштабе, с помощью хорошо направленной энергии всех тех, кто в ней заинтересован.

М. Н.

— 0 —

О первых тридцати годах (1842-1872) жизни Кропоткина мы осведомлены, главным образом, благодаря его „Запискам революционера“ (Лондон, 1899; русское издание — Лондон, 1902. Мне неизвестно, были ли опубликованы оставленные им дополнения, предназначенные для более полного издания), „Дневнику П. А. Кропоткина“ (Москва, 1923, УИ, 292, 2 стр.; 8°), покрывающему время с июля 1862 г. до ноября 1867 г., — благодаря его личной переписке, докладам и проч., об его поездках по Сибири, напечатанным в общих и научных периодических изданиях 1) того времени, а также благодаря тому, что он сообщил о раннем периоде своей жизни в речи на Лионском процессе (1883 г.) и проч. Подробности его карьеры на государственной службе были приведены в сборнике „Памяти Петра Алексеевича Кропоткина“ (Москва, 1921 г.), стр.стр. 62—65, где перепечатан его образно написанный доклад о процессе ссыльных поляков в Иркутске, в 1866 г. (стр.стр. 123—172). Музей П. А. Кропоткина в Москве владеет некоторыми очень ранними рукописями, сибирскими документами, и проч.: см. описательную брошюру Н. К. Лебедева о Музее, Петроград, 1928, стр. стр. 14 и 24. Но ранние письма не были опубликованы, насколько я знаю, и обширная корреспонденция между Петром и его братом Александром (умер в

1) См. его собственный список в Библиографии „Рабочего Мира“ (Цюрих. Париж № 4, 9 декабря 1912 г.); библиографию, составленную Т. Пиро в Кропоткинском „Сборнике“, напечатанном „Голосом Труда“, 1922, стр. 186-249; также приводимое ниже письмо 2.

1886 г.), хотя и сохранилась, но не была напечатана.

Письма 1 и 2 относятся к позднейшей части этого периода.

Письмо 1-е. Число мне неизвестно. Эта выдержка приведена в брошюре Лебедева, стр. 14.

„В этом доме (в Малом Власьевском переулке, Москва) мы жили зимы 1855-57 г. г. и он связан у меня со многими воспоминаниями: с первым пробуждением литературных наклонностей, а потом с эпохой нашего „народнического“ движения. Здесь мы переписывали с моим русским учителем Н. П. Смирновым второй том „Мертвых душ“, ходивший тогда по рукам в рукописи, и здесь я прочел впервые „Евгения Онегина“ и „Горе от ума“, где цензура не позволяла называть Скалозуба полковником.... Здесь же я прочел и Войнаровского... Здесь же, наконец, мы принялись с братом издавать „журнал“, для которого он писал стихи, а я „повести“, т. е. то, что считал повестями“... 2).

Письмо 2-е к М. Неттлау.

Брайтон, 10 ноября 1912 г.

... Тысячи благодарностей за эту библиографию 3)... С своей стороны, я составил список того, что я напечатал с 1861 по 1876 г в России и Сибири. Также у Петермана (немецкий географический журнал) и в Неаполе (Обсерватория Пальмьери).

Однако, у меня нет заглавий и точных дат для Vorläufiger Bericht der Olekma — Witim Expedition (вероятно, в конце 1867 или в 1868 г. 4) Katalog der Höhen in Ostsibirien und angrenzenden Ländern (вероятно, в 1870, или 71, или 72 г.), напечатанном в Petermann's Geographi-

shen Mitteilungen 5).

У меня также нет точных дат моих писем из Сибири в „Современную летопись“ Московских Вестомостей 1862-1864-65. 6). Это было еженедельное издание 4° „Московской Газеты“. (Катков в ту эпоху был еще английским вигом, конституционалистом). То же относительно „Русского Вестника“, где я напечатал рассказ о моем первом путешествии в Манджурю. (Поездка из Забайкальска на Амур, через Манджурю, Р. В., 1865, № 6, стр.стр. 585-681).

То и другое есть в Британском Музее, я имею точные даты, но не нахожу их.

Я пропустил в моем списке интересную вещь: почти стенографический отчет о процессе поляков, возбуждавшихся в 1866 г. на пути вокруг Байкала, после чего добряк Корсаков (генерал-губернатор Восточной Сибири) утвердил приговор суда (военного) — расстрелять четырех поляков. В нем я рассказываю о жестокостях, учиненных русскими офицерами. Корсакова это привело в ярость.

Я имею здесь копию этого отчета „Биржевых Вестомостей“ 1867 г. Ее сделали для меня в России... Я продолжаю пополнять список, приводя краткий обзор того, что я написал здесь в газетах, словарях, энциклопедиях. Это целое curriculum vitae (literariae) 7) литературное жизнеописание. Примечание переводчика).

—o—

Ни о каких письмах, относящихся к периоду 1872-1876 г.г. (путешествие за границу в 1872 г., участие в русском революционном движении, тюрьма и бегство) мне не известно. Главными документами являются: „Первая встреча с П. А. Кропоткиным“, М. П. Сажина, в его „Воспоминаниях“

5) В 1872 г., № 9, стр. 341-5.

6) См. Библиографию Пиро за годы 1862-1867.

7) Библиография в „Temps Nouveaux“, (Париж), март 1921 г., составлена мною, в части, касающейся анархизма, а географические статьи изложены согласно списку „Рабочего Мира“ 1912 г. этот список, насколько я могу припомнить, не заглядывая в него, несколько полнее, чем список „Temps Nouveaux“. Напр., он приводит описание Иркутской Выставки, брошюры, не упоминаемой у Т. Пиро.

2) Несколько экземпляров этого рукописного журнала имеются в Музее. См. стр. 14, прим. 1 и 20.

3) Товариш Готсалия в Париже просил ее у меня для „Рабочего Мира“, по случаю 70-й годовщины рождения К. Я ее составил на основании материалов моей „Библиографии Анархии“ (1897), стр. 72-86-238-9, и дополнил их, а затем передал К., хотевшему осведомить меня о своих самых первых произведениях на русском языке.

4) Это путешествие летом 1866 г. изложено в № 5, 1867 г., стр. 161-66.

(Москва, 1925 г., стр.стр. 81-82) о Кропоткине среди швейцарских интернационалистов 1872 г., и в аналогичных воспоминаниях, записанных Джеймсом Гильомом: в литературе о кружке Чайковского, как например, в книге Л. Нишко, Сергей Михайлович Кравчинский, в Вестнике русской революции, no 3. и отдельно, 50 стр., и т. д., и на процессе 193. Записка Кропоткина 1873 г., „Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?“, его первое известное революционное произведение, было захвачено при его аресте и помещено, но не полностью, в одном из секретных правительственных изданий, из которого впоследствии было перепечатано в „Былом“ (Петербург), а также в сборнике „Памяти“, 1922, стр. 24-56, где на страницах 21-24, и 66-76 (написано Николаем Ашешовым) разбираются эти вопросы. Но заметки Кропоткина, когда он пересматривал этот текст в 1920 г., оставались неопубликованными, и я не могу сказать был ли неполный текст 1873 года дополнен и сверен с оригиналом, если таковой был найден.

Побег Кропоткина из тюремной больницы теперь более полно освещен М. П. Лешерном фон Герцфельд: „Воспоминания о побеге П. А. Кропоткина“, в „Памяти“, 1922, стр. 77-81, и изучением документов полиции, Н. А. Вых [Ник. Ашешовым?], стр. 82-92. Дальнейшее изучение и воспоминания М. П. Сажина 1872 года, знакомят нас с Софьей С. Лавровой, хорошо известной в цюрихском кружке Бакунина, принимавшей участие в знакомстве Кропоткина с русским кружком Цюриха, действительной пособницей кропоткинского побега в 1876 году, навещавшей его в Harrow, в 1886 году, после его тюремного заключения во Франции, и еще, и еще, до самого конца; продолжавшей поддерживать с ним ровную связь, и знающей и помнящей много вещей. Я не знаю, была ли ее жизнь изучена революционными историками. Я видел ее только раз, у нее дома, и она произвела на меня впечатление очень образованного человека. Она была его же возраста и умерла в начале двадцатых годов в

Петербурге.

За период 1876-79, я знаю только около тридцати неопубликованных писем Кропоткина, все они были адресованы Полю Робэну, жившему тогда изгнанником в Вульвиче (Лондон). В последние годы, хорошо известный как поборник бесплатного обучения и нео-малътузианец, Робэн, в конце шестидесятых и в 1870 году, на интернациональных съездах во Франции, Бельгии и Швейцарии, стал деятельным и был в самом центре кружка противников власти. Кропоткин, который в Лондоне встретил Лаврова, но не почувствовал симпатии к сдержанному кружку, издававшему тогда в Лондоне „Вперед“, был, наоборот, Робэном приведен в контакт с наиболее деятельными интернациональными противниками власти, которых, как Джеймса Гильома, он уже немного узнал за время своего путешествия в 1872 г. в Швейцарию и Бельгию. Его связи скоро расширились как это видно из большого количества писем, адресованных ему наиболее известными товарищами весной и летом 1877 года, опубликованных в книге Гильома „Интернационал“ (4 тома, 1905-11.); я видел их и пользовался ими для исторической работы, исключая русские письма, которые должны быть теперь в кропоткинских бумагах. В конце того же года он был сделан секретарем - корреспондентом секретной интернациональной группы, и эти связи расширились, когда было основано „Revolte“, встреченное с большим интересом во многих странах, особенно во Франции. Теперь только письма к Робэну свидетельствуют обо всем этом, подробные, живые, фотографически точные, часто отделанные большими перерывами. Некоторые другие источники, как например, сотрудничество Кропоткина в швейцарских анархистских газетах, помогают их дополнить. Русские отношения едва могут быть проследжены по его письмам, и часто заключаются в личном товарищеском контакте, как например, с Дмитрием Клеменцом, Ваарламом Чернышовым, Анной Кузминой и другими.

Чтобы заработать на жизнь, Кропоткин начал посылать научные заметки, изданные

из русских источников, в лондонский "Nature", подписывая их „Левашов“ (его тогдашний псевдоним), а также заметки о русских географических экспедициях в "Times". Кроме того, его работа, "Исследования о ледниковом периоде", XXXIX, 717 стр., напечатанная Русским географическим обществом, была прислана ему журналом "Nature", для обозрения; тогда он раскрыл свое инкогнито, и Ж. Стюарт Кельти, помощник редактора, сделался его верным другом и скоро пригласил его для русской работы в Gazetteer (географический словарь), который он подготовил (см. некролог Кельти о Кропоткине, в значительной части перепечатанный в книге Joseph Ishill, „Петр Кропоткин, бунтарь, мыслитель и гуманист“. (Berkeley Heights, New Jersey, 1923) стр. стр. 51-55.

—0—

Письмо 3-е. (Лондон). Без числа. Помечено Робном: ноябрь 1876.

... „Видал книгу Лиссагара о Коммуне (в то время только что напечатанную в Брюсселе). Лавров, прочитавший начало книги, сказал, что, не углубляя вопросов, подобно Лефрансу („Очерк движения коммунаров в Париже в 1871 г.“ Ньюшатели, 1871 г.), автор очень интересно рассказывает о фактах, в стиле скорее журналиста, чем историка. Он остается верным своим симпатиям и антипатиям. Говоря, напр., о Лонском восстании (сентябрь 1870 г.), он даже не называет Бакунина. Книга чрезвычайно дорога — 10 франков, и Трюбнер выписывает ее из Брюсселя по почте за 11 шиллингов. Я получу ее через несколько дней“.

—0—

Письмо 4-е. (Лондон). Без числа. Помечено Робном: ноябрь 1876 г.

... „Я уезжаю в начале будущей недели в среду или во вторник. Мне послали денег. Пока же пишу без усталости, вчера и сегодня, чтобы покончить с кучей газет, полученных мною от "Nature". 8).

8) В другом письме он сам дружеским образом прощается с Робном и его женой и указывает Нью-

—0—

Письмо 4-е. (Лондон) 11 января 1877 г.
... „В понедельник или во вторник я уезжаю или в Бельгию, или в Швейцарию. С одной стороны, Гильом убеждает меня скорее отправиться в Вербье (Бельгия), что бы позионировать там почву для Брусса (Поль Брусс, член Интернационала, в то время находившийся в Берне), который сначала едет в Льеж (где он постарается устроиться в университете в качестве преподавателя по химии); а с другой стороны, меня зовут в Швейцарию: один из моих друзей в России — даже двое — скоро придут, может быть даже на этих днях, специально для переговоров со мной и моими друзьями“..

„Демонстрация (знаменитая речь Плеханова у Казанского Собора) не нравится вам из-за церкви. Но это был очень хороший способ иметь аудиторию в тысячу человек. Она была немножко скучная, зато и мужчины и женщины дрались очень хорошо“.

—0—

Письмо 6-е. (Лондон) Робн пометил: 23 января 1877 г.

... „Я еще не уехал: я еще не покончил с писанием для "Nature" и с письмами, но сегодня я уезжаю в Остенде. Крепко вас обнимаю, дорогой друг, и уезжаю с сожалением, что наше знакомство было таким коротким, но очень хотел бы возобновить его когда-нибудь. Я надеюсь на это, ведь жизнь бросает нас по своему произволу, и нельзя знать, где мы встретимся“.

—0—

шатель, как место, куда он отправлялся. Это означает, что в декабре 1876 г. он поехал, чтобы встретить Джемса Гильома в Ньюшатели, и эта поездка, сделанная по приглашению, имела цель, описанную мною на основании его собственных и Джемса Гильома сообщений, в главе X моей биографии Малатесты. — Хотя эта цель — не им выбранная, а предложенная ему — не была достигнута, все-же он очень заинтересовался делами Интернационала, так как оторванность его лондонской жизни, видимо, томил его. Он вернулся в Лондон лишь на несколько недель, а затем окончательно переехал на континент 23-го января 1877 г.

Письмо 7-е. Верве, 4 февраля 1877.

... „Есть рабочие 9), которые твердят: „посмотрите на эти прекрасные английские тред-юнионы. Посмотрите, какую силу они приобрели. В единении — сила. Вы увидите, о, вы увидите, что Англия будет все-таки первой в деле разрешения социального вопроса, но не методами насилия, а путем требований и заявлений рабочей партии о том, чего она захочет, когда сила будет на ее стороне“. Вот, что им проповедывали, и что наши попуган повторяют. Но огромное большинство за ними не идет. Вчера, например, я был в местной организации. Около двадцати рабочих пришли, чтобы провести вечер. Я завел разговор на тему об этой выходке клоуна (двумyselенная статья) — „Ответ Резилла (Силье)“, появившейся вчера в „Mirabeau“ (еженедельник Интернационала), а затем о пути, по которому они думают пойти. Нашелся защитник тред-юнионов. Надо было видеть, как слушатели — и, заметьте, наиболее развитые среди слушателей, — **пожирали** меня глазами, когда я начал спрашивать: **все-ли** им сказали о тред-юнионах? Говорили-ли им о духе, которым они проникнуты, об их организации, о неизбежной власти председателей и секретарей, и проч., и проч. После этого все, — за исключением одного старшего пьяницы и одного упорного петиционера (подписавшего реформистскую петицию), ходатайствовавшего о помиловании, — подпрыгивали на своих местах, когда их спрашивали, пойдут-ли они парламентским путем. Они говорили: никогда! Никогда мы об этом не думали и никогда нам этого не предлагали“...

(В том же письме, но обращаясь к мадам Робэн):

... „Но агитация, целые вечера, проведенные в ожесточенных спорах, приносят мне пользу. Есть то чувство свободы, сп-

9) Он посещал интернационалистов, чтобы познакомиться с просачивавшимися в их среду реформизмом и парламентской тактикой, и чтобы противодействовать этому, если возможно. Он надеялся, что можно успешно бороться с этим уклоном от революционной линии.

лы, которого схватало в Лондоне“. 10).

—о—

Письмо 8-е. (Верве; первых двух страниц не хватает).

... „Итак, я предлагаю, чтобы Брюссель приехал сюда для переговоров с Флюзом (Пьер Флюз, ткач, один из наиболее старых и уважаемых членов Интернационала). Это самый влиятельный, красноречивый и энергичный человек. Хотя он поддерживал петиционеров, но с оговоркой: — пусть делают, они скоро увидят, к чему это приводит. Его легко убедить в нелепости этого движения, ибо в глубине души он сам в этом убежден. Пусть отношения с Плеттом (Эмиль Плетт, вышедший из Интернационала; принадлежал к кружку „Искра“, оставшемуся автономным) и Бастэном останутся прерванными и сохраняются лишь на чисто деловой почве (продажа „Бюллетеня“ и проч... Плетт имеет книжную и газетную лавку). Пусть Брюссель попытается завладеть журналом „Mirabeau“ 11). (Вы не можете представить себе, как они привязаны к своему „Мирабо“. Это их любимое детище. Это их министерство. Кто им владеет — правит). Стало быть, редакция вновь должна стать рабочей, и туда надо поставить Флюза. Флюз поддержит анархистов. Если не овладеют журналом, то пусть Брюссель организует другой — но безусловно рабочий журнал (с неизбежными разговорами о той или иной обиде со стороны хозяина или лапочника), пусть он приложит все усилия, чтобы сменить редакцию.

Что касается меня, то я нахожусь, что пробыть здесь месяц — было бы бесполезно и даже вредно. Год — это было бы другое дело, но месяц не привел бы ни к чему. Короткое посещение оставило бы даже бо-

10) Эти дискуссии с интернационалистами в Верве для противодействия реформистским влияниям были, вероятно, первым соприкосновением Кропоткина с западными рабочими. Здесь он сразу погружился в жизнь секций, раздираемых в то время в разных направлениях, как он подробно описывает это.

11) Ибо газета попала в руки людей, не имевших собственной воли, склонявшихся к тому, чтобы стать орудием в руках реформиста Силье, в Брюсселе.

нее сильное впечатление, чем месячное пребывание"...

—0—

Письмо 9-е. Ньюнатель, 11 февраля 1877 года.

... „Я поехал... прямо в Женеву, чтобы разрешить вопросы о русской газете (12) и проч. Там я захватил моего русского товарища (Дмитрия Клеменца), и мы вместе отправились в Ньюнатель через Веву, что бы повидаться там с Реклю (Элизе), который меня интересует и который предложил поставить меня под покровительство швейцарского Географического Общества. (13).

... „Гильюм чертовски устал, похудел и измучился после этого ряда докладов... Новости, привезенные Брюссом (из его тайной поездки во Францию) отрады. Пробуждение усиливается (парижские студенты с увлечением участвуют в нем) и направление, принимаемое движением, — чисто анархическое... Франция, Франция, таков крик везде, в Бельгии, как и здесь“...

—0—

Письмо 10-е. Шо-де-Фон (город в швейцарской Юре), 16 февраля 1877 г.

... „Вот я, наконец, и поселился на месяц или два в Шо-де-Фон и, как всегда, пужаюсь в деньгах“...

Он (Элизе Реклю) мне очень понравился. Мы с ним много спорили, и я был приятно поражен, увидев в нем настоящего социалиста (я в этом несколько сомневался, в виду его учения). (14).

... „Сегодня я поселился здесь вместе с моим русским товарищем (Клеменцем). Но моя только-что состоявшаяся беседа со

12) В то время не было анархической газеты на русском языке, так как женеvский „Рабочник“ был прекращен в марте 1876 г., а „Община“, стала появляться лишь в январе 1878 г. Существовали планы, чтобы Кропоткин принял участие в такой газете? Название газеты не было начато.

13) Кропоткин в то время писал иногда по французски довольно неуловжое. Он хочет сказать, что Э. Реклю рекомендовал или представил его Швейцарскому Географическому Обществу, чтобы дать ему возможность заниматься собиpанием материалов, и проч.

14) Кропоткин говорит: „По причине его науки“. Это слово он употребляет здесь в смысле немецкого „Gelertheit“.

Шнихигером (Август Шнихигер, один из наиболее известных работников в Юре) оставил по себе не очень приятное чувство в связи с здешними делами: здесь одна немногочисленная группа с очень небольшим влиянием на рабочих или, скорее, почти без всякого влияния на массу, которую завербовали радикалы. (Во Франции, Швейцарии и других европейских странах радикалами называют левых либералов, а не революционеров, как в Америке. Прим. переводчика).

... „Напротив, Брюсс, которого я видел вчера, принес больше надежд и бодрости, особенно благодаря своему живому темпераменту (француз-южанин из Монпелье). Он сообщил нам некоторые подробности своего путешествия и горячо поддерживал мысль о демонстрации 18 марта в центре враждебно настроенного населения Берна. (15). На демонстрацию пойдут, ретни сражаться, если нужно, с бернцами.

—0—

Письмо 11-е. (Шо-де-Фон). 27 февраля 1877 г.

... „Что касается положения Федерации (Юрской Федерации Интернационала) здесь, то оно далеко не блестящее. Все секции уменьшились до очень небольшого числа членов. Здесь, напр., только 10 или даже 8 членов приходят на собрания. Их имена: Шнихигер, Пянди (Луи Пянди, член Парижской Коммуны), брат Ферре (Нипо-анг, брат Теофила Ферре, члена Коммуны, расстрелянного в 1871 г.), Бандран (рабочий из Лиона), и проч.: двое из них Шнихигер и еще один, а остальные — эмигранты из Парижа, Лиона, Италии и Испании (Северин Албаррасин, бежавший из Алкоя, очень скомпрометированный в Испании в 1873 г.) Это бы еще ничего. Их численность была бы не важна, если бы масса была с ними. Но дело не так обстоит. У них нет связей с массой. Более того, они отделены от нее как бы стеной, и

15) В марте 1876 г. бернские интернационалисты подверглись избиению, а их красное знамя было изорвано бернскими реакционерами. Брюсс предложил явиться в Берн в большом числе, чтобы иметь возможность отбить новое нападение.

мои усилия или, скорее, мое желание войти в другие круги, помимо этих десяти человек, ни к чему не привели пока. Для масс, радикалы — Боги сегодняшнего дня. Социалистам недоверяют. Нескольким лет благоденствия, при маленькой склонности к буржуазной роскоши (по воскресеньям вас и меня приняли бы за грязных рабочих), обичай лениво сидеть в кафе, болтая о театре и богатых свадьбах, и проч., — все это удаляет от сектантов, какими мы являемся.

Есть, наконец, очень бедное, жалкое население (нищета растет, выдаются бесплатные обеды), оно нам симпатизирует. Но оно и боится нас также. Работа так редка, так редка временами, и она целиком зависит от каприза хозяина, перед которым боится себя скомпрометировать. Нужно что-нибудь, стачка, быть может даже расстрелы, чтобы привести все это в движение, чтобы вызвать хотя бы только брожение“...

... „Наконец, пришло 18 марта... Затем в Берне (муниципалитет здесь реакционный) запретили поднимать красное знамя. Тогда цюрихцы (знамя которых было изорвано в 1876 г.), то-есть секция... постановили явиться в возможно большем числе с красным знаменем, чтобы оштрафовать 18 марта в Берне. Она приглашает всех товарищей явиться к поднятию знамени на вокзал и, если нужно, защищать его.

Это будет сделано. Брусс развезает, чтобы собрать единомышленников, а секция Юры пошлет от 10 до 20 или 30 решительных человек. Если придется драться, тем лучше. На этот раз люди придут вооруженные кастетами. Не защищать поруганное знамя хотят, а проявить себя, доказать людям, что мы умеем организовать, доказать населению Берна, что у нас есть силы, а также выступить с пропагандой перед многочисленной аудиторией... Что касается меня, то я целиком одобряю этот способ действий. Конечно, это способ пропаганды (и, скажу в скобках, красное знамя для меня не тряпка:16) нападая на него, нападают на

нас, и мы должны его защищать). В общем, мы отсюда пойдем в Берн, человек двенадцать... Если жандармерия нас атакует, тем лучше. Это будет пропаганда с помощью ударов кастетами — и револьверных выстрелов, если потребуется. Все думают, что придется драться“...

„Я здесь вместе с одним из моих лучших друзей (Клеменц)... После того, как я не принимал участия в русском движении в течение трех лет, мне нужно столько фактов выяснить, о стольких фактах узнать. Эта встреча мне очень полезна... Теперь я изучаю вопрос о распределении земельной собственности по одной русской книге (очень хорошей), недавно появившейся. Это для небольшой брошюры, написать которую предложила мне Кан (Рудольф Кан, очень деятельный французский анархист 1876—1880 г. г.) для Франции.17)

—o—

Письмо 12-е. (Шо-де-Фон) 10 марта 1877 г.

... „Я все еще нахожусь в Шо-де-Фон. Я ни ученик, ни мастер. Над моей затеей смеются; этого нельзя изучить в два месяца, и затем, нужно работать, и работать тяжело, чтобы жить. Все мои товарищи эмигранты находятся здесь в самой глубокой нужде. В России правительство свирепствует безгранично, и прибывают новые эмигранты. И потом, то „Бюллетень“ (юрекий), то „Arbeiter-Zeitung“ (анархические журналы в Берне) нуждаются в самом необходимом; если бы можно было зарабатывать по 10-15 фр. в день, то это было бы не очень много. Так что я много работаю, да при этом еще надо находить время, чтобы писать для наших изданий“...

—o—

Письмо 13-е. Шо-де-Фон, 24 марта 1877 г.

... „Бернское дело удалось замечательно... из помещения... мы вышли в 1:40 мин., чтобы дойти до вокзала, соединиться с цюрихцами, ожидавшими в 1:50 мин. с их знаменем, и идти через город к помеще-

16) Робин, повидимому, написал возражение по этому поводу, в ответ на письмо от 16 февраля.

17) Такая брошюра не появилась.

нию, где должен был состояться народный митинг. Мы вышли из Солей с бернским знаменем в числе от 70 до 100 человек. Пошли спокойно процессией. Никакого нападения!... Приходим на вокзал. Поезд опоздал на несколько минут. Огромная толпа в 1000-2000 человек собралась кругом.

Ни одного нападения! По прибытии старорого, изорванного цюрихского знамени его встречают несколькими приветственными возгласами из нашей среды, и оно становится рядом с бернским знаменем, во главе колонны... (После нескольких криков „доллой красное знамя“, на которые не отвечают, кортеж с музыкой отирается в путь, и тогда префект и инспектор полиции выходят слева и останавливают знаменосцев (Швица [Альдемар Швицгубель, один из наиболее известных юрцев] и одного из цюрихцев). Они приказывают свернуть знамя и распустить кортеж. Толпа молчит.

Начинаются переговоры. Но пока Швиц вел переговоры, жандармы потянули знамя за полотно, вырвали его и свалили Швица на землю. Знамя Цюриха бросается на несколько шагов вперед и в сторону. Я его не видел. Я был в третьем ряду с русскими друзьями, и мы оставались все время там, цепляясь за бернское знамя... Жандармы тотчас получили несколько ударов кулаком и тотчас вытащили свои палки. Один русский (Ралли), один француз (Жалло) получили удары палками по голове, Ферре — удар не знаю чем, также по голове. Вокруг цюрихского знамени Эбергардт и Ринке (Отто Ринке, рабочий, немецкий анархист) также были ранены, а несколько жандармов получили удары кастетами, удар палкой в верхнюю часть живота (8) и удар кулаком (железным) по затылку. В общем, жандармов ранено семь, а из наших пять... На момент бернское знамя было вырвано и унесено вправо..., но несколько русских: среди которых оратор манифестации у Ка-

занского Собора, находившийся в Женеве (это был Г. Плеханов) удерживали его до тех пор, пока не подоспели Пэнди, а затем Шпихигер. Мы отбивались минут десять, вокруг этого искалеченного знамени, тут же сломанного, от 5-6 жандармов (Пэнди, Шпихигер, один из цюрихцев, я и друг Ленц (Клеменц). К счастью, никто из нас не обнажил оружия (Ленц и я его не имели: Кан обещал принести, но не принес), — оставшись рнятером (все ушли вперед, из собрания в помещении) в этом месте, мы были бы убиты. Пэнди и Шпихигер отбивались ногами, я держался за знамя или наносил удар одному парню, нападавшему на Шпихигера. В общем, пришло подкрепление, у нас вырвали знамя, и один из жандармов убежал с ним и успел добежать до поста“...

... „В общем, дело удалось замечательно: вместо 70 человек, мы имели на собрании 2000. Вместо равнодушных людей, мы имели внимательную публику, отчасти сочувствовавшую нам. Ничто так не завсегивает народ, как смелость. Собрание продолжалось до 12:30, дружелюбно. Здесь завязывалась дружба, люди братались. В понедельник, утром, пошли, с красными ленточками в петлицах, на могилу Бакунина... В понедельник к двум часам, покинули Берн. Я отправился, с Шодерфонцами, в Сонвилль (бернская Юра)... От Берна до Сонвилля на каждой станции орал „Красное знамя“, очень милую песенку Брусса, которая чудесно поется хором — и симпатии всего вагона были с нами. Пропаганду вели, не умолкая ни на минуту. В Сент-Имье и Сонвилль мы подняли всех молодых людей, и все были на собрании в Сонвилль до 9 часов вечера. Вам остается вообразить себе, какие речи говорились на этом собрании, и общий под'ем“...

— о —

Письмо 14-е. (Шо-де-Фон) 29 марта 1877 г.

(По поводу „Социалистического словаря“, подготовит и напечатать который Клеменц предложил женевским товарищам, среди которых анархисты и коммуны работали

18) Берне, „удар стилетом в грудь“, как говорили об этом на суде. См. Гильом, „Интернационал“, IV, стр. 240-41, и более полный отчет „Болельщик“. Выводом этого удара стилетом считался, в первую очередь, Ринке.

плечом к плечу)... „Что касается меня, я этому не очень сочувствую. Работа могла бы быть чудесная, если бы на этом объединилась группа людей, хорошо столковавшихся друг с другом и умеющих работать. Но этого-то и нехватает. Чтобы написать статьи вроде „Банк“, или „Собственность“, или „Анархия“, нужно изучать, нужно много работать, а я не вижу, кто мог бы это делать.

Я опасаясь также огромного расхождения во взглядах по всем вопросам социальной экономики и предложил бы — если возьмется за работу — сначала составить краткий очерк социальной экономики, который мог бы служить руководством для тех, кто будет писать эти статьи. Мне представляется, что они должны содержать: сначала описание современного положения, 2° критику этого положения, и 3° очерк роли, которую учреждение будет призвано играть в будущем обществе. Но если бы эта программа была принята, расхождение во взглядах было бы огромно, если бы статьи были поручены разным лицам.

Вы, знающий, конечно, энциклопедистов восемнадцатого века, что скажете вы об их работе? Имела-ли она ту цельность, то единство, которые были желательны? Было-ли различие взглядов гибельным? Что вы посоветовали бы для выполнения этой работы?“.. 19)

— 0 —

Письмо 15-е. (Шю-де-Фон) 29 апреля 1877 г.

... „Что касается 18 марта, то вы, конечно, правы, что не следовало уступать знамя, которое можно было защитить. Но драки с полицией не ожидали, для драки не с'организовались... Но вы забываете одну

вещь: что эти вещи познаются на практике, а у нас не было практики, за исключением парижан. Что касается революционных выстрелов, то их заранее отвергали. Еще представляется более серьезные поводы для выстрелов. Нужно еще представить себе, что для швейцарцев — дать отпор полиции, значит совершить нечто сверх'естественное.

На рынке, когда полицейский бьет кулаками торговца, никто не смеет дать сдачи, и в Берне полицейская фуражка — точно царская корона: не следует судить по Лондону или Парижу. Здесь всего только швейцарцы“...

... „Что касается издательства, то факт таков: в Федерации (Юрской) раскол. На Юге: Женева, Лозанна, Вевэ: образуются группы лиц, не имеющих ничего общего с рабочими, замыкающихся в себе и имеющих зуб против юрцев Севера: Невшатель, Валанс (в Сент-Имье), Шо-де-Фон и Берн: все эти люди, прежде чем предпринять что-либо серьезное, сговариваются между собой келейно. Конечно, Джемс (Гильом) и другие ничего лучшего не хотели бы, как сговориться с юрцами Юга. Но те этого не хотят или как будто не хотят. Однако, есть много вещей, относительно которых нельзя прийти к соглашению в секциях под барабанный бой. Напр., относительно дел в Италии, отыскания паспорта и проч., и проч. Южане тоже, конечно, сталкиваются между собой, но не приходят к соглашению с северянами. Вожаки южан — Жуковский (Николай Жуковский, некогда принадлежавший в течение некоторого времени к интимному кружку Бакунина), человек с уязвленным самолюбием, который делает шум и ничего, кроме шума. Реклю (Эдизе) — вот за кем он прячется. Но Реклю не делает абсолютно ничего и только дает свое имя... Перрон (Шарль Перрон, некогда близкий к Бакунину) позволяет Жуковскому руководить собой и тоже, быть может, руководится какими-нибудь личными обидами. Ралли (Замфир С. Арбор), идет за Жуковским, наперсником которого он является, и они эксплуатируют Кава, человека очень активного и очень симпатичного, но

19) Обращаясь с этими вопросами, Кропоткин, повидимому, сомневается в возможности и ценности бесспорных выводов, которые, как это показывают его дальнейшие рассуждения и другие письма, были столь дороги его сердцу. Вера проповедует бесспорные выводы, исследование же обязано допускать, что точные, бесспорные результаты очень редки. Для Словаря или Энциклопедии необходимо добросовестное изложение мнений о каждом предмете, а не стремление к единству взглядов.

позволяющего руководить собой людям, вроде Жуковского и Ралли. 20)...

Что касается меня, то я открыто присоединяюсь к юрцам Севера, партии чистой агитации, агитации в рабочей среде и действия. Если бы даже юрцам Юга удалось создать „Федерацию (озера) Лемана“, то они зачали бы от внутренних раздоров. Что касается северных юрцев, то они тесно связаны между собой и являются сплоченной партией с вполне определенной программой“. 21).

Так как Брусс перегружен французской и немецкой агитацией, то я поделю с ним работу. Он редактирует в течение года „Arbeiter-Zeitung“ (в Берне, с 15 июля 1876 г. по 13 октября 1877), которому удалось создать среди живущих в Швейцарии немцев целое анархическое движение. Вернер (Эмиль Вернер, типограф) и Ринке в Берне очень хорошо его представляют. Теперь Брусс собирается издавать листок для Франции и тайно ввозить его („L'Avant-Garde“, Шо-де-Фон, со 2 июня 1877 по 2 декабря 1878 г.), а так как средств не хватало, то он хотел прикрыть „Arbeiter-Zeitung“. Поэтому я занялся последней и теперь прилагаю все усилия, чтобы найти семь человек, которые платили бы по 6 фр. в месяц в кассу газеты, чтобы пополнить недостающие 40 франков.... Кроме того, газета станет центром немецкой анархической партии! Это почти то же, что сухая вода, на деле поднимается“... 22).

... „Дела в Италии (преждевременная

20) В „Интернационале“ Джеймса Гильома (1905-11) и в моих собственных книгах „От Прудона до Кропоткина“ (1927) и „Элизе Реклю“ (1928; дополнительное испанское издание, 1929) содержатся обширные материалы для того, чтобы составить себе самостоятельное мнение об этих оценках людей и вещей. Кропоткин в то время только-что провел десять дней с Бруссом, заболевшим в Невшателе, где был Гильом, а в Берне: именно на основании их мнений и предубеждений, на основании кратковременных впечатлений Клемента, были основаны эти суждения, в которых верное смешано с неверным.

21) Это описание не учитывает противоречивость темпераментов и других качеств Джеймса Гильома и Поля Брусса.

вспышка подготовлявшегося восстания в неаполитанских горах, коптившаяся зрелом Кафiero, Малатесты и многих их товарищей, когда, истощенные и окруженные войсками, застигнутые врасплох, они вынуждены были сдаться) должны вас интересовать. Но мы не имеем никаких сведений, писем от Коста... Вы можете представить себе, как мы негодуем на итальянцев. Я предлагаю, если они дали себя застигнуть врасплох и не защищались, вотировать за их исключение из Интернационала. Республика 1793 г. умела гильотинировать своих генералов, когда они показывали себя неспособными. По-моему, дав себя захватить врасплох, поддавшиеся панике и сдав 42 человекам свое оружие и припасы, они поступили как трусы“... 23).

... Альманах 18 марта еще не появился, но вместо него мы имеем программу „Travailleur“, которая вам, конечно, была послана. 24). Это делают анархисты Юга. Я отказал им в содействии, ибо я предвидел, что „свободная трибуна“ (часть журнала, отведенная для свободной дискуссии), — только дверь для якобинских друзей Жуковского и Кана“... 25).

... „Наш кружок еще не судили и не будут судить до октября (процесс 193-х), и в России хотят, чтобы я не понался раньше, чем кончится суд над кружком“... 25).

22) „Statuten der deutschredenden Anarchisch-Kommunistischen Partei“ были тогда напечатаны (2 стр. 8.); программу — неизвестную мне — Брусс и Вернер обсуждают с Кропоткиным в письмах от 1 и 4 мая 1877.

23) Это осуждение основано на неполных и неточных данных.

24) Прекрасная программа („Le Travailleur“, социалистическое революционное обозрение. „Наша программа“, 3 стр. 8.), которая носит следы руки Э. Реклю. Обозрение, в котором Реклю много сотрудничал, — его письма к Кану говорят об его особых заботах об этом журнале, — выходило с мая 1877 до апреля-мая 1878 г. в Женеве.

25) Замечание, показывающее, что Кропоткин все еще собирался вернуться в Россию. Вить может, его просили составиться запрашившей в интересах многочисленных обвиняемых, которые почти все были более умеренные, чем он, — или для того, чтобы не вызвать новой отсрочки столь затянувшегося процесса.

Письмо 16-е. (Шо-де-Фон). 6 июня 1877 г.

... „Как видите, я еще не уехал (в Россию). Причина очень проста. Я знаю, какую жизнь ведут в России во время работы. Спать на скамье, случайно оказавшейся у приоткрытого вас на ночь друга, есть, когда представится случай, да притом еще радоваться, если окажется что-либо кроме чая и хлеба, — все это пустяки, когда здоров. Но когда, прожив пять дней такой жизнью, приходишь повидаться с женевами товарищами и видишь, что десны вбухли, в коленях жестокая боль и силы покидают вас — вы понимаете, что начинаешь спрашивать себя, успел-ли я достаточно оправиться, чтобы возобновить работу в таких условиях. Два или три месяца тюрьмы были бы достаточны, чтобы убить такого разслабленного.

Наконец, из России меня заставили взять работу, брошюру - книгу о пропаганде действием. Я принялся за нее и должен ее кончить“... 26).

... „(По поводу южных и северных юрцев) „Впрочем, здесь не ссорятся. Женевицы издадут свою газету, северные юрцы — свою: „Bulletin“, „Arbeiter - Zeitung“ и один журнал, который будет издаваться для Франции. Насколько возможно, я сотрудничать во всех трех... Что касается „Travailleur“, то мы его не поддерживаем. Я послал вам первый номер. Судите сами, является-ли он журналом для пропаганды анархических идей во Франции“...

Письмо 17-е. (Шо-де-Фон) 3 июля 1877 г.

... „Вы сюда приезжаете 27), а я отсюда уезжаю. Досадно, но что делать. Меня преследует мысль поехать в Париж, укрепить там связи с друзьями Поля (Брусс) и завязать новые связи. Наконец-то эта

26) Я не имею дальнейших сведений об этой рукописи или наброске, но мне кажется, что эта брошюра не была напечатана и, повидимому, осталась незаконченной.

27) Поль Робан посетил Швейцарскую Юру в то лето во время праздничной поездки, а затем вернулся в Англию.

идея осуществляется. Одно время она казалась неосуществимой. Денег не было, а Гильом уезжал в горы: мне оставалось поехать в Невинатель и там оставаться в течение июля. Теперь все устроилось. Денег дали мне Географический Словарь и „Bulletin“; брат Гильома берет на себя корректуру, а Брусс — материал для журнала. Я только-что вернулся из Невинателя, и мы устроили дело с Джемсом (Гильомом). Итак, я уезжаю через два-три дня (я жду получения от „La Nature“) в Париж. Эта поездка вызывает во мне почти детскую радость. На прошлой неделе я провел два дня во Франции (28) и пришел к еще более твердому убеждению, чем прежде, что один из нас необходим в Париже, чтобы парализовать влияние Гада (Жюль Гад). Итак, я еду“..

—0—

Поездка в Париж была отложена (см. прим. 28). В августе - сентябре Кропоткин присутствовал на пяти анархических и социалистических собраниях: на Юрском годовом Конгрессе, на интимном съезде для создания Французской Федерации, где он был избран секретарем - корреспондентом основной группы, на международном конгрессе в Верье, где он написал большую часть протоколов, и на Всемирном Социалистическом Конгрессе в Генте. Во время этого последнего конгресса бельгийская полиция была направлена по его следам, и его друзьям заставили его спешно выехать в Лондон, где он оставался до половины ноября (письмо к Робану от 15 ноября), но несколько позднее уехал в Париж. Он собирался уехать оттуда, когда, весной, начались аресты среди членов Интернационала, с которыми он был близок, и сам он едва не был арестован (см. „Записки“).

28) Он приехал во Францию через Делле, контрбандною везет „Авангард“ и посетил французских сторонников Интернационала в местностях, близких к швейцарской границе. Но он возбудил подозрения французских жандармов, решивших задержать его, если бы он вновь появился. Швейцарский товарищ Жак Гросс случайно узнал об этом, и Кропоткин был предупрежден о необходимости прекратить его поездку (см. Гильом, „Интернационал“, IV, стр. 219-20).

Письмо 18-е. Полю Робэну, Шо-де-Фон, 2-го августа 1878 г.

... „Все это время я разъезжал. (Здесь уместно поместить следующие строки из письма 19: „Уехав из Парижа в Женеву на несколько дней, чтобы повидаться с другом, уезжавшим в Россию, я провел три месяца в бродяжничестве: несколько недель в Швейцарии, чтобы повидаться с Полем (Бруссом, бывшим тогда в Цюрихе), потом полтора месяца в Испании, в Барселоне и Мадриде, затем снова в Швейцарии“). Я провел полтора месяца в Испании, затем в Швейцарии я сделал экскурсию в горы (с мадемуазель Засулич (Вера Засулич), — одним словом, я побывал везде. Еду теперь с Бруссом из Цюриха по пути на Конгресс (юрский) во Фрибурге“...

„Я напишу тебе, как только устроюсь в Женеве, где пробуду 2-3 месяца после конгресса во Фрибурге. Я буду там 6-го (августа). Итак, пиши мне туда и пошли мне письма, которые ты имеешь для передачи мне. Адресуй г. Черкезову (Варлаам Черкезов), для г. Пьера, Женева“...

—о—

Письмо 19-е. Фрибург, 4 августа 1878 г.

... „Дела (Юрской Федерации) или довольно плохо. Большая часть секций дезорганизованы, все устало и в большей или меньшей степени пережили тот же кризис, который выбросил меня из колеи на эти 7-8 месяцев. 29). Теперь появляются кой-какие признаки жизни. Конгресс немногочислен (8 делегатов), но здесь поднимают новые вопросы, и по моему предположению примут, быть может, участие в коммунистической агитации. 30). Мы постараемся реорганизовать секции, и если Брусс откажется от намерения немедленно вернуться во Францию, то мы попытаемся захватить кантоны Во. „Авангард“ действует, приобрел несколько новых подписчиков, и его язык правится“.

29) Желательно было бы иметь объяснение этого места.

30) Вопрос, поднятый Кропоткиным и Бруссом, встретил большее или меньшее сочувствие семи делегатов, возражал против него только один делегат, Родольф Кан.

Таково, в нескольких словах, положение. Гильом (удалявшийся от дел и живший в Париже с мая 1878 г.) не показывает более признаков жизни. Что касается меня, то по возвращении из Испании я чувствую себя вполне окрепшим морально, а также немножко крепче физически: я работаю и смеюсь над „неприятностями“.

Я был счастлив узнать, что у тебя есть деньги для меня: разъезжая и не работая, я сильно задолжался. Итак, дорогой друг, пошам, прошу тебя, 4 фунга стерлингов Липсу (Александр) 31)... Лондон..., а остальное мне, в Женеву, где я пробуду 2-3 месяца, чтобы закончить мою брошюру... 32)“.

Письмо 20-е. Женева, рисель дн Миди, 10.1 ноября 1878 года.

... „Я не мог ответить тебе немедленно, так как собирался уехать для чтения докладов в разных городах, а вернулся только два дня тому назад. Я был в Цюрихе, в Валлоне (Верпская Юра), в Шо-де-Фон, в Нейшателе, Берне, Фрибурге, Лозанне, Веве, и прочел семь докладов о „революционном нигилизме в России“.

В секциях Севера положение не очень хорошее. В Сент-Имье все дезорганизовано. Швиц (Швицгетель) не может прийти

31) Липс принадлежал, если не ошибаюсь, к лондонской группе „Вперед“, Лаврова и Смирнова. Его имя неизвестно.

32) Брошюра, оставшаяся непечатанной и неизвестной. Была-ли это брошюра-книжка, о которой он упоминает в письме от 6 июня 1877? В Париже Кропоткин начал изучать первые волнения, предшествовавшие Французской Революции, изолированные бунты крестьян и т. п., а также первые времена Революции. Если он все еще работал над своей русской рукописью о пропаганде действием, над французским трудом и над тем, что он только-что узнал в Испании, то все это в значительной доле вошло бы в такую брошюру. Она или затерялась, или находится в его архиве. Какое-то мне известно, он никогда не говорил о ней, но „Дух возмущения“ 1881 г. и другие его статьи возмещают нам эту работу. В общем, ход событий в России в то время, теория и тактика, могли заставить его не печатать эту русскую работу. Мне кажется также вероятным, что эта работа 1877-78 гг. была ему очень полезна для „Бунтара“, начиная с 1879 г., в смысле собрания и обработки многих его идей. Но это только предположения.

на еженедельные собрания... а потому все еле двигается. На докладе было всего человек двадцать. На Юге, наоборот, работа оживляет. В Фрибурге после конгресса образовалась секция человек в тридцать членов, и если бы здесь был хоть кто-нибудь из активных людей, все шло бы чудесно. Здесь, в Женеве, секция уже превышает 40, а вторая секция — 12...

Но чем занять этих людей, вот величайший вопрос. Дискуссировать, всегда дискуссировать, это, в конце концов, надоедает, а в области практики что можно сделать?.. Выборы, это нам не подходит: политическая жизнь здесь так спокойна, что ничто не волнует население: восстания невозможны. Что делать?

В Лозанне мы были счастливы, понав на другую почву. Там в обычае, что государство дает зимой работу тем, кто ее не имеет (по большей части, тяжелые работы), — прокладывают дороги, работают на пристанях. На этот раз нишета была очень велика, зима наступила рано, агитация приняла более крупные размеры, и старые работники Интернационала оказались во главе движения. На собраниях бывает 200-300 человек, и завтра мы пойдем туда с Бруссом.

Ты говоришь, что нужно, чтобы рабочие привыкли к самостоятельности. Сами они ничего не делают. В отсуствии (моральном) Джамса 33) не было ни одного доклада. В Валлеге теперь ничего не делают, ничего! В Шо-де-Фоне — еще меньше. Даже публику не созывают на доклад как следует.

Если бы нам удалось организовать молодых! Но они не приходят, а те, кто давно посещает секции, не приобрели там ни знания, которое дало бы им уверенность в себе, ни желания отважиться на активную пропаганду социализма. Надо было бы обучить 3-4 молодых, и я сделал бы это, если

бы нашел стоящих этого. Но нет, таких не видно. „Авангард“ существует с трудом, если — как мы думаем — Бр(усс) и я уедем в феврале, то вся организация здесь разсыпется (во французской Швейцарии). Женевская секция является осязательным примером этого. До моего приезда здесь ничего не обсуждали, ничего не делали, а скучали. Так что лучшие сказали себе, что они перестанут ходить. С моим приездом, как только я внес элемент серьезной дискуссии, — все туда приходит в большем числе и с удовольствием. Секция живет только тогда, когда в ней есть хоть один человек серьезный и интересный. Ибо — к несчастью это так — Интернационал был до сего времени и сейчас особенно является только обществом для изучения. У него нет практической почвы.

Где ее найти?

Я думал об агитации на почве коммунистической. 34) Но как предпринять ее без швейцарцев? Я знаю, что во Франции эта почва объединила бы много сил. 35) Но в Швейцарии у нас нет никого, чтобы начать. Адемар (Швинггелль) ничего не делает, ну решительно ничего... Август (Шинхигер) — очень тщательно работает над экспедицией „Авангарда“, но это все: он не хочет ничего больше делать.

Таково наше печальное положение. Поль (Брусс) и я работаем, не покладая рук, чтобы что-нибудь сделать. А потом? Нет, движение здесь возобновится только после того, как оно зародится в Париже.

Не думай, впрочем, что эти печальные размышления меня обезкураживают. Только минутами я так думаю, обычно же я говорю, что только старые бабы жалуются так“.

34) После Фрибургского конгресса был сделан прием (в виде маленького отпечатанного манифеста, который сохранился) бросать в избирательные урны, во время коммунальных выборов, бюллетени с надписью „Коммуна“. Незначительное число таких бюллетеней разбрасывало, прежде всего, слабость секций и их приверженцев.

35) Но эти силы, во главе с Полем Бруссом, очень скоро были увлечены в сторону социализма, введены в погоню за местами муниципальных советников и потерянны для подлинного социализма.

33) Отсуствие — моральное — Джамса Гильома объясняется тем, что зимой 1877-78 гг., решив, по разным причинам, покинуть Швейцарию, Гильом уже не вылазил более, как он это делал в течение стольких лет раньше, свою энергию и талант в дело оживления деятельности юрских секций, где был застой.

(Это письмо, не законченное 1 ноября, было послано Робэлу с письмом от 7 декабря, в котором идет речь о возникновении пропаганды с помощью брошюр, листовок и песен, продаваемых по самым дешевым ценам).

—0—

В этом подавленном настроении годы жизни Кропоткина в Швейцарии подходили, казалось, к концу, а в Париже его ждали бы новые разочарования, ибо не Социальная Революция, не новая Коммуна надвигалась тогда, как он надеялся, а избирательный Социализм, погоня за политической и муниципальной властью, — другими словами, за места в Палатах и в муниципальных советах. Тактика „Народной Воли“ в России — террористическая политическая борьба — хотя Кропоткин и воздерживался от ее критики, тоже, вероятно, уменьшала его надежды на крестьянскую социальную революцию в самом близком будущем, а эти надежды были дороги его сердцу. В этих условиях произошло грубое выступление швейцарского правительства по поводу статьи в „Авангарде“, якобы проводившей мысль о царевубийстве. Это событие изменило ход событий в жизни Кропоткина. Отчасти это произошло благодаря его способностям, проявившимся в то время в самом выгодном свете, но без вмешательства швейцарского правительства он тогда же отправился бы в Париж, и ход его дальнейшей жизни мог быть иным.

Этот инцидент — возбуждение преследований против „Авангарда“ за номер от 2-го декабря 1878 г. — (отчет о процессе помещен в „Бунтаре“ от 7-го и 21-го мая 1879 г. и в брошюре „Суд над „Авангардом“, (Шо-де-Фон, 1886, 74 стр.), совпал с арестом Брусса в декабре 1878 или январе 1879 г. Кропоткин остался буквально единственным активным работником, способным создать другой орган, будь то мирный профессиональная газета или нелегальный анархический орган, бросающий вызов усилиям правительства запретить анархическую печать в Швейцарии. Он встретил лишь слабую поддержку или вовсе не получил поддержки за пределами маленького жене-

вского кружка. В конце-концов, это и дало газете „Бунтарю“, большую независимость, не связанную с поддержкой или отсутствием поддержки со стороны большой, но не сплоченной организации. Все это ясно, прежде всего, из писем к Робэлу и из отрывка неопубликованного письма, посланного в Невшатель. Менее интимно, но очень образно рассказано об этом в „Записках“ и в статье „Как был основан „Бунтарь“ (пометена 15 февраля 1904 г.) в „Temps Nouveaux“ („Новые Времена“) от 20 и 27 февраля 1904 г. Дальнейшая история, „От „Бунтаря“ до „Нового Времени“ рассказана Ж. Травом (там же, от 5 до 26 марта), также в других статьях и, наконец, в его книге „Либертарное движение в эпоху Третьей Республики“ (Париж, 1930). Многое рассказано в письмах Кропоткина к Грау, значительное число которых я просмотрел (извлечения из них см. в другой части настоящего сборника), но которыми не пользуюсь в этой статье. Франсуа Дюмартьер и Жорж Герцинг были ближе других связаны с Кропоткиным в „Бунтаре“ с 1879 до 1882 г. Их заметки после смерти Кропоткина могут быть найдены во французских изданиях 1921 г. Они переведены в книге Ishill'a, стр. стр. 116 и 129.

„Бунтарь“ выходил в Женеве с 22 февраля 1879 г. до 14 марта 1885 г., в Париже — с 12 апреля 1885 г. до 10 сентября 1887 г., когда, во избежание уплаты штрафа, газета стала появляться под именем „La Revolté“ („Бунт“), начиная с 17 сентября. Она перестала выходить тогда, когда все парижские анархические газеты и все действительные товарищи были поставлены вне закона, заключены в тюрьму или сосланы — 10 марта 1891 г. Она стала вновь появляться под названием „Temps Nouveaux“ с 4 мая 1895 г. и была добровольно приостановлена в начале войны, в 1914 г. Но во время войны и после нее она выходила непрерывно в разных формах и даже теперь она публикуется в двух формах. Прежде чем покинуть Западную Европу, в июне 1917 г., Кропоткин почувствовал себя тесно связанным с этой газетой, в которой он видел свою и своих ближайших товари-

щей собственную газету. Одно из его прощальных писем (Брайтон, 21 мая 1917 г.: lshill, стр. стр. 186-188), адресованное Дюмартеру, содержит глубоко прочувствованное обращение его к последнему и к Георгу Герингу.

—о—

Письмо 21-е. К Полю Робэну (Женева), 3 января 1879 года.

... „Что касается газеты, то мы еще ничего не знаем. Арест Поля (Брусса) (произведенный буквально по-русски: Реклю, например, не получил еще разрешения видеть его) вызвал некоторую деморализацию: вот уже три недели я не могу вырвать ответа ни у кого. Но общее мнение за то, чтобы возобновить „Бюллетень“, и ты можешь быть уверен, что если мы этого не сделаем, то другие сделают: так жаждают везде иметь юрскую газету. Редакция теперь обезбечена: Брусс будет, конечно, осужден и сможет быть редактором“.

—о—

Письмо 22-е. (Женева), 17 января 1879 года.

... „Помимо всех неприятностей, которые принесли мне закрытие „Авангарда“ (две поездки в Шо-де-Фон и проч.), была чисто личная причина, из-за которой я не писал тебе так долго. Я встретился в Женеве с одной русской женщиной (36), молодой, тихой, доброй, очень доброй, с одним из тех удивительных характеров, которые после суровой молодости, становятся еще лучше. Она меня очень полюбила, я ее тоже. Она училась в Берне и приехала проведать со мной каникулы. Ты понимаешь, что я был немного небрежен по отношению к моим друзьям, особенно если я добавлю, что Кельти все время мне надоедал своим словарем (географическим)“...

(После исчерпывающего сообщения о преследовании „Авангарда“ и аресте Брусса)... „Теперь вопрос о новой газете. Есть два проекта: подпольный „Авангард“ и от-

крытый „Голос Рабочего“, или что-нибудь в этом роде: короче, газета, которая больше занималась бы экономической революцией, оставив в покое королей.

Швиц (гебель) ставит условием не навлекать на себя судебных преследований. Мы предпочли бы иметь одно.

Все решили (за исключением меня) ничего не делать, не повидавшись с Бруссом.

Теперь, если наша новая газета будет запрещена, я предлагаю подпольный рукописный листок.

Я буду, вероятно, редактором новой газеты.

Можешь ли ты дать совет относительно организации ее?

Удобно ли было бы печатать в Лондоне или писать от руки?

Что ты скажешь о шпирографе?

... „Малатеста здесь. Изгнанный из Египта, он приехал и остается здесь“ (37).

—о—

Письмо 23-е. (Женева), 18 января 1879 года.

... „Подходящее заглавие для брошюры в 8 страниц было бы: „Происхождение частной собственности“. Нужно было бы взглянуть в Лавеля, также в Маркса, и проч. Я бы хотел дать серию брошюр по одному су (мелкая французская монета, равная, приблизительно, одному сенту. Прим. переводчика) в таком роде: Происхождение частной собственности. Происхождение государства. Налоги. Капитал и Труд. Производство и обмен. Эксплуатация и т. д. Короче, труд по социальной экономике. Затем: Правительство. Анархия и проч., в порядке политических идей, также *и др.* То же самое по истории“ (38).

... „Брусс будет выпущен из тюрьмы на поруки завтра или после-завтра, но с обязательством не уезжать (из Вевы) дальше Лозанны: Женева и Берн — запрещены.

37) Он был изгнан также из Швейцарии в марте 1879 г. Кропоткин познакомился с ним еще в конце 1876 г.

38) Кропоткин старался достигнуть связи между своими отдельными статьями, заранее наметав серию их, и это значительно облегчило соединение их в брошюры и книги.

36) Софья Григорьевна Анацьева-Рабинович. Их союз состоялся 8 октября 1878 г., ибо 8 октября 1903 г. они праздновали 25-летие его. Софья Григорьевна родилась в Киеве в 1856 г. и с пятого до семнадцатого года своей жизни жила в Томске.

Шо-де-Фон вероятно. Он предлагает возобновить „Бюллетень“. Я его скоро увижу“...

—0—

Письмо 24-е. (Женева), 29 января 1879 года.

... „Мы возобновляем газету. Она будет более умеренна, будет больше заниматься экономическими вопросами, чем королями, — короче, постарается избежать преследования“.

Мы согласились было назвать ее „Солидарность“. Но, к несчастью, я узнал, что в Женеве есть уже „Солидарность“ (женская газета)...

Она (новая газета) будет организована следующим образом. Я буду ее редактором. Брусс и Швиц (гебель) будут сотрудничать, первый — активно“...

(Это письмо было послано лишь дней десять спустя, когда Кропоткин послал его с краткой припиской):

... „Оно (письмо) задержалось дней на десять, в течение которых я был очень занят. „Бунтарь“, наша газета выходит сегодня. (№ 1 датирован 22 февраля, так что задержка длилась, очевидно, больше десяти дней). Тебе трудно было бы представить себе все мои затруднения, в виду общего недоброжелательства. Теперь дело движется, мы надеемся, что наш первый номер, отпускаемый по 5 сантимов (сантим — мелкая монета во Франции и Швейцарии. Прим. переводчика) продавцам газет, будет хорошо расхвачен в Женеве. Об этом уже объявлено“... 39).

Письмо 25-е. (Женева). 10 апреля 1879 года.

... „Бунтарь“ отнимает у меня массу времени. Я его пишу почти один, а затем корректура и экспедиция тоже на мне лежат“.

... „Вполне возможно, что у нас будет литературное добавление. Но вообрази толь-

ко, что при всех наших усилиях, у нас с трудом наберется 375—400 подписчиков. Почти 120 уже заплатили, 215 платежей сделаны, и еще сорок платежей будут сделаны, несмотря на то, что они были возвращены.

Швейцарцы, между прочим, боятся подписываться!.. Швиц настолько погружен в свои семейные дела, что мы его считаем, для нас, почти совершенно потерянным... Пэнди тоже почти в таком же положении. Он почти официально отказался делать что бы то ни было. Изгнание означает для него — голод, и он должен оставаться спокойным. Остается Август (Шнахтер), который не движается совершенно, ну совершенно. Все секции в застое“...

„Малатеста был здесь. Это оживило секцию, но после этих несчастных итальянских объявлений, расклеенных в Женеве (угроза Гумбергу, если он казнит Пассананте), он покинул город“...

„Что касается меня, то все хорошо. У Софьи два месяца каникул, и она здесь, потом она вернется снова на два месяца в Берн, а потом я еще не знаю, что мы будем делать. Быть может поеду на некоторое время в Париж. О России я больше не думаю. Движение там такое умеренное — как это ни странно, вразю с этими казнями, — я чувствую (и мне все это подтверждает), что там я буду совершенно одинок. Движение конституционное. Нелегальный орган (Земля и Воля) называет себя социалистическим, но протестует только против самодержавия. Я сомневаюсь, чтобы я когда-либо мог присоединиться к этому движению, и я работаю здесь.

В моей личной жизни я очень счастлив. Я уверен, что вы все любите Софью, если мы когданибудь встретимся. Я много работаю, а здоровье мое много лучше, чем в Лондоне“...

—0—

Письмо 26-е. (Женева), 27 апреля 1879 года.

[После процесса Брусса, который был приговорен к тюремному заключению и к изгнанию на десять лет из Швейцарии, на борщик „Бунтаря“ прервал набор Кропоткина и поддержки.

39) На бумаге результат был именно таков, как здесь сказано, но на деле поддержка со стороны юристов, а также и Брусса была слаба и неудовлетворительна. Главное бремя лежало на Кропоткине, который охотно впадал на свои плечи, при помощи Дюмартера, и скоро добился международного признания и поддержки.

кинского отчета и отказался набирать газету, несмотря на то, что предложение опустить сомнительные места было ему сделано!... „Короче сказать, не оставалось ничего другого, как или прекратить издание газеты, или создать свою типографию, что мы и выбрали.

За два месяца журнал получил более 550 платных подписчиков (500 в Швейцарии, 50 за-границей), и 2-3 подписчика прибывают ежедневно; в розницу продается в среднем 110 номеров в Женеве, по 8 сантимов, и более 50 в других местах, по десяти сантимов. В таких условиях не прекращают.

Итак, мы устраиваем типографию (хорошо известная *Imprimerie jurassienne, rue des Grattes, Женева*)... [После многочисленных подробностей он заканчивает этот отчет]: Во вторник, (29 апреля) мы надеемся пустить типографию в ход [в которой Георг Герцин, начавший, четыре месяца тому назад, учиться печатному делу, сделался управляющим] и выйти в свет в субботу“...

„Софья приехала сюда, но через восемь дней она вернется в Берн. Этот проклятый женевский университет не принимает студентов без гимназического диплома, которого у нее нет, и это заставляет ее ехать в Берн. Кроме того, она еще недостаточно знает французский. Она учится и успела за эти месяцы, но не могла следовать за курсом... Что касается нас, мы очень любим друг друга, наше цыганское хозяйство идет прекрасно; ты представляешь себе, одобряю-ли и женевские правила и разнообразие человеческих языков“...

Письмо 27-е. Женева, 31 августа 1879 года. Полю Робэну.

(Вследствие разногласия в одном вопросе бельгийского движения и настойчивости Робэна в вопросе о нео-мальтузианстве, между ним и Кроноткиным наступило некоторое охлаждение).

... „Другой вопрос, который, как мне кажется, внес охлаждение в твоё отношение ко мне, был этот проклятый вопрос о нео-мальтузианстве.

... „Я тебе сказал, что эта книга у ме-

ня есть на русском языке (очень распространенная в то время книга д-ра Ч. Дришдаля, „Элементы социальной науки“). И прочел в ней все то, что в ней есть важного и — мое убеждение таково, что эта книга не заслуживает широкого распространения.

... „Если бы ты написал брошюру, трактующую просто о физиологической стороне вопроса, я первый стал бы ее распространять. Человечество должно держать в руках оплодотворение, как и все остальное. Но когда автор заявляет мне, что таким способом можно уменьшить нищету, то я возмущаюсь и говорю: все то время, которое мы потеряли, занимаясь паллиативами, будет потерей для того небольшого запаса его, которым мы располагаем для проведения революции, бунта. Ты другого мнения: предоставь мне свободу придерживаться моего мнения и не принуждай меня, не навязывай мне твоих идей. Если бы у меня было 64 часа в день, то и тогда у меня было бы достаточно **продуктивного** труда, работы над пробуждением уснувших. И потом, я очень хорошо знаю, как боязливые любят всякие паллиативы, я знаю, что из десяти человек, идущих с нами, всегда найдутся один или два, которые будут счастливы зацепиться за паллиатив и ему отдать свое время и свои силы (ко вреду для пропаганды коллективизма и революции), как только он будет представлен им в квази-научном виде. Вот почему ты никогда не заставишь меня принять близко к сердцу ни твой паллиатив, ни книгу, проповедующую его (сменявая превосходные доводы о половых отношениях с кучей нелепостей о производительной способности почвы). Это все равно, что стать пропагандистом, сберегательных касс или восьмичасового рабочего дня. Что поделаешь! Таков уж мой характер! Я не вижу пользы в том, чтобы обучать способам пренебрегать производством детей; мимоходом, я бы этим занялся, но из миллиардов полезных и необходимых вещей я занялся бы тем, что считал бы самым полезным в данный момент, а ни ты, ни твои книга не убедили меня, что нео-мальтузианская пропаганда являет-

ся самым полезным и самым подходящим для меня средством подталкивать революцию, а особенно — чтобы посеять несколько ясных идей о коллективизме для того, очень близкого, когда начнется всеобщий пожар в европейских государствах"....

Дальше Кропоткин рассказывает, что он интересуется численностью населения, которую могла бы прокормить, напр., земельная площадь Англии: он приходит к выводам, противоположным выводам мальтузианцев.

... „Я об этом говорил с Реклю, который совершенно согласен: он убежден, что два миллиона парижан могли бы хорошо кормиться на той площади земли, которая была окружена версальцами и пруссаками (во время Коммуны, с марта по май 1871 г.), путем разведения огородов" ... 40)

— 0 —

За период 1879 и 1880 г. г., помимо всего написанного в „Револьте“, наиболее значительными документами являются: „Анархическая идея с точки зрения практического осуществления. Выводы из одного доклада, представленные Левашевым (Кропоткиным) Юрскому Собранию“ (12-го октября, в Шо-де-Фон, Юра) в „Револьте“ от 1 ноября 1879 года, а также листовкой на 4-х страницах, (Женева, Юрская типография), — и то, что сообщается в „Револьте“ о предложениях Кропоткина, сделанное, перед Юрским Конгрессом 9 и 10 октября. Эти предложения клонились к замене учения о „коллективистическом анархизме“, учением о „коммунистическом анархизме“. Осенью 1879 г. Кропоткин все еще считал „коллективистический анархизм“ переходной ступенью, предшествующей коммунистическому анархизму. В марте 1880 г.

40) Это письмо, между прочим, показывает нам якорь того необычайного интереса, который выказывал Кропоткин к вопросу об усилении производства продовольственных продуктов на месте, вблизи населенных мест. Одним из этих корней была мысль об осаде оставшегося города (осада Парижа в 1870-71, Коммуна 1871 г., возможная блокада Англии, и проч.). Другим таким же корнем было анти-социалистическое наступление мальтузианцев, весьма умело ведшееся в то время всякими Дриделлами, Брэддо, Анной Безант и др. и поддержанное во всех странах радикальной буржуазией.

он впервые стал на точку зрения неметаллического коммунизма, а в октябре Юрская Федерация примкнула к этой точке зрения.

По этому поводу Кропоткин написал мне в 1895 г.:

Письмо (Бромлей, 18 мая 1895 г.) к М. Неттлау.

... „В нашем предисловии к Б. 41) вы упоминаете о нашем решении объявить себя коммунистами. С нашей стороны, в Юрской Федерации, это был план, составленный Женевской Секцией, совместно с Элизе Реклю о том, чтобы представить этот вопрос Конгрессу в Шо-де-Фон в октябре 1880 г. и убедить Юрскую Федерацию объявить себя коммунистами. Я считал это безусловно необходимым шагом и написал в этом смысле Реклю и Кафьеро, прося поддержки для этого шага. Я должен также сказать, что в то время нам была совершенно неизвестна резолюция Итальянского Конгресса 42), — иначе мы несомненно сослались бы на его решения для подкрепления нашего предложения.

Оно было принято, но неохотно, особенно Швингелем („Социалистическая программа“ которого только-что вышла тогда из печати 43) и подвела итоги преобладавшим в Юре взглядам) и Пинди (он особенно опасался того впечатления, которое это решение могло произвести во Франции, где коммунизм всегда связывали с жизнью в монастыре). 44) Вы найдете слабые следы

41) „Сочинения Михаила Бакунина“, Париж, 1895 г., XI, 327 стр., книга, содержащая частью неопубликованные произведения Бакунина, с моим собственным введением об истории анархических идей. II.

42) Конгресс, созванный в октябре 1876 г. Итальянской Федерацией Интернационала вблизи Флоренции, принял коммунистический анархизм. Этот факт был опубликован в швейцарских анархических газетах в конце 1876 г., незадолго до того, как Кропоткин поселился в Швейцарии, поэтому он и остался неизвестным Кропоткину. Кропоткин, Малатеста, Ковелли выступили с инициативой в этом направлении в 1876 г.

43) „Социалистическая программа“. Записка, представленная Юрскому Конгрессу в 1880 г. рабочей Федерацией округа Куртелари (Женева, 1880, 32 стр.), без имени автора.

44) Общность имущества принудительно вводилась правилами монастырей.

всего этого в „Ле Револьте“, 2-й год, №17, от 17 октября 1880 г., в форме очень краткого изложения того, что было сказано. Мы с полной решимостью предприняли этот шаг, — весьма важный, как это выяснилось позднее, — после долгого обсуждения Герцигом, Дюмартрэ и мною, и перенесли с Элизе Реклю, который тогда приветствовал этот шаг и оказал нам полную поддержку на Конгрессе.

Если не считать нескольких писем, относящихся к 1881 г., то после указанного периода (1879—1880 г.г.), вплоть до декабря 1882 года, когда Кропоткин начал отбывать годы заключения во французской тюрьме, других его писем до сего времени почти не появилось.

Длинное письмо к Юрскому Конгрессу в Лозанне в июне 1882 г. („Револьте“, 8-го июля 1882 г.) стоит в стороне от доклада 1879 г. и от выступлений на Юрских конгрессах, в которых Кропоткин не мог принимать участия, так как был изгнан из Швейцарии. Письмо о смерти германского товарища Теодора Эйзенгауэра („Фрай-хайт“, Лондон, 4 марта 1882 г.) дает самый дружеский отзыв об этом прекрасном товарище, которого Кропоткин встречал в Кларансе и Женеве. Кропоткин выступил с речью на публичном собрании, устроенном польскими социалистами в ноябре 1880 г. в Женеве, и напечатанный отчет об этом митинге дает краткое изложение его речи (45). В Лондоне он начал писать о России в июле или августе 1881 г. в „Newcastle Daily Chronicle“, по приглашению члена парламента Дюзефа Коуэна. Каждый раз, как к тому представлялся случай, письма Кропоткина появлялись в лондонском „Таймсе“, а, может быть, и в парижском „Intransigent“, ежедневной газете Анри Рошфора.

45) Его речь помещена в отчете о польском митинге в Женеве в ноябре 1880 г., по случаю пятидесятилетия восстания 1850 г. Возможно, что это было письмо, а не речь. См. „Sprawozdanie z miedzynarodowego Zebrania Zwotanego w 50 — letnicznice listopadowego powstania przez redakcyę „Rownosci“ w Genewie. (Genewie, „Rownosci“, 1881, VIII, 85 стр. 73-75).

Зато новыми и замечательными являются несколько писем, написанные Кропоткиным Малатесте из Женевы, в феврале, мае, июне и июле 1881 года, а также длинное письмо, написанное в июне группе ближайших его товарищей, входивших в Вакуинское „Международное Братство“, по вопросу о Международном Социалистическом Революционном Конгрессе, имевшем состояться в Лондоне в июле. Это письмо и длинный ответ Малатесты, а также примечания Кафье и других товарищей, были исчерпывающим образом изложены в моей новой книге о 1881—1886 годах в истории анархизма, „Анархисты и социал-революционеры“ (Берлин, издание Asy-Verlag, в начале 1931 г.), гл. IX. Полный текст этого опроса товарищей о тогдашнем положении и о восстановлении международных организаций будет напечатан в „Суппиемента“ к „Протеста“ (Буэнос-Айрес), когда печатание его сможет быть возобновлено после вышедшей реакции в Аргентинской Республике.

Эти письма еще не напечатаны. Из письма от 12 июня 1881 г. я привожу те места, где Кропоткин говорит о своем личном положении к концу его пребывания в Швейцарии, ибо после возвращения с Лондонского Конгресса и недельного пребывания в Англии, он был вскоре изгнан из Швейцарии и поселился в Савойе (Франция), в Тонин.

— 0 —

Письмо от 12 июня 1881 г., к Э. Малатесте.

... „Не получая ничего более из России, после того, как я на это рассчитывал (это заставило меня сильно сожалеть), я должен жить исключительно своим трудом. „Ле Револьте“ и все прочее отнимает у меня, обычно, неделю (газета выходила ежемесячно), так что мне остаются каждый месяц две недели, в течение которых я должен заработать от 150 до 200 франков для нас двоих (для себя и жены) и 50 франков для Роберта (Фриц Роберт, в Невшателе, молодой человек, помогавший выпускать газету; он принадлежал к числу старых интернационалистов Невшателя), затем 10 фр.

для русских и 30 фр. на переписку, также от 10 до 15 фр. на газеты, и проч., и проч., короче, — больше 350 франков. Ты понимаешь, что, покончив с „Револьте“, я принимаюсь за статью для „Дела“ и работаю до 4-х часов утра“.

— 0 —

9-го июля он пишет Малатесе: „И также уезжаю с 50 или 60 франками в кармане, надеясь добыть в Париже на дальнейший проезд, а в Лондоне добыть на обратный проезд. Я также уезжаю завтра и остаюсь в Париже... я могу приехать в Лондон 13 или 14“.

— 0 —

Замечательный доклад Кафьеро („Анархия и Коммунизм“, „Бунтарь“, 13 ноября 1880 г.) был чудесным сюрпризом для нас, стоявших за то, чтобы слово „Коллективизм“ не употреблялось более. Он обещал свою поддержку, но мы не ожидали, что он выступит с такой превосходной статьей. Юрская молодежь оказала нам полную поддержку, и дело было сделано. Речь Кафьеро спасла положение.

Результаты почувствовались немедленно. Несколько бланкистов очень одобрили нас, говоря, что они всегда были коммунистами. Но главным результатом был Гаврский Конгресс („Бунтарь“ от 27 ноября 1880 г.), куда Кан поехал из Швейцарии и перетянул Конгресс на сторону „либертарного коммунизма“. Это слово имело успех. Борда, Готье, Моллан (чья речь была помещена в „Бунтаре“) тотчас присоединились к анархистам, и отделение от коллективистов совершилось. 16).

Итог: Бакунии — Итальянский Конгресс — Юрский Конгресс — Франция на Гаврском Конгрессе (с этого Конгресса начинается шпюское движение). Юра и Франция были тесно связаны, и Мал. (Малатеста) был тогда во Франции (Париж)“...

— 0 —

Другие письма, относящиеся к 1879—1882 г.г., до сих пор еще почти неизвестны. Мы можем проследить развитие умственных интересов Кропоткина и смену его

революционных чаяний по двухнедельным выпускам „Бунтара“ до его ареста в Тюдон 21 декабря 1882 г. Он принял очень деятельное участие в Лондонском интернациональном социалистическом революционном Конгрессе, состоявшемся в июле 1881 г.

Об этом можно судить по его собственному докладу на Конгрессе, напечатанном в „Бунтаре“. Когда выйдет моя книга о 1880—1886 г.г. анархического движения, то это видно будет также из более подробного отчета, составленного из отрывочных заметок Кропоткина о ходе Конгресса, хотя эти заметки и находятся в прискорбном беспорядке. В „Newcastle Daily Chronicle“ 1881 г. можно найти его статьи о преследованиях против политических заключенных и об обращении с ними в России, а также, я думаю, его случайные письма и заявления в лондонском „Таймсе“, статьи в английских ежемесячниках, и т. д. — Эту работу, направленную к возбуждению европейского общественного мнения, он начал летом 1881 г., когда свирепые казни в Петербурге, в том числе казни Софьи Перовской, которую он так хорошо знал, а также ужасная судьба Еси Гельфман и появление фашистской „священной дружины“ мстителей, переполнили чашу: До того времени, считая русское движение внутренней, национальной борьбы между деспотизмом и революционным русским народом, Кропоткин не привлекал к ней такого внимания международного общественного мнения. После же этих казней Кропоткина, а также и его жена, хотя и не соглашаясь с линией борьбы Исполнительного Комитета, предложили ему вернуться в Россию, чтобы принять участие в террористической борьбе. Исполнительный Комитет отказался принять эту жертву. В качестве предположения, я беру на себя смелость заметить, что деятельность Кропоткина по возбуждению общественного мнения и была, по желанию Комитета или по его собственному желанию, его вкладом в борьбу, раз другие формы борьбы были для него недоступны.

Кроме этих и некоторых других писем, напечатанных в разных изданиях, вроде писем по поводу смерти немецкого анар-

46) Заметка Кропоткина имеет в виду французских авторитарных коллективистов (гидистов).

хиста Теодора Эйзенгауэра, которого он хорошо знал ("Freiheit", Лондон, 4 марта 1882 г.), и длинного письма Юрскому Конгрессу от июня 1882 г. („Бунтарь“, 8-го июля 1882 г.), представляющего собой исчерпывающее изложение теоретических и тактических взглядов Кропоткина, немного известно об его жизни в этом периоде. Сюда относится его поездка из Женевы через Францию на Лондонский Конгресс (июль 1881 г.), возвращение в Женеву по истечении многих недель, проведенных в Англии, изгнание из Швейцарии (он покинул Швейцарию 30 августа 1881 г.), пребывание в Тононе (Савоя, Франция), а затем, два месяца спустя, когда его жена сдала экзамены в Женеве, отъезд в Лондон. Пробыв там около 12 октября 1882 г., здесь его подвергают аресту 21 декабря и отправляют в Лион. Встречи с французскими товарищами во время поездок Сент-Этьен и Лион ставятся ему в вину во время процесса 1883 г., как и посылка нескольких писем в эти части Франции.

Так, например, письма его к Ф. Пежо (Лион) от 8 и 9 ноября, к Ж. Бернарду (Лион) от 27 февраля 1882 г., к Жану Рикарду (Сент-Этьен) от 22 октября и 28 ноября 1881 г. и 24 августа 1882 г. имелись в распоряжении суда, и на них часто ссылались во время процесса. Эти письма, сохранившиеся, по некоторым сведениям, исчерпывающее изложение взглядов на практическую деятельность по организации и пропаганде, рекомендуемых Кропоткиным, следовало бы разыскать среди документов этого громкого процесса. Допрос Кропоткина довольно подробно излагается в брошюре „Процесс анархистов на суде несправедливой полиции и на апелляционном Лионском суде“ (Лион, 1883 г., 191 стр. 3^о, под редакцией Жана Грива).

— 0 —

Письмо 29-е. Полю Робэву. Без числа. (Лондон, весна 1882 г.).

... „Что сказать тебе о нас. Я много работаю, и так как мне приходится все писать по-английски, то меня это очень утомляет. К концу зимы я уже выбился из сил,

но теперь чувствую себя лучше, после того, как я совершил прогулку пешком в Соррей 17). Барахтаюсь, как могу.

“Fortnightly [Review] напечатало мою статью 48) и просит еще две. Я пишу также для “Британской Энциклопедии”. Если бы мне легче было писать по-английски, делало бы хорошо..

Мой адрес: 55, Миддлтон сквер, Лондон.

Тюремная жизнь, с 21 декабря 1882 г. до 15 января 1886 г., в Лионе и в Клерво описана в статье „Во французских тюрьмах“, напечатанной в “Nineteenth Century” (Лондон, март 1886 г., стр.стр. 407—23), которая, вместе с общими статьями о русских тюрьмах и ссылке (там же, 1883, 1884 г.г.) составляет книгу „В русских и французских тюрьмах“ (Лондон, 1887 г., IV, 387 стр.; по-русски издано в 1906 году, с новым предисловием). Теоретические соображения изложены в статье „Тюрьмы“ („Бунтарь“, 14 и 21 августа 1886 года) и в парижской лекции „О моральном влиянии тюрем на заключенных, 20 декабря 1887 г. („Бунтарь“, 24 декабря 1887—16 июля 1888 г.). Он довольно часто возвращался к вопросу о тюрьмах, например, в довольно длинном письме к молодому анархисту, писателю Анре Дибфест (Harrow on the Hill“, 19 мая 1891 г.) 49) и в статье

47) Английский социалист Эрнест Белфор Бакс (см. его “Воспоминания и размышления”, 1918 г.) признавался тогда с Кропоткиным при посредстве Германа Юнга, прежде состоявшего секретарем Интернационала в Швейцарии. Он рассказывает о прогулке с Кропоткиным ранним летом 1882 г. в Соррей Хиллс, (южная часть Лондона). Записанные им разговоры относятся к той эпохе, когда зарождалась идея “Полей, Фабрик и мастерских”.

48) “Русская революционная партия” (1 мая 1882 г. стр. 654-671).

49) Перепечатано по-норвежски в “Alarms Julenummer, 1925 (Осло, стр. 4-5). — Анре Дибфест, автор книги “Среди анархистов” (“Bland Anarkister”) (1890 г., писавший о зарождавшемся в то время анархических тенденциях группы “Fedra heimen”, Анре Гарборг, Ивар Мортенсен и другие писавшие в чикагском “Alarm”, лондонском “Freedom” и проч., вели также переписку с Кропоткиным, начиная с 1889 г. (см. “Brand”, Стокгольм, 23 февраля 1929 г.) Я не могу сейчас указать, где и когда эти письма были напечатаны в Норвегии. Дибфест покончил самоубийством в 1892 г.

„Университеты преступности“ в „The Daily News and Leader“ (Лондон, 30 июля 1913 г.), — статья, происхождение которой Кропоткин объясняет в письме к Жану Граву от 7 августа 1913 г., помещенном в настоящем сборнике.

„Переписка“ Элизе Реклю, том II (Париж, 1911), содержит письма Реклю к Кропоткину, написанные во время пребывания Кропоткина в тюрьме, а также письма, в которых Реклю говорит подробно о положении Кропоткина. Многие сведения, сообщенные Кропоткиным из Лиона и Клерво, были, вероятно, словесно переданы его жене, когда она посетила его, а затем переданы ею — письма, заслуживавшие быть сохраненными, а также переписка и воспоминания анархистов, сидевших в тюрьме вместе с Кропоткиным.

В Лионской тюрьме, в первые месяцы 1883 г. — как я недавно узнал от вдовы Кропоткина — было написано известное обширнейшее письмо Кропоткина к бельгийскому экономисту Эмилю де-Лавелю, представлявшее собой изложение анархизма. Ибо после суда, вызвавшего сенсацию, де-Лавель написал Кропоткину, прося объяснения анархической точки зрения, и Кропоткин написал подробное изложение, посланное бельгийскому экономисту, как предполагают, в сокращенном виде.

Лишь очень немногие письма того периода были опубликованы. Я могу сослаться только на два письма к Дюмартеру и одно к Герингу (через две недели после освобождения), напечатанные в „Le Reveil“, (Женева) от 3 января 1925 года.

—o—

Письмо 30-е. К Франсуа Дюмартера. Из Центральной тюрьмы в Клерво с/р Об. 4-10 ноября 1883 года.

... „Товарищи поручили мне поблагодарить вас за яблоки, которые прибыли вчера в очень хорошем состоянии. Они были превосходны, и у нас был общий праздник, когда они получились“...

Нужно-ли говорить вам, дорогой друг, как часто я думаю о вас и как часто помню ваше имя, когда мы говорим о Жене-ве и обо всем, что нам дорого. Сколько раз

во время споров, возникающих по тем или иным поводам, по какому-нибудь запутанному вопросу, я вспоминаю о наших долгих спорах с вами о тысяче вопросов. Готье и я живем в одной комнате и спорим иногда бесконечно...

Вы уже знаете, как проходит наша жизнь. Очень монотонно, в конце концов. Единственное развлечение — прибитие иллюстрированных журналов — они одни только и разрешаются в Клерво. Маленький огород, около тридцати квадратных метров, дающий неожиданно большое количество овощей, очень красивая кошка, которую мы вырастили, — вот и все наши развлечения. Все, однако, весело и живут очень мирно друг с другом. Все много учатся и читают, и тюрьма ни для кого не будет потерянными временем“...

—o—

Письмо 31-е. К Франсуа Дюмартера, (из тюрьмы в Клерво). Без числа. (Осень 1885 года).

... „Я не только лишен возможности писать книги. Я лишен даже удовольствия написать на книжке все то, что мне хотелось бы написать вам по поводу „Речи бунтара“ (50). Посылая ее вам, я хотел сказать вам, какое глубокое и хорошее воспоминание я сохранил о годах, проведенных вместе с вами за работой в газете, и как я считаю, что все выраженные в ней мысли являются плодом совместной разработки их, плодом наших разговоров, обмена мыслей с вами обоими (с Д. Герингом) и общего вдохновения, руководившего нами. Каждая страница этой книги вам уже известна... Реклю нашел, что было бы полезно их соединить, и я думаю, что он прав. Они довольно широко были распространены в форме маленьких брошюр среди тех, кто сочувствует нашим идеям. Нужно, чтобы они проникли в новую среду, а для тех, кто почти согласен с нами, нужно уже нечто иное: нужно помочь им уточнить преследуемую цель. Над этим,

50 Другими словами, ему не было разрешено сделать дружескую надпись на экземпляре его книги, посланной Дюмартеру. „Речи бунтара“, с предисловием Реклю, печатанным 1 октября 1885 г., появился в конце 1885 г. (в Париже, X, 343 стр.).

главным образом, я и работаю теперь, и сколько раз когда я пишу или думаю об этом, я чувствую, что мне недостает нашей обстановки в Юрской на Гротах (Юрская типография на улице Гротов), где можно было бы обсуждать и разрабатывать все это совместно"... 51) И затем, это плачевное состояние моего здоровья, с целой свигой в виде анемии, шанги и всего прочего"...

— 0 —

Письмо 32-е. Георгу Герцигу. (Париж)
30 января 1886 года.

... „Мой большой друг, госпожа Лаврова, вырвавшись из русских когтей и приехав в Клерво, сказала мне: „Смотрите, как бы все эти похвалы не вскружили вам голову“. (Похвалы по поводу „Речей бунтаря“). Мой ответ был очень прост: „Я не боюсь. У меня есть друзья, которые всегда скажут мне правду. Это Герциг и Домартер"... (Герциг возражал против издания этой книги обыкновенным издателем, С. Марпоном и Э. Фламарионом, в Париже, которые, надо заметить, издали многочисленные труды Прудона и держали их в продаже на протяжении нескольких поколений.)

... „Но как поступить? Что сделать, если не хотеть обресть себя на полное безделье — на ничтожество? Могли-ли мы напечатать этот сборник? Нет. Могли-ли бы мы распространить его, если бы нашли 3,000 франков, необходимые, чтобы его напечатать? Нет. Значит, ничего не делать? Я думаю так: эти статьи, эти брошюры сделали свое дело в рабочем классе. Если надо будет опять их распространять, если в этом почувствуется надобность — можно будет вновь отпечатать в виде брошюр по одному су, в любом количестве, те статьи, которые признаны будут полезными. Но мы обращаемся также и к другой публике. Поищем сторонников в другом месте. Хотя бы только для того, чтобы заронить сомнение в умы тех, кто будет противодействовать Революции. Это будет чистый выигрыш. И я стал искать издателя. Книга не была

ему продана. Напротив. Если бы мы имели деньги, чтобы ее напечатать, то мы могли бы сейчас выпустить общедоступное издание. Это право осталось за нами. Издатель имеет право только на издание в 18°. Он платит мне 31 сантим за каждый проданный экземпляр: эта „репта“ не пойдет на покупку мне пищи, вы это знаете. Она позволяет мне отдавать несколько дней в неделю на анархическую пропаганду. А, говори правду, когда нас выпустили на свободу (15 января), и у нас не было ни гроша, — именно так: ни одного гроша, — чтобы выднуться из Клерво, то я написал издателю Мариону и попросил у него 300 франков. Лучше это, чем жизнь на платежи, полученные от русских крестьян: ибо жить все-таки надо, как бы ни был скромен наш образ жизни. А теперь, когда я не могу работать больше, чем три часа в день, что лучше: взять 300 франков у Мариона или ничего не делать для Анархии? Я думаю так: не того требует в данном случае анархическая мораль, чтобы не взять 300 франков у издателя, а того, чтобы человек знал, для какой цели он их употребит: для того, чтобы жить, как удалившийся от дел мелкий буржуа, или для того, чтобы селить наши анархические идеи. Будьте святыми во всех отношениях, живите на 5 фр., 3 фр. или на 50 сантимов, которые вы зарабатываете своим трудом, — если вы ничего не делаете для революции, то вы — буржуа в большей степени, чем тот, кто имеет только одну цель: зарабатывать по 10 франков в день, чтобы не работать три дня и два дня отдать для подготовки революции"...

... „Когда я думаю о работе, которую надо выполнить для того, чтобы будущая революция сколько-нибудь принесла пользу рабочему, то меня иногда ужас охватывает: вы знаете, что стало со всеми нами, этими партиями, некогда бывшими социалистическими, а теперь имеющими только одну цель: выгоду. Только одна партия, одна единственная, неприменно стоит за экспроприацией. И когда я вижу, как эта партия слаба, как нехватает в ней людей, готовых работать, я прихожу в ярость. Есть тыся-

51) Эти строки показывают, как работа над разрушительными идеями „Речей бунтаря“ подсказала и наметила уже в то время ряд конструктивных идей, в целом своем образующих книгу „Хлеб и Воля“, 1892 г.

ча способов нарушить частную собственность. Чтобы открыть верный способ, нужно заставить народный дух — это пеленое дело, возникающее из миллионов надежд, тенденций, желаний, — высказаться, дать свою формулу. На нас лежит обязанность это сделать. Если мы этого не сделаем, никто этого не сделает“...

„Вы говорите мне и Вернеру (Эмиль Вернер, живший тогда в Париже; Бронотин, повидимому, вновь встретился с ним) о разочарованиях. По какому праву смеете вы об этом говорить? Когда вы бросались в работу, что вы думали в ней найти: Революцию в результате двух лет усилий, как Брусс? Вы этого не добились, и это-то заставляет вас думать, как какого-нибудь аристократика. Или же вы думали встретить только идеальных людей, целиком отдавшихся делу, без низменных личных страстей? Но если бы такою было человечество, если бы такие люди встречались так часто, то наши услуги были бы не нужны, человечество обошлось бы без нас, оно уже имело бы анархию: оно нуждалось бы уже не в таких людях, как вы и я, а в людях, не в таких людях, как вы и я, а в людях, бесконечно превосходящих нас не только в нашем настоящем виде, но и стоящих выше того, о чем вы и я смеем мечтать.

Нас посадили в Клерво. Все, что Липон мог дать лучшего из числа выдающихся людей, было с нами. Там были Бернар и Борда, Маргэн (Пьер Маргэн) и Рикар — все это люди, которых не встретишь на каждом шагу на улице — и были там представители массы, еще более симпатичные, — я готов был сказать: бесконечно более симпатичные, если бы не вспомнил о некоторых превосходных качествах тех, кого я только что назвал. И, конечно, в этой совместной жизни со своими было в тысячу раз более поводов для разочарований, чем во всем, что вы могли увидеть, подходя к людям издали. Прожить три года в одной и той же комнате, видеть человека оголенным, — вот способ познать его.

И вот я говорю вам, что если бы я когда-нибудь создавал себе иллюзии о людях, то должен был бы выйти отсюда с возмущением и отвращением в душе. Все, что

вас опечаливает, и еще многое другое — личное тщеславие, поставленное на службу великому делу, использование этого дела для личной цели, все это я видел на протяжении дней, недель, целых годов подряд. О, конечно, для кого-нибудь, кто хотел бы разочароваться, здесь было достаточно поводов...

Но вместе с этими сторонами (их особенно охотно видят люди, у которых большая печенка) я видел и другое. Я видел то, что мы должны были бы знать уже десятки лет от роду: что человек — чрезвычайно сложное животное; что наряду с низменными страстями тщеславного (и ядовитого) зверя, у него есть прекрасные стороны, и что мы должны работать как раз над тем, чтобы открыть ему эти прекрасные стороны, для того, чтобы упражнение этих прекрасных качеств вошло в привычку и раса улучшилась бы... И еще я видел, что рядом с тщеславными дельцами (столь же многочисленных среди рабочих, как и среди буржуа, но, быть может, еще более отвратительных, ибо они изменники), есть также и ядро людей очень честных, как в политике, так и в личных отношениях — ядро молодых. Я знаю, я говорю вам это заранее, что если до революции пройдет еще десять лет, то эти самые молодые люди, которыми я восторгаюсь сейчас, через десять лет будут заслуживать расстрела 52). Если они будут иметь успех, как ораторы на народных собраниях, то у них будут льстецы, и они превратятся в Бернаров (Жозеф Бернар, в Лионе). Если они будут издавать газету, и эта газета будет иметь успех, то они станут дельцами; если они смогут стать эксплуататорами, то они ими станут в возрасте 30-35 лет. Я это знаю. И что же? Но ведь будет еще другая молодежь и эта другая молодежь будет делать историю, будут готовить революцию“...

... „Что касается нас, то мы уезжаем в Англию. Мы предпочитаем, чтобы двери

52) Эти впечатления молодого Броноткина относятся к тем двум неделям, которые он провел в Париже, с Эли Реню и его семьей. Они сложились под влиянием бесед с посещавшими его молодыми анархистами-рабочими, художниками и студентами.

Франции были всегда для нас открыты, что бы мы всегда могли приехать туда, если понадобится, чем быть изгнанными сразу и навсегда за одно слишком резкое слово, сказанное на народном собрании. 53).

Я вновь принимаюсь за „Бунтаря“, с той же бодростью, как и раньше. Меня зовут в Лондон, чтобы создать там анархическую газету, деньги там есть, и я горячо возьмусь за дело. 54).

Зарабатывать я буду работой, которую думаю пойти в Лондоне, а Софья будет зарабатывать романами, за которые серьезно взялась. Она бы уже напечатала роман из русской жизни, если бы не была все время больна в Клерво. 55).

Мы пробудем в Париже еще недели две, все там же, у Эли Реклю, 119, ул., Мовж“...

В Лондоне, в марте 1886 г., Кропоткин снял комнату в Сент-Джонс Вуд, Н. В., где жил Степняк, и около 18 апреля переехал в маленький домик в Харроу он де Хилл. Домик был расположен на открытом месте, у подножия холма, — здесь Кропоткин и жил до весны 1892 г. Несколько коротких неопубликованных писем дают некоторое представление о том раннем периоде, в течение которого появились анархические статьи Кропоткина, его речи на митингах и лекции, напечатанные в „Бунтаре“, „Анархисте“ (Лондон), „Фридом“, „Коммонвел“ (Лондон) и проч., а также его рецензии, главным образом в „Девятнадцатом Веке“, где он еще в 1883 и 1884 г.г. напечатал статьи о „Русских тюрьмах“, а в 1885 г. — „Финляндия, поднимающаяся национальность“ (март) и „Грядущая война“ (май).

53) После лекции, прочитанной на большом собрании 28 февраля, на тему „Анархия в социалистической эволюции“, — она была напечатана в форме брошюры и широко распространена, — Кропоткин в первых числах марта уехал в Лондон.

54) Это было сделано только осенью, когда — „Фридом“ начал выходить ежемесячно (октябрь 1886 — декабрь 1927 г.).

55) Софья Кропоткина написала тогда маленький роман из жизни русских нигилистов, „Женщина №4237“, который был напечатан в газете Анри Рошфора „Этрансжанж“ (Париж).

Случайных писем надо искать в „Таймсе“ и в „Этрансжанж“ Рошфора, прежде всего.

Письмо 33-е. Виктору Дэви, Лондон. 12 Алья Сквер, Сент-Джонс Вуд (1 апреля 1886 года).

... „Можете-ли вы дать мне адрес „Ni Dieu Ni Maître“? (Ни бога, ни господина“). 56) Я не нахожу ни одного экземпляра, а должен им написать“...

Письмо 34-е. Виктору Дэви, 17, Рокебро Род, Харроу он де Хилл, Миддлсекс, 5 мая 1886 года.

... „Вы знаете, что значит выйти из тюрьмы, когда работа отстала, и когда нужно упорно работать, чтобы подогнать ее. Еще хуже, когда освобождение приходит внезапно. Вот почему за 18 дней, что мы провели здесь, я никуда не двинулся и не ходил дальше, чем на две мили от дома. Я буду сидеть дома еще дней 15-20 или месяцев, разве что выйду на несколько часов, чтобы сделать несколько заметок в Британском Музее“.

—0—

Письмо 35-е. Ему же. Харроу. 9 мая 1886 года.

... „Очень сожалею, но никак не могу принять участие в собрании. У меня не хватает сил даже для повседневной работы, и я с сожалением спрашиваю себя, отчего у меня нет тех сил, какие были десять лет тому назад“...

—0—

Письмо 36-е. Ему же. Харроу 6 июня 1886 года.

... „В течение последних двенадцати дней я жил в постоянной тревоге. Болезнь (которую заболела Софья Кропоткина) оказалась тифозной горячкой, и притом очень сильной. Было два дня очень плохих. Кризис прошел благополучно, и начинается выздоровление. Будем надеяться, что ей будет лучше“.

—0—

Письмо 37-е. Ему же. Харроу. 8 июня 1886 года.

(Повидимому, Дэви явился с предложением

56) Анархическая газета, выходившая в Брюсселе с 23 мая 1885 г.

нием от своей жены — быть сиделкой под-
ле г-жи Кропоткиной, но не был допущен
особой, названной „наша добрая, старая да-
ма“. После этого Кропоткин пишет):

... „Мы так и думали, что это были вы,
и были очень опечалены. Наша старая,
добрая дама не сказала вам, что в доме
находилась госпожа Лаврова. Она была бы
очень рада познакомиться с вами. Ее имя
вам, вероятно, известно. С 1872 г. она со-
стояла в Юрской Федерации, в Цюрихе 57),
и несмотря на все заключения, тюрьму и
ссылку в России, она стала еще более убеж-
денной в правильности наших идей. Она бы-
ла в Париже, когда моя жена заболела, и
примчалась сюда, чтобы ухаживать за ней
и привести ей не только свою дружбу, но и
тот опыт, который она приобрела в военных
госпиталях во время войны 1878 г. 58).

Поблагодарите, прошу вас, госпожу Дэй-
ви за ее доброе предложение. Софья тоже
порукает мне очень, очень поблагодарить
ее“...

—0—

Письмо 38-е. Ему же. Харроу. 11 июля
1886 года.

... „О том, чтобы писать для „Freiheit“
(Нью-Йорк) я и думать не могу. Ежепе-
дельный „Бунтарь“ отнимает у меня все вре-
мя. Я едва могу справиться с этим делом и
с той работой, которая дает мне средства к
существованию.

Что касается перевода „Речей бунтаря“
на английский язык, то он уже сделал в
Эдинбурге, и лицо, которое его сделало, по-
вело уже переговоры с Реклю об издании.
Я не знаю наверно, когда это произойдет, но
знаю, что к издателю Фламариону уже об-
ратились за разрешением. Книга перепе-
дена целиком“... 59).

57) М. П. Зайцын в своих „Воспоминаниях“,
1925 г., стр. 67, говорит, что С. П. Лаврова и Н. Н.
Смелая были студентками в Цюрихе с 1868 по 1873 г.

58) Если не ошибаюсь, госпожа Лаврова, вместе
с другими русскими дамами, работала по перевязке
раненых во время осады Парижа, а может быть и
во время Коммуны.

59) Английский перевод этой книги не появился
тогда и, насколько мне известно, не издан еще и до
сего времени. В 1886-87 такой перевод начал появ-

Годом или несколькими годами позднее,
в письме (без числа) к Полю Робэву, посе-
тившему Лондон, Кропоткин указывает, как
добраться до Харроу, и набрасывает малень-
кий план дома.

... „Когда приедешь в Харроу, то тебе
стоит лишь спросить либо Кропоткина, либо
католическую часовню на Черч оф Ингланд
Рoad (старое название нашей улицы). Вто-
рая дверь от католической часовни и будет
дверь нашего дома. Софья ждет тебя с не-
терпением [они никогда не встречались], и
ты увидишь нашу Шурку (Александра, ро-
дившаяся в 1887 г.)“...

Так Кропоткин мирно жил со своей се-
мьей в Харроу, занимаясь географической
и иной, такой же рутинной, работой для за-
работка, перемежая ее с исследованиями, на
которых были основаны его статьи для „Де-
вятнадцатого Века“, требовавшие самой
тщательной подготовки, с постоянной рабо-
той для „Бунтаря“ и „Фридом“, с лекция-
ми в Лондоне и в провинции (как в 1881—
82 г.г.), с собраниями (закрытыми) группы
„Фридом“ и с митингами той же группы, ор-
ганизованными для пропаганды и начинав-
шимися весной 1888 г. Кроме того, он всегда
появлялся на митингах 18 марта, а также
на ноябрьских митингах, посвященных Чи-
кагской трагедии 1887 года. Его занятия
прерывались также посещениями Брита-
нского Музея и работой на огороде, позади
маленького дома. Отрывали его также по-
сетители, хотя в то время их было еще не
так много, как в позднейшие годы; затем
частые беседы с Н. Чайковских, также
связанным дом в Харроу, и, наконец, — в ко-
нце восьмидесятых годов, — долгие и утоми-
тельные споры с шведским химиком и соци-
алистом Густавом Стеффеном, тоже посе-
лившимся в Харроу и приступившим тогда
к экономическим и социологическим иссле-
дованиям.

Сведения о жизни Кропоткина в Харроу,
какие мне до сего времени удалось собрать,
почерпнуты из множества писем, адресован-
ных Граву, из которых одно, об изложенных

хоться в „The Avant-Courier“, в Портланде (Оре-
гон). Мне неизвестно, был ли он закончен.

в книге „Поля, фабрики и мастерские“ идея, уже воспроизведено в настоящем сборнике. Из писем, напечатанных в периодических изданиях, я могу указать только на письмо в чикагском „Аларм“ (15 сентября 1888 г.), содержащее заметки о Прудоне, — на письмо, напечатанное в книге Р. Фарга Пеллиера „Гарибальди: История 19-го века“, издания 1889 г., а также в „Эль Продуктор“ (Барселона), 10 мая 1889 г., где было помещено изложение тех же идей, которые рассматривались в письме к Граву: — на высоко интересный документ, главная часть которого цитирована в моей статье о Кропоткине в „Пробуждении“, № 11, март 1930 г., стр. стр. 5-7; — на письмо в „Нью-Йорк Геральд“ осенью 1887 г., бывшее последней попыткой возбудить американское общественное мнение против судебного убийства чикагских анархистов, которое, однако, было совершено 11 ноября 1887 г.

„Die Autonomie“ (немецкая анархическая газета, Лондон, 16 февраля 1887 г.) напечатала записку Кропоткина к Отто Ринке, явно посвященную характеру частной переписки и выражающую удовлетворение по поводу новой газеты... „Наилучшее средство парализовать вредные влияния, это — улучшить газету. Будь убежден, что с помощью „Autonomie“ будет больше сделано для принципов свободной автономной общественной кооперации, чем путем долгой и бесполезной личной полемики“. Другое письмо к Ринке (от 19 декабря 1888 г.) напечатано в газете 29 декабря 1888 г., а доклад комиссии, напечатанный 9 марта 1889 г., очевидно формулирован Кропоткиным.

Он послал письмо Рошфору, протестуя против его похвал по адресу Каткова, летом 1887 г., после смерти Каткова. Слава Рошфора уже померкла в то время, после его выступления в качестве буланиста и националиста - патриота.

Когда корреспондент „Бунта“ грубо извратил позицию Малатесты в итальянских делах, Кропоткин немедленно послал протест („Бунт“, 20 августа 1892 г.), в котором писал: „Это просто смешно... такие ложные и недостойные обвинения, однако,

никогда не должны были бы проникать в „Бунт“...“

Отчеты о публичных выступлениях Кропоткина в те годы чрезвычайно поучительны, как, например, „Парижская Коммуна“, речь, сказанная Петром Кропоткиным на торжественном собрании на Саут-Илайс, 17 марта 1887 г.; — речь о „Коммунистическом анархизме“ на собрании группы „Фридом“ 15 марта 1888 г., „Перед бурей“, речь произнесенная П. Кропоткиным на митинге на Саут-Илайс 29 ноября (1888 г.) в виде прощального слова к госпоже Парсонс: „Прошлое и будущее“. Речь... на торжественном собрании в годовщину Парижской Коммуны (март 1889 г.). Все это было напечатано в „Фридом“.

Поздней осенью 1889 года Малатеста переехал на жительство в Лондон, где Мерлино пробыл несколько лет и куда он вернулся во второй половине 1891 года, но все были так поглощены своей собственной работой, что их сношения с ним не были слишком часты. Иначе обстояло дело с Черкезовым, который поселился в Лондоне в конце 1891 г. и стал ближайшим другом Кропоткина. В самом начале девяностых годов его посетили также два молодых студента медицины, болгарин и армянин, оба очень активные в континентальном и восточном анархическом движении. Один из них, Атабек, занимался печатанием на русском и армянском языках в Женеве, возобновив анархическое издательство на русском языке после долгого перерыва. Это побудило Кропоткина написать длинное предисловие к Вакуинскому наброску о „Парижской Коммуне“ (1871 г.) — „Парижская Коммуна и понятие о государственности“, с письмом П. А. Кропоткина (Женева, 1892 г., X, 20 стр., 8°), как пятнадцать лет спустя он написал предисловие (август 1907 г.) к брошюре Готелли „Как и из чего развивался революционный синдикализм“ (Издание группы анархистов - коммунистов, 1909 г., 104 стр.; предисловие, стр. 3-9).

В те годы „Хлеб и Воля“, с предисловием Элизе Реэлю была впервые напечатана (Париж, 1892 г. — в марте — XV, 298

стр., 18^я, но ни одна книга еще не появилась на английском языке.

В мае 1892 г. началось печатание серии статей „Новейшая наука“ в „Деятельном веке“. До 1901 г. их появилось семнадцать. Все они были плодом самой тщательной подготовки.

Когда Кропоткин, написавший в свое время в „Бунте“ (1891 г.) заметку о моем первом, весьма примитивном, очерке жизни Бакунина, (напечатан в Нью-Йорке „Фрайхайт“), услышал о моем намерении подготовить в Швейцарии серьезно документированный труд о Бакунине, то написал мне следующее письмо и рекомендацию:

— 0 —

Письмо 39-е. Макеу Неттлау. 13, Вудхерст Роад, Актон, Лондон В. 9 ноября 1892 года.

... „Простите за невольное опоздание. Я работал день и ночь.

Прилагаю рекомендательное письмо ко всем. Повидайте Дюмартре, Швингеля, Гернина, Жуковского и проч., и проч., всех, кто только может дать сведения о Бакунине.

Р. (Адольф Рейхель, в Берне) послал мне несколько писем (Бакунина), с которых вы сможете снять копию по возвращении. Одно из них особенно интересно (из тюрьмы Кенигштейнской крепости). Остальные только показывают, как верен он был в дружбе.

Р. также прислал свои „Воспоминания“. Коротко, но очень интересно. Все это для свободного пользования и печатания“... 60).

— 0 —

Письмо 40-е. (См. 30-е). „Товарищам и друзьям, членам Юрской Федерации. 8 ноября 1892 года.

„Дорогие друзья и товарищи, члены Юрской (Федерации).

Предъявитель сего, Неттлау, работает уже несколько лет над собиранием всевозможных документов, касающихся Михаила Бакунина.

Он уже напечатал в „Фрайхайт“ огромную работу, которая может служить рамкой

для биографа.

Благотворите прийти к нему на помощь всем, чем сможете. Если у Вас есть письма Бакунина, Неттлау будет очень обязан вам за разрешение снять с них копии. Вы можете быть уверены, что он добросовестно вернет вам все, что вы пожелаете ему доверить, и что он использует все данное ему.

Пользуясь случаем, чтобы послать вам всем, дорогим и возлюбленным товарищам, самый дружеский привет. Воспоминание о времени, проведенном с вами, навсегда останется живым в одном из самых лучших уголков моего сердца.

Петр Кропоткин“ 61).

— 0 —

Письмо 41-е. К Франсуа Дюмартре. Актон, 28 сентября 1893 года. 62).

... „Я много работаю. Правда, вот уже год и три месяца, как я работаю для заработка над научными статьями, которые мне странно надоедают, поглощают меня и очень мне неприятны. Но я рассчитываю на днях избавиться от них и вернуться к работе, которую я занимался — об экономическом строе анархизма, о взаимных отношениях, и проч. 63).

Я, кажется, уже сказал вам, мой друг, что наша встреча и наша совместная работа оставили у меня глубокое впечатление, более глубокое, чем книжки, которые я прочел. Дружеские отношения, которые связы-

61) Здесь я скажу только то, что, начиная с декабря 1891 г., благодаря Элизе Реклю, я уже имел некоторые связи с людьми, интересовавшимися Бакуниным. Первый, кому я показал это письмо Кропоткина, в декабре 1892 г., в Цюрихе, был Жак Гросс, который с того момента вложил весь свой опыт и много сил для того, чтобы помочь мне разыскать старых бакунистов и документы того времени. В 1899 г., когда я впервые посетил Италию с этой целью, рекомендательное письмо от Мазатесты к некоторым из старых участников движения открыло мне доступ к нужным людям. Этим еще не все было сделано, так как Бакунин жил среди самых разных людей, но это уже была солидная база, обильная новыми открытиями.

62) Напечатано в „Le Reveil“ (Женева) от 3 января 1925 г.

63) Серия статей о „Взаимопомощи“ в „Деятельном веке“ была прервана между январем 1892 г. и августом 1890 г.

60) Эти „Воспоминания“ были напечатаны в литературном приложении к „Бунту“ (25 ноября и 2 декабря 1893 г.)

вали нас троих, — вас, Герцига и меня, — никогда не забудутся и останутся больше, чем воспоминания. Это — борода проведенная в характере. Я хотел бы, чтобы Герциг также знал это. Но и особенность вашего ума, ваш образ мысли также оказали глубокое влияние на мое умственное развитие. О чем бы я ни писал, я очень часто думаю о вас, и мне часто хочется потолковать с вами о тысяче вещей, о вопросах отвлеченных и о вопросах практических, об оценках общего характера и о подробностях. Это так, и мне хотелось сказать вам это“...

Кропоткин жил сначала в западном лондонском предместьи, Актоне, в округе, в то время еще не вполне застроенном, с февраля 1892 г. Стенник с женой и другие русские, — по большей части принадлежавшие к группе „Свободная Россия“ и к Фонду Вольной Печати, жили не очень далеко от Кропоткина. Но в 1894 г. он переселился за город, далеко вглубь Кента, в Бромлей, неподалеку от Чисхерст, в Вилла — коттедж на Креспент Роад, где он провел много лет, — больше, чем где бы то ни было с тех пор, как он покинул Россию и вернулся туда сорок один год спустя.

„Бунт“ пришлось прекратить (10 марта 1891 г.), а „Новые Времена“ (с 4 мая 1895 г.), начавшие выходить по инициативе Жана Гравы, не имели интимного характера прежней газеты, в них печатались подписанные статьи более широкого круга сотрудников и, вообще, они выходили в расширенном размере. Но письма к Граве показывают, что Кропоткин продолжал интересоваться газетой, хотя более мелкие подробности (как, напр., интернациональная хроника, печатанная под заголовком „Социальное движение“) постепенно стали печататься без его участия и активного содействия.

В последующие годы, до 1900, его личные письма также становятся редкими.

—0—

Письмо 42-е. 16 февраля 1895 г. Напечатано в „Newcastle Daily Chronicle“ 20 февраля 1895 г. Адресовано издателем „Свободной Коммунистической и Коопе-

ративной Колонии“ в Клауден Хилл Фарм, около Ньюкастля — на-Тайне, Северная Англия. 64).

(Отклонив предложение быть казначеем, Кропоткин пишет). „При нынешних условиях я очень мало верю в успех таких предприятий и сожалею, что друзья временно отходят от дела пропаганды и от дела окончательного освобождения, чтобы посвятить себя одной из тех попыток, которые часто оказывались бесплодными, и которые ведут к верному разочарованию. Тем не менее я должен добавить, что ваш проект содержит больше данных для успеха, чем большинство других, ранее проводившихся в жизнь. С другой стороны, человек всегда имеет право сделать опыт, раз он решился на все, чтобы довести этот опыт до конца“...

(Письмо Кропоткина слишком обширно для того, чтобы поместить его здесь целиком, а потому я привожу лишь краткое изложение этого письма, сделанное мною. Кропоткин думает, что лучше поселиться по соседству от какого-нибудь большого города, а не в удаленной от центра местности, чтобы таким образом избежать многих затруднений на первых порах: пользоваться благами цивилизации, быть в соприкосновении с научной и художественной жизнью. В случае распада Ассоциации это облегчило бы также возвращение к жизни на прежних началах. Нет необходимости обрабатывать девственную почву тяжелым трудом, как делали наши предки... „Современный общественный коллектив должен открывать новые пути для производства и новые способы регулирования потребления, с помощью интеллигентной культуры и усовершенствованных способов садоводства и огородничества, обеспечивающих урожай“. Это наилучший

64) Также в „Liberty“ (Лондон), март 1895 г. По-французски это письмо было напечатано в „Новых Временах“ от 9 мая 1896 г. и переведено на немецкий язык в „Utopie und Experiment“, Альфредом Занфлабеном (Цюрих, 1897 г., стр. 105-110). В данное время я имею в своем распоряжении только этот текст и несколько французских выдержек.

способ использования возможности всех и каждого, даже слабейших, в том числе взросших городом промышленных рабочих, часто наделенных ослабленным уже организмом.

Далее, такая коммуна должна порвать с монастырскими обычаями ранних коммун и основываться на ассоциации друг от друга независимых семейств... „Теория, согласно которой семейная жизнь совершенно дезорганизуется под предлогом сбережения топлива, пищи и помещения, совершенно ложна“ (65).

Так как люди не являются ни ангелами, ни рабами, то коммуна может быть построена только на анархических принципах. В прежних коммунах избрание властей было всегда роковым, а прочие были только те из них, где вопросы обсуждались до тех пор, пока не достигалось общее согласие. В данном случае группа предполагала действовать по второму образцу. Женщины, в пределах возможности, должны быть освобождены от бремени домашних работ. Кропоткин надеялся на то, что индивидуалистические элементы сольются с альтруистическими и образуют коммунальный дух среди членов группы. Препятствие заключается в малых размерах предприятия... „Этот опыт должен быть также сделан в большом масштабе. Последнее слово может быть сказано не раньше, чем будет организован город, по крайней мере, в 20,000 жителей на началах соответствующего удовлетворения жизненных потребностей — в жилище, пище, одежде, — с тем, чтобы свободные группы творили для удовлетворения культурных, научных и литературных потребностей и чаяний всех и каждого. Тогда мы узнаем, приспособлены-ли наши современники для коммунальной жизни, и если, кажется, что не так трудно, как это говорят, сделать такой опыт“...

Другая причина неудач, это когда....

65) Кропоткин, как показала беседа с ним, был против насильственной коллективизации, разрушающей личную жизнь. Он предвидел и желал широкой децентрализации домашней жизни путем неограниченной децентрализации электрической энергии для целей производства и для всех домашних надобностей.

„Бывшая возникающая ассоциация начинается с чем, вместо того, чтобы пользоваться общим капиталом, представляющим собой накопленный труд прежних поколений... В перспективе появляется нужда, которая, в конце концов, все разрушает. Я также считаю необходимым самым решительным образом настаивать на том, что если разумно взяться за разрешение Вашей задачи, то надо немедленно подумать о постановке серьезной интенсивной культуры, под руководством хорошего агронома, так как это один из доходнейших видов индустрии. В начале будет много утомительной работы. Если колония будет преуспевать, она непременно будет осаждена новыми пришельцами, неудачниками и социальными отбросами, чью энергию предварительно нужно будет восстановить, если еще не поздно; на эту мель если многие американские ассоциации. Некоторые из них отказались принимать новых членов и, таким образом, стали буржуазными организациями, другие были облеплены новыми элементами и пошли ко дну: это, быть может, самое серьезное препятствие для успеха коммунистических колоний, которые гибнут именно потому, что добиваются удачи“.

„Вот почему некоторые вожди американских социалистов, за которыми последовали сторонники из средних классов, решились, после недавних забастовок в Чикаго, удалиться в один из отдаленных штатов Союза, где им было бы легче, чем маленьким коммунистическим колониям, защищаться против вторжения извне“... (66).

Кропоткин разрешил опубликовать это письмо, если члены колонии найдут это полезным). (67).

— 0 —

66) Предложения о том, чтобы захватить какую-нибудь северо-западную территорию, вблизи Монтаны и Вашингтона, для трудовых социалистических поселений в крупном масштабе, делались в 1894 и 1895 гг. По крайней мере, их можно было встретить в рабочей печати того времени, и они интересовали Кропоткина.

67) В 1896 г. Кропоткин написал письмо для статьи, выражающую его мнение о предложении раз-

Отиртыс письмо (43-е). К Элизе Реклю. Июль или июль 1896 г. 68).

... „Здесь все идет хорошо. Очень настаивают, чтобы я принял участие в Конгрессе (интернациональный социалистический конгресс в Лондоне 27 июля — 1 августа), что мне чрезвычайно противно. 69) Я пишу статью о земледелии для кооперативного ежегодника 70). Вывод таков, что здесь (в Англии), не на что надеяться при нынешней организации земельной собственности. Знаешь-ли ты, что на французских опытных станциях, уже получают количество пищи (зерна), достаточное для одного человека (2 кило 65) на пространстве от 250 до 400 квадратных метров? Зерно посеяно, а не посажено (Кропоткин ожидал еще большего от посадки пшеницы).

— о —

Письмо 44-е. К Полю Робэну. Бромлей. 22 июля 1896 года.

68) Открытка немного порвана, и мне удалось разобрать только следующее: „Июль 1896“ на почтовом штемпеле. Она нигде не была напечатана.

69) Кропоткин не был на конгрессе. Сидикаты делегировали на этот конгресс много анархистов, синдикалистов и противников парламентаризма. Социал-демократическое большинство конгресса приняло окончательное решение, на будущее время исключавшее всех, кто не стоял за легальным социализмом, из числа участников социалистических конгрессов, на подобие того, как иммигрантов в Соед. Штаты допускают только при условии признания ими государственной власти. Кропоткин выступил на самом большом в Лондоне революционном митинге тех лет, состоявшемся одновременно с упомянутым конгрессом в Хоблон Таун Холл 28 июля и очень подробно описанном (отчет писал я) в „Фридом“ за август-сентябрь 1896 г. Об этом конгрессе Кропоткин подробно писал в „Новых Временах“ в 1896 г., с 15 августа по 10 октября.

70) По предложению кооператоров. Это был „Ежегодник на 1897 г. Овогого Кооператива“, в Манчестере, — вероятно, очень объемистый том, так как „Ежегодник“ за 1884 г., который мне известен, уже содержит 100 и 890 страниц.

давать всем хлеб бесплатно, для борьбы с худшими чертами социальной нищеты. Эта статья напечатана в книге „Безлатный хлеб“, Виктора Баррюкана (Париж, 1896 г., 252 стр).

(18 июля Кропоткин, услышав от Робэна, что он в Лондоне, послал ему приглашение. После его посещения он получил от Робэна письмо с предложением организовать экспериментальную сельскохозяйственную ассоциацию для применения интенсивной культуры. Вот его ответ):

... „Не могу выразить, как мы были тронуты твоим письмом. Оно пришло прямо от твоего доброго сердца и — как бы я обнял тебя, если бы не был прикован к этому столу! Но об этом, мой дорогой друг, нечего и думать. Такое предприятие всегда рискованно, а маленькие сбережения друзей, как ты, слишком священны, чтобы рисковать ими. Их надо искать скорее среди таких англичан, которые не увидели в этом только спекуляцию или только назидательный опыт для своей страны. А я всегда думал, что в этом нет ничего невозможного. Надо искать. И я попрежнему думаю, что если бы об этом намерении больше знали, то, в конце концов, что-нибудь нашлось бы.

Жить только пером я больше не в силах: я изнемогаю под этим бременем, а занявшись плодоводством и посадкой хлеба, я мог бы дать предметный урок. Какой источник силы, если бы Паризская или иная коммуна могла сказать себе: „Пусть погибнет вселенная со своим хлебом и скотом. Мы не нуждаемся в ней, пока происходит обмен идей и прогресс становится интернациональным. Мы сами сможем производить их“... 71).

— о —

Письмо 45-е. К Анри Зисли (Париж).

71) Здесь для меня возникает очень важный, по моему мнению, вопрос, касающийся всего направления идей Кропоткина: при таком ограничении производства, можно-ли рассчитывать на широкий обмен идей и на то, что прогресс будет продолжаться и будет интернациональным? Не приведет-ли это к ограничению идей местными интересами, как там, где мало подвижной крестьянин ограничивает свой мир интересами своей деревни? Не будет-ли это темного похороше на русскую деревню с ее „широким“ распространяющимся по всему земному шару, и не приведет-ли это к местной изоляции вместо универсальной взаимно-солидарности?

(Бромлей, 8 февраля 1897 года. 72).

„Вы толкуете мне о „натуризме“ и говорите мне, что наконец-то вы будете иметь французский орган вашей школы. Я же, напротив, счастлив, что такого органа до сих пор не было во Франции. 73). Какое дело нам, — человечеству, — что, подобно постыдным монахам, отдельные лица удаляются в какой-нибудь очаровательный уголок за чертой города и наслаждаются там простой жизнью, физическим трудом и интеллектуальными радостями, успокаивая себя софизмом, что они никого не эксплуатируют. Монахи делали то же самое и лучше того, на Востоке, а особенно в Индии.

Это всегда означает отход от дела всего человечества, приправленный множеством пышных фраз, которые нисколько не делают его ни более привлекательным, ни более приемлемым. Будьте искренним социалистом, — еще лучше, анархистом, — борцом, и упрощение жизни придет само собой. Когда вы тесно соприкоснетесь с окружающей нас средой, когда вы увидите, на какое самоотвержение способна товарищеская среда, чтобы собрать несколько грошей на пропаганду, вы станете жить просто. И, пожалуйста, говорите как можно меньше о самих себе. Ешьте белых медведей на Шпицбергене, мерзлую сырую рыбу в Колымске (как это весело делают наши русские солдаты), сахарный тростник в Гвиане, и не занимайтесь больше вопросом: „чем я накормлю свой желудок?“ Как бы мало вы ни ели, вы все-таки будете есть больше, чем миллионы индусов, умирающих сейчас от голода; чем русские крестьяне, умирающие от тифа, голода и чумы в 1891 г.; чем

пролетарии, умирающие от истощения — мужчины, женщины и дети, — в больших городах. Если вы даже уйдете в пустыню и будете питаться там акридами, вы все же не облегчите этим совесть, не приученную к софизмам, от вашей доли ответственности за преступления, совершающиеся во имя цивилизации.

Пишу второпях. Братски ваш

Петр Кропоткин“.

—о—

От Владимира Черткова, который весной 1897 г., вместе с Павлом Бирюковым и Иваном Трегубовым, выпустил воззвание духоборцев „Помогите!“, 74) Кропоткин много узнал о толстовцах и обменялся дружескими письмами с Толстым, о чем см. статью Черткова в книге Ishill стр. стр. 119-120. Совершив путешествие по Канаде в 1897 г. совместно с членами Британской Ассоциации, Кропоткин написал статью „Природные богатства Канады“ („Деятельный век“, март 1898 г., стр.стр. 494-514) и деятельно стал содействовать эмиграции и устройству духоборцев в Канаде (согласно брошюре Лебедева о Музее, стр. стр. 40-41). Для него было большим разочарованием, когда новый редактор „Деятельного века“ отказался напечатать его стоявшую большого труда статью о Толстом, написанную после смерти Толстого. Была помещена только более короткая статья „Влияние Толстого в России“ в еженедельнике „Independent“ (Нью-Йорк) от 1 декабря 1910 г., где он еще раньше написал о Максиме Горьком. (15 декабря 1901 г.).

Я не могу привести здесь выдержки из письма к Георгу Брандесу, который напечатал его в ежедневной газете „Politiken“ в Копенгагене, после того, как итальянский анархист Лубени убил австрийскую императрицу Елизавету. Письмо появилось в „Фриде“ в октябре 1898 г. под заголовком „Кропоткин о женевской трагедии“.

Короткое письмо, касающееся итальянского перевода книги „Хлеб и Воля“ (не-

72) Напечатано в „La Vie Naturelle“, (Париж), № 3, от декабря 1911 г. — Анри Зюсли, парижский анархист, приблизительно с 1895 г. очень активно пропагандировал „натуризм“ в смысле возвращения к простой жизни. Французские органы были „L'Etat Naturel“ (1895-98, Э. Гравелла), и „Bulletin des Harmonies“, (1895-96). — Le Naturel (1 марта-июнь 1898 г., 4 номера), возможно, был именно той газетой, на которую ссылается письмо, так как в 1897 г. ни одна натуристская газета не выходила, по моим сведениям.

73) Здесь нужно вспомнить об ответном письме у Гравелла и у Зюсли.

74) Напечатано в „L'Humanité“ (Париж) в мае 1897 г., стр. 84-90. Страницы 91-94 написаны Львом Толстым.

ревод сделал Г. Чжанкабилла, Патерсон, Н. Дж., 1899 г., XIV, 245 стр.), помеченное декабрем 1898 г., напечатанное в "La Question Sociale", (Патерсон) от 15 января 1899 г.

Нет возможности перечислить здесь международные протесты и проч., имеющие подпись Кропоткина. Таков, например, снабженный многочисленными подписями лондонский протест против предания итальянских анархистов суду как „малфатори“ (уголовные преступники). Этот протест был напечатан в „Фридом“ в мае 1898 г.

Поездка в Америку открыла, наконец, для Кропоткина возможность издания его книг в Америке и Англии. Сначала появился ряд отрывков из его „Записок революционера“ в „Atlantic Monthly“ (Нью-Йорк), затем „Записки“ были изданы в виде книги (Лондон, Смит Эдлер и Ко, 1899 г., 2 тома, — американское издание в одном томе, — немецкий перевод, Штуттгарт, Роберт Лутц, 1900 г. 2 тома, — на французском языке под заглавием „Autour d'une Vie“ Сток, 1902 г., — русское издание было выпущено Февдом Вольной Русской Печати, Лондон, 1902 г., — голландское издание, 1902 г., — шведское издание, Стокгольм, 1900 г., испанское издание, без даты, Барселона, — еврейское издание, Лондон, группа „Фрайхайт“, 1904-5 г., — английское издание в одном томе, Лондон, 1906 г., — русское издание („Знание“), Петербург, 1906 г., — издание „Освобождение“, 1907 г. и т. д.

В 1912 г. я сделал несколько выписок из письма Кропоткина к Элизе Реклю. Ниже привожу краткое изложение его или цитирую отрывки из письма:

—0—

Письмо 46-е. К Элизе Реклю. Бромлей, 4 декабря 1899 года.

(Кропоткин пишет после выхода из печати „Записок“ и появления статей о „Современной науке“ в декабре 1899 г., не имея ни одного дня отдыха после 7-8 месяцев „остервенелой работы“. Утром он получил „Записки“ на английском языке. Что касается его портретов... „я был про- тив напечатания этих снимков — очень хо-

рошо, впрочем, сделанных, — и отмахивался руками и ногами от мысли о том, чтобы их поместить, но пришлось принять ультиматум издателя"... „Прими эту книгу по- дружески. Она стоила мне много, много труда в течение двух лет. Не легко писать книги на языке, который не является моим родным языком, а кроме того, все это должно было быть готово каждый месяц к такому то дню. Книга содержит на одну треть больше, чем текст „Atlantic Monthly“. „Сибирь“ написана заново и, вероятно, тебя заинтересует"...).

... „Мы здесь переживаем очень трудный момент (южно-африканскую войну). Низменные страсти заливает все кругом. Я не могу* поговорить десять минут с англичанином, не придя в раздражение. Наш друг, г-жа (Кобден) Сандерсон заявила, по-видимому, хорошую позицию. Ее друзья. Наш, даже Массингем и др., были выставлены за двери „Дэйли Крикикл“. Только „Морнинг Лидер“, „Стар“ и „Манчестер Гвардиан“ крепко держатся. Остальные во власти джингонизма. Хуже всего то, что эта война очень легко может немедленно вызвать другую войну: Россия и Франция; во всяком случае, обязательная воинская повинность уже решена в умах"...

—0—

Мнение Кропоткина о войне с бурами видно из статьи „Британские рабочие и война“ в „Фридом“ в марте-апреле 1900 г. и из листовки „Рабочие и война“, выпущенной „Фридом“ (4 стр. 8°, без даты). Хотя эта листовка не подписана, и хотя окончательно отделал ее, по-видимому, Альфред Марш, но она носит явный отпечаток работы Кропоткина. Эти взгляды побудили его позднее написать статью „Неотложная потребность“: Рабочий С'езд. „Фридом“, сентябрь-октябрь 1900 г., где он приходит к следующему выводу: ... „мы думаем, однако, что созыв С'езда всех тех, кто принимает близко к сердцу вопросы борьбы между трудом и капиталом, является теперь безусловной необходимостью... Ничто, кроме Социализма, не может остановить роста Империализма“.

—0—

Начиная с 1900 г., есть уже возможность использовать несколько групп личных писем Кропоткина, либо напечатанных, как, напр., его 18 писем к Черкезову („Каторга и Ссылка“, Москва, № 25, 1925 г., стр. стр. 8-21, с примечаниями Бориса Николаевского) и множество писем к Луиджи Бертони, либо неопубликованных, как письма к Диему Гильому, с которых я снял копии. Но письма к Черкезову — только часть тех очень многочисленных писем, которые, к счастью, сохранились, письма же к Гильому — часть тех многих писем, которые были уничтожены. Затем имеются письма к Граву, которыми я не пользуюсь здесь, и значительная часть которых неизвестна мне, но сохраняется. Есть еще одна большая группа писем — к русскому товарищу, которая сохранилась, но неизвестна мне и недоступна по причине быстрого русского почерка Кропоткина. Все это, будучи надлежащим образом издано, могло бы послужить базисом и отправным пунктом. Здесь я могу воспроизвести только меньшие части некоторых из них и сохранить остальные, имеющиеся у меня на руках. Писем к Черкезову я коснусь только мимоходом, путем кратких замечаний или сокращенного изложения их, так как они имеются в русском подлиннике.

—0—

Письмо 47-е. К В. Черкезову, 25 мая 1900 г. Напечатано.

(Касаясь попытки Черкезова доказать, что „Коммунистический Манифест“ Маркса и Энгельса списан с „Манифеста Демократии XIX-го века“ Виктора Консидерана (1847 г.); первое издание „Манифест Социетарной Школы“, основанной Фурье, 1841, см. в „Новых Временах“ начиная с 14 апреля 1900 г. — Кропоткин указывает Черкезову на ранние формулировки „железного закона заработной платы“ в „Богатстве народов“ Адама Смита (1773 г.), а „экономического материализма“ — у Адольфа Бланки (брата Августа Бланки), в его „Истории Политической Экономии“, 1837-38 г.г., цитированной Прудоном в 1843 г.).

—0—

На открытом митинге в Лондоне, на Трафалгар сквере, 2 июня 1901 г., было прочтено письмо Кропоткина.* Митинг был созван для протеста против насилий русского правительства над студентами (17 марта) и студентскими (18 марта):

—0—

Письмо 48-е. (2 июня 1901 г.). Напечатано в „Фридом“.

„К вам, рабочие и организованные тред-юнионы Великобритании, решили обратиться с призывом мн, живущие в Лондоне русские эмигранты.

Те, кого умертвили сатрапы русского самодержавия, — ваши братья.

Пусть ваш мощный голос будет услышан всем миром. Заклейте лицо убийц. И скажите Молодой России, что в тот день, когда она поднимется против Царя-Кнута — как поднялась когда-то Молодая Италия против Короля-Бомбы (неаполитанского) — вы будете с нею, как были с Молодой Италией — с народом против убийц“.

—0—

Письмо 49-е, прочитанное на митинге в Саут Плэйс Институте 21 июня (1901 г.) делегатом французских тред-юнионов при посещении ими британских тред-юнионов. Напечатано в „Фридом“ в сентябре 1901 года.

... „Возьмите нынешнюю войну в Южной Африке. Она была начата в интересах кучки бесовских хищников самого низкого пошиба, чьи имена будут проклиняться и уже сейчас проклинаются каждым мыслящим человеческим существом. И эта война ведется такими варварскими способами, какими еще не запятнала себя ни одна нация перед лицом человечества“...

... Чья это вина?

Я без колебания говорю, что вина лежит — не на разбогатевших грабителях (воровать, грабить, вымогать — их профессия) — вина лежит на британских рабочих.

Они одни могли воспротивиться войне. Они одни могли положить конец жестокостям, совершенным их именем над женщинами и детьми. Если рабочие организации Лондона завтра выйдут в Гайд Парк и поставят свою ногу на эту кровавую войну —

в течение одной недели мир будет заключен, и расшитые золотом герои войны против женщин и детей не посмеют парадировать на улицах английского города.

Но проповедь богатых и систематическая ложь продажной печати ослепили рабочих Англии, завтра они ослепят рабочих Франции, Германии и России, когда средние классы этих стран будут готовить свою войну.

Только Международная Федерация рабочих союзов всего мира могла бы противопоставить свою силу-силе средних классов, организованной для грабежа!...

—о—

Эти мысли развиты в неподписанной статье „Одна война кончена — когда будет следующая?“ в „Фридом“ от июня 1902 г., которая несомненно принадлежит перу Кропоткина и предсказывает войну с Францией из-за полного присоединения Египта... „Но чья вина в том, что страна была вовлечена в эту политику военных авантюр?

Вина-ли это Чемберлена? Или Родса? Или биржи?

Нет, конечно, нет.

Прямо все и больше всего в этом виноват британский рабочий. Они, рабочие, бежали, как стадо овец, за Чемберленом. Этот человек был их представителем, их воплощением. Одно слово с их стороны, одна большая рабочая манифестация могли бы предотвратить объявление войны. Они не захотели сказать это слово.

С 1885 года, когда первые социалистические веяния стали наблюдаться в этой стране, средние классы повторяли прислушивавшимся к ним британским рабочим, что они не должны давать вовлекать себя в лагерь социалистов или анархистов. „Это хорошо для голодных и глухих французов, а не для солидного британского рабочего, привыкшего к такому достатку, о котором немец и француз и мечтать не могут!.. — говорили им, и, они верили этому“. „Предоставьте революции континентальным глупцам. У нас более благодарная задача на руках! Займемся покорением Африки, Китая! Большие территории! Большие рабов по всему земному шару!“...

„Долой всех этих негодяев! Отдайте мне назад мою землю, мои фабрики, железные дороги, которые я построил и создал — и мне не нужно никаких рабов в Африке! — вот единственный клич, которым британские рабочие должны были бы ответить на речи этих кровопийц... Карфаген, Генуя погибли, ибо имели слишком много рабов. И Англия будет поставлена перед той же самой дилеммой: или смерть, или Социальная Революция“.

—о—

Письмо 50-е. Жану Граву. Бромлей, 13 июня 1901 г. Напечатано в „Новых Временах“, 27 июля 1901 г.

... „Ваша мысль о газете для детей превосходна. Удивительно, что об этом никто раньше не подумал. Газета должна была бы существовать уже лет двадцать — но ведь это всегда так бывает!

Сделаем его хорошим, красивым, привлекательным, и в смысле содержания, и в смысле литературного стиля. Маленькие новости, научные заметки, объясняющие натуралистический метод понимания явлений природы в противоположность метафизическому методу и суевериям, биографии женщин и мужчин, живших и умерших непоколебимыми революционерами... Никакой воспитательной морали — пусть и малейшего следа ее не будет: — нужно просто говорить детям, что нас интересует, что мы любим, что поразило нас в жизни своею добротой, силой, преданностью делу“...

... „Еще одно замечание. Форма должна быть прекрасна, то-есть, мысль должна быть продумана в подробностях“, как сказал бы один из наших французских друзей, владеющий красотой формы в высочайшей степени (Элизе Реклю). Что касается красоты формы, то дети — самые суровые судьи. Если этого не будет, они не станут читать“... 75).

—о—

„Поля, фабрики и мастерские“, вторая книга на английском языке, издавна была

75) Журнал, под названием „Жан Пьер“, действительно, стал выходить, начиная с 1-го декабря 1901 г. № 7-й вышел 1 мая 1902 г.

в 1899 г. (Бостон) и в 1901 г. (Лондон: Стэн Зонкенингтон и Ко., IX, 259 стр.). По поводу французского издания, которое появилось только в 1910 г. у П. П. Стока [Champs Usines et Ateliers, cu L'Industrie combinee avec l'Agriculture et le Travail cerebral] перевод Фр. Лерей, ХУП, 186 стр., 18°].

Кропоткин, при содействии Августа Амона (Augustin Hamon) вошел в сношения с издателями братьями Шлейхер в Париже. Виктор Дэйви намечен был в переводчики этой книги. Издатели заинтересовались также переводом „Взаимопомощи“, появившейся на английском языке 16 октября 1902 г. (Лондон, В. Гайнеман; дополненное и усиленное издание вышло в 1904 г., XIX, 318 стр.). Два письма к издателю Шлейхеру (от 15 августа 1901 г. и 26 октября 1902 г.) и одно письмо к Дэйви (от 21 декабря 1902 г.) показывают, что эти переговоры были осуждены на неудачу, ибо как раз в 1901-1902 г.г. произошли не только разрыв между парижскими издателями и Амоном, из „L'Humanite Nouvelle“, но и банкротство самих издателей. Эта потеря времени привела к тому, что „Взаимопомощь“, переведенная на французский язык Л. Бреалем [„L'Entr'aide, un facteur de l'evolution“, ХУП, 390 стр. 18°] издана была в Париже только в 1906 г., а другая книга — только в 1910 г.

Письмо к Черкезову от 30 сентября 1901 г. относится к русским изданиям в Лондоне: первоначальный текст работы „Современная наука и анархизм“ (издание группы русских анархистов - коммунистов) был напечатан Фондом Вольной Русской Печати, 64 стр., 1901 г., и теми же издателями и типографами был издан сборник „Доклады Международному Революционному Рабочему Конгрессу 1900 года“ (1902 г., УП, 119 стр.), составленный Кропоткиным, Черкезовым, Ф. Домелой Ньювенгейсом и М. Неттлау. Другие сборники этих докладов — все они были напечатаны в приложениях к „Новым Временам“ — были напечатаны в Женеве Л. Бертоном, в Патерсоне, Н. Дж., — в „Questione Sociale“, в обоих случаях

по-итальянски, а в форме книги, содержащей 304 стр., — по-испански, в 1902 г., в Буэнос-Айресе.

В письме к Черкезову от 9 декабря 1901 г. Кропоткин сообщает о неожиданном получении им длинного письма от Джемса Гильома и о своей радости по этому поводу. С этого времени переписка с Гильомом возобновляется. Значительное количество неопубликованных еще писем сохранилось, остальное утрачено, повидимому, безвозвратно.

—о—

Джеме Гильом, человек очень настойчивый в достижениях своих целей, принимал очень деятельное участие в движении, начиная с середины шестидесятых годов, но в мае 1878 г. совершенно отошел от него и поселился в Париже. Он погрузился в работу в области педагогики и Французской Революции, приобрел редкую компетентность в этих двух областях знания. В течение многих лет он был деятельным со-редактором „Педагогического Обозрения“ и „Педагогического Словаря“ и работал над биографией Пестолотти, редактируя в то же время издание документов, свидетельствовавших о большой просветительной работе, выполненной во время Французской Революции, и проч. Его жизнь была поглощена работой этого рода, и он не обращал никакого внимания на социалистические движения, на его глазах направлявшиеся в сторону социал - демократии и поклонения Марксу, а также в сторону революционного анархизма, покинувшего, по его мнению, почву действительности. При таком настроении, он не желал помочь даже историческим изысканиям касательно его собственной деятельности в Интернационале и агитации Бакунина и его друзей. Я знаю об этом по собственному опыту, так как, начиная с сентября 1890 г., я несколько раз обращался к нему, но каждый раз мои усилия получить от него сведения терпели решительную неудачу. Мне удалось добыть от него только несколько мелких фактов. В конце девяностых годов, когда его жена ослела, Гильом впал в страшное отчаяние и

в 1898 г. — позднее он об этом бесконечно сожалел — уничтожил старые письма, документы, снимки, какие у него имелись; только немногие из них совершенно случайно уцелели и не попали в огонь. Также и в 1915 г., перед оставлением Парижа, один из его друзей, придя к нему, застал его в момент, когда он бросал в огонь письма Кропоткина и много других. Около пятидесяти писем и отрывков еще не успели попасть в огонь, и их удалось выпросить у Гильома и таким образом спасти от гибели, вместе с очень немногими другими письмами. Выписки из этих писем будут здесь приведены.

Гильом, находившийся на излечении в Швейцарии, узнал от одной учительницы, что она прочла „Записки“ Кропоткина на немецком языке. Вернувшись в Париж, он раздобыл — как я узнал из черновика его первого письма к Кропоткину (4 декабря 1901 г.), который я нашел среди немногих оставшихся после Гильома бумаг — английское издание этой книги, экземпляр которого хранился в библиотеке Лаврова. Узнав, что готовится французское ее издание, он послал множество поправок, целый список их, Кропоткину, который, восхищенный этим письмом, ответил Гильому, и, таким образом, лед, продержавшийся 24 года, чудесным образом растаял.

Письмо 51-е. Джемсу Гильому. 90, Ляпсдуун Плайс, Хов, Брайтон, 12 декабря 1901 года.

„Дорогой мой Джемс, — Ты не можешь себе представить, какое огромное удовольствие ты мне доставил своим милым письмом. Как только я вскрыл конверт, я тотчас узнал твой почерк, и мое дружеское чувство к тебе овладело мной, как только я его увидел.

Безконечно благодарю тебя, мой дорогой и любимый, за все замечания, которые ты делаешь. Все они так правильны и необходимы! Но, увы, французский перевод уже напечатан, и в данный момент ты, быть может, уже имеешь книгу в руках. („Auto-ur d'une Vie“, Париж, П. В. Сток, 1902

г., XXI, 536 стр.). 76).

... „Как видишь, я в Брайтоне, выздоравливаю. Сегодня ровно месяц с того дня, как я едва не умер. Сердце совершенно остановилось. Это не был обморок — я ни на минуту не потерял сознания: я говорил Софье и Саше (моей девочке), что надо делать. Но я чувствовал, что жизнь кончается. В течение часа нельзя было обжарить ни малейшего биения сердца. Грудная жаба или, скорее, просто переутомление: я слишком много работал последние 7-8 месяцев, включая поездку по Америке, т. е. прочел там курс лекций в Бостоне (77), а затем делал доклады до безчувствия: перед 4,000 и 5,000 человек об анархии! и затем инфлюэнца на пути из Нью-Йорка в Чикаго.

... „Не приедешь-ли ты в Англию?... Я, как ты знаешь, был изгнан из Франции — глупо, из-за простого совпадения. Но если бы ты приехал в Англию, мы могли бы найти тебе квартиру в Бромлее, и ты вновь увидел бы место твоего рождения, Миддлтон Сквер“...

„Я часто думал об одной вещи: о той огромной работе, которую, я уверен, ты сделал для реформы народного просвещения во Франции. О глубине этой реформы я имел возможность судить в нескольких поразительных случаях. Но, ведь, никто и не знает, что ты приложил руку ко всей этой работе, и какова твоя доля в ней. Я часто думал, как съездать, чтобы хорошенько подчеркнуть твоё участие в этом.

Можешь-ли ты написать это сам? Как-нибудь будет знать, что то, что ты пишешь, не самохвальство, а просто попытка установить факт.

* 76) Я не могу сказать, были-ли поправки Гильома когда-либо использованы в новых изданиях „Записок“. Содержание этих поправок было подробно изложено в книге Гильома „Интернационал“, 1905-11, в 4-х больших томах. Все факты, рассказанные Кропоткиным в связи с тем периодом его жизни, можно найти в более полном освещении в книге Гильома.

77) Напечатан под заглавием „Русская литература“ (Лондон, Докворт и Ко., 1905 г., VII, 341 стр.). Первый набросок был написан на пароходе, по дороге в Америку. Предисловие помечено январем 1905 г. Другое издание: Нью-Йорк, А. Кнопф, 1915 г.

Если отдать его в руки нашего „историко-биографа“ Неттлау (автора, как ты знаешь, огромной, обстоятельной биографии Бакунина на 2,000 страницах (1281 стр., по в каждой было, в среднем, по 65 написанных от руки строк), то эта работа не пропала бы“...

Со стороны Кропоткина было очень мило, что он напомнил обо мне таким образом Гильому, но последний, должен быть, сделал гримасу по поводу этого предложения написать сообщение о своей работе, для моего сведения. Он, как и Кропоткин, получил один из лучших экземпляров биографии Бакунина, размноженной мною в 50 копиях; несколько чашек таких страниц, посланных ему в ходе работы (1898-1900), он сжег, другие оставил пераспечатанными. Несколько позже, в 1903 г., он одолжил у Грива его экземпляр, а затем я одолжил ему мои рукописные дополнения и документы, вошедшие в них. Он широко использовал эти материалы в своей книге „Интернационал“ (1905-1913) и, начиная с января 1904 г., на протяжении нескольких годов обсуждал со мной каждую подробность, относящуюся к Бакунинскому периоду.

Работа по народному образованию, о которой стало известно Кропоткину, состояла в том, что Гильом в течение многих лет 열심히 помогал своими советами Фердинанду Бюссону, либеральному мыслителю и радикалу.. Начиная, приблизительно, с 1880 г., народные школы во Франции постепенно преобразовывались в светские; клерикальные и другие реакционные влияния устранялись. Бюссону пришлось много работать над проведением этой либеральной политики, и Гильом оказал ему значительную помощь в деле удаления клерикальных элементов. Бюссон уже признал заслуги Гильома, как это можно видеть из его заметки „Джеме Гильом как педагог“, написанной, по случаю 70-й годовщины его рождения, в „*Vie Ouvrière*“. (Париж, 20 февраля 1914 г.), но их более интимное сотрудничество осталось не освещенным в подробностях. Предложение Кропоткина — указать на участие Гильома в этой работе

— было уместно, но Гильом не последовал этому совету.

Письмо 52-е. Джему Гильому. Бромлей 2 января 1902 года.

... „Твое письмо, твое описание этих последних дней заставили меня плакать, — вот уже новое несчастье обрушивается на тебя, отняв у тебя горькое удовлетворение страдать у изголовья твоей бедной, милой подруги. (Речь идет о смерти жены Гильона)“...

„Наша первая мысль, Софьи и моя, была — сказать тебе: приезжай сюда, в Бромлей, и проводи несколько времени с нами. Наш дом очень мал, но мы могли бы легко устроиться. Но мое здоровье не хочет поправляться, и мне предписано уехать. Было предположение о том, чтобы послать меня в Мадеру — не для груди, а для того, чтобы я поехал куда-нибудь, где мог бы много ходить и найти новые впечатления: Швейцария, Франция и Бельгия для меня закрыты. 78) Но эта поездка стоит, повидимому, очень дорого и, после всего, я бы, вероятно, через неделю вернулся в Брайтон (а Гильому следовало бы приехать туда; Черкезов и Малатеста в Лондоне были бы рады видеть его“)...

Тогда Гильому пришла в голову мысль добиться отмены приказа о высылке Кропоткина, и он обратился к нему с просьбой сообщить подробности этого дела.

Письмо 53-е. Джему Гильому. Брайтон, 7 февраля 1902 года.

... „Ты знаешь, что после моего освобождения из Клерво я сохранил право жить во Франции, и что я пробыл (и читал лекции) в Париже два месяца, после моего освобождения. Я туда вернулся однажды, когда умер зять Реклю, Кюизинье.

В феврале или марте 1895 или 1896 г. (Буржуа был тогда премьер - министром)

78) Кропоткин не был изгнан из Бельгии (1877 г.), но когда был основан Новый Университет, где читали лекции Эли и Элизе Реклю, и Кропоткин также хотел приехать для чтения лекций, то выяснилось, что правительство, помня привычки, ему в 1877 г. неприятности, не желало разрешить ему приезд и пребывание в Бельгии.

(в марте 1896 г.) 79) Грав просил меня приехать в Париж и прочитать доклад для нашего журнала, „Новые Времена“. Я согласился. Связи „Зал де Милль Колонь“ в расчете на аудиторию (как я узнал об этом позднее) в 4-5,000 человек.

Между тем, случилось — очень нелепо — то, о чем никто не подумал: как раз в тот день, когда я должен был сделать доклад (7-го марта) Республика отправилась в Ниццу, чтобы там усердно приветствовать великого князя, наследника русского престола (молодого человека, недавно умершего от чахотки), и было признано, что будет нелюбезно, если, в то время, как президент будет принимать наследника в Ницце, „в Париже будут овации русскому эмигранту“..

Я приехал, ничего не подозревая, дневным пароходом из Ньюгейвена в Дюэни. Ко мне подошел полицейский комиссар. „Господин Кропоткин, я имею сказать вам несколько слов: я полицейский комиссар.“ — „Очень хорошо“. — Он представился как „господин Мердес“ (испанского происхождения), добавляя он всякий раз, как повторял свое имя).

Он прочел мне телеграмму Буржуа, составленную, приблизительно, в следующих выражениях: „Если Кропоткин выйдет, сообщите ему, что он изгнан и должен вернуться с первым пароходом. Если он воспротивится, арестуйте его „в административном порядке“.

„Хорошо, сказал я. Я пошлю телеграмму Граву и моей жене“. Так я и сделал.

Что касается того, чтобы вернуться, то — я ведь приехал со вторым дневным пароходом, море было ужасно, так ужасно, что я, никогда не страдавший морской болезнью, должен был лечь. (Я только начал выздоравливать после инфлюэнцы).

„Очень хорошо“, сказал я. „Я поеду обратно завтра, утром, с тем же дневным пароходом“.

„Нет“, ответил мне с гримасой господин Мердес, испанского происхождения, „вы должны выехать немедленно (ночным паро-“

ходом), иначе я должен буду стирать вас в тюрьму. Ваша комната там уже готова“.

„Очень хорошо, идем в тюрьму“, сказал я, — „но увидите, что об этом скажет печать“.

Тогда, начиная с часа дня и до одиннадцати вечера, стали телеграфировать по всей Франции, вплоть до Ниццы, чтобы узнать, могу-ли я переночевать в гостинице (с двумя полицейскими в соседней комнате) или должен быть отправлен в тюрьму. Помощник префекта полиции не посмел взять на себя эту страшную ответственность. Префект также. Телефонировали и телеграфировали даже в Ниццу.

В десять часов вечера господин Мердес пришел сияющий. Министр разрешил вам почевать в гостинице!“

„Погода довольно хорошая?“, спросил я. „Ну, что-ж, телеграфируйте министру, что я выезжаю ночным пароходом“.

Что я и сделал.

После этого я написал Рошфору... Знаешь-ли ты, что он сказал в своей газете?

„Наш добрый друг поймет, конечно, что в политике бывают обстоятельства, когда приходится мириться с некоторыми положениями“...

И в другом месте: — „Кропоткин, встречаемый овациями в Париже в то время, как президент встречает наследника в Ницце!“

Социал-демократы и радикалы ничего не сказали. Это, ведь, был Буржуа. 80) Социал-демократы знали даже, что хорошо сделала власть, помешавшая Кропоткину проповедывать Анархию в Париже.

Два доклада, которые я имел сделать, были: „Анархия, ее философия, ее идеал“ — изданный позднее брошюрой у Стока (Париж, 189, 59 стр.) — и „Государство и его историческая роль“, напечатанный в „Новых Временах“ (19 декабря 1896 г. — 3 июля 1897 г.). Оба доклада носили чис-

79) См. „Много шума из-за лекции. Визит Кропоткина в своем изгнании из Франции в „Вестминстерской Газете“. (Лондон), 9 марта 1896 г.

80) Леон Буржуа имел репутацию чрезвычайно передового человека, исполненного симпатий к народу, почти социалиста. Он никогда ничего не сделал, чтобы заслужить эту репутацию, но она осталась нерушимой. Надежды и чаяния социализма имели в лице Буржуа настоящего защитника, по мнению многих заблуждавшихся людей.

то научный характер.

Вот и вся история. Я все еще спрашиваю себя: были ли я изгнан, или нет? Мне не предъявили никакого приказа. Да и как могли меня выслать прежде, чем я ступил ногой на французскую почву? Мердес прочел мне телеграмму, но есть ли декрет и кем он подписан?

Я знаю, что были русские, обращавшиеся с просьбами к Миллерану, который разрешал им вернуться открыто. И само собой разумеется, что я ни за что не хотел бы, да и ты не хотел бы, чтобы предприятия были подобные шаги. Но, в конце концов, разве их декреты об изгнании остаются в силе навсегда? За преступление суд изгоняет на 5, 10 лет. Здесь на лицо определенный срок. Например, Брусс, изгнанный из Швейцарии по постановлению суда, может туда вернуться. А я, изгнанный из Швейцарии, Франции, Бельгии, по капризу какого-нибудь не в меру усердного полицейского, — не могу, стало быть, никогда вернуться? Радикалы должны были бы поднять этот вопрос в Палате Депутатов и добиться, по крайней мере, чтобы изгнание не совершалось по капризу. Например, один тот факт, что в Англии требуется согласие министерства, чтобы изгнать кого-нибудь (закон 1882 г.) чрезвычайно затрудняет изгнание. Всегда оказывался хотя бы один министр, который возражал и говорил: „арестуйте, осуждайте, но не изгоняйте“. 81).

Это письмо к Гильему уже не застало его, и в письме от 14-го января Кропоткин повторил свой рассказ. Привожу только следующее место:

... „Все это я описал Рошфору в письме. Все радикальные газеты были извеще-

ны. Но — так как приходилось иметь дело с Буржуа и — с франко-русским Алльянсом... — никто не посмел и слова сказать. Рошфор (не напечатавший моего письма) написал: „Наш друг Кропоткин вполне поймет, без сомнения, что бывают положения, когда личный интерес страдает, или нечто столь же глубокое“...

—о—

Письмо 54-е. Джемсу Гильому. 90, Лэнсдоун Плэйс, Хов, Суссекс. 19 января 1902 года.

... „Я хотел тебе сказать — и в этом, я думаю, мы будем вполне согласны: ни о чем не следует просить у Жореса. Эти господа, без колебаний одобрявшие мое изгнание, когда я приехал с целью сделать доклады об анархизме, были бы в восхищении, если бы могли звонить на улицах, что они добились для меня права вернуться во Францию — чтобы лечиться где-нибудь на курорте. Я не хочу доставить им это удовольствие — тем более, что, если бы доктор действительно сказал мне: „поезжайте на юг“, то я убежден (на основании фактов), что мне достаточно было бы попросить Клемансо 82) убедить правительство, что я отправлюсь в такое-то место для лечения, чтобы полиции был отдан приказ оставить меня в покое, если я не буду выступать публично.

Если бы радикалы — социалисты захотели поднять в полном объеме вопрос об изгнаниях в том смысле, в каком я тебе писал — в добрый час! Это аннулировало бы все изгнания. Что касается тех, кто приезжает лечиться, то к ним уже теперь проявляется величайшая терпимость. Я даже думаю, что мог бы проехать всю Францию или поехать на юг, ничего никому не говоря. Однако, я никогда не хотел воспользоваться этой терпимостью. Я опять в Брайтоне... Я читаю — между прочим, „За

81) Вопрос об изгнаниях стоит теперь совершенно так же, как и тридцать лет назад, когда Кропоткин писал о нем. Но теперь изгнания стали универсальными, и ним прибегают гораздо чаще прежде и во всех странах. К ним прибавлено предварительное изгнание, в форме отказа в визе. Королевские „lettres de cachet“, заранее подписанные приказами, служащими для того, чтобы сажать нежелательных людей в Бастилию, считаются „ужасами прошлого“, но дей в Бастилию, считаются в визах по капризу широко применяются и теперь.

82) Могу только сказать, на основании виденного мною письма 1913 года, что Кропоткин ни разу не встречался с Клемансо. Последний, благодаря своей позиции в деле Дрейфуса и своей критике правительственной системы в те годы, когда он был одинок и очень далек от власти, пользовался довольно хорошей репутацией в 1902 году.

писки одной идеалистки" (Мальвиды Фон-Мейзенбург) с большим удовольствием. Это чудесно" ... 83).

Гильом, повидимому, настаивал на том, чтобы обсудить этот вопрос с Жоресом. Кропоткин отвечает:

Письмо 55-е. Джемсу Гильому. Хов, 27 января 1902 года.

... „я вполне полагаюсь на тебя. — Я ценю все качества Жореса, но не могу забыть, что он, как и другие, не посмел и заикнуться против моей высылки и предоставил говорить другим, одобрявшим мою высылку. Из всех радикал-социалистов единственный, который честно заявил себя радикалом прежде всего 84) — а они все таковы — это Клемансо.

Жорес и Миллеран, приехавшие на социалистический Конгресс в Дондоне с тем, чтобы их допустили **потому**, что они депутаты, 85) и, таким образом, пустившие в ход марксистскую интригу, состоявшую в том, чтобы „отменить“ интернациональные рабочие конгрессы и заменить их, обманным образом, интернациональными конгрессами избранных социалистов, — Жорес в этой роли, несмотря на все мое личное же-

83) Записки одной немецкой демократки аристократического происхождения, жившей в изгнании в Англии и поддерживавшей тесную связь с Мадзини и, особенно, с Герценом, в пятидесятых годах, а позднее — с Ницше, в Италии, и проч.

84) Текст плохо написал, но смысл можно понять.

85) Миллеран, на интернациональном социалистическом конгрессе в 1896 г., поддерживал тот наглый тезис, что ему не было надобности в мандате для участия в этом конгрессе, ибо его мандат социалистического депутата свидетельствовал о воле его избирателей, которых он представлял, куда бы он ни являлся. Я присутствовал (на галерее) при этой сцене. О Жоресе тогда еще мало говорили, но, во всяком случае, он не протестовал. В 1902 г. он был на виду, как социалистический оратор, благодаря своему участию в деле Дрейфуса и своей оппозиции Году и Лафаргу, в теории и на практике, что, видимо, и вызвало симпатию к нему Гильома. Не нужно представлять себе Гильома связанным или желающим вступить в связь с Жоресом. Последний сам обратился к Гильому в сентябре 1912 г. за некоторыми сведениями касательно Вакунина и, по приглашению Гильома, сделал ему визит и поучал эти сведения 17 октября 1912 г.

лание отделить его от этих интриганов (я говорю это вполне серьезно) — этого Жореса я не перевариваю"....

—o—

Письмо 56-е. Джемсу Гильому. Хов, 3-го февраля 1902 года.

... „Ну, что-ж, раз меня не хотят во Францию — не будем больше об этом говорить. Само собой разумеется, что я не могу согласиться на такое ограничение моей свободы" 86).

„Летом я, может быть, поеду в Канаду — повидать наших духоборов (эта поездка так и не состоялась)...“ (на полях письма): „Письмо Жореса неподражаемо“.

—o—

Письмо 57-е. Джемсу Гильому. Бромлей, 9 марта 1902 года.

... „Один из моих друзей постоянно приглашает меня отправиться с ним в поездку по Средиземному морю: он говорит, что это очень красиво. Это голубое и теплое море редко бывает бурным, и, как говорят, очень красиво.

Что касается меня, то я строю проекты на лето. Было предположение о том, чтобы я поехал опять в Канаду посмотреть, как там живет духоборам, поехавшим в Канаду немножко и по моему настоянию и устроенным там моим другом, профессором в Торонто. Так как они там преуспевают, то Канадская железная дорога с восторгом дала бы мне все возможности посетить их. Есть другой проект. Один американский издатель, прочитав мою книжку (Поля и фабрики), хочет, чтобы я сделал — как он говорит — то, что Артур Понт сделал в прошлом веке (перед Революцией во Франции) для Франции. На днях он пришел повидать меня: — „Вы нашли бы там“, — сказал он мне, „сотни новых форм экономической и соседарной организации, применяемых теперь в виде опыта в Соединенных Штатах“. Однако, это дело большое. Тебе известны книги Ардуэна Дюмазо о Франции. Чрезвычайно интересно. Задача и

86) Гильом обратился к Жоресу и передал его письмо.

дом, что сделать нечто подобное. Все это, впрочем, намечено на осень, ибо лето в Америке, как говорят, убийственное...

В январе или феврале 1902 года я послал из Парижа длинное письмо Кропоткину, изложив большую часть тех взглядов, которые я позднее излагал во многих статьях, начиная с тех пор, как они стали появляться в „Фридом“, в сентябре—октябре 1903 года. Я стремился к дальнейшему развитию, углублению и модернизации анархических идей, к освобождению их от септантской узости, от которой они и сейчас не всегда свободны. Кропоткин прислал очень длинный ответ, первая часть которого, как будто, говорит о том, что он практиковался в этом случае для борьбы с индивидуализмом ницшеанского типа, точно я когда-то ни было думал о том, чтобы его проповедовать. Я только высказал свое впечатление, что современный человек требует гарантий того, чем он привык пользоваться в мысле личной свободы, — как бы мало ни было то, чем он пользуется, — а потому он боится нарушить в полный коммунизм, принять который едва-ли не с закрытыми глазами советуют ему многие ограниченные пропагандисты. Я опубликовал полный текст этого письма в „Приложении“ к „La Protesta“ (Буэнос-Айресе) от 8, 15 и 22 февраля 1926 г., а французский текст — хотя и без моей личной проверки и без пост-скриптума — был помещен в „Plus loin“ (Париж) 15 февраля 1927 г. И в испанском издании, и во французском издании я привел пояснительные примечания, составив те соображения, которые были представлены Кропоткину, и проч. Кажется, русский „Голос Труда“ в Буэнос-Айресе перевел письмо Кропоткина, но я не видел перевода. Для знакомства с многими взглядами Кропоткина, притом изложенными в очень определенной форме, письмо это важно. Мне оно показало, как трудно спорить с ним о некоторых различиях в оценках, и, зная это, я избрал эпистолярную форму, но это не привело к каким-либо результатам.

Поэтому я цитирую только пост-скриптум к письму, помещенному „Бромлей, 5-го

марта“.

—o—

Письмо 58-е. Макеу Нетлау, Бромлей, 5-го марта 1902 г. (Напечатано).

... „Виола, Бромлей, Кент. 20 апреля 1902 года.

„Я должен, дорогой друг, послать вам, наконец, это письмо. Софья хотела его прочитать, а потом я захотел оставить себе копию его, так как предполагаю когда-нибудь серьезно заняться этим вопросом об индивидуализме. Я даже начал уже, но так как это отняло бы у меня много времени, и так как французские перепечатки здесь очень плохи, то пришлось от этого отказаться. Но у вас это письмо не затеряется.

Только в понедельник мы с Самей вернулись с острова Райта, где мы провели двенадцать дней и облазили все downs в окрестностях Шауклина. Здоровье мое довольно хорошо. Однако, умственная работа всегда утомляет меня довольно быстро“...

—o—

Письмо к Черкезову, от апреля 1902 г. 87) после покушения Балмашева на „Синягина, критикует заведомо неискреннюю позицию умеренных социалистов, которые знают, „что ничего-то мы не добьемся без периода кровопролития“, но рассчитывают, что реакционеры обратятся к ним за спасением от революционеров.

—o—

Письмо 59-е. Джейму Гильому. Кларендон Хауз, Хайд Гарденс, Истбори, (29 июня 1902 года).

... „Я, как видишь, в Истборне (на морском берегу), опять две недели отдыхаю“... „Здоровье хорошо. То есть, при условии не работать больше 4-5 часов в день — и отдыхать 8-10 дней каждые два месяца. Я работал последние два с половиной месяца с большим пылом, и потому не писал решительно никому. Я писал „Взаимопомощь“, которую подготавливал для печатания. Она уже печатается в Англии и скоро будет переведена на немецкий (Лейциг, Теодор Томас) и на голландский (Ведерсерг, Дин-

сбетон..., перевод Фанни Мак-Лауд-Мертене, Амстердам, 1901)...

„Мы уже сняли на август домик на берегу Коронвилля (Коруолл)“...

—o—

Письмо 60-е. Джемеу Гильому. Истборн, 4 июля 1902 года.

... „Ты рассказываешь мне о твоих работах по истории Революции (французской)... Представь себе, что я не прочел ни одной из новейших работ о Революции. За последние двадцать лет я ходил в Британский Музей только для того, чтобы подготавливать там специальные работы („Современная наука“...), а теперь я вовсе туда не хожу *). Это далеко от Бромлей, а провести целый день в Лондоне для меня слишком утомительно.

Ты читаешь, без сомнения, известия о России. История 1789 года, как будто, повторяется. А я-то верил, что в этом веке (девятнадцатом) совершится революция в Германии. Повидимому, все это повторяется в России: конституционное движение на фоне Жакерии и восстания в городах“...

После юбилейных статей в 1889 году в „Бунте“ (с 13 января по 24 марта 1889 „Век озидания. 1789—1889“, Париж, 1893 г., 32 стр.). „Годовщина Революции“, (30 июня по 21 сентября 1889 г., „Великая Революция“, 1893 г., 39 стр.) и „Великая Французская Революция и ее уроки“ („Девятнадцатый Век“, июль 1889 г.), — Кропоткин сосредоточился на проблеме взаимопомощи в средние века и в новой истории, на агрикультуре, как он ее понимал (он ездил в Нью-Джерси, чтобы посмотреть тамошнее садоводство) и на весьма разнообразных очерках „Современной науки“. Но по мере того, как поднималось настроение в России, Французская Революция вновь захватывает его.

3-го июля, в Истборне, он написал то письмо к Жану Граву, которое так часто цитируется в настоящем сборнике. В нем он намечал новые пути для широкого рабо-

чего движения.

В письмах к Черкезову, от 1-го и 4-го октября, „Каторга и Семья“, № 25, стр. 12-13, Кропоткин рассмегивает „Individualismus communisticus“, который он хотел бы установить в противоположность анти - социальному индивидуализму Ницше. Я перевел эти выдержки для издающегося в Буэнос-Айресе „Супплементо“, где они напечатаны были 22 ноября 1926 г. Кропоткин пишет под впечатлением, что Ницше — „идол, которому поклоняются и Фор, и Неттлау, и Домела“... Здесь он чрезвычайно далек от мнений, которых в действительности придерживались и Себастьян Фор, и Домела Ньюентейс, и я сам. Никто из нас не был под влиянием Ницше. Что касается меня, то все, что я сказал Кропоткину, это то, что нам не следует замкаться в кружки, исповедующие коммунистический анархизм как определенную и окончательную веру, а следует быть в соприкосновении со всеми социальными течениями, если мы не хотим остаться в хвосте.

—o—

Письмо 61-е. К. В. Черкезову. Бромлей, 28 ноября 1902 года. (Напечатано).

(В Брайтоне Кропоткин начал писать „Наступающее возрождение социализма“, напечатанное в „Фридом“, а затем изданное тем же „Фридом“ в виде брошюры, в 1904 г., 24 стр., — возрождение, предвиденное после ранних периодов расцвета в сороковых, шестидесятых и восьмидесятых годах девятнадцатого века.

Кропоткин негодует по поводу высокомерного тона, взятого Плехановым и Лениным в „Искре“ от 1-го ноября 1902 года и рассказывает о своей встрече в Лондоне с духобором Петром Веригиным, отправлявшимся в Канаду. Через десять минут Кропоткин был уже в наилучших отношениях с Веригиным).

—o—

Письмо 62-е. Джемеу Гильому. Бромлей, 23 декабря 1902 года.

... „Надо сказать, что сырой холод уменьшает мои жизненные силы до такой

*) Последняя статья в Recent Science появилась в 1901 г.

степени, что за последний месяц я ничего не сделал: нет энергии, чтобы взяться за работу. Софья советует мне уехать в январе куда-нибудь на юг. Пиренеи, это мне не очень улыбается. Алжир, может-быть. По крайней мере, это было бы ново. Что меня в особенности удерживает, это то, что я знаю, что мне не так уж много осталось жить, и я хочу провести эти несколько остающихся мне лет с Софьей и Сашей, которые обе так любят меня. И они тоже так угнетены в моем отсутствии: в этом наша беда, бессемейных эмигрантов, и ты се, верно, так же чувствуешь в Париже, как мы чувствуем ее здесь...

Мы действительно провели август в Корнуальсе, в очень маленькой деревушке, отличающейся своей дикой красотой, совсем близко от Тинтагеля — от поэтической земли Артура (короля Артура)... Я хорошо работал все время и еще два месяца после того, — частью над курсом русской литературы, а частью над корректурой и проч. „Взаимопомощи“.

Книга появилась в конце октября. (Следуют замечания по поводу английской критики, затем следующие строки): „Что касается меня, то в этой Взаимопомощи, прослеженной до низших животных, или, скорее, от низших животных до нас, я вижу самый атеистический из антирелигиозных аргументов. Он изгоняет неохристианство из его последнего убежища — из христианской этики — говоря ему: „христианство, ведь, не научило ничему такому, чего муравьи не практиковали уже в своих жилищах“, когда христианство учило любить своего ближнего, а говорят о любви вместо солидарности, христианство только открыло двери для самого бешеного индивидуализма. Что касается прощения обид, то христиане никогда этого не делали и были правы с точки зрения Евангелия, ибо Бог, изображаемый в Евангелии, никогда не прощает обид. Короче, „Взаимопомощи“ дает основу для морали, вырывающей почву из-под ног христианства, тем более, что, не довольствуясь доказательством существования взаимопомощи у животных (к этому

приступил еще Дарвин), я выясняю роль этого же чувства и его неюмисть для прогресса в эволюции человечества“...

(Кропоткин напоминает Гильому о Черкезове и его анти-марксистских открытиях)... „Итак, я беседовал с Черкезовым, и он сказал мне: — „как было бы хорошо, если бы Гильом... мог когда-нибудь рассказать, каков был социализм Интернационала на первых порах: откуда взялся доклад де-Папа о земельной собственности (1869), доклад Юрцев об отмене наследств (сделанный Бакуниным в Женеве в 1869 г.), и проч. Тогда видно было бы, как мало повлиял на это Маркс“.

Разве это не наилучший ответ на то, что ты говорил мне о твоём плане привести в порядок твои письма, переписать их в тетрадь, которая сделала бы их доступными исследователям? Да, дорогой Джемс, непременно сделай это. И все, что ты мог бы прибавить в форме записок и пояснений было бы золотом для возвращения социализма к его подлинным источникам и очистки его от надстроек, которыми воспользовались для того, чтобы его фальсифицировать или обезплоднить.

Я вспоминаю, как однажды, в 1876 или 1877, я говорил с тобой о дурном впечатлении, произведенном на меня чтением „Капитала“. Теория ценности, это Адам Смит; формулы, заставляющие математика смеяться... Я говорил, что хочу заняться критикой этого. И ты светил мне, что считаешь это бесполезным. Немцы не принимают французского социализма. Быть может, они сдадутся теперь, когда он исходит от Маркса.

Ты был совершенно прав. Это и случилось. Но — сколько нечистоты при этом, и какая отвратительная политика. С течением времени Маркс был поставлен на свое место: немецкий памфлетист, применивший диалектику Гегеля для того, чтобы повторить то, что Сен-Симон, Фурье и Оуэн сказали прежде его.

Для России, борьба против марксистов означает следующее: кто займется 100 миллионами крестьян, правительственные либералы или социалисты. Это огромный воп-

рос в момент, когда ваш 1789 год стучится в ворота".

— 0 —

1903.

Помимо письма к лондонскому митингу 18 марта 1903 г., напечатанного, без сомнения, в „Фридом“ и изданного в форме русской листовки о двух страницах, в Лондоне (Ипро, № 275), я не могу привести никаких писем, кроме нескольких писем к Гильому и одного, уже опубликованного, к Черкезову. Начиная с известного времени, здоровье уже не позволяло Кропоткину выступать на мартовских и ноябрьских митингах, и он заменял речи письмами, которые печатались в „Фридом“ и, по всей вероятности, в еврейской „Arbeiter friend“ („Друг рабочего“). Кропоткин был очень любим восточными рабочими, как о том свидетельствуют товарищи Яновский, Милли и Рудольф Рокер в книге Ishii'a. В свое время я прочел много писем, адресованных Кропоткиным Альфреду Маршу, постоянно советовавшемуся с ним о печатании „Фридом“; однако, заметок я не делал. Русская анархическая газета „Хлеб и Воля“ (ее печатал в Женеве Гогелия) начала выходить в августе 1903 г. и прекратилась в ноябре 1905 г. (24 номера). Без сомнения, это вело к переписке с русскими товарищами в Женеве и Париже.

— 0 —

Письмо 63-е. Джемсу Гильому. Бромлей, 5 мая 1903 года.

(По поводу книги „Поля, фабрики и мастерские“) ... „Мы напечатали дешевое издание, по минлиту за экземпляр, и продали 7500 экземпляров за полтора года“... „Однако, не возет мне с этих французскими изданиями! Для моих „Записок“ мне пришлось согласиться на Стока, — а это означает, что в то время, как немецкий издатель (Дупи) продает „Записки“ в большом количестве и посылает мне кое-что каждые три месяца, Сток не продает и не посылает мне ничего. Все, что я от него получил, означает, кажется, 350 франков“. (Затем он рассказывает, как медленно подвигается дело у братьев Шлейхер)...

„Альбан, по настоянию Бреалья-отца (очень известный профессор, тесть переводчицы), согласился напечатать перевод („Взаимопомощи“). Но он согласился напечатать только 6-франковое издание — он не верит в эту книгу — а по 6 франков он не продаст 500 экземпляров. Придется, значит, опять пройти через Стока — что нежелательно, помимо денег, ибо Сток не издатель для такой книги. Не знаешь-ли ты хорошего издателя?“ 88).

(Говоря о Черкезове):

... „Он атаковал марксизм в лоб. Он доказал, что концентрация капиталов, уменьшающая число капиталистов, — миф. Затем он нашел „Манифест Мирной Демократии“, В. Консидера, у которого Маркс и Энгельс взяли свой „Коммунистический манифест“. Этот последний очевидно списан у Консидера.“

В ту эпоху это, конечно, не было плагиатом. 89). Он (Маркс) написал для немцев Манифест, как и все мы писали, списывая друг у друга. Плагиат 90) был совершен позднее, Энгельсом, когда он стал раздувать значение Манифеста и увидел, что неужжды превращает его в социалистическую библию“...

... „Я даже начал работу „Социализм научный и социализм утопический“, в которой доказываю, что в так называемом „научном“ социализме нет ни одного утверждения, которого он не заимствовал бы у социализма утопического. Более того. Они ничего не сделали, чтобы доказать хотя-бы одно из своих утверждений. Способ доказательства остался тем же, ни более,

88) Так как „Взаимопомощь“ появилась у Гашетта (1906), с которым Гильом поддерживал отношения, то его совет или его содействие, может быть, побудили выбрать именно этого издателя.

89) Здесь во французском тексте пропущено слово „раз“ требующееся по смыслу фразы.

90) То, что Кропоткин здесь описывает, следовало бы скорее назвать „узурпацией“. Он хочет сказать, что Энгельс приложил все усилия, чтобы широко распространить ту мысль, что все то, что есть хорошего в социализме, вышло из „Манифеста“ и содержится в нем, тогда как те, кто высказывали подобные же мысли раньше, были предоставлены забвению, презрению и презрению.

ни менее доказательным. „Канигал“ — огромный революционный памфлет. Для Германии он был необходим. Но его научное значение — нуль. Лишь благодаря наземному незнакомству французского и английского социализма до 1848 г. он создал себе такую славу...

„То, что ты говоришь относительно общественного подъема во Франции, чрезвычайно интересно. Со всех сторон мне пишут о том же. Отовсюду пишут об этом пробуждении и говорят об очаровательных представителях рабочей молодежи, вступающей в движение. Это доказывает, что мы были безусловно правы, когда заняли в „Новых Временах“ позицию в смысле подталкивания к синдикальному тред-юнионистскому движению. Во Франции, Испании и в Женеве это движение уже принесло наилучшие результаты“...

... „Очень возможно (по об этом храни полную тайну), что летом он придет во Францию. Клемансо пишет одному из моих друзей, художнику, что я могу приехать во Францию, когда я захочу и куда захочу, и художник предлагает мне свой домик на август, около Сен-Мало“...

—0—

Письмо 64-е. Джемсу Гильому. Истборн. 12 июня 1903 года.

... „Я сначала поехал в Борнемут, чтобы провести 5-6 дней с нашими друзьями, русскими толстовцами“... „поблизости с Чертовым в Борнемуте“...

... „Во всяком случае, наша поездка в Бретань становится все более и более проблематичной“...

(Это письмо приводит подробности раннего знакомства Кропоткина с Черковым, говорит о преобладающем влиянии русских анархистов, а затем переходит к обстоятельному разбору анархизма, коллективизма, анархического коммунизма, который слитным обиходом, чтобы его здесь цитировать, или приводить в выдержках. Я напечатал главные части этого письма в статье „Антарктический коллективизм и коммунизм в понимании П. Кропоткина“ в „Супплекменте“ к „La Protesta“ (Буэнос-Айрес), № 292, 26 сентября 1928 года.

—0—

Письмо 65-е. Джемсу Гильому. 12 июля 1903 г. г. д.

... „Что касается меня, то я вынужден работать на всех парах, пока не кончу моего „Курса русской литературы“. Американский издатель, которому я его продал два года тому назад, хочет иметь его этой осенью, и я должен послать ему рукопись как можно скорее, — тем более, что ее нужно продать также и здесь, чтобы обиделись английские и американские, появившись в один и тот же день“...

—0—

Письмо 66-е. В. Черкезову. Бромлей, 16 августа 1903 года. Напечатано.

(Кропоткин сообщает, что он работал всю ночь, что его семья уехала, и что последняя часть рукописи отправлена 16-го августа. Пятьдесят писем получены за это время и ждут ответа. Он удовлетворен новым журналом „Хлеб и Воля“. Профессор Э. Нис, из Брюсселя, посетил его, и проч.).

—0—

Письмо 67-е. Джемсу Гильому, в Невпатель. Линтон, Норт Девоншир, 21 августа 1903 года.

(После окончания книги, 15-го августа) ... „Мой проект был либо Норвегия, либо Исландия, либо Тенериф, либо Монтекарло (только туда и обратно, проведя шесть дней в Квебеке или Монтекарло). Но я упустил все эти поездки. Оставалась только поездка в Норвегию, в Христиансунд, но лето было такое плохое, такое холодное, что пришлось отказаться даже от этого проекта, и с прошлого четверга я весьма прозаически поселился на северном берегу Девона.

Однако, я люблю это место. Оно очень напоминает мне своими узкими долинами некоторые места Юры... Я сначала устроил так, чтобы отсюда поехать в Джерси...

Ты вызываешь во мне зависть своим рассказом о том, что ты виделся с нашим старым Шинхигером, и что ты скоро увидишь молодых из Юры. Если будешь проезжать через Женеву, непременно поведи Герцга и Бертона, которые издают превосходный журнал „Le Reveil“ -- „Risveglio“ -- „Der Weckruf“, на трех языках. Очень хорошо

издается... 91).

—0—

Письмо 68-е. Джеймсу Гильому, в Невшателе, Бромлей, 5 сентября 1903 года.

... „Мой план состоит в том, чтобы закончить мой двухнедельный отдых поездкой в Герисей или в Джерси. Я уже взял обратный билет в Лондон через Саутгемптон — я хочу также повидать немного их земледелие. 92).

... „Будет-ли для тебя безразлично, приехать-ли в Сен-Мало, Гранвилль или какой-либо иной порт или приморскую деревню, чтобы встретиться с нами? В этом случае я приехал бы из Джерси в подходящий для тебя день“...

(Письмо от 6-го сентября дает новые подробности, письмо от 11-го сентября Кропоткин пишет уже из Герисей, а 12-го он отправляется в Джерси. Последнее письмо открывает, наконец, тайну постоянных попыток Гильома уклониться от встречи с Кропоткиным: он боялся морской болезни... „Раз ты не переносишь моря, а я еще никогда не страдал от морской болезни, то это решает вопрос: я приеду во Францию — либо в Сен-Мало, либо в Гранвилль, либо в Картеро.... Постарайся приехать до 20-го, чтобы мы могли провести вместе 3-4 дня. Я собрал здесь кучу новых сведений. Ходил целый день и посетил, не знаю, сколько оранжевых“... Еще 12-го он пишет из Сент-Элье (Джерси), а затем 16-го, когда Гильом, наконец, ответил ему из Парижа, что он либо не придет, либо придет через де-

вать дней — слишком поздно для Кропоткина.... „Правда, что сейчас холодно... Но погода так прекрасна! Сегодня я проехал пешком больше шести миль и проехал еще 6 или 7 миль в экипаже.... Вчера один садовод из Джерси повез меня кататься по всему острову, чтобы показать мне чудеса здешнего земледелия“...

—0—

Осенние 1903 года статьи под заголовком „Французская Революция“, из которых позднее составила большая книга, изданная в 1909 году, начали появляться в „Новых Временах“: „Великая Революция и анархисты“ (3 и 31 октября 1903 г.), „Жирондисты и анархисты“ (2 июля 1904 года), „Уничтожение феодальных прав“ (19 ноября и 3 и 24 декабря и 4 марта 1905 г.), „Конец Революции“ (25 марта 1905 г.), „Реакция в 1790 и 1791“ (8 и 29 апреля, 3 июня, 7 июля, 8 августа 1905 г.), „10-е августа и его последствия“ (20 января, 17 февраля 1906), „Конвент. Гора и Жиронда“ (7 и 14 апреля, 26 мая, 30-го июня 1906 г.), а затем ничего не появлялось в течение долгого времени. Эти даты представляют интерес по следующей причине: если, с одной стороны, появление этих статей и даты их напечатания зависели от многих условий, то, с другой стороны, каждая из этих статей писалась под влиянием надежд и разочарований, подъемов и падений Русской Революции 1905 года, за развитием которой мысль Кропоткина неутомимо следила. Не будучи в состоянии принимать в ней участия, он следил за ходом ее событий путем литературного изображения великих битв Французской Революции.

Осенью 1903 года, а затем в 1904 году, как показывает его письмо к Граву от 22 июня 1904 г., Кропоткин был разочарован тем, что для „Русской литературы“ нельзя было найти английского издателя. Только в 1905 году она появилась в Лондоне, и этот неожиданный факт побудил его приступить к серии статей об этике в „Деятельном веке“ („Этические нужды сегодняшнего дня“, август 1904 г.; „Нравственность природы“, март 1905 г.). Этот пример показывает внутреннюю связь фактов, кото-

91) Это была первая из праздничных поездок Джеймса Гильома в Швейцарию, позднее ставших ежегодными. Там он посещал старых друзей, знакомился с молодыми товарищами и усиленно пытался создать спинальную организацию по линии французской Г. К. Т. (Генеральной Конфедерации Труда). В 1903 г. он только надушивал почву. „Le Reveil—Il Risveglio“ (Женева) выходит с 7 июля 1900 г. до сего времени. „Der Weckruf“ стал издаваться 20 июня 1903 г., был возобновлен в Цюрихе с 13 октября 1903 г. (МТ) превратился 1 мая 1907 г.

92) Он был в Джерси весной 1895 г., когда Бергард Кампфайер, германский товарищ, переведший „Хлеб и Воля“ („Wohlstand für Alle“, Цюрих, 1896 г.) жил там, также интересуясь садоводством в Джерси.

то мы можем видеть уже из письма Кроноткина к Гильому, от 12 октября 1903 г. (письмо 69-е) и из упомянутого письма к Граву.

Нет сомнения, что и другие письма и воспоминания могут подтвердить факт, о котором нельзя было бы догадаться без таких сведений и который показывает, как необходимыми подобные материалы для понимания поступков людей.

Письмо 69-е. Джемсу Гильому. Бромлей 12 октября 1903 года.

... „Я не писал тебе все это время, так как я издался за работу и отдаю ей все свое время, чтобы попытаться поместить что-нибудь в „Девятнадцатом Веке“. Это необходимо, так как я давно уже ничего не зарабатываю, и книга о русской литературе еще не продана.

(Разбирая замечания Гильома по поводу статьи о французской Революции, напечатанной 3-го октября). „Однако, я думаю, что все французские авторы, изучившие Великую Революцию, видели в ней больше порядка и системы, чем их было в ней на самом деле. Хаос, столкновение течений, которые мы, русские, приближаясь к нашей собственной революции, так хорошо угадываем в Революции 18-го века, — от нас просто ускользают... 93).

(Затем Кроноткин подробно разбирает Бриссо и Робеспьера, по поводу брошюры „Ж. П. Бриссо... к своим избирателям, о

положении Национального Конвента, о влиянии анархистов и эле, ими причиняемом, и о необходимости уничтожения этого влияния для спасения Республики“, датированного 22 мая 1793 г. Эта брошюра была отпечатана в большом количестве в 1794 г. в Лондоне, а также в Дублине, — и привела к уничтожению самого Бриссо и Жирондистов... „Представь себе Либкнехта и Бебеля у власти после 19-го августа“ германской монархии. Они потребовали бы, как Бриссо, „обезпечения порядка мерами сильной власти“... Прекрасно, это, ведь, и было сделано в 1918 году, и как раз сын Либкнехта был убит такой властью)...

... „Вилась до деталей, революция в России собирается повторить Великую Революцию!

О Великой Революции я писал не так много (две статьи по-русски) (какие?)², по немного изучал ее. Правда то, что это было в 1878 году и что я добрался только до июня 1790 г. Но что касается этого периода, то, сравнив свои заметки с заметками проф. Карсева („Крестьяне перед Революцией“), я имел возможность убедиться, что в то время ни в Британском Музее, ни в Национальной Библиотеке (Париж), не было ни одного источника относительно той эпохи (включая сюда все памфлеты и местные истории, иногда очень важные), которых он не использовал бы (по смыслу письма, это место надо читать так: которых я не использовал бы).

Вот почему в эпоху, когда легенда о 14 июля 1789 года и о 4 августа была нетронутой, я смог разрушить ту и другую или, скорее, — я нанес удар одной и разрушил другую и понял революцию как одну ограниченную Жакерию, особенно на Востоке, Юго-востоке и Севере, и как восстание городского плебса против городских „сеньеров“, — на которых выросли политические движения буржуазии“...

(Затем, сделав несколько замечаний о клерикализме во Франции):

... „Надо сказать себе раз навсегда: „Ничто хорошее не приходит из Назарета,

93) Во Франции возникла школа документально-исторического изучения Французской Революции, изучавшая огромную массу письменных источников — очень необходимая помощь и основа для точной истории, очень часто, однако, ведущая к ошибкам. В документах, особенно официальных, решительно все принимает вид определенной, размеренный, упрощенный вид, такой далекий от подлинной жизни. Чиновник регистрирует с одинаковым равнодушием: „все благополучно“ или 100,000 несчастных случаев, хорошую погоду и разрушительное землетрясение, оправдательный приговор и смертный приговор. Кроноткин инстинктивно возмущался против этого. Но сам он, перенося настроения и страсти Русской Революции во французские настроения страсти Французской революции предшествующего века, вводил спорный метод. Поэтому Гильом и он редко почти никогда не сходились в оценках Французской Революции.

ни из говорящих собраний". 94) Это приводит Кропоткина к вопросу, который также стоял перед ним: "...Как раз сейчас я работаю над темой „основы и объяснение (его надо найти) Этики"... Это письмо показывает, что мысль Кропоткина работала над этим предметом, и что он искал путей. Его примечания слишком обширны, чтобы приводить их. Его мысли и наброски резюмированы были в лекции, прочтенной в Англо-американском Братстве в Манчестере и в Лондонском Этическом Обществе, в 1888 или 1889 г., „Справедливость и нравственность“, и впервые напечатанной в России в 1921 году, в „Голосе Труда“, с предисловием, помеченным „Дмиров, январь 1920 г.". Очевидно, что этот ряд рассуждений, приведенных к „Взаимопомощи“, занимал его мысль начиная с октября 1903 года и позднее, одновременно с мыслями о Русской и Французской Революциях, питавшимися ежедневными известиями и новыми историческими изысканиями. Что касается Этики, то перед ним была задача, — скучная задача, как он однажды сказал, — просмотреть литературу по этому вопросу, по большей части весьма неудовлетворительную. Таким образом получилось, что „Этика“ и „Революция“ были, вплоть до его смерти, теми вопросами, которые всегда одновременно занимали его. Неудивительно, поэтому, что его мысль нигде не могла обрести спокойствие и умиротворенность, чтобы полностью выработать его понимание Этики. Ни один человек, связанный с реальной жизнью, не может обрести такое спокойствие, как Этика, разработанная людьми, могущими оторваться от реальной жизни, оказывающейся холодной и пышной игрой словами и не имеющей ценности. Это к лучшему, что он не написал Этики, которой не может написать настоящий человек. Одна только Жизнь пишет ежедневно в бесконечных вариантах).

... „Столько нужно было бы сказать друг

94) Парламенты. Эти слова взяты из знаменитой книги „Говорящие собрания. Критика представительного правления“ (Париж, 1883), написанной французским либертором Эмилем Левердэй.

другу! Мы только слегка касаемся второстепенных вопросов. Но, в конце концов, надо встретиться. Скажем, между Рождеством и Новым Годом? Или не сможем ли ты лучше в ноябре? Я приехала бы на французский берег“...

—0—

Письмо 70-е. Джемсу Гильому. Бромлей, 17-октября 1903 года.

... „Однако, если тридцать лет тому назад эти люди (социал-демократы) были откровенными, то они тем более таковы теперь, когда они стали „добрыми буржуа“ и „всеми уважаемыми нестяжателями“.

Если бы они имели честность сказать: „Социализм, это для грядущих веков: мы же — радикалы“, — тогда в добрый час! Я уважаю и чту Клемансо 95) и Пелтона, как радикалов“... „Но когда эти господа называют себя социалистами и несколько в него не верят, и превращают его в шутство — тогда они лгут“...

—0—

Письмо 71-е. Джемсу Гильому. Бромлей, 16 и 17 ноября 1903 года.

(Кропоткин думает, что небезопасно поехать в Париж для встречи с Гильомом. Даже поездка в Булонь — на морской берег — зимою вызвала бы подозрение международной полиции).

... „С другой стороны, я начал, наконец, писать мою первую статью о „Взаимопомощи, Справедливости и Нравственности“, и хотел бы, по крайней мере, подвинуть ее, прежде чем сделать перерыв. Я давно уже ничего не зарабатываю, и мне нужно работать. Я хотел бы, поэтому, под свежим впечатлением только что прочитанных мною лекций (вот уже две недели как я опять стал заниматься, по-старому, в Британском Музее: я ходил туда четыре раза в неделю) набросать статью“.

(Но в декабре ему придется отдохнуть десять или двенадцать дней, а затем он снова будет готов встретиться с Гильомом).

... „Здесь (на английском берегу) нам было бы гораздо удобнее, но тогда тебе при-

95) В то время он еще не был министром.

налось бы пересекать канал. А во Франции все международные шпионы ходили бы за нами по пятам.

Если я высажусь теперь в Буэнос-Айрес, то встречу с (польским) комиссаром. Если это будет толковый человек, то он протелеграфирует в Париж, но ответ потребует 5-6 часов, и вот я опять „арестован“, как тогда. Телеграммы в газеты... Часовые у дверей... и проч., проч. Что касается того, чтобы одалживаться, хотя бы у Клемансо, то этого я совсем не хочу. Сам не буду делать попыток и не хочу, чтобы мои друзья делали. Лучше останемся тем, что мы есть — преследуемыми (без каламбура). 96).

... „Остается еще Голландия; по это дорого. Я там побывал и без неприятностей“. 97).

(По поводу Маркса):... „Однако, я думаю, что ты заходишь слишком далеко, говоря о евреях. Если бы ты только знал наших евреев — анархистов в Уайтчепеле и Нью-Йорке! Среди них есть такие славные — такие же славные, как и наши Юрцы и — совершенная преданность! Опять-же, именно они повесут анархию в Россию — наши издания, наши идеи, наш журнал („Хлеб и Воля“, Женева). Славные товарищи.

Правда то, что еврейский дух особенно любит систему. Он диалектичен, как у столыпиных других людей Востока. И потом, Лассаль и Маркс — их национальная слава. Система, для еврейского духа, это существенно, а кроме того, им, столь долго угнетаемым льстит, что социализм открывает им свои двери без различия расы. Они убеждены, что эти слова в Уставе Интернационала написаны Марксом. 98).

... „Нет, раса здесь не при чем. Социал-демократами будут все те, кто не захочет

слишком рисковать, но будет слишком честолюбив, чтобы не желать играть величественную роль. Подумай о тех, кто покинул нас, чтобы перейти в другой лагерь. Честолюбцы, прежде всего“...

... „Воздадим должное тому, что он (Маркс) вошел в Интернационал. Поблагодарим его за памфлет 99), который он написал: („Исходя из вашей буржуазной экономии, я докажу вам, что вы грабите рабочего“), но если он говорит нам о научной ценности своих работ, тогда — нет!“.

Кропоткин был в Брайтоне в декабре 1903 года (письмо к Гильому от 10 декабря). Несколькими днями позднее он написал Жану Граву о смерти и похоронах Герберта Спенсера в Брайтоне (умер 9 декабря). Письмо это было напечатано в „Temps Nouveaux“ от 25-го декабря 1903 года. Затем он написал „Герберт Спенсер. Его философия“, в „Фридом“, с февраля по сентябрь 1904 г. Ранее им было написано „Кооперация. Ответ Герберту Спенсеру“, в „Фридом“, декабрь 1896 г. и январь 1897 г.

— 0 —

1904.

Письмо 72-е. К В. Черкезову. 8 января 1904 года. Напечатано.

99) „Капитал“... „это огромный революционный памфлет, написанный научным жаргоном“ (из того же письма).

другу и ко всем людям, без различия цвета, веры или национальности.“ Также и во французских переводах (1864, 1866) подлинного английского текста употребляется слово „национальность“, а не слово „раса“. — Письмо Маркса к Энгельсу от 4 ноября 1864 г. в 1903 г. не было известно. В этом письме Маркс довольно откровенно говорит о своем участии в окончательном редактировании этого документа. Он указал, что дважды повторенное упоминание о „правах“ и „обязанностях“ и упоминание о „правде, справедливости и справедливости“ являются позднейшими добавлениями и сделаны не им. Это оставляет открытым вопрос, кому принадлежат слова „цвет, вера и национальность“. В качестве слов, выражавших в то время протест против порабощения или унижения негров, против религиозной нетерпимости и национальной ненависти, они выражали чувства, общие всем передовым народам того времени, и не имеют значения вопрос о том, формулировали ли их Маркс в данном случае, или члены подкомиссии Лелюбе или Вестон.

96) Игра слов. „Des traques“, преследуемые, в произношении похоже на „detraques“, тауши.

97) Следов этой поездки в Голландию не удалось найти.

98) „Они заявляют, что это Международное Товарищество... будут признавать правду, справедливость и нравственность основой их отношений друг к

(Резкий протест против статьи "К характеристике нашей тактики. II. Террор, в „Хлеб и Воля“, Женева, №5.100). Якобинцы, а не анархисты, могут призывать к террору в Швейцарии. „Вообще, террор возводить в систему, по-моему, глупо“. Так как это было напечатано вскоре после ареста и изгнания Бурцева за резкую брошюру, то и „Хлеб и Воля“, либо тоже подвергнется преследованию, либо станет подозрительным, если ему будет оказано снисхождение. Кропоткин всегда помнил с тем, что в некоторых изданиях, говоривших очень резко тоном, действовала полиция. — Он послал Черкезову письмо, обращенное к жевским товарищам. В следующем номере его точка зрения, повидимому, была принята. — Он возобновил работу над статьей для "Nineteenth Century".

—о—

Письмо 73-е. Джемю Гильому. Бромлей. 11 февраля 1904 года.

... „Я думаю поехать когда-нибудь в Париж. Но я также спрашиваю себя, не будет ли это опять болтовня, и не возьмет ли в последний момент верх нежелание снова увидеть, что какой-нибудь „господин Мердес, испанского происхождения“ (именно так отрекомендовался полицейский комиссар в Дьеппе): 101) арестует меня“...

(В это время Гильом вновь выступил с изложением своих старых взглядов на коллективистический анархизм в „Страницах социалистической истории“, напечатанных в "La Sentinelle", (Шо-де-Фон) с 30 декабря 1903 года по 27 января 1904 года. Он также написал брошюру „Коллективизм Интернационала" (Невшатель, 1904 года, 52 стр.) и начал читать лекции на эту тему в Париже, в русских и французских кружках. Он предложил мне посетить его и, начиная

с 14 января 1904 года, мы провели много вечеров в беседах на исторические темы. Он дал мне ряд чрезвычайно картинных дополнений ко множеству фактов, более тщательно изложенных им в книге „Интернационал“, которую он тогда начал писать. Совершенно так же и Кропоткин к каждой строке „Записок“, написанных в художественной форме, умел в разговоре добавлять много фактических сведений и суждений, гораздо глубже проникавших в сущность вопроса.

Из этой брошюры Гильома Кропоткин, не бывший свидетелем событий 1867-1876 гг. и не имевший времени познакомиться с ними по документам или традициям, узнал, что коллективистические идеи, которые он, как ему казалось, отбросил в сторону в 1886 г. (см. письмо 28-е), в толковании Гильома имели гораздо более глубокий смысл. Короче говоря, здесь мы видим его спорящим с Гильомом в не совсем равных условиях: Гильом берет за основу факты 1867-76 гг., виденные и описанные им, в качестве активнейшего участника и инициатора, в то время, как Кропоткин основывался на полученных им впечатлениях и на сохранившихся в его памяти фактах, — а это, конечно, совершенно иной базис, говорящий об его личной искренности и вере, но не могущий опровергнуть исторические факты. Некоторые ранние коллективисты, которых он прочел в Библиотеке, главным образом, Франсуа Видаль и Константина Пекер, а также то, что он узнал от Черкезова, оказали на него дальнейшее влияние.

Все это интересно рассмотреть в подробностях, так как эти подробности показывали, насколько личными, то-есть, основанными на личных способах осведомления, были высказанные им здесь взгляды).

Письмо от 18 февраля 1904 года к лондонскому корреспонденту ежедневной газеты "Le Soir" (Брюссель) было напечатано в ней 26 февраля. О войне он написал в лондонский еженедельник "The Speaker" (перевод напечатан был в „Хлеб и Воля“, № 8, в марте 1904 г.) В "The Speaker" появилась также его статья „Новый этап движения в России" (26 ноября 1904 г.).

100) Б. Николаевский в своем примечании заявляет, что автором был Гогелля.

101) Тем, кто не знает французского языка, необходимо пояснить, что "merde" самое грязное слово на этом языке, а потому полицейский чиновник по имени "Мердес" имел, повидимому, забавную привычку отсылать от него внимание путем упоминания о своем "испанском происхождении", — в результате чего он еще больше привлекал к нему внимание.

Он послал письмо Амстердамскому Анти-милитаристскому Конгрессу (Пиро, №300).

Его письмо к еврейской группе, изданной перевод „Записок“ 102), переведено в книге Ishill, стр. стр. 189-190. Оно датировано мартом 1904 г. Там он говорит: „Еврейские рабочие приняли выдающееся участие в великом движении, начинавшемся в России в последние годы. В очень короткий срок из их рядов вышел отряд преданных, энергичных и решительных бойцов — бойцов, своею самоотверженностью и преданностью всегда двигавших вперед дело освобождения человечества“... „Я буду считать себя счастливым, если хоть один из преследуемых Капиталом и Властью, сосланных в отдаленные места России, прочтет эти строки и узнает, что он не один на поле брани. Да будет ему известно, что он, отправляясь на борьбу за тех, которые создают все блага и в награду получают только нищету, уже тем самым становится участником великого дела — великой борьбы, которая повсюду ведется за свободу и счастье всего человечества; что он вступает в семью рабочих всего мира, соединившихся в великое братство, требующее свободы и равенства для всех“. (Письмо 74-е. Март 1904 г.).

—0—

Письмо 75-е. Джемсу Гильому, Бромлей, 31 марта 1904 года.

... „Я целиком ушел в свою работу. Я должен окончить мою первую статью об „Этике“ для „Nineteenth Century“ — иначе нам совершенно не на что будет жить. Ничего не поделаешь: надо принадлежать — и здорово!... Ты можешь представить себе, что со мной сделала моя болезнь. С другой стороны, были непредвиденные расходы; Сток (парижский издатель) не платит за „Autour d'une Vie“ („Записки“); и, предприняв такую трудную работу, я подвигаюсь очень, очень медленно. Я, наконец, имею материал для первой статьи, „Необходимость новой Этики“. Она почти

уже написано. Надо кончить“. 103).

Письмо 76-е. Джемсу Гильому. Бромлей, 9 мая 1904 года.

... „Несколько минут тому назад отправил свою статью, только что оконченную... Я много работал последние 15-20 дней, садясь за работу в 6 или 7 часов и прекращая ее только в 7½, с тремя часами перерыва, что составляет девять часов в день. Я не чувствую себя оттого хуже, но устал и собираюсь в Брайтон дней на десять“...

(Он отказался поехать на международный философский Конгресс в Женеве для доклада о взаимопомощи, хотя швейцарские друзья обещали позаботиться о том, чтобы правительство не вмешивалось. — Помнится, это предложение было сделано д-ром Отто Кармином в Женеве).

В письме к Гильому он расхваливает хороший климат и жизнь в Брайтоне, снова приглашая его приехать на несколько дней (письмо от 19 мая 1904 года).

Новое предисловие написано для итальянского издания „Речей бунтаря“; оно появилось также во французском подлиннике в „Le Reveil“ (Женева) 4 июня 1904 г.

Очень тяжелое состояние здоровья Элизе Реклю вызвало внезапную поездку Кропоткина в Брюссель. Еще не совсем потеряв надежду, он пишет сестре Реклю, мадам Луизе Домениль, письмо, с которого я скопировал следующие строки. Письмо 77-е: (4 июля 1904 г.)... „Какие сведения есть у вас о вашем дорогом больном? Знаете, его ясный взгляд, энергия его слов, его твердый голос дают мне надежду, что эти припадки (грудной жабы) будут лишь мимолетными. Быть может, это наступил период кризиса“... Но он смотрел тревожным признакам в лицо, когда писал свое очередное письмо Гильому:

—0—

Письмо 78-е. Джемсу Гильому, Бромлей, 9 июля 1904 года.

... „Элизе чувствует себя совсем не важ-

102) „Kropotkins Lebensbeschreibung geschrieben von ihm allein“, переведено М. Каном (Лондон, группа „Фрайхайт“, 1904-5, 430 стр.).

103) Граву он написал 22-го июня... „наконец-то я послал первую статью — да и то я переделал ее в корректуру“. Заглавие ее — „Этические нужды сегодняшнего дня“. Она напечатана в августе 1904 г.

но. Он полон энергии, и если хорошо поспит, то говорит и даже немного работает. Но сердечные припадки повторяются слишком часто для того, чтобы он мог долго им сопротивляться. Поэтому у меня мало надежды вновь видеть его здоровым. Я провёл четыре дня в Брюсселе без приключений". 104).

(Остается еще тень надежды, что Гильом приедет в Бромлей — но он не приехал. 105).

... „По поводу моей работы. Нет, дорогой, это только первая статья. Да и то издатель Ноулс (Knowles): (очень умный человек) посоветовал мне развить общий взгляд на вопрос, чтобы показать, куда я иду, и я это сделал. Только благодаря одной моей ошибке статья до сих пор еще не появилась. Она появится в августовском номере. Я работаю над второй („Нравственность природы“, напечатана в марте 1905 г., стр.стр. 407-426).

1905.

В дни первого пробуждения России Кропоткин был очень болен, и на этот раз его болезнь, позднее ставшая хронической, впервые, повидимому, приняла резкую форму.

Письмо 79-е. Джему Гильому. Бромлей, 17 января 1905 года.

... „Грипп и острый бронхит: (отразившийся даже на легких), с прибавлением той гастрической формы гриппа, которая не дает ничего есть, за исключением чашки бульона в день.

Я слаб, слаб, как после тифозной горячки.

Твое письмо пришло в то время, когда я беру каждую минуту, чтобы во-время, 18-го, закончить статью о конституционном движении в России („Конституционная агитация в России“, „Nineteenth Century“, январь 1905 г.). Затем мы, несколько русских анархистов, собрались в Лондоне. Погода была отвратительная. Поезда двига-

лись черепашным шагом — все схватили бронхиты ли гриппы, и с 20-21-го я болен — три с половиной недели в кровати. Я все еще нишу на кровати, но лихорадка уже прошла, и я встаю на 2-3 часа в день. Пройдет еще три недели, прежде чем я смогу поехать куда-нибудь на берег моря.

Я мог бы поехать во Францию, куда-нибудь по близости к Нишпе (Клемансо послал Б. 106) (письмо, уведомляющее, что я могу приехать куда и когда хочу). Но, дорогой, добрый Джеме, все эти поездки так дороги, особенно когда становишься старым... Я буду думать об удовольствии встретиться с тобой, я буду мечтать о красотах юга — и кончу тем, что отправлюсь в какой-нибудь пансион в Гастингее, где буду иметь возможность молчать две недели, среди англичанок, которые, отпустив несколько критических или восхищенных замечаний о „чудесном солнце — цвета меди“, тоже будут молчать...

— 0 —

Письмо 80-е. Джему Гильому. Бромлей, 23 января 1905 года.

(У него снова был приступ болезни, его кормят бульоном и кефиром. Гильом предложил попытаться достать денег у друзей для поездки Кропоткина на Юг. Кропоткин просит его ничего решительно не делать в этом направлении. Какую бы поездку доктор ни предписал, она состоится).

... „Прочел-ли ты известия из России? (О 9 января у Зимнего дворца и о Гапо-не). Это огромно. Это пробуждается на-

106) Я думаю, что это был профессор Брель. О собрании 6-ти или 7-ми русских товарищей и о других фактах, свидетельствующих о сношениях Кропоткина с группой русских анархистов в 1904-07 гг., говорит М. Кори в статьях „Кропоткин и Россия“ „Temps Nouveaux“ март 1921 г., стр. 10-14, и „Б годовщине 8-го февраля“, в „Деле Труда“ (Париж, 20-21, январь-февраль 1927 г., перепечатано в „Пробуждения“, № 11-й, март 1930 г. Позвольте мне напомнить о воспоминаниях более общего характера в статье „Из воспоминаний о П. А. Кропоткине“, П. Критской, Дмитров, 11 июля 1921 г. в „Сборнике памяти Кропоткина“ (1922), стр. 92-4. Критская интересовалась синдикализмом и написала книгу „Развитие синдикализма во Франции“ (Париж, 1908, 427 стр.).

104) Без полицейских придворок.

105) Записка Черезову (от 22 августа 1905 г.) говорит о том, что Кропоткин собирался отправиться ненадолго в поездку, но в моем распоряжении нет никаких других писем, касающихся этого пункта.

род, но сто раз более умный, чем его покажи, или, скорее, чем те, кто его хотел бы вести. Чтобы так хорошо доказать, на крови, что царь обманщик, и что все Романовы должны были-бы быть объявлены вне закона, — для этого нужен коллективный разум народа, а идущим по его стопам Георгием Гапоном.

Три месяца тому назад я спросил у одного русского художника (почти гениального), прибывшего из Петербурга: — Читает ли Струве, (либерал)? — Нет, это миловало. — „Искру“ социал-демократов? — Несколько: только посвященные — „Революционную Россию“? — Очень мало. — Но что же читают? — Подпольные прокламации петербургских рабочих. — Это ново! Говорят они что-нибудь? — Ого! Больше, чем все остальное! Вот, откуда идет растущая свла! Расскажи это своим друзьям.

Какое убожество эта прокламация социал-демократов с их двадцатью стереотипными фразами, без всякой связи с моментом, — рядом с рабочими прокламациями!“ 107).

—о—

Письмо 81-е. В. Черкезову, Бромлей, 5 апреля 1905 года.

(Он был в марте в Леонарде, около Гастингса, написал для „Хлеб и Воля“ статью „Русская Революция“, которую жевевская группа издала брошюрой в 1905 г., 15 стр., и продолжал писать статьи о Французской Революции. Письмо содержит замечания о жизни русской группы и другие мелкие заметки).

Письмо 82-е. Госпоже Луизе Дюмениль, после известия о смерти ее брата, Элизе Реклю. Бромлей, 7 июля 1905 года.
„Дорогой, верный друг,

В какую глубокую печаль вы должны быть погружены в этот момент! Он был для вас больше, чем братом, после того, как вы так долго работали, так долго жили вместе, столько думали, так любили одних и тех же людей и одни и те же вещи. —

Какая пустота! И однако, дорогой, добрый друг, когда я думаю о Матили и Анне (внушки Реклю, воспитанные после смерти их матери госпожой Дюмениль, близки Элизе Реклю, в Брюсселе) и вновь вижу их добрые, любящие глаза, я чувствую, что моральная красота бессмертна, что она рождается и обновляется в новых формах, и что вы, дорогой друг, работаете, как и он работал, чтобы дать жизнь в этом мире тому прекрасному, которым он был наделен в такой высокой степени.

Я прочел сегодня глубоко прочувствованную заметку, Гершга в „Le Reveil“ Вот, как был любим наш дорогой Элизе? И если бы все те, которые его знали, хотя-бы только по его выступлениям на собраниях или по коротким встречам с ним в Швейцарии, могли вам сказать, что они чувствуют в этот момент — какая прекрасная страница с человеке развернулась бы перед нами.

Дорогая, милая сестра, — вот, все эти дни я живу с вами, как если-бы вы были здесь, в двух шагах, в комнате соседнего дома“... 108).

Джеме Гильом приехал, наконец, в Этабль, на берегу Бретани, где Кропоткин и несколько их русских друзей, — товарищи, но либерально настроенные люди, — провели несколько времени в августе и сентябре 1905 г. Их встреча была очень сердечная, хотя им было ясно в то время, и, вероятно, давно уже было ясно, что они никогда уже больше не будут работать вместе, как работали в 1877 году. Это был прекрасный пример „согласения о несогласии“ и об обсуждении спорных вопросов с взаимным уважением и терпимостью. Гильом никогда ни на один дюйм не становился ближе к анархическому коммунизму, как его излагал „Револьте“, а Кропоткин никогда не чувствовал себя удовлетворенным Г. К. Т. (Генеральная Конфа-

108) Статья об Элизе Реклю — одна из прекраснейших страниц, написанных Кропоткиным. Эта статья была напечатана в „Новых Времених“ 15-го июля 1905 г. Другая его статья об Элизе Реклю была напечатана в „Географическом Журнале“ (Лондон), сентябрь, 1905.

107) Пустые конверты свидетельствуют здесь о пропаже писем от 30 января, 9 февраля, 5 и 14 июля, все из Бромлей, и от 19 июля, из Лондона, к Гильому.

дерации Труда). — синдикалистским движением, которое вполне удовлетворяло Гильома. В Этабль случайно приехал молодой швейцарец, передовой социалист, д-р Фриц Брунбахер, желавший познакомиться с Кропоткиным. Он был очень поражен встречей с легендарным Джеймсом Гильомом, некогда считавшимся правой рукой Бакунина в Интернационале, а потом исчезнувшим на двадцать пять лет и теперь горячо желавшим вновь стать активным, работать в Париже и завязать связи с Италией, Швейцарией и Испанией, как в старые годы. Я видел недавно фотографический снимок, на котором они изображены втроем, и должен сказать, что Кропоткин и Гильом редко выглядели такими счастливыми, как на этой фотографии. 109).

Потом Гильом уехал в Невшатель, а Кропоткин написал ему:

—о—

Письмо 83-е. Джеймсу Гильому, в Невшатель. Этабль, 12 сентября 1905 года.

... „Все мы здесь часто говорим о тебе и все говорят с симпатией. Но нас здесь осталось очень мало. Два дня спустя после твоего отъезда вся коммуна Антова (ста-

109) Доктор Фриц Брунбахер сообщил об этой поездке в своих „Записках одного революционера“ (Цюрих 1927 г. стр. 30-32, а также в книге Шизли стр. 91-96 (Цюрих 1921 г.), где он рассказывает о своих разговорах в Этабле следующим образом: „Кропоткин говорил с большим энтузиазмом о французском революционном синдикализме, в котором он видел возрождение старого крыла старого интернационала (правым крылом считается фракция марксистов). Он только не соглашался с антипатриотическим антиимпериалистическим синдикализмом, ибо он считал нужным защищать республиканскую Францию против германских юнкеров“.

Он также напоминает, что „Кропоткин намеревался при первой возможности поехать на жительство“ обратно в Россию. Здесь я повторю следующую подробность (о которой я рассказывал уже в книге Шизли стр. 94), примечание 5-ое: 4 ноября 1905 г., работая в Британском музее, он раз или два сказал мне, что он провел несколько свободных часов в газетном тира, чтобы напечатать письмо в газете „The Times“, и был удовлетворен тем, что все еще мог попадать в цель. „Это может пригодиться (в России), сказал он, и до этого может дойти“. Умножавшиеся ошибки социал-демократов в течение этих месяцев приводили его в бешенство.

рый, русский, друг Кропоткина, живший в Париже, за исключением его жены, уехала... (и другие). Кроме нас пятерых остались только Добреновичи, а Бреали приходят каждый день.

„Мы уезжаем все вместе в Париж 15-го“.. (Госпожа Кропоткина и госпожа Шкловская 110) уезжают в Англию. Все были согласны в том, что уже пятнадцать лет не проводили лето так чудесно)...

—о—

Письмо 84-е. Джеймсу Гильому, в Невшатель. 73, улица Норт-Дам-де-Шан, Париж. 21 сентября 1905 года.

... „Мы остаемся здесь до 30-го“... (Ревматизм приковал Кропоткина на три дня к постели, он страдает также от болезней глаз. Гильом возвращается в Париж, и Кропоткин собирается посетить его 28-го)...

В течение этих двух недель Кропоткин встретился с множеством парижских товарищей, главным образом, с теми, которые были связаны с „Temps Nouveaux“, и в разговорах многие были очень поражены тем, что Кропоткин отвергал антипатриотизм, был против отказа защищать Францию в случае войны. Это было не совсем неожиданно для тех, кто знал его раньше, но это была большая сенсация для одних и большое огорчение для других. Журналист Пьер Милье написал о замечаниях Кропоткина статью „Петр Кропоткин“ в большой ежедневной газете „Le Temps“ от 31 октября (напечатана также в „Temps Nouveaux“ 4 ноября); более правильное сообщение было напечатано в „Temps Nouveaux“ позднее, 28 октября („Антиимпериализм и революция“), а дополнительные замечания—в номерах от 11-18 ноября и 12 декабря. Основной факт остался непоколебимым: Кропоткин в некоторых случаях войны отстаивал патриотическую позицию, и случаи с Францией был одним из таких случаев для него; случаи с Англией в войне с бурами, как показывают приведенные выше цитаты, таким случаем не был; Русско-турецкая и Русско-японская война

110) Жена русского журналиста в Лондоне, Шкловская, который иногда бывал у Кропоткина.

были такими случаями, и так далее.

Он вернулся в Бромлей 6-го октября (письмо к Гильому от 6-го октября). Отсюда он пишет: „Еще новость. Письма из России, книги, присылаемые на мое имя с такими авторскими надписями, которые привели бы в бешенство „высшие сферы“, и три или четыре предложения издать мои книги в России. Это вызывает во мне прилив молодости. Не она-ли это, „святая, желанная“, как говорил Добролюбов, не она-ли идея? Ибо прежде всего она излечивает трусов от их страхов... Наконец!“ (Письмо 85-е.)

—0—

Письмо 86-е. Адресовано большому митингу в „Вондерланд“ (очень большой зал), в Уайтчепел, Лондон, 3 ноября 1905 года. Бромлей, 3 ноября. Напечатано в „Фридом“, ноябрь—декабрь 1905 г.

„Товарищи, — когда вы решили созвать этот митинг, революционное движение в России только начиналось. А сегодня вы уже можете говорить о первой победе русского народа.

Верно то, что результат победы сводится пока, главным образом, к обещаниям. А обещания русского царя так же легко могут быть нарушены, как были нарушены обещания, которые австрийский император дал своему народу после Венского восстания 13 марта 1848 года. 111).

Однако, главное в том, что эти обещания были вырваны народом. Тем более это важно потому, что они были вырваны с помощью всеобщей стачки. А потому всеобщая стачка, которая вчера еще казалась невозможностью, на деле явилась столь могущественным орудием революции, что рабочий люд других стран в Европе и Америке,

конечно, не преминет прибегнуть к ней. Он требует политической амнистии — „Все, осужденные за политические преступления, за стачки, аграрные беспорядки, вооруженное сопротивление, за нарушение законов о воинской повинности, о забастовках, о печати, и проч., освобождаются. Все преследования по таким делам прекращаются“...

„Затем все обещания политических свобод останутся мертвой буквой до тех пор, пока гарнизоны от двадцати до пятидесяти тысяч человек будут оставаться в больших городах... „Народ должен вооружиться; иначе царь, бюрократия и капиталисты раздавят его“...

„В то же время, однако, русский рабочий люд не должен забывать своих собственных требований“. (Он напоминает о том, что привело в 1818 г. к польскому восстанию в Париже, к октябрьскому бунту в Вене).

... „Не ждите ничего от всякого рода спасителей. Но на каждой фабрике, на каждой верфи, мастерской или шахте, сами установите тот порядок вещей, который, по взаимному соглашению, вы найдете нужным установить. Но помните это: никому не позволяйте вмешиваться. Это ваше дело, и вы должны делать его.

Совершите сами революцию в организации труда, как вы сами совершили ее в управлении Русским Государством.

Не верьте тем, кто будет говорить вам: — „Еще не пора! Еще слишком рано!“ Нет, не слишком рано; сейчас как раз время для этого“...

„Да здравствует Социальная Революция — в России и повсюду!

Петр Кропоткин“.

Статья „Революция в России“ помеченная 21-го ноября появилась в „Nineteenth Century“ в декабре 1905 года, стр. стр. 865-883.

—0—

Письмо 87-е. Джекму Гильому. Бромлей, 12 ноября 1905 года.

(Он получил первый том книги Гильома „Интернационал. Документы и воспоминания“, Париж, 1905).

111) В тексте напечатано „18-ое марта“, а это был день революционной победы в Берлине 1848 г. Я помню, что в свое время, в разговорах и письмах я сравнивал русские события 1905 года... прежде всего с континентальными революциями 1848 года и с последователями за ними контр-революциями, в то время, как Кропоткин и русские увидели в них новый 1789 год. Я думаю, что Кропоткин естественно сложился к сравнению с 1848 годом и даже, если не ошибаюсь, указывает на это в одной статье.

... „Благодарю тебя от всего сердца за твою помощь. Ты, вероятно, видел, как стараются наказать на этом деле капитализм господ из „Temps“, буржуа и социалисты.

Отслнить меня тем или иным способом от анархистов — вот что они всегда стараются сделать.

Но что меня очень поразило, это то, что в сущности, антимилитаристы становятся на нашу сторону.

Объявить Коммуны (не только в городе, добавлю я, а на целой территории) и их защищать — но ведь это я и говорил: сделаем Революцию и поспешим к границам.

Заметил-ли ты, в каких противоречиях запутался Эрве?

Сражаться нужно только в том случае, если буржуазная республика будет под угрозой. Раз ей ничто не угрожает, раз даже Бисмарк ее сохранил (чорт возьми!), значит, не надо сражаться.

Революционные легионы надо было бы послать потому, что в России Вильгельм помещал бы ввести ее...

Что касается Революции, то она не прекращается.

Всеобщая забастовка много сделала в России...

Но, не превращенная в революцию, она все оставила на подороге. Революция остается еще сделать.

А говорят, что царь, давний приказ держать его яхту под парами, готовой поднять якорь, в то время, как императрица-мать поспешно уехала ночью, — готов был все принять, когда Вятте явился и протянул ему руку помощи, — вероятно, после того, как убедился, что рабочие ограйничатся всеобщей забастовкой, не переходя в нападение.

Ты спрашиваешь, скоро-ли мы уедем?

Да, но когда — мы еще не знаем. Так как я еще в 1873 г. был обвинен в том, что старался убедить двух рабочих убить царя (нелепость!) и так как они могут установить мои сношения с русскими анархистами — то из России мне сообщают, что меня арестовали бы и держали бы месяц-два... в ожидании решения суда...

Короче, произвол в отношении к нам все еще царит, и никто не знает, коснется-ли нас амнистия. Однако, мы скоро уедем".

В письме от 14 декабря он сообщает Гильому:

... „Мы почти уверены, что поедем в январе“...

—0—

Московское восстание и декабрьское поражение 1905 г. разбили надежды на дальнейшие успехи революции. Джеме Гильом в письме от 5 января настоятельно предостерегает Кропоткина не торопиться в Россию. Другие друзья тоже предостерегали его.

—0—

Письмо 88-е. Джемеу Гильому, Бромлей, 6 января 1906 года.

... „Я глубоко тронут твоими письмами, дорогой Джеме. Я признаю справедливость твоих аргументов. Но, ты знаешь, наступает момент, когда становится невозможным оставаться вне событий, — даже подведи итог полезности и приди к выводу, что лучше было бы не трогаться с места.

Впрочем, русское правительство уже позаботилось о том, чтобы задержать наш отъезд. Оно отдало приказ арестовать всех „вожаков“ социал-демократов, социалистов-революционеров и анархистов. Это означает, что или нам не позволят вернуться, или что придется вернуться и прятаться, что в моем возрасте невозможно и парализует все. Вот почему я получил, одновременно с „Новым Временем“, содержащим этот приказ, письма из России, сообщавшие, что с возвращением надо повременить. Даже госпожа Лаврова посылает мне такой совет, тогда как еще месяц назад она писала мне, что лучше приехать до начала зимы (чтобы к ней привыкнуть), чем приехать в самую стужу. — Это волна реакции, но она не будет длительна. Революционеры тоже видят себя вынужденными отложить на некоторое время попытки вооруженного восстания. Нужно, впрочем, сказать тебе, что мы не предполагали выехать раньше первых дней февраля. Столько дел нужно устроить, особенно что касается работы, которую я начал для „Энциклопедии Брита-

ника": все статьи о России должны быть дамы в два приема (А—К к 1-му августа 1906 г., и К—Зет через год после того). Нечего и думать написать их в России и невозможно найти здесь заместителя, так что надо организовать работу в две группы и найти для этого людей — а это отнимает время. Издатель или, скорее, главный редактор решительно отказывается взять у меня назад работу, говоря, что он не знает никого, кому можно было бы ее доверить"...

Между прочим, я просмотрел и исправил русский перевод моих „Записок". Они уже печатаются в 20,000 экземплярах — по цене один рубль! Меньше, чем 2 франка 50 сантимов — и у самого лучшего издательства — без всяких сокращений! 112).

„Речи Бунтовщика" тоже, — их печатает превосходный человек, хотя и без моего разрешения, но с добрым намерением, 113).

В общем, одна хорошая фирма предложила напечатать в России все, что я напишал.

Все это время я не мог сделать ничего серьезного. Посетители все время. Все время письма без числа и телеграммы и неизвестность относительно того, что мы сделаем..."

... „Нетлау скажет тебе, что мы с ним составили список всякого рода книг, которые желательно было бы напечатать по-русски, в России в интересах анархической мысли и революционной мысли вообще..."

... „Я видел на днях Малатесту, и мы беседовали о твоём первом томе („Интернационал", 1905 г.)... И потом, я был в воскресенье, что я и Апри (Малатеста) согласны в следующем: что это очень интересно, что это будет, по всей вероятности, очень интересно для современной молодежи, которая ничего не знает об Интернационале или имеет ложное представление о нем. Соци-

ал-демократы так хорошо поработали, чтобы убедить, что все пришло из марксизма, что они вынуждены те же идеи анархистам..."

—0—

Письмо 89-е. Джемсу Гильому. 22 января 1906 года.

„Позволь мне направить к тебе нашего друга, мисс Борч (Miss Birch), которая изучала тайные общества во время Великой Революции — тема чрезвычайно интересная, но мало изученная"... 114).

—0—

Письмо 90-е. Джемсу Гильому, Бромлей, 10 мая 1906 года.

... „Вот уже 15-16 дней, как я с остервенением стал работать над моей „Французской Революцией". Я написал заново все начало..."

... „Твоя заботливость трогает меня до глубины сердца. Вернее все, что ты говоришь. Мы поняли, видя реакцию Дурноа, что, потеряв привычку к русской безпереманности, мы не могли бы вынести ее, не схватившись за какое-нибудь оружие, с риском быть убитыми на месте..."

Мы ждали, по дальнейшее ожидание означало бы, быть может, излишек осторожности. Правда, что мы были бы совсем нереализованы. Черкезов (который, вместе с женой, поехал в Россию и на Кавказ) был так преследуем шпионами, что не посмел повидаться с товарищами. Работа вновь становится „конспиративной"...

Может быть, может быть, — кто знает! — будет немного лучше в дальнейшем... Все же, лучше рискнуть, и мы говорим себе, что нужно будет поехать летом..."

(В письме, написанном по-иененки к дру Эльдбахеру, Кропоткин сообщает осенью 1907 г.: „Дважды уже мы унаковы-

112) Написание товарищества „Знание" 1906 г., XVI, 471 страница с новым предисловием (Декабрь 1905 года). Пяро №336.

113) Вероятно, „Речи Бунтовщика" „Освобожденная мысль", выпуск 1-ый, СПб 1906 год, 177 стр. Пяро №347, не указывающий никаких других изданий.

114) Мне неизвестен результат исследований мисс Борч, и я не имел возможности справиться об этом в библиотеках. Но я помню, что на Кропоткина произвело сильное впечатление то, что она рассказала ему о франк-массонах до и во время Революции. По внешности такая скрытая женщина была бы несомненно с верою Кропоткина в народную инициативу, но он знал очень хорошо роль тайной инициативы, и был больше склонен видеть истинные действия сотрудничающих сил.

вали наши вещи: (это выражение не следует понимать буквально), в декабре 1905 г. и в мае 1906 г. Но дважды возмущалась самая дикая реакция, всю свирепость которой едва-ли знают заграницей. Арест, смерть, все это в революционные времена вещь второстепенная. Как анархист, я ничего не мог там сделать, но и оставаться зрителем происходившей там резни я тоже не мог. Теперь там идут еще хуже: долголи продлится эта дикая реакция — трудно предсказать "...).

... „Ты, вероятно, слышал о том, что мои „Речи бунтовщика“ и „Хлеб и Воля“ 115) были переведены и изданы в России. Обе книги были конфискованы: в результате конфискации найдено было 18 экземпляров из 5,000 экземпляров одной книги и 50 из 3,000 экземпляров другой. Та и другая продаются открыто. Это полная дезорганизация правительства. Оно убивает, но не управляет более“...

—0—

Письмо 91-е. Джемсу Гильому, Бромлей, 22 июня 1906 года.

... „Факт таков, что я работаю, не отрываясь, над „Французской Революцией“, и что в данный момент я пишу последнюю главу книги“. (Гильому предстояло просмотреть рукопись).

„Как только я закончу (на этой неделе, надеюсь) свою работу, мы начнем укладываться для отъезда. Дела (в России) идут, как будто, довольно хорошо пока, и мы хотим этим воспользоваться.

Во всяком случае, прежде чем уехать, я приеду обнять тебя и пожать руку нашим парижским друзьям“...

—0—

Письмо 92-е. Ему же, 24 июня 1905 г.

... „Рукопись о „Французской Революции“ приняла большие размеры. Сверх того, что было напечатано в 17-ти номерах „Temps Nouveaux“, это еще 800 страниц такой бумаги по сто слов на странице“...

Намерение уехать в Россию опять не осуществилось, и Кропоткин написал 25-го

июня Вертоли (Женева), прося прислать ему некоторые старые номера журнала „Reveil“.

—0—

Письмо 93-е). „Мы пополняем наши комплекты, прежде чем уехать и отправиться, когда-нибудь, в Россию“.

„Опять мы приготовились к отъезду. — А тут снова все вверх дном“...

Письмо 94-е. Джемсу Гильому. Бромлей, 26 июля 1906 года.

(В ответ на полученные от Гильома сведения об анархическом движении)... „Я счастлив видеть, что анархисты выходят из своей изоляции, в которой они рискуют уничтожиться. К несчастью, не так еще обстоит дело в России“...

(Он прочел рукопись русского перевода „В русских и французских тюрьмах“ 116)... „Но все это русское издание моих книжек, в семи томах, теперь в воздухе, с возвращением реакции.

„Открытие в высочайшем присутствии к несчастью состоялось. Дума сама на этом настаивала — и исчезла. Неужели же мы теперь будем иметь на 14 Июля?“.

„Мне бы так хотелось сейчас же выехать в Россию, но это ведь повело-бы лишь к моему аресту в течении первой же недели. Ах, если бы я был помоложе! Я смог бы тогда жить в подполье“...

„События в России заставляют нас снова отсрочить наш отъезд и на следующей неделе мы едем... в Бретань... нам рекомендовали Ploubazlanec предместье Paimpol. Нам одним было бы слишком грустно в Этабле“.

—0—

Письмо 95-е. Джемсу Гильому, Бромлей, 30 июня 1906 года.

(Обсуждается немецкий перевод „Интернационала“ Гильома и Кропоткин замечает):

... В-(еренгард) Кампфмейер, наш друг в Берлине (Garzau bei Rechfelde, Ostbahn) мой близкий приятель, занимающийся

115) „Завоевание хлеба“ СПб. В. Яковенко, 1906 год, X, 210 стр. Пиро № 235.

116) СПб. Издание товарищества „Знамя“, 1906 год, 242 стр. Пиро № 231.

ся теперь садоводством, 117) который для меня продавал и устраивал все немецкие переезды, 118) мог бы дать тебе хороший совет. Он тебя знает и любит тебя и, если ты к нему напишешь и попросишь совета, то доставишь ему большое удовольствие".

„Соня завтра уезжает в Наймполь, нам говорили столько хорошего о Сеннобозе, 119), который там живет. Я еду завтра на три дня в Лондон, поработать в Британском Музее, где мне надо просмотреть ряд источников для моей „Великой Революции“.

Из кратких записок, относящихся к началу августа:

... „Я тебе кажется писал, что г-жа Даврова, на несколько дней, приехала к нам“... что означает, что он от нее имел непосредственные сведения о событиях в России. Записка из Бретани с почтовым штемпелем Парам (Департаментом Me-et-Vilaine) содержит упоминание об этом спокойном пляже близ большого города“ (10 августа).

Письмо 96-е. Дамеу Гильому. Бромлей, 21 октября 1906 года.

(Письмо слишком длинно, чтобы его изложить полностью. По просьбе Гильома была сделана попытка разыскать манускрипты Бакунина в его папках, я при этом присутствовал и он возбудил так много старых воспоминаний о брошюрах и письмах, кои прошли через его руки. После же получения длинного отчета Гильома об его усилиях, этим летом, в Швейцарии, поднять и сорганизовать синдикалистское движение, он делает замечания по этому поводу и советует попытаться распространить это движение в Бельгии в долине Вездры (Vierv-

ers). „Вандервельде, которого я здесь видел, мне говорил: грустно о серьезном синдикалистском движении в этом районе, из которого они (Бельгийская Рабочая Партия) не имеют потому никакого влияния“... Потом идет рассуждение о синдикализме, о чем он тогда писал в „Новых Временах“ („Синдикализм и Парламентаризм“, 10 октября 1906 года)...

... „Мы здесь начинаем выпускать, выходящий два раза в месяц, листок Voice of Labour (Голос Труда) чисто синдикалистского направления (120). Мы, т. е. четвере оставшиеся верными Марш. Тернер (Секретарь Синдиката Помощников Мастеров), Киль, наш наборщик и я“...

... „Русский журнал, я надеюсь, появится в один из ближайших дней (121) Star — радикальный листок (вечерняя газета) уже напечатал против нас подлый донос, заявляя, что я принял на себя руководство русским движением, чтобы сделать его террористическим во что бы то ни стало и что центром этого движения надо считать теперь „Вiola Хауз, Бромлей, Кент“ (122). Как результат этого во время визита Бурцева и еще некоторых русских, в течение трех дней, английские и русские сыщики держали в осаде наш дом и дороги от нас на (две) станции (железной дороги). Потом вдруг все внезапно исчезло, за исключением одного, постоянного“... (123).

120) "The Voice of Labour" (Лондон) 3 ноября, 1906 (не распространялся). С 18 января до 21 сентября 1907 г. 36 номеров.

121) Листок "Хлеб и Воля", Лондон, 30 октября 1906-5 июля 1907, 18 номеров. От задания Листка "Хлеб и Воля" подписано "За Группу П. Кропоткина". 20 сент. 1906 г. (Лондон, 2 стр. 4о) было объявлено о выходе нового издания.

122) Я лично не видел "Star", но возможно предположить, что одна из Листовок Кропоткина, содержащая объявление о выходе "Хлеб и Воля", была истолкована каким-нибудь журналистом, таким образом и являя смесь невежества и хитрости с его стороны.

123) Под "Постоянным" он подразумевал того шпиона, который постоянно жил в одном из соседних домов и которого Кропоткин считал специально поставленным за ним наблюдать.

117) Очарованный сельско-хозяйственными теориями Кропоткина он переехал жить на остров Джерсей, чтобы познакомиться с возделыванием земли; он занялся, сделавшись садоводом в окрестностях Верлина. Между прочим, он был одним из первых, кто признавал — Города-Сады в Германии.

118) Будучи сыном библиотекаря и очень аккуратным и обязательным человеком, он умел подписывать подходящих переводчиков и издателей.

119) Шарль Сеннобоз, один из лидеров в борьбе за оправдание Дрейфуса, автор очень популярной в то время книги "Политическая История Современной Европы (1814-1896)" (С-Петербург, 1901, XVI, 864 стр. переведенной также на русский язык).

... „Я видел Гюйсмана 124) одновременно с Вандервельде (Эмиль Вандервельде из Бельгийской Рабочей Партии). Г-жа Кобден-Сандерсон 125) привела его и Зюдекума ко мне). Славный парень, хотя и депутат социал-демократ 126). Гюйсмана имеет очень добродушный вид, но Вандервельде, повидимому, страшный иезуит, что однако не означает, что у него нет тоже хороших качеств“...

„Их план действий по отношению ко мне был — всегда стараться меня выделять из анархистов, говоря: „Кропоткин еще куда ни шло! но не остальная же компания!“ и это после того, как они меня костили на все корни! Каждый раз, как я что-нибудь напишу, что привлекает общественное внимание, повторяется тоже самое 127). Было условлено, что издательство „Знание“ выпустит „Великую Революцию“, как 1-ой том его трудов, но книга эта появилась на русском языке лишь в 1918 году, в Москве, в Прессе № 509).

... „После первого ноября я пытаюсь уехать на берег моря. Я очень устал“. (Письмо к Гильому от 24 октября).

Письмо 97-е. Джемсу Гильому, не датиро-

124) Камилль Гюйсмана, бельгийский социалист, много лет секретарь, так называемого, Второго Интернационала.

125) Дочь Ричарда Кобдена, жена Т. Ж. Сандерсона, артиста переводчика широко известного. Верный друг, которому в зиму 1893-4 годов Кропоткиным было поручено помочь Павлу Реклю, за которым гонялась Французская и Международная полиция. И он и его жена оба провели их последний вечер в Англии в 1917 году перед отъездом в Норвегию и Россию в их доме в Хаммерсмит, Лондон, как они описывали в книге Ишнана стр. 106. Через семью Реклю или иным путем, но они имели друзей в Бельгии, и социалисты оттуда приезжали их навещать.

126) В этом случае Кропоткина обманула наглость, Зюдекум был чем хотите, но только не „Славным парнем“, правда он умел напускать на себя этот добродушный тон.

127) Кропоткин раз показал мне письмо от Вандервельде, просящее его разрешение на перепечатку издательством Жерминаль (Гент) его статьи „Анархистская Мораль“ но с тем, чтобы он согласился на изменение на „Социалистическая Мораль“ и с тем, чтобы в тексте ввел слово „Анархист“ было заменено словом „Социалист“. Нельзя списать негодование Кропоткина.

ровано, (декабрь 1906 г.).

... „Мы предполагаем приехать (в Париж между 4 и 17 января)“...

... „Что касается меня, то с того времени, как я начал выпускать здесь наш русский журнал (листок) „Хлеб и Воля“, все мое время уходит на эту работу, не оставляя даже возможности написать что-либо для журнала самого. Он выходит в размере 8 страниц, 2 раза в месяц и Мария Г. мне очень помогает в работе. Но главное отнимает время безконечная корреспонденция и мысли мои вечно заняты этой работой. Вчера я однако получил одну вещь, которая доставила мне много удовольствия. Я говорю о русском „Бунтаре“ в 32 страницы, написанном всецело в России (теми самими людьми, кои шесть месяцев тому назад нас трепировали, как реакционеров, а теперь только что выпустили действительно серьезный журнал, отличный по содержанию, без шаблонных фраз, так еще недавно бывших в ходу“)...

... „Партия нашла наконец самую себя! Теперь я спокоен. Настоящая анархистическая партия, в серьезном смысле слова, находится в процессе окончательного образования в России. Были посажены здоровые ростки“...

(Идет речь о журнале „Бунтарь“ органе русских Анархистов - Коммунистов, № 1 когото датирован декабрем 1906 г., без указания города издания. Он был напечатан в Женеве и тогда вышел лишь один № 1. Я не могу наверное сказать — являлся ли другой „Бунтарь“. Листок Русских Анархистов Коммунистов, продолжением этого „Бунтаря“ 1906 года. № 1 нового „Бунтаря“ вышел 15 мая 1908 года, № 2-3 в июле-июле, а № 4 в январе 1909 года, без указания места выпуска).

Эти журналы содействовали распространению идей Кропоткина среди его единомышленников, книги его и бесчисленные переводы на русский язык его брошюр, издаваемые в России, захватывали более широкий круг читателей, вместе с тем, пришлось снова обращаться с воззванием к общественному мнению Европы, с протестом против преследований в России. Когда герои-

ия, стрелявшая в генерала Млина, была порешена, письмо Кропоткина в "Times", было перепечатано рядом других газет "Neue Freie Press", (Вена, 22 сентября 1906 года).

Письмо „Административная Ссылка в России“, адресованное редактору Times, ходило по рукам в отдельных оттиках (датировано 12 октября, напечатано 19 октября 1906 года), (оттиски помечены Лондон, Ковтора Times, 1 стр. infolio, ноябрь 1906).

„Комитет помощи Русским ссыльным в России и Сибири“, начал работать (обращение подписано Сергеем Георгием Трепанином и др.) 1 стр. fol., печатана на машинке.

— 0 —

1907 г.

В январе Кропоткин провел две недели в Париже, повидав там многих русских и французских друзей. На обратном пути, между Калэ и Дувром, он писал с парохода Джейму Гильому в очень дружеском тоне, оп его видел перед этим в Париже.

Письмо 98-е. Джейму Гильому. Бромлей, 16 марта 1907 года.

... „Все тоже самое: русский журнал (Листок „Хлеб и Воля“) и болезнь. Вот уже третий номер (три номера под ряд), который я выпускаю совершенно один, так как друзья в Париже совершенно дезорганизованы вследствие болезни Марии Г. (серьезный брюшной тиф). Но самое худшее, это моя болезнь! Последние дни я снова был в постели с повышенной температурой, кашлем и головной болью в результате“.

„Самое неприятное это, что доктор находит расширение капиллярных сосудов в бронхах во всей нижней части левого легкого с хроническим отеком; он говорит, что это протянется еще два месяца, до весны и снова возвратится с наступлением зимы, но это не туберкулез, чему приходится радоваться за неимением лучшего. 128).

(128) Наконец хроническая болезнь, от которой он страдал с января 1895 года, см. письмо № 79 была диагностирована и после этого было признано, что проводить зиму в Англии ему очень опасно.

... „Возраст, ну что-же“.

... „Но вместе с тем, русский журнал отнимает все время, которое я могу отдавать перу. А русские дела не улучшаются. Государственная Дума (третья) была встречена народом с угрозами... фельдская 129) пресса говорила, что это репетиция восстания в Петербурге... гвардия была в страшном негодовании на народ и поезда с блиндированными вагонами, полные вооруженных солдат, державшиеся до сего времени на запасных путях, передвинуты были на вокзалы... Проект нового закона с органическим правом голоса, в стиле 1850 года (во Франции) уже готов. Будут ждать только предлога, чтобы распустить Думу. А тут еще говорят о том, чтобы наводнить Финляндию солдатами... Русским революционерам, поистине, слишком много работы“...

(Он читает второй том „Интернационала“ Гильома, 1907 г.: „Я его прочел залпом как роман, начиная со страницы 50 или 52 (июнь 1870 г.) до конца (Конгресс, в Гааге, сентябрь 1872, стр. 356)... „Чем больше я думаю об этом, тем, можно сказать, больше страдаю, при мысли, что 35—36 лет пропали даром в развитии социализма. Потеряны, вне сомнения, и не надо себя утешать праздными словами, что самая идея росла за это время“.

„Начиная со времени Коммуны идея не росла совершенно, она скорее обезличилась за это время, чем выросла и приняла более определенные очертания. Перед смертью Коммуна завешала: „Жаль, что мы не сделали коммунистического опыта, завладев всем (всеми богатствами Парижа) и сделали вместо этого лишь коммунальный опыт, организовав независимую городскую Коммуну“).

„Ни одного слова не было прибавлено к этому завещанию. Что же касается идеи, неизбежной экспроприации, то таковая распространилась — каждая более или менее правильная идея не может не распространиться в течении 35 лет“...

„Но вот, благодаря стачке электротех-

129) Термин из времени Французской Революции.

ников в Париже 130), мы отступились как раз на точке отправления Интернационала 1868 г. — „За нами сила, как только мы откажемся работать, буржуазное общество будет у нас в руках“. Но ведь это Интернационал и ничего более. Зачем же эти пегодяи (социал-демократы) заставили работников толкаться на одном месте, ходить вокруг да около, следовать по извилистым путям лабиринта (здесь он делает рисунок переплетающихся линий) для того, чтобы возвратиться к той - же самой точке отправления. Это часто приведет меня в бешенство“.

„Моим глазам рисуется план труда:

— Социалистическая доктрина до 1848 года.

— Люксембургский коллективизм (1848) Видаль и Пекер.

— Разгром государственного социализма, социализм в забвении (период от 1848 года до шестидесятых годов).

— Интернационал (конец шестидесятых годов).

— Разгром (1871) — забвение (под влиянием Маркса, начиная с семидесятых годов).

Иными словами труд, озаглавленный „Социализм и социал-демократия“.

„И рассказать на этих страницах все это, которое они сделали:

— Отделение крестьянина от городского рабочего.

— Фантазии о правительственном социализме (Государственный социализм).

— Кража идей Фурьеристов. Кража книг и теорий Марксом и Энгельсом.

— Ложь и клевета.

— Ложные заверения о невозможности революций, построенные на северных географиях.

130) Славянки добились победы, закрыли свет на несколько часов в Театральном Квартале Парижа. Секретарь Союза Электротехников, Эмиль Пато сделался знаменитостью, благодаря газетам, которые создали славу быстроте и решимости его действий, но это окружило его годовую и его популярность не удержалась. Это был первый случай с 1871 г., когда рабочие Парижа продикували их волю и он вселял много оптимистических надежд, неоправдавшихся или требовавших для своей реализации большого терпения.

И т. д. и т. д.“.

„И дальше: усилия интернациональной буржуазии парализовать рабочее движение Интернационала и поддержка, которую она находит в социал-демократии — это водоспальная работа, которую делает буржуазия повсюду, особенно же, в Бельгии, Англии и Германии“.

„Если бы только вернулось здоровье. Но я боюсь, мой дорогой Джемс, что я становлюсь ияваллидом. Кашель меня заедает и лихорадка все держится“.

„Я спросил доктора, следует ли мне уехать (на юг). Он мне ответил, что в большинстве случаев расходи на путешествие в страны с более мягким климатом не оправдываются результатами, в случаях подобных моему, когда имеется расширение бронхиальных капиллярных сосудов в легких. Быть может Египет — но даже и такое путешествие, требующее огромных жертв (оставление работ и проч.), может не дать благоприятных результатов“. — „От трех до четырех часов в день вы все же можете работать и можно много сделать, ограничиваясь этим временем“.

„Это далеко не весело. Когда нужно работать более часов для того, чтобы жить — что останется? Однако не будем смотреть на все слишком мрачно“...

(Под впечатлением полной неспособности социал - демократов, обнаруженной в течении 1905 и 1906 годов в России, что подтверждалось ему многочисленными фактами, под впечатлением высокомерной узурпации социализма марксистами, о чем ему было известно в теории через посредство Черкезова, и исторически через Джемса Гильома, лицемеря сумбурный социал-демократический и рабочий парламентаризм в Германии, Англии и Бельгии и т. д., Крипоткин пришел — как доказывает это письмо — к заключению, что оба и социализм и рабочая партия принесены в жертву тем социал - демократическими теоретиками и практиками, которые, со времени падения Коммуны, отошли от социализма и добились теневых местечек в парламентах или же жаждали государственной власти.

Передать всю критику, содержащуюся в

его писаниях, занято бы слишком много места: его рукописи полны ею, хотя книга, о которой он любил говорить, никогда не была закончена в целом).

Письмо 99-е. Джему Гильому. Бромлей, 22 марта 1907 года.

(Он все еще думал о том, чтобы поселиться в России).

... „Нас всего более сейчас занимает мысль о возвращении в Россию. Быть парализованным там или оставаться парализованным здесь — не все ли это равно. Во всяком случае там будет чувствоваться, что имеешь какое-то влияние, даже если у меня не будет журнала в моем распоряжении“.

„В настоящее время в России уже образуются серьезные группы анархистов. Синдикализм, который на время был в загове и пренебрежении, начинает выдвигаться. Социалисты — эволюционисты и социал-демократы стараются захватить его в свои руки и сейчас в России прекрасное поле для работы, если бы я мог помочь товарищам словом ободрения или советом отстаивать независимость синдикатов“...

„Но дела идут очень плохо и каждую минуту можно ожидать реакционного переломка и тогда делать будет нечего. Несмотря на все это, мы все трое жаждем поехать в Россию, хотя бы на побывку (оставивши здесь дом за собой).“

„Наши „Листки“ идут очень хорошо, благодаря Америке, которая потребляет их в огромных количествах. Журнал оплачивает расходы печатания (3-4,000 экземпляров), что уже очень много, и его находят все более и более интересным“.

Заметка от 23-го показывает, что он вернулся в Бромлей, после кратковременного пребывания в более высокой местности — Тадворт, Сюррей — что принесло ему большую пользу, и он энергично принялся за работу.

Письмо к молодым поклонникам (гимназистам 8-го класса) в Ташкенте (Туркестан) — Бромлей 4-го мая 1907 года — напечатано в *Былое* (Петербург), № 3 (31), 1925, стр. 131—2, издаваемом В. Н. Терновским. Там он обсуждает вопрос о

Взаимопомощи. Он также говорит: „Моя работа об Этике... лежит спокойно на полке“... почти все его время занято „Листками“, которые он редактирует... „Взаимная Помощь служит для обоснования Этики. Но для изучения анархизма, нужно, прежде всего, подвергнуть строгой критике, ломке, ходячее понятие о государственности и псевдо-науке государственников. Чтобы стать социалистом — нужна критика капитализма: также — чтобы понять анархизм, нужна критика государственности“.

(Письмо № 100).

Из письма к Гильому (**Письмо № 101**, Бромлей, 6 июня 1907 года) оказывается, что была уже устроена поездка на лето в Бретань — (Финистер) (Pouldu, Clohars, Carnoit), но он предлагает Гильому, проводившему каждое лето в Швейцарии, встретиться и провести несколько дней где-нибудь высоко в горах Франции, в Савое, быть может. „Провести две недели на умеренной высоте будет для моих бронхов, может быть, самым лучшим лечением“. Этот план не удался. Он надеялся увидеть Гильома, если он будет проездом в Париже около 15-го июля.

Возможно, что они не встретились. В Пудью (Pouldu) Айтов и много других русских проводили лето. В письме без числа к Гильому (**Письмо 102**) обсуждается вопрос об объеме статьи тома, посвященного Французской Революции, который потребует по крайней мере 500 стр. французского текста. Это было только начало и, когда оно было напечатано в 1909 году, в нем оказалось 749 стр. и все же его пришлось продавать по обычной цене 3 фр. 50 сантим. за том.

Обсуждая критику цюрихского приятия, он пишет: „Мне кажется, он прав говоря, что идея о всеобщей забастовке есть лучшее средство борьбы против парламентаризма. Всякая положительная мысль лучше простой критики. И во Франции так и случилось. Но необходимо было бы также ясное разделение. Нет ничего вреднее для пропаганды, как общие идеи, да еще покрытые дымкой. Синдикаты 20 лет ое-

тавались жертвой реформистов таких как Доппир и Басли (из коих первый был из самых бледных, а второй авторитетный рутинер), пока анархисты, создавшие себе право на существование путем динамита, не обратились к синдикатам, как к полю для развития наших идей. Но если бы мы за это время не отстранились от таких лиц, как Басли и Гэд (Basly et Guesde) по приемам нашей тактики, по организации и по идеям, — то возможно, что и до сего времени сама идея находилась бы под спудом...“

— о —

Письмо 103-е. Джемсу Гильому (5, Ouslow Villas, Muswell Hill Road, London N) Лондон, 20 октября 1907 года.

.. „Вот уже почти целый месяц, со времени нашего возвращения из Пульдю (Pouldu), как мы все переезжаем. После 14 лет в нашем маленьком домике в Бромлей, мы сделались лондонцами. Если я тебе скажу, что пришлось перевести 40 ящиков и бочек (Sic!) книг, сделать для них полки, найти место для всей этой массы бумаги и разместить ее, причем я установил все книги и карточки с бумагами сам собственноручно, смахнувши с них всю покрывавшую их пыль (ее были бочки), ты поймешь какой это был труд. 131).

„По счастью в доме много солнца (Восток и Запад) во всех комнатах: с одной стороны у нас лес — настоящий лес — одна из лондонских аномалий, в длину две трети километра и в ширину 500 метров, а дом расположен на холме на высоте 350 фут. со склоном на юго-восток (в сторону сада). Короче сказать, все отлично и Саша добирается до университета без особого переутомления“...

„Пульдю далек, но мы сохранили о нем самое приятное воспоминание“...

„Тридцать листов корректуры „Великой Революции“ уже набраны“... На этом

оканчивается его переписка с Джемсом Гильомом, за исключением немногих писем, о которых будет речь дальше. Нет никакого основания предполагать, чтобы эта переписка не продолжалась и с ее исчезновением потерял прекрасный источник к познанию интимных мыслей Кропоткина.

В декабре 1907 года он дал мне на время письмо, полученное от Др. Paul Eltzbacher из Шарлоттенбурга (около Берлина) от 26 октября 1907 года, — автора книги „Анархизм“ (Берлин 1900, XII, 305 стр.), которая представляет из себя методическую сводку идей, выраженных различными авторами, представителями тех или иных течений в анархизме, в виде кратких выдержек их сочинений: книга написана вполне беспристрастно, как статистический сборник без тени симпатии со стороны автора к анархизму. Это точный научный труд, переполненный переводами. Между Элтбахером и Кропоткиным возникла переписка, из коих первый оказался завзятым нео-кантианцем и Кропоткин говорил ему об этике со своей точки зрения. В письме от 1907 года Элтбахер рассказывает, что он уже более не кантианец и что он находится в переходном периоде брожения мыслей. Кропоткин пишет ему длинное письмо (Письмо № 104), написанное по-немецки, в котором он говорит, что он работал над своей третьей статьей в „Девятнадцатом Веке“, когда Русская Революция заставила его бросить эту работу, называемую им „Gerechtigkeit und Moralität“.

Он писал в то время много об „Этике“ и это письмо заслуживает внимания. В другом письме от лета 1908 года он писал: „я снова принялся за мою „Этику“... Обо всем этом должно было сохраниться много заметок и набросков и, только после их рассмотрения, можно будет решить насколько интересно письмо к Элтбахеру.

От этого года, последнего в Бромлей, имеются воспоминания скульптора Пьера Гинцбурга, жившего в Петербурге, написанные не знаю где по-русски: в немецком переводе они появились в *Jahrbuch der Freien Generation* 1910, стр. 61-68.

131) Кропоткин получал массу официальных статистических, метеорологических и тому под. западн. Все эти книги были перевезены в Muswell Hill, но здесь они были расфасованы и значительная часть отдана в местную библиотеку.

То же лицо описало свое посещение Кропоткинского Дмитрова, в октябре 1920 года: статья эта помещена в сборнике „Памяти“... (1922), стр. 96-98. 132).

—0—

1908.

В печати почти нет писем, относящихся к этому году, когда болезни снова овладела Кропоткиным, и он, чтобы лучше бороться, уехал на юг. Кроме того, русские дела требовали усиленной работы, а листки „Хлеб и Воля“ были оставлены в июле (5), 1907 года, очевидно, когда он уехал в Пульду и не мог там работать.

Письмо об образовании напечатано в L'Ecole Renovic (Брюссель), N 1, 15 апреля 1908 года, стр. 11—13 („Письмо Петра Кропоткина“). Это был официальный орган пропаганды Франческо Феррера, а Кропоткин очень симпатизировал Современной Школе и переписывался с Феррером.

3-го марта, 1908 года (Письмо N 104) он писал сестре Элизе Реклю, Мадам Дюмениль, которая собирала письма Реклю для выпуска его **Переписки** (3 тома: Париж, 1911, 1925): ... „Наконец-то я нашел несколько писем нашего дорогого Элизе“. Ему пришлось искать их в своей рабочей комнате — библиотеке — которую он оставил со времени своей болезни в январе, и жил (в спальне).... „Но их так мало... Здесь нет найденных: в течении долгих лет я уничтожал все письма, получаемые от друзей, и сохранял только те, которые имели отношение к литературным делам. У меня должны быть еще те, которые я получал во время пребывания в Clairvaux и на которых сохранились следы просмотра их директором тюрьмы 133). Я их разыщу по

132) „Идеалы и действительность в Русской Литературе“ появилось в 1907 году в С.-Петербурге в издании „Знания“ как 5-й том трудов (367 стр.) Паро № 381.

133) Он посылает их в Италию замечая (Письмо 105, 30 июля 1908 года)....“Всего их одиннадцать с “виной” директора тюрьмы и пять, кои были получены уже здесь. Соня должна иметь письма от 1885 года и это вероятно все. Здесь (в Англии) я скинул письма наиболее интересные.

по возвращении... Одно из них написанное в момент отъезда в Париж (для митинга протеста против избения перед Зимним Дворцом, состоявшегося 6-го февраля 1905 года) необыкновенной красоты и заставило меня плакать. Его призывали и он поехал умирающий. (Он упал, читая свою речь, это было его последнее публичное выступление и он умер 4-го июля). Ваше продиктованное письмо (письмо Реклю к Кропоткину, продиктованное его сестре) говорит о скором свидании. Три таких прекрасных строки“.

Его здоровье, сильно пошатнувшееся в январе, улучшилось, и он собирался ехать в Борнмут (Bournemouth), хотя доктор предпочтительно рекомендовал юг. Но в апреле совет последнего превозмог или же явилась насущная необходимость, потому что он выехал 23-го апреля самым прямым путем в Cannobio на Lago Maggiore в Италии, ближайшее место к Локарно, близ этого швейцарского городка, в Асконе, жил

Др. Рафаел Фридберг, немецкий анархо-синдикалист, специалист по болезням дыхательных органов, и Кропоткин с того времени всецело слушался его. В последующие годы время отъезда на юг и выбор места пребывания, а также время возвращения на север диктовались врачом. Целью доктора было увеличить в больном силу сопротивления болезни и заставить его менять климат в надлежащее время, чтобы не дать переменам времен года отразиться на его ослабленном организме. Также и часы работы были более урегулированы, чтобы избежать периодов переутомления, чередующихся с периодами полной прострации. В общем лечение принесло хорошие результаты и дало больному более длинные периоды сравнительно удовлетворительного самочувствия. Здесь, в Каннобио, 7-го июня, Кропоткина посетил Луиджи Вертови и старые женеvские друзья, Дюмартера и Герцин.

Я не знаю сколько недель или месяцев он пробыл на Лаго Маджоре. Он вернулся в Лондон, проведя в начале августа не-

которое время в горах, Bures (в Суффолке), опять вернулся в Лондон, в октябре провел несколько недель в Париже, живя в уединении с Верой Фигиер и Германом Лопатиным; он был одним из трех членов Комитета, расследовавшего обвинение Бурцева против предателя Азефа. Комитет этот еще не пришел ни к какому окончательному выводу, хотя и не по вине Кропоткина. Он был измучен этими тяжелыми и безконечными заседаниями и во время частых свиданий с Джемсом Гильомом они говорили о легких предметах для отдыха. Потом он снова был в Лондоне, а за несколько дней до Рождества он был уже на Вилла Росса, в Локарно, где он оставался до первой трети мая 1909 года, но, вероятно, вскоре затем выехал в Лондон. Ящики книг посланные ему из Лондона помогли ему работать на юге.

Из записки к Черкезову (августа 10-го 1908 года: Каторга и Ссылка, №4 (25), 1926, стр. 17) можно судить о его русской деятельности, еще более можно судить о ней из его писем в Таймс (Times) и из того участия, которое принимали он и его жена, помогая жертвам режима Столыпина, которого поддерживал тогда в английской прессе В. Т. Стед (W. T. Stead), который всюду и всегда держал руку русского правительства. 134).

1909.

В Локарно, с Рождества 1908 года до середины Мая 1909 года, Кропоткин на месте и в поездках видел многих из своих друзей из других сфер, таких которые никогда или очень редко бывали в Англии. И не могу в памяти подразделить по годам и помню только как Гильом читал мне из письма Кропоткина описание в Baronata дома Бакунина и Кафiero в 1873-74 годах:

134) Из пометки, сделанной (107) на письме Черткова (Каторга и Ссылка) ясно, что письма Кропоткина к В. Бурцеву, напечатанные в "На чужой стороне" том VI, относятся к этому году. "На чужой стороне", историко-литературный Сборник, издаваемый С. П. Мельгуновым, вышел в Праге (том VII вышел в 1924 году). Я не видел этих писем, а также и каких либо других опубликованных где-либо Бурцевым.

во главе стоял старый Эмилио Беллирио тогда молодой доверенный друг Бакунина, вместе с Ф. Дюпеля, Нивенхюйс (Nieuwenhuis) и Др. Фридбергом, Др. Макс Тоблер, воинствующий Цюрихский социалист посетил Кропоткина, быть может уже в 1908 году. Яков Гросс (Jacques Gross) из Женевы, также навещал его, но старые Женевские друзья отчего-то так и не приезжали. Луиджи Бертони посетил его в Марте 1909 г. и письма к нему, напечатанные в Reveil с Февраля по Апрель 1921 года и Февраля 11-го, 1922 года, но приводимые мной с имеющихся у меня копий, являются для нас главным источником информации, хотя в 1909 году их или мало писалось или

—0—

мало сохранилось.

Письмо № 106, к Луиджи Бертони (Родился в 1872 году в Милане, принадлежит к Швейцарской семье из Тичино; с 7 Июля, 1900 года, издатель Женевских анархистических журналов Le Reveil и Le Risveglio Вилла Росса, Локарно, 28 Марта (1909 года).

... "Я очень тебе благодарен за твоё посещение. Ты мне придал бодрости и я все думаю о наших разговорах".

"Какой урок для милитаристов эта станка почты и телеграфа... (забастовка почтово-телеграфных служащих в Париже). Придет-ся подумать прежде чем начать войну"...

Письмо № 107. к Луиджи Бертони. Локарно, 24 марта, 1909 года.

—0—

... "Завтра утром тот же самый приятель (англичанин, Мр. Роудей более ничем мне неизвестный 135) везет меня в деревню около Локарно (Ленно) на озере Коно, к одному из своих Американских друзей, поэту и радикалу — автору книг о городах

135) Из письма от 24 и 30 марта известно, что он был приглашен к печатанию и был поклонником стили Вильяма Морриса.... "Это в Издательстве Ancoats в Манчестере, они напечатали это (хорошо изданную брошюру о Моррисе). (Это издательство или организация, где в продолжении 12 лет я вел беседы с рабочими и где у них теперь отличные школы печатания, музыки и т. д.) (30 марта, Братство Ancoats Brotherhoood.)

Италии. Так как Фридберг поощряет меня прерывать работу, я отправляюсь туда на 2—3 дня...”

...“Стачка в Париже выиграна... “Temps” и “Debats” рвут и мечут. Двойная победа, так как это тоже победа против милитаризма. Да будет это предостережением военной партии...”

—0—

Письмо № 108. к Луиджи Бертони.
Локарно, 30 марта, 1909 года.

...“Благодарю тебя за добрые вести о Джордже (Геринге) и о нашем старом друге Дюмартэре. Так или иначе мы свидимся, разве что статья направленная против меня в “Neue Züricher Zeitung” (главной ежедневной газете Цюриха), которая высказывает удивление по поводу моего пребывания в Локарно. (Basler Nachrichten подняли этот вопрос). Они удивлены моим пребыванием. Я ведь был изгнан (в 1881 году) — и теперь эта статья может заставить меня выехать внезапно...”

Я знаю из других писем, что полицейский комиссар был у Кропоткина 30-го Марта и ушел; он вел себя вполне корректно и больше никакого вмешательства не произошло. Узнавши об этом, Джеме Гиллом, через каких-то своих старых политических знакомых сделал запрос в Берне и получил уверение, что Кропоткина оставят в покое.

—0—

Письмо № 109. к Луиджи Бертони.
Локарно, 25 апреля, 1909 года.

...“Я усиленно работал эти три недели, чтобы покончить с переводами. И я так счастлив сказать, что все сделано. В начале недели я послал в Петербург последние главы русского текста книги и с большим опозданием я закончил редактирование последних глав английского текста, который отослан сегодня утром в Лондон...” (136).

(136) Великая Французская Революция 1789-1793, переведенная Н. Ф. Дрейхерст (Лондон, W. Heinemann, Нью-Йорк G. D. Putnam's Sons 1909 XI, 610 стр. 80). Вышла в свет 10 ноября. Г-жа Дрейхерст была много лет тесно связана с Кропоткиным и Группой Freedom.

Русский перевод однако не был издан в России и Великая Французская Революция вышла в Лондоне

...“Фридберг не позволил мне уехать 13-го (Апреля) с Сашей. Он задержал меня на 3—4 недели, чтобы не подвергнуть меня резким переменам температуры в Лондоне. И так я остаюсь и думаю выехать 4-го Мая; разве что Фридберг снова воспротивится...” (137).

Он обсуждает переводы и говорит, что ...“я сам сделал русский перевод трети книги и проредактировал английские и немецкие переводы...” (Великой Французской Революции), далее ожидался итальянский перевод.

Вернувшись в Лондон он присутствовал на большом митинге в честь Веры Фигнер устроенном в South Place Institute и говорил речь (“Настоящее положение в России: “Freedom”, Июль, 1909). Он сказал: ...“Никогда еще положение России не было так отчаянно плохо, как сейчас. Ни в тяжелые годы царствования Александра III, ни во время дикой реакции последних лет царствования Александра II, ни даже во время сумасшедшего деспотизма Николая I, никогда произвол защитников царской власти не достигал того апогея, как сейчас. Даже то малое, то микроскопическое малое, что было достигнуто в России для защиты индивидуума от бюрократии, сметено из жизни, как нечто недостойное, бесполезное, вредное...”

...“Новая Россия народилась за эти три или четыре года, Россия, вкушавшая свободы и никогда она не вернется в прежнее старое ярмо. Все кажется спокойно, но теперь уже не в среде интеллигенции, а на заводах и в деревнях растет дух возмущения. Этот дух они не истребят расстрелами и виселицей. Кровью, которую они проливают, они только готовят реки крови: и конечно, близок тот день, когда не одни “лояльные” подданные из Добровинских шаек, но и те, которые поддерживают настоящий режим своим равнодушием или раб-

(137) Это его волновало. 8-го мая он еще в Локарно и предполагает проехать прямо в Лондон (без заезда в Париж).

с предисловием, помеченным 5 июля 1914 г. 707 стр. Цир № 441.

ской покорностью, должны будут раскатысь в своей рабленности и в своем равнодушии"....

(Все это время, в 1909, было уже безнадежно возбуждено английское общественное мнение в сколько либодь большом масштабе против все усиливающейся реакции, так как подготовка в Великой войне уже началась и Англия уже поладила с Россией относительно Азиатских владений, король Эдуард посетил царя в Ревеле и этот последний ожидался в Лондоне. Кропоткин написал письмо в Тайме (Посещение царя. Редактору Times : 27 Июля: Times 29-го Июля, 1909 года, но что из того! Кому нужны были его труды по сбору материала для осведомления частного совещания радикалов, Парламентского Комитета по Русским Делах, для снабжения точными данными ораторов на митинге протеста против посещения царем Лондона. Он говорил в одном письме, что этот митинг не мог бы быть организован (138) и тогда явилась мысль, чтобы Комитет выпустил его брошюру от своего имени, но, увидевши, что именно написал Кропоткин, они предпочли напечатать ее от имени автора.

Таким образом появился брошюра "Террор в России. Воззвание к Британскому народу" князя Кропоткина. Выпущенная (частным) Парламентским Комитетом (London, Methuen & So. 1909, 275 стр. 8°). Июля 12-го и позднее еще во многих изданиях, причем седьмое появилось 2-го Сентября. Скоро последовали французские и немецкие издания (Париж, P. V. Stock, Ноябрь, 1909 г. и Штутгарт Robert Lutz, без даты. 139).

138) Митинг был устроен или должен был состояться на Трафальгар Сквере 25 июля 1909 года, см. Freedom, июль 1909 г. Теперь невозможно установить источник разногласия, может быть митинг предполагалось устроить независимо от парламентской группы, но ясно, что Комитет, в некоторой мере, или отказал в поддержке или намерел возражения. Кропоткин в этом письме говорит: "К 3 июня брошюра была уже готова, но в течении месяца она все снова возвращалась на Комитета с требованием новых объяснений"....

139) Х. В. Невилсон, который знал Кропоткина, Черкесова и др. социалистов и анархистов, приписал

Потом стала надвигаться трагедия с Феррером, пока наконец он не был убит 13-го Октября. Кропоткин напрят в эти тяжелые недели все свои связи, стараясь предупредить наихудшее. Потом он выступил с речью на Лондонском митинге: см. Речь Кропоткина (Memorial Hall, 21-го Октября) 4 стр. 8°, без даты (6 Ноября, 1909 года, Лондон).

Во второй половине Декабря 1909 года, Кропоткин уехал в Рапалло, Лигурия, на Средиземное море, на юго-восток от Генуи и по прошествии нескольких месяцев, поехал в Локарно, как на промежуточную станцию, оттуда 21-го Мая, 1910 года, прямо в Лондон.

—0—

1910 ГОД.

До сего времени у нас имеется очень мало писем относящихся к этому году.

В Рапалло, Кропоткина посетил Альфред Марш, издатель "Freedom", в начале Марта. Было опять невозможно увидеться с Желевскими друзьями, как и он писал Бертони. Письмо 110, Локарно, 21-го Мая 1910 года). ... "Что делать, будем любить друг друга на расстоянии и этого уже довольно. Так как не может быть и речи о том, чтобы мне проводить зиму в Англии, у меня остается надежда увидеться с Вами в следующем году" ... "Le Reveil-Risveglio" остается нашим лучшим журналом. Я так счастлив, что Вы находите возможным его продолжать... Я уезжаю сегодня"...

—0—

Письмо 111, к Луиджи Бертони. Лондон, Tuswell Hill road, 22 Июля, 1910 г. (Бертони уже готовил свое издание "Великой Революции" и Кропоткин соглашается с ним, что нужно выпустить доступ-

участие в составлении этого меморандума, наполненного фактами, как он сам говорит в Nation. (Лондон) от 5 февраля 1921 г. — перепечатана в книге Ишазла стр. 101-105. Он описывает манеру Кропоткина работать в несколько снисходительном тоне, с явным чувством превосходства, что по моему объясняется разницей в методах работы писателя, желающего дать яркую картину потрясающих событий, описавших кони их получила, и работой журналиста, быстрого оперирующего материалом в его распоряжении, без отношения к содержанию и важности такого.

ное всем издание в двух томах по 1 фр. за том. Книги "Поля, Фабрики и Мастерские" и "Взаимопомощь" валяются уже 2 или 3 года и, ожидая итальянского издания, потому что Агрести, который взялся сделать перевод, повидимому им не занимается. 140).

...Скажи молодым (товарищам, которые его приветствовали) особенно молодым, что доброе усилие с их стороны, и многое может совершиться для человечества. Не стыдно-ли, что в Англии правительство берет на себя инициативу реформ, потому что масса безмолвствует. Нам нужно покоевание молодых, преданных делу энтузиастов. Какие чудные горизонты раскрываются перед нами, если им удастся двинуться вперед. Наука, искусство, все великое и доброе ожидает их, если им удастся одержать серьезную победу"...

Письмо 112, к Джорджу Герциг в Женеве. Лондон, 22-го Июля 1910 года.

...Я много работал эти 2 месяца... над корректурой Французского издания "Поля, Фабрики и Мастерские" (Париж, П. В. Сток XVII, 486 стр. 18^с, выпущено в Ноябре 1910 года). Пришлось просмотреть всю статистику — а ее достаточно. А ты ведь знаешь, что это не оплачивается Стоком. 141). Теперь надо скорее приниматься за следующую статью (о Ламаркизме) для Деятнадцатого Века"...

(Кропоткин выпустил в Январе 1910 года: "Теория Эволюции и Взаимопомощь", стр. 86—107; в Июле: "Прямое воздействие Окружающей Среды на Растения", стр. 58—79, потом: "Окружающая Среда и Влияние ее на Животных" в ноябрьской книжке, стр. 856—867 и в декабре стр. 1047—59. В Марте он еще написал: "Наследственность Приобретенных Характеров", стр. 511—531).

Пиро, № 424, упоминает в статье об

140) В Нью Йорке появился в 1910 году начало перевода под заголовком "Campe, Fabbriche ed Officine" 66 стр. Перевод был сделан Либеро Тамари, бывшим тогда анархистом, но потом перешедшим в фашизм, а затем отколовшимся и от фашизма.

141) Он платил немного то за то, то за другое, но был особенно надежным.

Толстом (Лондон, 12 Ноября 1910 года) появившейся в Московской газете "Утро России", 21-го Ноября.

Предисловие Кропоткина к Синдикалистской Утопии "Как мы сделаем Революцию", написанной Е. Патаном и Е. Пуже (Настоящий автор), Париж, VIII, 298 стр. изданное в Ноябре, 1909 года. Идея зародилась у Кропоткина после того, как в ответ на его письмо к Пуже, последний просил Кропоткина использовать это письмо, как предисловие. Кропоткин имел к Пуже глубокую симпатию и уважение, как к одному из вдохновителей анархистско-синдикалистского движения и как к издателю "Pere Peinard". Они встретились в Лондоне во время изгнания Пуже (1894-95 годы). Вне всяких сомнений предисловие, о котором я говорил выше, было написано заново.

Незадолго до середины декабря 1910 года, Кропоткин был опять в Рансало (Villa Teresa, Fossatto del Monte), откуда он уехал в конце апреля или в начале Мая 1911 года в Локарио и Минуэно. Он уехал из Швейцарии только в середине Июля 1911 года, пробыв таким образом в отсутствии из Лондона, целых восемь месяцев. Он уехал из Лондона окончательно в Брайтон в Октябре 1911 года.

—o—

1911 ГОД.

Письмо № 113, к Луиджи Бертони в Женеве. Villa Rossa, Локарио, 7-го Мая, 1911 года.

...Я надеялся уже найти здесь La Bataille (La Batalle Sindicaliste, Парижская ежедневная газета, которая начала выходить с 27-го Апреля 1911 года и выходила в течении ряда лет), но ее не было. Она меня очень интересует. Как вы ее находите? Грав советовал мне взять на себя сотрудничество, что я и сделал. Увидим. Я буду счастлив, если мне удастся при помощи этой газеты пустить в ход некоторые из моих идей. 142).

142) Я не думаю, чтобы Кропоткин писал в "Batail Sindicaliste" перед войной, хотя может быть там и можно было найти что нибудь принадлежащее ему перу. Даже Гильом был очень заинтересован в "Bataille" и еще больше в "Vie Ouvriere".

1-го июня Кропоткин переехал в Villa Lausanne в Минуэно, северную часть Локарно. Отсюда он пишет к Бертони (28 июня): „Мы рассчитываем оставаться здесь до 10—15 июля. Здоровье налаживается и силы мои возобновляются. Не правда-ли ведь мы увидимся в Ольтене. Суббота как раз будет 15-е. Грав приедет в Амнен (так как прямой поезд не заходит в Париж)“..

С этого времени началась гомерическая борьба между Гильомом и Кропоткиным по одному вопросу, связанному с историей Французской Революции. Эта борьба потребовала от обоих большой затраты энергии, к большому огорчению Бертони, который сам начал всю историю, запросивши Кропоткина, не подлежат-ли страницы 535-6 французского текста изменению.

... „Гильом мне пишет письма в 8-12 страниц, на которые я отвечаю также пространно“ (письмо от 3-го июля). Бертони поспешил в Минуэно, но Кропоткин в это время только что уехал в Monte Verita (поселок около Аскони). В письме от 5-го июля чувствуется вопль:... „Мне надоело быть занятым этим спором (с целой толпой парижских „специалистов“, которые изучали земельно - коммунальный вопрос не более нашего друга Джемса Гильома) в то время, когда я так далек от какой бы то ни было библиотеки“..

В 1927 году я нашел в остатках корреспонденции Гильома ряд очень длинных писем от Кропоткина, помеченных 26 июня, 30 июня, 4 июля и 11 июля с черновым наброском резкого ответа со стороны Гильома. Все это напечатано в „Неизданных Письмах Петра Кропоткина к Джемсу Гильому по вопросу о коммунальных землях (Французская Революция), написанных в июне и июле 1911 года“ в добавлении к La Protesta (Буйное-Айрес), №№ 274, 275, 277, 278 (5-е декабря, 26-е декабря, 1927 года, 30-е января и 16-е февраля 1928 года). Для серьезных исследователей исторических методов Кропоткина эти письма представляют значительный интерес, в особенности, в виду того, что они

содержат его критику французской исторической школы. Он замечает (Письмо 114, 7-го июля 1911 года):

„Что-ж, и ты, и почти все французы в этом случае, (т. е. не зная проблемы) стоите лицом к лицу с коммунальным вопросом. Я не знаю ни одного лица (за исключением может быть Рамбо, который тоже под вопросом) мнение коего имело бы какую бы то ни было ценность в этом деле.

Сказать только, что какой-то Фюестель де-Куланж имел какой-либо авторитет во Франции после Мюва, Нассе, Ковалевского, Виноградова, Бюхера (в его дополнении к немецкому переводу „Собственность в донаторические времена“, Лавелю) Мяковского, Ошенковского и др., кои, при полном невежестве ваших историков и юристов в этом вопросе, для них как бы не существовали. Бабо слегка коснулся этого вопроса (во Франции), но из-за того, что он был реакционером, вы, представители радикальной школы, не только не захотели его изучать, но даже не хотели ознакомиться с документами, которые он цитировал, даже не попытались внести поправку в его труды с помощью ваших правильных идей“.

Из других цитат видно, что так называемые аграрные реформы Столыпина привлекали внимание Кропоткина, причем Кропоткин утверждал, что события в других странах, по аналогии, помогают ему понимать события революции во Франции. Я не в состоянии сказать, кто прав в этом вопросе, так как я не знаком с ним во всей его широте и даже лишен возможности ссылаться на источники, кои толкуются обоими самым добросовестным образом. Я только не могу допустить, что авторитеты, приводимые Кропоткиным в воспроизведенных цитатах, так решительно склоняют решение вопроса в его сторону. Они имеют общую задачу установить связь между очень древними формами коллективной собственности (гипотетично) и пережитками коллективной собственности.

Но прошедши столько веков почти невозможно установить прямую связь между примитивными формами и так называемыми пережитками их, наблюдаемыми теперь.

Утверждали (и пытались доказать), что то, что дошло до нас, вовсе не такого древнего происхождения, так как в древние времена огромное количество земли сравнительно с числом населения позволяло совершенно игнорировать коллективные формы владения и приобретение и владение земель путем захвата племенами или отдельными индивидуумами могло следовать прямо за формами пользования землей без собственности. Что же касается Франции, то Галло — Римская цивилизация оставила глубокий след на всех племенах в нее вторгавшихся, их обычаях, законодательных нормах владения собственностью и т. д. и строго анти-социальные римские законы и обычаи владения землей, более чем где-либо, разрушили социальные обычаи и нормы владения, существовавшие у покоренных кельтов или у покорителей бургундов, визиготов, франков и т. д. Во Французской Революции собственническо-индивидуалистические тенденции Римского Права тоже преобладали и содействовали установлению механического равенства, формальной справедливости, отвлеченной свободы, лишённой всякого социального духа, при которой личность, свободная лишь на бумаге, была всецело подчинена всемогущему государству. Таким образом собственнический римский мир и мир, социально мыслящий, двигались и жили в двух разных плоскостях, и до тех пор, пока мы не доказали противоположного, гораздо правильнее рассматривать их порознь. Так, поначалу, и поступал Гильом (потому что он так же хорошо знал все, относящееся к вопросу о коллективной собственности, как и Кропоткин), в противоположность Кропоткину, который все время пытается их связать. Было бы правильным обследовать как на эти вопросы смотрят теперь двадцать лет позднее, как историки так и социологи.

—o—

Письмо от 26-го июня 1911 года к Элизе Реклю (Письмо № 115).

Это письмо обсуждает в деталях вопросы производства и избытка такового, цитируя словами широкого распространения в

анархической литературы со времени восьмидесятых годов идеи, что производство относится к потреблению, количественно как 2 к 1. Кропоткин совершенно с этим не согласен (как и Малатеста). Это является чрезвычайно важным пунктом разногласия, ибо при столь большом превышении производства над потреблением вопрос о реорганизации труда являлся вопросом второстепенной важности, как это считали многие, между тем, как этот вопрос будет одним из самых жизненных, немедленно вслед за социальным переворотом.

В своем письме Кропоткин замечает: „Наша Главная Квартира? (он сам не знает где она, так как он так давно оставил Лондон). Саша застряла в Англии и для нас мучительна эта разлука на шесть месяцев каждый год. Кроме того, расходы очень велики. Мы предполагаем нанять маленький домик для нас двоих в Вортинге или в Брайтоне и жить там круглый год. Это рискованно (для его здоровья), но...

... „Бернцы (Федеральная полиция) хотят принудить Тессинцев меня уведомить о моей высылке.... Обходя молчанием причину. Письмо к Бертони от 5-го июля... „Полиция запросила моего доктора Тоньола, правда ли что мне необходимо оставаться здесь“... письмо к Бертони от 3-го июля.

—o—

На пути в Лондон Кропоткин еще раз — и уже в последний раз — встретился с человеческими друзьями, Дюмартерэ и Герцигом, а также с Бертони и с молодым врачом Жаном Винчем, из Лозанны, в то время бывшим активным анархистом — синдикалистом. С ними он беседовал в течение трех или четырех часов, в ожидании поезда. Кроме того он пробыл день в Париже и познакомился Гильома и еще некоторых друзей.

В октябре он уехал из Лондона и переселился в свой последний дом в Англии 9 Chesham str., Brighton, на улице, недалеко от берега моря, поднимавшейся круто в гору.

—o—

Письмо 116-е. Лунжи Бертони, Брайтон 6-го декабря 1911 года.

(Он получил итальянский перевод „La Grande Rivoluzione“ 1789—1793, Женева 1911. Edizione del Gruppo del Risveglio 2 тома, VII, 343 и 374 стр.; на стр. 534—8, вследствие обсуждения с Гильомом, внесены изменения в французский текст).

Он очень одобрительно отзывался о переводе, который в большей части был сделан Бертони, и неизвестным переводчиком или переводчицей, адрес и имя коих он стремился узнать, чтобы я мог ее поблагодарить“ (143).

... „Как ты видишь, мы наконец устроились в Брайтоне. Доктор специалист, который ранее воспретил проводить зиму в Англии, нашел мои легкие в таком хорошем состоянии, что разрешил мне перезимовать здесь, но только не в Лондоне. Вот как мы очутились в Брайтоне“...

... „Легкие теперь в порядке, но теперь начались осложнения с почками. Я был серьезно болен в сентябре, возникал вопрос о серьезной операции, но я переменял режим, и теперь полон энергии для работы. Однако я не решаюсь работать по 12 часов в день, как я делал в сентябре — от 8-ми утра до 12-ти ночи с 4-х часовым перерывом в два приема, в 5—6 часов, так мало можно сделать. Во всяком случае здесь больше солнца, чем в Лондоне, море чудное, воздух живительный. Поживем увидим“ (144).

Этот год, девятого декабря, которого Кропоткину исполнилось 70 лет, он провел, главным образом, в Брайтоне, где во второй половине декабря он опять серьезно заболел и лишь во второй половине февраля 1913 он поправился настолько, что предпринял поездку за границу, этот раз в Локкарно.

Письмо 117-е. Луиджи Бертони, 21 ян-

143) Те, кто еще этого не знают, будут чрезвычайно удивлены, когда услышат имя этого вспомогательного переводчика — неизвестное самому Кропоткину — который даже не знал об этом — женщина это, или мужчина. См. дальнейшие письма.

144) С осени 1912 года эта новая хроническая болезнь писала над Кропоткиным, пока рад операций и необходимость ехать не свалили его в 1915-1916 годах в Брайтоне.

варя 1912 года. Брайтон.

... „Я не могу не восхищаться тем, как ты провел это издание (La Grande Rivoluzione) 145). Вчера и третьего дня Грав был здесь... он был в восторге от цифр, которые я ему показал (о продажах книги или стоимости печатанья). — „Вот чего не достает нам во Франции: это человека как ты“ — повторял он.

Во Франции действительно нет ни одного пропагандиста, который бы, раз'езжая повсюду, навещал бы всех и **пробуждал** бы товарищей к деятельности, который бы воодушевлял людей стремлением совершить невозможное, ибо ведь лишь совершая невозможное, возможно чего-нибудь достигнуть, а без этого ничего не движается вперед“ (146).

... „Я напишу Бенито Муссолини в Форли, чтобы поблагодарить его за его великодушный перевод. 147). Мне придется написать ему через тебя, чтобы письмо дошло к нему в тюрьму. Я восторгаюсь его смелостью, сколько мужества **надо** иметь, чтобы сохранить голову при этом взрыве „патриотизма“ по поводу Триполи. 148).

145) Бертони удалось, путем большого личного напряжения, выпустить эту книгу очень удачно, по дешевой цене и добиться ее широкого распространения. Ему даже удалось, как всякий бы другой издатель это сделал, заплатить автору несколько сотен франков и конечно и вспомогательному переводчику, что было новостью для Кропоткина, непривыкшего к таким счетам между товарищами.

146) Это относится к кружку „Новых Времени“, который никогда не выдвинул ни одного оратора. И ораторы и докладчики конечно были, но они появлялись вне этого кружка и шли своим путем. Это вероятно всегда бывает так и неизбежно.

147) Прославленный Бенито Муссолини, тогда очень революционный социалист и бедный эмигрант из Швейцарии, никогда впрочем не претендовавший быть анархистом. Он был переводчиком части книги.

148) Первая из войн этого мрачного периода. Это была война Италии против Турции, чтобы отнять у ней территорию и Кропоткин, как это видно из его слов, осуждает это. Следующая война Балканского Союза против Турции, чтобы отнять еще новую часть турецкой территории. (Осень-зима 1912-13 года) встретил его одобрение, как война освободительная, или, как ее называла английская печать — „Крестовый поход“.

(Бертони обдумывал уже перевод и издание другой книги Кропоткина и в письме рассматривается вопрос о переводе „Взаимопомощи“, 4,000 экземпляров которой были проданы во Франции в течение 4 лет. Однако требовалось следопольное предисловие, объясняющее цели книги).

... „Если бы я был во Франции, я мог начать собирать материалы по истории Коммуны. Но так мало известно о движении умов в недрах народных в эту эпоху, так мало следов осталось об этом в литературе“. (149).

(О книге „Поля, фабрики и мастерские“ Кропоткин говорит, что первое издание, которое продавалось против его совета по двенадцати с половиной шиллингов, разошлось лишь в количестве 250 экземпляров. Он купил право издания обратно и на деньги ссуженные другом (Кваркер Раунтри) издал, сначала шиллинговое издание, разошедшееся в количестве 12,500 экземпляров, а затем с того же набора выпустил издание в шесть пенсов, коего было продано 10,000 экземпляров.

... „Теперь большой издатель (Нельсон) желает его иметь (это факт) для своего издания „Классиков“ в один шиллинг в переплете и предлагает заплатить 8% процентной стоимости авансом за право издания 12,000 экземпляров. Я должен его заново пересмотреть (два месяца работы), но мне советуют принять предложение и потому я его принял. (150).

149) Случай написать истинную историю Коммуны, был пропущен, к несчастью, а теперь это слишком поздно. Я знаю, что Максим Вильям в последние годы выписал целый ряд деталей, кои показали нам только, как мало мы знаем о Коммуне из всех печатных источников. Документы, кои теперь обнаруживаются, не могут заменить свидетельства умерших очевидцев.

150) Оригинальное издание (Бостон. Хэутон Миффлин и Ко. 1899, 315 стр.) потом было заменено обыкновенным изданием (Лондон. Свае, Зонненштейн и Ко., 1901 г., IX, 259 стр.). Затем последовали популярные издания (1 мил.), из которых, „третий большой отisque“ от 1902 г. находится передо мной. Четвертый отisque вышел в 1904 г., шестой в 1909 г., все того же издателя, а также Г. П. Путнам и Сыновья Нью Йорк; затем последовало шестнадцатое

Книга эта слишком английская по своему характеру и потому я не думаю, чтобы она легко пошла в Италию. В Англии ее очень пропагандировали те, кто стремился отнять землю у лордов, чтобы наконец она стала давать доход стране, в Италии же знают все, что я говорю о том сколько земля может дать, тогда как в Англии, где половина земли лежит не обработанной, об этом приходилось проповедывать.

Заключение: Я сомневаюсь, чтобы эта книга имела успех в Италии. Во Франции (у издателя Стока она не продается, как мне кажется. Социал - демократы в бешенстве на эту книгу, которая гораздо сильнее опровергает их теории, чем это кажется с первого взгляда“.

Письмо 118-е. Луиджи Бертони, Брайтон, 1 февраля 1912 года.

(Итальянская книга была конфискована в Италии. Кропоткин планирует следующие томы, предлагая выпустить книгой:

1) Современная наука и Анархизм 230-250 стр. и 30 стр. Словаря.

2) Государство, его историческая роль, 70 стр.

3) Современное Государство, около 70 стр., „новейшее обозрение из коего 2—3 главы уже появились в „Бунте“, а другие новые.

1) Современное Общество: его принципы.

II) Рабы Государства.

III) Налог.

III-а. Как государство наделает богатых и обделяет бедных.

IV) Война.

V.) Монополии.

VI.) Заключение.

4) Коммунизм и Анархия, около 30—40 стр. (151).

151) Это ссылка на том Современная Наука и Анархия (Париж, П. В. Сток 1913) (в марте), XI, 391 стр., 18", другое издание "Современная Наука и Анархия" (Женева, Издательство Рискаго, 1913 г. (осень) VIII, 312 стр.) менее подробно и поздно.

ное издание, которое я видел в свое время. Затем появилось за № 82 в Нелсоновской Библиотеке Заключительных Книг по шиллингу за том, (в переплете), Лондон, Томас Нелсон и Сыновья, XII, 477 стр., 12" без года (1912).

Все это могло бы составить книгу в 450 стр. „Мне кажется, что можно было бы предпослать ей или же выпустить тотчас же другую книгу, содержащую: Анархия в социальной революции, Новые времена, Анархия, ее философия, ее идеал. Мишение — именуемое Правосудием. Тюрьмы, Анархическая мораль. Все это вместе составило бы добрый том“. 152).

О „Взаимопомощи“ Кропоткин говорит: „По правде сказать, я считаю эту книгу программой курса о развитии человеческих обществ, до стадии государства, так как она содержит: а) животные общества, б) первоначальные человеческие общества: племя, в) общества, которые римляне называли варварскими: деревенская коммуна, г) Города, свободные республики. После чего естественно я написал, д) Государство, его историческая роль. Я написал вступление к этой книге. („Взаимопомощь“) по итальянски).

(Он также набрасывает программу лекций при „Настоящем Народном Университете“, т. е. при „Обществе Народных Чтений“ на два года по 40 лекций ежегодно. Одновременно он занимался расширением книги „Современная наука и Анархизм“ для французского издания. 153).

... „Мы начинаем с Шанпиро издание серии русских брошюр“. 154). А также, вероятно, издание трудов Бакунина по-рус-

ски“.

Письме 119-е. В. Черкезову, Брайтон, 14 февраля 1912 года.

(Каторга и Ссылка № 4 (25) 1926 года, стр. 17—18).

(Детали о литературных планах в предстоящем письме. Вторая из предположенных книг может быть названа: „Анархия, Государство или Анархия или Критика Государства“. То, что ныне составляет „Современное Государство“, было начато в 1900 году). 155).

В этом письме также идет речь о русском издании Бакунина, план который начиная с 1906 года несколько раз доходил до меня, я каждый раз составлял проекты и списки до 1914 года включительно, но никогда ничего не было сделано. Я назвал этот проект „Летучим Голландцем“. Кропоткин вполне соглашался со мной и сам упоминал о нем в разговорах и письмах под этим именем. Проект этот зародился в голове Богучарского и перешел к М. П. Сажину, который возложил этот труд на Кропоткина, который в свою очередь раз был свалить его на Черкезова. Том 1 Избранные Сочинения вышел в Лондоне в 1915 году. Типография „Хлеб и Воля“, том II, 339 стр. там же: позднее „Голос Труда“ выпустил 5 томов в России (1919—1922): затем М. П. Сагин снова взялся за этот проект: потом Голос Труда приготовил обширное, если и не совсем полное издание, но дальнейшая их работа в России сделалась невозможной. Кроме этих попыток, сделанных анархистами и синдикалистами, в 1906 году в России появилось несколько начатых, но не доведенных, изданий трудами частных издателей.

Письмо 120-е. Луцки Бертони, Брайтон, 21 февраля 1912 года.

(Бертони соглашается напечатать два тома и Кропоткин набрасывает содержание трех томов в 280,200 и 218 стр., кроме то-

152) Том этот, состоящий из общезвестных памфлетов, не вышел из печати, если бы не произошла война и не прервала издание, — очень возможно, что он и появился бы.

153) Работа эта понудила его, немного ранее, заняться чтением социалистических книг раннего периода и исторических материалов, при чем таким образом приобретенные новые впечатления послужили основанием для написания сначала статьи „Анархизм“, а затем первого дополнительного тома к Энциклопедии, также для французской „Энциклопедии Синдикалистского Движения“ (Париж начиная с января 1912 г.). Он писал также о развитии анархистических идей, напечатано в мае 1912 г. (Немецкий перевод в Вестнике Свободного Поколения 1913 г. ст. 81-101 и в виде брошюры в 16 стр. 8°, Берлин, „Синдикалист“, без года издания, вероятно 1920-21).

154) „Анархия“ П. Кропоткин, (Лондон, издание листка „Хлеб и Воля“, 1912, 67 стр. 8°) № 6 выпуска апрель 1912 г.

155) Из этого выделена специальная глава под заголовком „Война“, потом изданная брошюрой того же названия (Издание Новых Времени № 59, Париж, 1912, 22 стр.) и „Война, ее причины и последствия“ — помещенная мартом 1912 г., Женева издание Рисет-лино, 30 стр., 16°, без года (1912).

го, брошюру „Этюды революции“ 43-45 стр.)
... „В будущем — я не знаю, как тебе выразить, как я благодарен Вам всем трем (Бертони, Герцинг и Дюмартерэ) за то, что Вы навели меня на мысль. Это как раз то, что мне доставало. Ты, быть может, заметил, что я начал несколько вещей в „Новых Временах“ ничего не доведя до конца. Мне не хватало общего плана и я искал его. Неттлау предложил мне 156) и даже прекрасно разработал тему „Борьба человечества за свободу“. Но не знаю, отчего у меня не ладилось. И когда недарно я пересматривал мою брошюру „Этюды“ о революции“ 157), начатую в 1896? (1891) (она была тогда холодно принята — это был острый период — а между тем, Неттлау ее очень одобрил) я думал о чем то подобном.

Теперь Ваш план (о котором я ничего не знаю) как раз то, что я хотел бы написать. Я тотчас засяду за работу. Одно только затруднение. Я вступал в эту анти-вейсманскую полемику и я должен ее закончить 158). Это часть моей „Этики“. Однако, я думаю мне удастся работать одновременно на обоих фронтах. Вами сос-

тавленный план очень обширен. Поистине можно было бы написать прекрасную книгу. Постараюсь сделать все возможное“...

Письмо 121-е. Луиджи Бертони, Брайтон, 22 марта 1912 года.

Книга „Современная наука и Анархия“, со Спенсером включительно, уже просмотренная и переделанная, вместе с книгами „Роль государства в Истории“ и „Современное Государство“ (это повость и я даю одну главу „Война“ в „Новых Временах“) уже находится у Стока. Он уже начал печатать“...

... „Мне было так приятно узнать, что все обстоит благополучно и особенно, что Муссолини и Сагриста на свободе. Дай мне адрес Муссолини, чтобы я мог ему написать. 159).... В мае пришлось заняться делами Малатесты, который по жалобе одного лица, о коем он предупреждал товарищей, был приговорен к трем месяцам тюремного заключения в Лондоне, а затем рекомендован к высылке из Англии. Кропоткин написал письмо помещенное в Nation (Лондон) радикальном журнале, издаваемом Муссингемом. 160).

По смерти Кропоткина, в Il Risveglio 161) Бертони напечатал его слова по поводу полемики о дарвинизме: „Я уже не молод, а против меня пол дюжины английских лже-дарвинистов, у которых есть досуг собрать факты и аргументы, которых я не в состоянии проверить. Есть еще много других (фактов и аргументов) гораздо более важных и доказательных, но мои средства и силы не допускают новых изыска-

156) Это было в ноябре или декабре 1911, я был в Англии эти месяцы. Кропоткин говорил мне о своих сомнениях, что начать писать и выразил пожелание, чтобы я написал ему о всем том, что я советовал ему при разговорах. Я исполнил это его желание и пространным письмом изложил ему идею, что в первобытные времена, помимо развития идеи взаимопомощи и ассоциации и вопреки власти, обычая и закона, стала расти идея мятежа и свободы, как третий фактор.

Я выражал мнение, что история в таком освещении было бы хорошим дополнением к книге „Взаимопомощи“, ибо свобода и солидарность суть два взаимно дополняющих фактора. Прогресс достигается не только взаимопомощью, но и попутным возманием личности по имя свободы. Я видел уже тогда, так же как и теперь, что Кропоткин мало был склонен к признанию „Другого Бога“ помимо Взаимопомощи, но таково было и есть мое мнение и я действовал согласно моему убеждению.

157) Этюды о Революции в Бунте, 10 июля — 7 ноября 1891. Я была знаком с этой статьей главным образом по английскому переводу в London Commonwealth (19 дек. до 6 фев. 1892.) и как брошюры Революционные Этюды (Лондон, 1892, 31 стр. 8”).

158) Смотри мои комментарии к письму № 112.

159) См. письмо № 117 и мое прим. № 119. Бертони писал (Le Reveil 11 фев. 1922): „Муссолини помог нам перевести Речь Бунтовщика (Женева 1904) и также часть Великой Революции“ „... В 1904 был опубликован в Лугано „Человек и Богство“, написанное Бенито Муссолини, изложение дебата с евангелическим наставником в Народном Доме в Лозанне 26 марта 1904 г. (47 стр.). Сагриста, испанский товарищ, изрисовавший Montjuick „Последнее Видение“, и память Феррера, очень распространяемый рисунок, напечатанный в журнале Le Reveil.

160) См. мою биографию Малатесты (Испанское издание, Буэнос Айрес, La Protesta, 1923, 184 стр.)

161) Переведенное в „Новых Временах“ (Париж) март 1921, стр. 37 и в книге Ишиза стр. 67.

ний. Наука когда-нибудь докажет правоту моих воззрений, но было бы желательно провозгласить истину миру немедленно, без риска быть опровергнутым. Довольно соревнований и конфликтов, главный фактор успешной эволюции общества есть согласие, а не борьба за жизнь."

Я не могу рассматривать здесь ту массу хвалебных и поздравительных статей и т. д. по случаю его семидесятилетия, 9 декабря 1912 года, из которых некоторые содержат биографические детали и характерные черты. Можно указать на прекрасный Кропоткинский номер *Mother Earth* (Нью-Йорк) или *Il Pensiero*, Рим. Черкезов дает прекрасное описание в „Новых Времених“ 4-го января 1913 года и т. д. 162) В то время поклонники Кропоткина в России хотели добиться ему амнистии, так как за ним снова уже накопилось достаточно проступков с амнистии 1905 года. Он отказался от амнистии письмом, которое было опубликовано: Лебедев в своей описательной брошюре приводит несколько строк (ст. 45 и Пиро № 430) дает дату письма (Брайтон 8 декабря) и его появление в „Утро России“ (Москва) № 277, 1/13 декабря 1912 года. Он говорит также о письме Священная дружина (Брайтон, 6-го ноября 1912 года) poslanном в Русские Ведомости (Москва) и напечатанном в № 251, 31 октября 1912 года (12 ноября): Пиро № 433. Это должно быть отчет о его похождениях в 1881 году, эпизод описанный с тех пор в Записках врача, встретившего Кропоткина в России в 1917 году или около этого времени и беседовавшего с ним на эту тему. 163).

Интересно, что он писал своим товари-

щам в Париж, о чем можно судить по его письму к Граву (6 декабря 1912 года, в настоящем сборнике, и конечно напечатанному в свое время). В письме к швейцарским друзьям, посланным ему часы сделанные в горах Юры с надписью — рабочие Барселоны помня его посещение в 1878 году также послали часы — Кропоткин писал (Брайтон, 14 декабря 1912 года, письмо № 122).

"Я сделал так мало, да и тем, что я сделал, я обязан Вам и русскому мужику. Основная идея анархизма, ее развитие и применение на практике, а также ее философские основы, выведенные позднее — все это дали мне конечно не книги. Прежде всего мне помогло близкое общение с русскими крестьянством, а здесь на западе жизнь среди Вас и позднее в тесном контакте с английскими рабочими. 164). Я вообще узрел и уразумел, как живут свободные люди, как они могут организовать, сколько энергии молодежь вкладывает в борьбу за переустройство общества, я вдохнул в себя и пережил все это и постиг в чем таится настоящие силы будущего и что нужно принять, чтобы двигаться вперед к низвержению двух врагов человечества: эксплуатации капиталом и эксплуатации государством".

А впоследствии на меня наложил свою печать независимый, дружественный и предпримчивый дух гор, Ваш дух возмущения и борьбы против ужасов и отживших преданий прошлого. Свято храните этот дух, растите и действуйте его — скоро Вы ощутите его могущество"...

Было ли тому причиной волнение по поводу войны, когда он так страстно встал на сторону Балканских союзников, против Турок или на него действовали все те

162) Статья чисто описательного характера, хорошего направления и правильно осведомленная, хотя и требующая некоторого критического отбора, появилась в *Contemporary Review* (Лондон) в октябре 1894. "Наш самый знаменитый Эмигрант", Эдиф Селдер стр. 537-549. "Воспоминания о Кропоткине" Александра Беркмана (Стокгольм 1922) в *Freedom* март 1922) отмечавшее первое приглашение в С. Ш. Америки в 1890 г.)

163) Немного лет перед тем это было напечатано в "Голос Труда", в Буэнос-Айресе.

164) Этот контакт начался в 1881 году во время его лекций о России и продолжался все время, пока он путешествовал давая лекции по Англии и Шотландии, сталкиваясь с минерами и кооператорами. В Лондоне и его окрестностях контакт не был столь близким, так как публика на лекциях была чисто интернациональная или русская, без представителей рабочего класса, конечно ранние митинги организация "Свобода" исключаются.

выражения глубокого почитания, которое ему пришлось выслушать за неделю чествования его семидесятилетия — по счастью он не рисковал приехать на Лондонские торжества — как бы то ни было, но когда после юбилея он слег в постель на долгое время, и поездка на юг, на которой так настаивали его друзья, должна была быть отложена, потому что он не мог собраться с силами. На третьей неделе февраля 1913 года, проведя ночь в Париже, где он он повидал Джемса Гильома и одного близкого русского приятеля в Casa Avv Respini via S. Francesco, а потом в (мае) на вилле Несси в Муральто. Возвращаясь около второй недели июня он остановился на несколько дней в Париже повидать своих много численных друзей. Потом он снова поселился в Брайтоне до Декабря.

1913-ый ГОД.

Письмо 123, к Лунджи Бертони. Брайтон, 3 Января 1913 г. (писано карандашом)..

...“Я вступаю в период выздоровления. Я был в постели с 19-го (Декабря). Сильное воспаление легких: очень высокая температура (40° и больше), озноб, потеря сознания — все по порядку. Горчишники на легких, две сиделки, одна ночью, другая днем—Соия в изнеможении—а я и неподолблялся опасности. Наконец 31 ночью наступил кризис и быстро возвратилась нормальная температура”.

...“И вот (в конце письма) у меня не хватает сил. Я должен кашлять и кашлять, чтобы очистить легкие. Стараюсь изо всех сил. Но я так слаб. Ночи кошмарны. Мало по малю черепашьим шагом наступает выздоровление. Я пишу кефир”... (В таком состоянии он писал по желанию своей племянницы Надины внучатой племянницы Бакунина, которая прислала ему письмо из Московского госпиталя, где она лежала после операции ашенидита”. Она в свою очередь исполняла желание вдовы Адольфа Рейхеля, друга Бакунина. Это была Мария Эри, русская, когда-то близкая к семье Гер-

цена. Она писала из Лозанны (где ее сын служил судьей Швейцарского Верховного Суда). Мария Рейхель, которой в то время было вероятно между 80 и 90 годами писала в письме к Надии,—“что она вскоре умрет” и просила ее поставить памятник на могиле Бакунина, и Кропоткин передает эту просьбу своим друзьям в Женеве. Таким образом эти три лица: старуха на краю смерти, молодая девушка в Московском госпитале и Кропоткин, тяжело больной, старались увековечить то место, где кости Бакунина нашли свое последнее упокоение 165).

Письмо 124, к тому же. Брайтон 8 Января, 1913 года.

...“Тысячу раз спасибо за твои два письма и клише. Напиши мне снова, когда будешь, иметь сведения об участии.... (Это указывает на то, что Кропоткин получил добрые вести о состоянии могилы).

...“Я последую твоим советам. Я слишком щедро расходовал свои силы в течении последних 6 месяцев. Выздоровление идет своим чередом”...

(21-го Января он благодарит за все сведения о могиле, и пересылает их в Москву... “Я провожу 5—6 часов вне постели”.

165) Профессор Адольф Фохт с женой положили подробную плиту на могиле Бакунина и г-жа Рейхель хорошо ухаживала за могилкой, которая отлично сохранилась в девятидесятых годах еще. В 1903 г. вместе с остальными могилами в этой части кладбища могила Бакунина была уничтожена и останки его перенесены в другую могилу, куда вероятно было перенесен и надгробный камень. Г-жа Рейхель, переселившись в Лозанну, потеряла могилу из виду и писала об этом Надии. Если что либо и было сделано в 1913 году, то это лишь с целью иметь возможность сказать Кропоткину, что плита и могила не забыты. Несколько лет спустя М. И. Сажин посетил могилу и положил гранитную плиту, которая существовала в 1914 году, что я знаю из открытки, которую я получил. Составляя факты, что Сажин повиданному путешествовал по Западной Европе около этого времени и может быть именно в 1913 году в переписывался с Кропоткиным об издании сочинений Бакунина, мы видим, что вполне возможно, что он слышал обо всем этом и решился положить новую плиту. За могилкой всегда присматривали с этого времени и теперь можно сказать, что она сохранена для потомства.

К тому времени относятся три письма по поводу его семидесятилетия в "Помощь" (Лондон), Апрель 1913 года и в "Голосе Труда" (Нью-Йорк) 1913, №24—35: Пиро № № 136—8.

— 0 —

Письмо № 125, к Луиджи Бертони, Локарно: 3 Апреля 1913 года.

...С того времени как мы приехали сюда (6 недель), я собирался тебе написать. Еще никогда в своей жизни я не чувствовал себя таким ленивым (болезнь, лета, перемена климата? Или все это вместе взятое?) и потом визитеры!..."

...Мы начали с Шапиро печатание русского перевода моей "Великой Революции". Перевод, сделанный еще в 1908 году наполовину мной самим ваялся у русских издателей, желавших его напечатать, но это оказалось невозможным по условиям русской цензуры. Тема слишком современна. Наконец мне удалось получить обратно рукопись, которой я пользуюсь для настоящего издания. Печататься она будет в нашей типографии в Лондоне. У меня есть уже две трети той суммы, которая нужна на печатание. (Половина той суммы, которую стоил перевод, уплачена переводчику и стоимость напечатания.)...

(Две тысячи экземпляров предполагалось к напечатанию и он спрашивает совета Бертони, на основании опыта приобретенного им при издании и распространении Итальянского издания. Это была "Великая Французская Революция" 1789—1793, Лондон, 1914 г. 707 стр. (предисловие датировано 5 июля 1914 года).

Пиро № 441. Позднее вышло издание 1918 год, VII, 608 стр. предисловие датировано Февралем 1918 года и подобное же другое издание выпущено "Голосом Труда" (Петроград 1922, VIII, стр. 8°).

Кропоткин надеялся увидеть Бертони в Апреле 1912 года

— 0 —

Письмо № 126, к тому же. Вилла Несси, via Municipio 12, Муральто, Локарно. (12 Мая 1913 года).

...Когда же мы с тобой увидимся... Ты

замети агитацию поднятую здесь Хевателло (адвокат) Gianatelli Le Reveil № 582 в журнале Eco del Gottardo от 23-го Апреля и относящуюся ко мне.

Городское управление и городской голова Балли после этой статьи созвали Локарнских граждан для подписания и отправки в Федеральный Совет петиции о приостановке моего изгнания. Что и было сделано. Ответ до сих пор еще не пришел.

Я готовлюсь к отъезду, самое раннее после 17-го. Если Федеральный Совет вздумает ставить какиенибудь условия, я больше сюда не вернусь..."

(Вышеупомянутое местное вмешательство в его пользу было действительной причиной, выгнавшей его из Локарно. Федеральный Совет в Берне никогда не мог согласиться на то, чтобы какаянибудь местная организация вмешивалась в прерогативу Совета подвергать политическому изгнанию, и потому ответ был, что приказ об изгнании может быть приостановлен только по просьбе самого Кропоткина. Он многократно отказывался это сделать и до этого времени его оставляли в покое, приезжать и уезжать, когда он хотел, но теперь после этой интервенции его присутствие было открытым неподчинением распоряжениям Федерального Совета, по мнению членов этого последнего, и таким образом Кропоткину стало ясно, что он должен уехать, чтобы более не возвращаться. Как я мог заметить из некоторых других писем он стал в это время наводить справки о возможности поселиться в горах около Ниццы на следующую зиму.

— 0 —

В письме из Брайтона, 5-го Июля (письмо № 127) Кропоткин обсуждает предложение Бертони одному крупному Итальянскому издателю Ремо Сандрон напечатать "Взаимопомощь", которую должен был перевести Луиджи Фабри, — предполагалось напечатать это в выходившем отдельными выпусками издании *L'Indagine moderna* (Современное исследование), но это предложение было отклонено.

...Я совершенно погрузился в настоящее время в мою последнюю статью о на-

следственной передаче характерных черт приобретенных растениями и животными под влиянием окружающей среды. Дарвин разделял эту идею всецело и доказал это (после того, как он в течении 12-ти лет изучал явления вариаций, чего он не делал раньше), однако, так называемые, нео-дарвинисты, анти-дарвинисты гораздо правильнее, хотя они и обоготворяют естественный подбор, этого не признают.

Таким образом мне приходится вести войну с английскими профессорами и недавно появился очень серьезный и ученый труд немецкого профессора Семон, который заставит многие умы склониться в сторону Лемарка и Бюффона и самого Дарвина во второй половине его жизни. Это облегчает мою задачу: Я знаю лично автора, когото мои статьи и переписка со мной понудили сделать эту новую сложную работу...

(Я не могу сослаться в настоящее время на журнал Деятнадцатый Век, но Пиро дает в № 456 статью датир. Окт. 1914, как продолжение другой статьи, помеченной Мартом 1912 и №457: "Наследственные вариации у животных" (Ноябрь 1915, стр. 1124—1144 самый последний).

(Я не могу сослаться в настоящее время на журнал "Деятнадцатый Век". В конце июля Кропоткин провел 12 дней в Лондоне, чтобы поработать в Британском музее, вторую половину Августа он прожил в Суссексе в небольшом домике).

В письме от 5-го Июля он пишет Бертоппи... "Мы провели 5 очень приятных дней в Париже" (возвращаясь из Локарно из второй недели июня). Удалось повидать столько русских и французских друзей и обсудить предложение русских рабочих взять на себя редактирование их журнала в Париже". 166). "Я повидал Бурцева и напел его полным сил"... (Он рассказывает историю шпиона Цыпляна)... "Возвращаясь

мы выдержали страшную бурю между Диепом и Ньюхевеном. Я видел 4 больших бурь ранее, во время моих путешествий — две в Немецком море и две в Атлантическом океане и никогда не пропустил ни одной еды, но на этот раз я страдал ужасно и не мог даже подняться, чтобы повидать Сою. Это было ужасно"... (Он от этого страдал три недели, но не легкими... "Генри (Малатеста) пишет мне, что он собирается через три недели ехать в Италию". 167).

—9—

Письмо, 128, к Лунджи Бертоппи, Брайтон, 12 Июля 1913 года.

(Он одобряет меньшее число экземпляров в Итальянском издании "Современной Науки" по сравнению с Французским Изданием). В этот момент он чувствовал реакционное влияние философов *credo* Бергсона и собирался резюмировать свои впечатления в небольшой статье. Письмо это содержит замечательный параграф: Я никогда не встречал Сореля".

(Жорж Сорель был, как Бергсон и много других — Сорель в области социализма и синдикализма — одним из главных факторов создания действительной интеллектуальной реакции во Франции в течение этих лет. Большинство молодого поколения боготворили Сореля и считали Кропоткина старым идеалистом. Фашизм только что зарождался, интеллектуально ему споспешествовал Сорель, философски Бергсон, художественно Даннунцио и Мариетти. Мысль сомневаться в науке казалась слишком "передовой", не говоря уже о том, чтобы всецело отвергать науку и возвращаться к философским измышлениям, чтобы сомневаться в свободе и недооценивать народ, а затем преклоняться перед начальством и мечтать о диктатуре).

167) Volonta еженедельник, издаваемый Малатестой в Анконе уже вышел 8 июня и Малатеста в следующем году участвовал в митингах по всей Италии. В июне 1914 года Анкона и другие города Романьи начали подниматься и, если бы другие части Италии, а также социалистические рабочие к ним прислушались, то вероятно превратилось бы в действительное восстание (Settimana Rossa Красная неделя). Всех сильнее был скомпрометирован Малатеста и он в конце концов успел бежать в Лондон.

166) Это может относиться к Раб. Миру, который в 1912 определяется как издание Юрической Группы анархистов-коммунистов. После выхода № 4 (9 дек. 1912) он повиданному не выходил в 1913 году, но № 1 второй серии помечен февралем 1914 (Париж). № 4 вышел маям.

ре. Подобные течения были распространены по всей Италии, где, после присоединения Триполи, мысленно никак не могли разоружиться, а также в Англии, терзаемой Ирландскими смутами, волною подвигающегося синдикализма, энергированной почти истерическими выходками суфражисток. Вонневуший католицизм также выдвинулся в это время на передний план, как будто предвидя что благодаря фашизму Папа получит обратно "все ему присущее". Национализм был в состоянии полного возмущения в маленьких странах и национальностях и невероятный патриотизм царствовал в больших. Как бы ни умилялись немцы над Ницше, все это поглощалось реакционными силами, описанными, выше в странах Запада и в Италии. Интеллектуальная война длилась уже годы до настоящей войны).

...Здоровье немого лучше. В понедельник еду на неделю в Лондон к Сэму, чтобы работать в Британском музее. Все та же наследственность (Ламарк - Дарвиновский вопрос). Но это будет уже последняя статья по этому столь трудному вопросу.

— о —

Письмо 129, к Луиджи Бертони. "Начиная с завтрашнего дня — 9 Chesham St., Брайтон". 168) 27 Августа 1913 г.

... "Новые Времена" отлично передали мою идею и к тому же я уже писал тебе о ней. Однако должен добавить, что я и говорил Граву, что наш разговор с тобой и твои аргументы, заставили меня много поразмыслить. Все же я думаю, что банды "революционных стрелков", поднимавших массы и объявляющих крестьянскую войну захватчикам, кто бы они ни были, — Немцы, Русские, Французы — являются единственным средством выгнать захватчиков — русских из Польши, немцев из Франции, французов из Марокко и т. д.

Война со сложенными на груди руками против войны не будет достаточна. Придется выступить с оружием в руках против войн. С оружием в руках, — с тем

с чем ты говоришь во время общей забастовки. Это заставит их подумать десять раз. Военноначальники прекрасно знают, как легко непопулярная война превращается в поражение. Бисмарк это прекрасно знал. Куропаткин писал об этом царю перед (японской) войной. Вот почему я приложу все усилия, чтобы бороться против всякой войны. С того момента, как завоеватель захочет завоевывать, я вцеплюсь в него без пощады как хороший дог"...

(В письме от 31 Мая Куропаткин упоминал другому корреспонденту — что у него был длинный разговор с Бертони "об анти-милитаристических делах". Бертони тогда приезжал к нему во второй раз в Локэрно).

... "С 15-го Июля до 14-го Августа я был напряженно занят моей работе (Прямое действие и борьба за существование), из которой я сделал последнюю главу для Деятнадцатого Века. Но нам предложили предельный домик в сосновом лесу недалеко от Брайтона на 15 дней и мы им воспользовались"....

— о —

Письмо 130, к тому же лицу, Брайтон, 30-го Августа 1913 г.

... "То, что ты мне сообщал о Генри (Малатеста в Италии, газета "Волонте" и прекрасные митинги) меня глубоко радует. Наконец то он попал в свою среду, где опять к нему вернутся все его силы (169). Нужно только, чтобы он мог в течении некоторого времени проводить эту пропаганду"...

... „Я сейчас же направляю свои мысли, чтобы отредактировать как можно скорее свою заметку о Бергсоне“...

— о —

Письмо 131-е. К тому же лицу, Брайтон, 5-го сентября 1913 года.

... "Вот заметка о Бергсоне и вот что я по поводу этого думаю.

Мне кажется невозможным помещать ее в прибавление к "Современная Наука и

168) Это письмо повидимому было написано в коттедже в Суссексе, где он провел вторую половину августа 1913 г.

169) Намек на разстроенное здоровье Малатесты в 1912 г. В течении всей его жизни он очень редко мог свободно ездить по всей Италии и говорить публично.

Авархия", как часть книги.

Это слишком большая честь для Бергсона поместить его рядом с Спенсером и, кроме того, статья о Спенсере представляет исчерпывающий анализ одного из тезисов его философии. Я хотел отнестись к Бергсону столь же серьезно, но это невозможно. Он не честен. Когда я погрузился в написанные им 400 страниц, наполненных ложью, извертками, туманностями, абсурдами и полным отсутствием смысла я должен был отбросить с негодованием намерение трактовать его серьезно.

Однако, как журнальная статья, это может сойти, но как часть книги это совсем не подходит, ибо имеет совершенно другой тон.

(Он предлагает напечатать статью в „Новых Временах“ по-французски: ее могут перевести в *Risveglio* или приложить к книге как документ отдельный от главной книги. Она была напечатана, но не была помещена в итальянском издании. 170).

В заметке от 8-го Октября Кропоткин возражает Бертони:

...“И к тому же ты знаешь, я не говорил, что наука отдаст землю работающим. Для этого необходима революция”....

Он отправился очень рано на Юг, это было его последнее путешествие; останавливаясь на ночь в Париже и Марсели он достиг Бордигеры на Итальянской Ривьере почти 11-го Декабря и поселился на вилле Эрнесто Имперале, 6 via Bischoffs heim Bordighera.

—0—

1914 С ЯНВАРЯ ПО ИЮЛЬ

Как видно из писем, Кропоткин оставался в Бордигере до первой недели Июня 1914 года, потом он намеревался провести недели две в районе Итальянско-Швейцарских озер и затем возвратиться в Брайтон, где его застала война и где он продолжал жить.

—0—

170) Бертони объясняет в *Reveil* от 11 Февраля 1922 г., что синдикалисты Артур Лабриола и Соколь восхваляли теорию Бергсона и потому он просил Кропоткина пояснить об этом заметку.

Письмо 132, к Луиджи Бертони, Бордигера, 26 января 1914 года.

(Он предлагает на возвратном пути в Массе провести две или три недели в Локарно, чтобы избежать резкой перемены климата).

...“Здесь очень хорошо, и мне было приятно увидеть в Ницце (куда он отправился ненадолго) некоторых старых русских друзей (Ашкинази известного под именем Michel Delines и старого польского бланкиста Турекого) и познакомиться с некоторыми русскими, которые приезжают к нам сюда. Но в общем мне гораздо больше нравится Локарно, я не могу приспособиться к здешнему климату. Когда солнечно я страдаю от влажной жары — я не могу сделать прогулки быстрым шагом, чтобы наполнить свои легкие свежим воздухом. Едва хватает храбрости вылезть на солнце. Это мне наскучило. Мне не удается продуктивно проработать ежедневно даже 4—5 часов. И работа вовсе не движется.

Или же это просто старость. Но нет, климат слишком мягкий.

Ко мне приезжал один из моих итальянских друзей Сан Ремо, Морено, друг Этторе Молинари. 171). Я спросил у Морено, что думают в Италии о Volonta. Его ответ удивил меня: “Малатеста, сказал он, остался все тем-же энтузиастом, вечно „Малатеста“. Но находят, что журнал по языку своему не достаточно революционен.

А мне казалось наоборот, что Малатеста поднял столько вопросов, над которыми он заставлял задуматься всех читателей, к тому же он разбирает эти вопросы столь просто, столь удобопонятно, как и следует для рабочей массы. — Я вижу, что Джордж (Герциг) относится также без особого энтузиазма к журналу. — Каково твоё мнение?

Я видел в последнем номере *Reveil*, что вы перепечатали последнюю статью М

171) Проф. Этторе Молинари, который родился в Кремонне в 1867 году и умер в Милане в 1926 году, один из лучших товарищей анархистов со студенчества и также известный профессор химии. О Морено я ничего не могу прибавить. ...

(Малатеста) о снабжении и Революции. Это один из самых важных вопросов: я немножко занимался этим вопросом для Англии и если не ошибаюсь, в "Новых Временах" должна быть напечатана статья писанная мной. 172).

Я был поражен, когда узнал как в Англии большое общество при капиталистическом режиме может существовать со дня на день, так как Англия ввозит более трети своих естественных продуктов, то при условии если революция начнется вскоре после жатвы можно рассчитывать иметь хлеба на 6—8 месяцев и быть может на 4 или 6 месяцев мяса, — (скорее 4 чем 6 и при большой экономии).

В остальном картина получается еще более яркая. Англия живет изо дня в день. Запаса сырого хлопка никогда не бывает более чем на три месяца, и из всей массы материала, необходимого для обрабатывающей промышленности, все ввозится со дня на день. Из числа ввозимых предметов (будь то припасы или сырье для обработки) запасы по большей части ограничиваются шестью недельной потребностью.

Это был один из доводов, приводимых мною, чтобы побудить все страны производить все свои пищевые продукты, а также вводить интенсивную обработку полей.

172) См. выше письмо № 115. Оба я Кропоткин и Малатеста имели ввиду эту проблему. Кропоткин это привело к его идеям об интенсивном сельско-хозяйстве, децентрализации производства и создании самоуправляющихся единиц, проведение коих, по моему, должно было бы превратить города в осажденные крепости, а провинции в блокированные неприкосновенные территории. Очевидно, что русская деревня, и парижская Коммуна, и изолированность во время войны Англии или блокированного Парижа были перед его духовным взором. Малатеста с его невозмутимым интернационализмом имел перед глазами все время еще всеобщую социальную революцию. Хотя он стал с 1876 года анархистом - коммунистом, но он никогда не интерпретировал чистый коммунизм, как требующий полного игнорирования вопросов производства и потребления, как это делали многие анархисты - коммунисты, кои верили в неограниченные возможности достижения изобилия путем усиления производства, и потому отбрасывали идею регулирования производства и потребления, как вредную и деспотическую.

Во всяком случае факт остается фактом. Начнись серьезная революция где бы то ни было, и страна будет вынуждена производить форсированным способом свое пищевое довольство. "Неистовые" уже чувствовали эту необходимость в 1793 году. А это естественно поведет к коммунизму, что бы ни говорили Жирондисты XX века — социал-демократы... 173).

... "Я все еще раб моих биологических трудов (прямое воздействие среды и т. д.). Я двигаюсь черепашиным шагом. Прежде всего я получил книги всего 31 декабря (отправлены они были 28 Ноября). Затем пришлось оторваться для случайной работы, чтобы ответить одному геологу (если бы это был единственный), который следует реакционному направлению в геологии, как и во всех прочих отраслях. А кроме того недостаток энергии, небольшой лихорадка и т. д..."

— 0 —

Письмо 133, к Луиджи Бергонни. Бордигера, 5-го февраля 1914 г.

... "Статья Брунбахера в *Vie Ouvrière* (синдикалист - революционное обозрение: Париж) "Социал - демократ и Анархист" 174) мне страшно не нравится. Все совре-

173) К несчастью Европа имела перед собой эти проблемы в течение всей войны и после нее и недостаток пищевых продуктов и других предметов необходимости повели к общей нужде: к введению карточек, к установлению раціонов, что привело руку об руку с колоссальным злоупотреблением со стороны привилегированных спекулянтов, к централизации власти в руках чиновников. Коммунизм, не в кропоткинском значении слова, но в марксистском, возник в России, взяв за базу принцип принуждения, продиктованный катастрофическими условиями момента и употребляя все меры государственного воздействия для достижения своих целей, вопреки принципам истинного коммунизма.

174) Этот перевод статьи, в свою защиту написанной цюрихским социалистом д-ром Фрипом Брунбахером, человеком независимых и свободных воззрений, который начал с социал - демократизма путем анти-милитаризма и синдикализма пришел к более широкой и разнообразной деятельности. В 1905 г. он посетил Кропоткина в Этабли в Бретани и познакомился с Джеймсом Гилломом, с которым они работали много в Швейцарии. Отсюда ясно, что он не мог бы работать с Кропоткиным. Он был

мнениями 1848 года противники государства. Можно было бы замолчать после Штирнера и других. Но то, что было сказано Марксом и Энгельсом относится к тому времени когда они были социалистами, а еще не социал-демократами, и к тому же ко времени, когда не было анархистов в современном значении слова — Долой Государство.

Как только образовалась фракция социал-демократов, поставившая в своей программе захват власти в современном государстве, оказалось невозможным быть одновременно и социал - демократом и анархистом. Надо было выбирать или то, или другое. Иначе получалась обаяная путаница.

Быть может во время революции и создается положение, при котором социал-демократы и анархисты будут в состоянии протянуть друг другу руку, чтобы идти вместе, скажем, брать приступом дворец или буржуазный парламент, или какую-либо другую крепость. В России имеются два или три подобных момента. Но это может случиться только при условии, если будет известно ясно и точно, чего хотят те и другие...

Кропоткин писал в том же направлении д-ру Брунбахеру, который приводил свои доводы в книге Ишиля (стр. 94-95), письмо 131 без даты)... „Потому что когда Маркс и Энгельс писали приводимые вами

цитаты (об исчезновении государства после уничтожения господства классов, то-есть о переходе его в неклассовую общину), они не были еще социал - демократами, а анархистов как определенной фракции еще не существовало“... 175).

—о—

Письмо 135-е. Лунджи Бертони, Бордигера, 19 февраля 1914 года.

... „Масса посещений: госпожи Софья Л. (Лаурова), которую Джорж (Герциг) хорошо знает, одна из моих племянниц (жена одного из племянников), которая в то же время вичуцата племянница Бакунина [Госпожа Надия], и Жан Грав, который был в Сан-Рафаел и приезжает сюда на неделю“...

—о—

Письмо 136-е. Лунджи Бертони, Бордигера, 2 марта 1914 года.

Бертони всегда выражал сомнения в правах французских синдикалистов считать свою С.Г.Т. (Генеральной Конфедерации Труда) тем великим океаном, говоря фигурально, в который выпадают все социалистические и анархистские учения. Он скорее видел, что накопление власти ведет к разложению, и закорюченное чиновничье отношение не могло избежать этого естественного процесса. Он заговорил об этом и провозглашал эти истины в Париже в глаза синдикалистам на больших собраниях:

... членом большого социалистического общества „Единство“ в Цюрихе, откуда его хотели исключить за грехи. В ответ на эти обвинения он написал заявление, о коем идет речь, где он требует для себя права на свободу мысли и действий, что и было одобрено большинством 196 голосов против 43 членом общества.

Так как Интернационал до сентября 1872 года официально объединял социалистов и анархистов всех оттенков, то он считал себя в праве посещать международные социалистические конгрессы вместе с другими анархистами, (1889-1896), чем фактически делал вызов их праву исключать кого бы то ни было из социалитов от присутствия на этих конгрессах. Загорелся бой. Д-р Брунбахер не утверждал, что социалисты и анархисты должны объединиться, он настаивал лишь на том, что социалист не должен быть исключен из среды своих товарищей из-за разности их воззрений, и вынес этот вопрос на суд Цюрихского О-ва.

175) Здесь по моему Кропоткин ошибается. И Маркс и Энгельс с 1844 были всегда социалистами и всегда признавали тактику Бланкистскую (революционно диктаторскую) или социал - демократическую (большинства и реформистов), в зависимости от силы партии и обстоятельств ее окружающих. Они также признавали неизбежность падения современного государства, вместе с падением господства капиталистического класса, и организацию общества с таким административным аппаратом, который бы не заключал в себе элементов классового господства и государственности.

Кропоткин был прав, когда считал такие схемы социальной эволюции химерическими, и потому идею о конечной организации общества без государства бессмысленной. Но в цюрихском вопросе, на который обратил внимание французских синдикалистов Гильом, вопрос был в установлении права свободы мнения. Защита была напечатана в „Volksrecht“ (Цюрих) 6 дек. 1913.

я приеуствовал на мноих. Это было свя-
тотатство в глазах Джемса Гильома.

Кропоткин в этом письме соглашается с Малатеста, в Волопта (Аикона), 7 фев-
рала 1914 года. Малатеста писал 176):
"Идея о перестройке общества... должна
быть приписана в рабочую организацию из-
вне, внутри ее она зародиться не может
скорее или естественнее, чем в иных чело-
веческих обществах"... и Кропоткин, счи-
тая однако, что синдикат абсолютно необ-
ходим, "как единственная форма рабочего
сообщества, которая дает возможность под-
держивать прямую борьбу против капитала,
не ударяясь в парламентаризм", говорит
между тем: "Очевидно, однако, что она не
ведет к этой прямой борьбе механически,
так мы имеем в Германии, Франции и Ан-
глии синдикаты в связи с парламентской
борьбой, а в Германии кроме того, мощные
католические синдикаты и т. д. Необходи-
мой дух, о котором говорит Малатеста, и
который всегда исповедывал Бакунин"...

Гильом был противником мнения. Идея
зародилась одновременно во Франции и в
Англии в первой половине 19-го века, ко-
гда возникли боевые ассоциации, и уже до
того времени идеи Бабефа были распро-
странены 1793-1795 среди сан-кюлотов, ко-
гда их опыт показал им, что их врагом яв-
ляется собственническая буржуазия. Гиль-
ом считает, "что самая важная часть это
борьба, тогда, как идеал вырабатывается
позднее по мере того, как обстоятельства
битвы проявляют этот идеал в умах бо-
юющихся"...

Кропоткин желал бы видеть конец этой
полемики:

... "Она (полемика) угрожает затянуть-
ся, разделить тех, кто работает в настоящее
время рука об руку, произвести внутрен-
ний раскол, как ты мог видеть из послед-
него номера „Новых Времени"... И сегодня
напишу Гильому в этом смысле"...

... „В этой полемике обрисовываются его
недочеты, но в конце концов, он ведь ищет
революционного решения в этом, столь труд-

ном для нас всех вопросе, и ведь он сох-
раня и здесь те качества, которые застав-
ляли нас всех так любить его в деле Юри.
Это те качества, которые я подчеркнул в
моей заметке в *Vie Ouvrière*, посвященной
его семидесятилетнему юбилею 177).

... „В предшествующем письме он пи-
сал, ... что он находит, что критика синди-
катов чрезвычайно плохо направлена, ибо
во Франции положение таково, что он каж-
дое утро ждет переворота или объявления
войны со дня на день".

... „Что касается войны, то этого собы-
тия придется ждать еще два месяца (напи-
сано 2-го марта 1914 года) Бертон гово-
рит, комментируя письмо: „Кропоткин все-
гда думал, что война будет объявлена лишь
после сбора урожаев" (и до того времени)
он рассчитывал на май месяц, не имел ли
он в виду конец русской зимы) многое мо-
жет быть разрешено мирно (Скутарицкий
вопрос, тогда стоявший перед Европой, был
разрешен мирным путем) и много новых
кризисов может возникнуть и отравить мир
(Сараевское убийство 28-го июня внесло
этот яд). Что касается возможности пере-
ворота, то я никогда не считал это вероя-
тым. Однако, если Гильом о нем говорит,
такое, очевидно, мнение французев, у ко-
торых он бывает" (178).

177) Этот номер журнала, издаваемого Монат-
том (Monatte) был посвящен жизни и творчеству
Джемса Гильома. Кропоткин (стр. 209-212) расска-
зывает, как он встретил его в типографии в Нефша-
телле в 1872 г. в первый раз, и как первое письмо
его из Англии в 1876 году было адресовано Гильо-
му, который тогда надеялся, что дружеские чувства
некоторых (конечно не всех) швейцарских социал-
демократов после смерти Бакунина (1 июля 1876)
поведут к союзу или *modus vivendi* между ними и
анархистами „направленные влево", как известно „и он
отказывает их „Социал-демократы. Жирондисты 20
века".

178) Или может быть экзальтация Гильома за-
ставила его видеть то, что было так привлекательно
для него в синдикализме Генеральной Конфедерации
Труда. Положение во всех странах с угрозой войны
перед дверями вело к „Священному Союзу", чтобы
дать народам возможность отклонить от себя все те
жертвы, кои правительства были на-
мерены от них потребовать. Гильом, который счи-
тал Г. К. Т. революционной организацией, верил, что

176) Когда это Гильом цитирует по-французски в
Vie Ouvrière от 20 июня 1914 года.

... „Кроме того, есть еще внутренние опасности“.

Это означает, что почти двадцатилетняя дружба 1894-5 до 1914 между анархистами и революционными синдикалистами приближалась к концу: даже ради Джемса Гильома, который был привязан к Генеральной Конфедерации Труда, найдя в ней потерянный Интернационал своей юности, нельзя было остановить критику, нельзя было заставить молчать Малатесту и Бертони, однако Кропоткин, понимая обе стороны, пытался предотвратить столкновение, или хотя бы отдалить его с самыми лучшими намерениями. Это было совершенно безнадежно, так как правящие синдикалисты у власти уже давно решили не обращать внимания на анархистов так же, как они не обращали внимания на гораздо более многочисленную группу политических социалистов, и группы журнала *Vie Ouvrière* и Гильом (интеллектуальный синдикалист) не могли рассчитывать видоизменить синдикализм в основе и во всех его разветвлениях в более либеральном направлении, и, конечно, не могли рассчитывать, что ради них будет приостановлена критика (179)).

В том же самом письме Кропоткин пишет: „С нами здесь Софья Лаврова, с которой я тебе часто говорил. Ей 72 года и

она приехала из Петербурга (трое суток в вагоне), чтобы нас повидать. Кроме того, Жан Грав с своей подругой, англичанкой д-р Кларк (180) и посетители и письма без конца.“...

—о—

Письмо 137-е. Луджи Бертони, Бердигера, 30 мая 1914 года.

(Мать Бертони только что умерла)... „Мы рассчитываем остановиться на несколько дней где-нибудь на озерах недалеко от Комо, прежде чем возвращаться... Мы не можем... уехать ранее 4-го июня. Все уложено, ящики с книгами почти готовы к отправке. Опять наши планы увидятся не осуществились. Целый ряд мелких бедзней. Время возвращаться нам к нашим английским туманам“...

Адрес в Брайтоне после 2-го июня указывается в письме.

Хотя в письме, которое я видел, он в мае выражал намерение выехать около 25 числа и провести около 2-х недель в переходных климатических условиях. Лето Маджирет, что подтверждается его вышеприведенным письмом, он вернулся из Бердигеры в Англию, не заезжая в Локарно и не повидавши Бертони.

Приходится прийти к заключению, что их последнее свидание с Бертони было в мае 1913 года в Локарно, о нем он упоминает в письме № 129 от 27-го августа 1917 года (солдаты и война противоставленные мирному союзу); и на это же свидание он ссылается, когда в письме к другому своему другу говорит о длинном разговоре „о антимилитаристических вопросах“.

Кропоткин упоминает об этом разговоре также в своем письме к Бертони от 30 ноября 1914 года (напечатано): „Разве ты забыл, что около этого времени, (как появилась глава и брошюра „Война“, по-

179) Замечательно, что группа, которая за исключением Гильома, действовавшего, с Кропоткиным, действовала во время войны с Бертони и Малатестой и впоследствии подпала под обаяние большевизма, как Гильом под обаяние Г. К. Т., в настоящее время заняла хотя и дружескую, но очень критическую позицию, по отношению к большевизму. В настоящее время *Revolution Proletaire* подобно *Vie Ouvrière* в 1909—1914 годах является наиболее широко и умно редактируемым журналом синдикалистского направления.

правительства запуганы страхом перед ней, и потому считал, что „Государственный переворот“ будет направлен на разрушение этого его Палладиума. Действительность не оправдала его ожиданий. Г. К. Т. в руках Жуо оказалась залогом податливости и спокойствия и лишь группа журнала *Vie Ouvrière* держалась твердо; таким образом лишь интеллектуальная синдикалистская группа, не способная сопротивляться рутине и пассивности, оказалась в первых рядах.

180) Др. Медицины Ж. Б. Кларк был деятельным английским социалистом в 1873 году в рядах английского Интернационала, правдебного Маркса. Затем он выступил за национализацию земель, отстаивал Боэров во время войны и был Трансваальским консулом. Через его знал его хорошо и через него узнал Кропоткина.

меченная мартом 1912 года в издании Risveglio) когда ты приехал в Локарно и развивал тебе те же самые идеи, что и сегодня (текст этого письма и письма от августа 1913 года подтверждают это) о том, как нужно относиться к грядущему занятию Франции Германией. К несчастью ты и многие другие ничего не хотели знать"...

Этим письмом время разговора определяется точно — это май 1913 года. Бертони в Le Reveil от 6 октября 1928 года говорит следующее:

... „Последний раз, когда я видел его в Локарно, я имел с Кропоткиным личный разговор, длившийся около 6 часов, с 4 ч. до 10 час. вечера все о том же страшном предмете — войне. Мы расстались глубоко потрясенные разностью наших взглядов. Кропоткин чувствовал, что большинство наших товарищей разделяли мои взгляды, между тем, как я был заранее невыразимо огорчен влиянием, которое он будет несомненно иметь на некоторых наших друзей, и тяжелыми последствиями, которые его образ мыслей будет иметь на наше движение. К тому же невыразимо тяжело быть в конфликте с человеком, которого глубоко любил и уважал".

„Кропоткин писал на следующий день длинное письмо Джоржу Герцигу по поводу нашего разговора, но этот последний настойчиво отказался показать мне это письмо. Я, не знаю, существует ли это письмо и попало ли оно в печать. Быть может, Кропоткин даже просил Герцига сохранить его для себя (181)."

В конце, в Reveil, Бертони говорит о своем свидании с Малатеста, который в начале июля 1914 года, после красной недели в Романье, когда за ним шла строжайшая слежка и преследование итальянской полицией, ухитрился перейти швейцарскую границу, где он подвергался неминуемому аресту, будучи изгнан с 1879 года. Он

провел несколько часов в доме Жака Гросе, старого друга, умершего затем в 1928 г., который также приезжал повидать Кропоткина в Локарно (182) и он также видел Бертони. Этот последний описывает, что это случилось „через несколько месяцев" после разговора, очевидно, тут вкралась ошибка, память ему изменила (183), так как в „несколько месяцев" до июля 1914 года, Кропоткин был в Бордигера, и если бы даже, несмотря на письмо от 30 мая 1914 г. он приезжал в Локарно в июне 1914 года, разговор с Малатеста мог быть только несколькими неделями позднее, а не несколькими месяцами. Всего вероятнее, что воспоминание об этих двух свиданиях с Малатеста и Кропоткиным было настолько ярко, что четырнадцатилетний промежуток значительно сократился в памяти Бертони. Они расстались друзьями в мае 1913 года, что доказывают все последующие письма и замечание Бертони (1921).

... „Расставаясь со мной, он обнял меня с большим жаром чем всегда, в глубине души довольный моей защитой против всех и вся его анархического идеала". Точка отправления Бертони была: „Революция во что бы то ни стало, даже при условии быть разбитым, потому что самое худшее поражение это то, которое постигает нас без битвы или, что еще хуже, сражаясь в неприятельских рядах"...

В первой половине 1914 года Кропоткин писал в „Рабочий Мир", снова начавший издаваться в Париже в феврале, как ежемесячный анархистский журнал. Одним из последних, наиболее известных напечатанных его трудов, было воспоминание о Бакунине, написанное для юбилейного по-

182) Также и в 1913. В „Новых Временах" март 1921 г. стр. 33 Грос вспоминает об единодушной симпатии населения, которая защищала Кропоткина от Бериевских властей (1913). Он говорит: „Кропоткин предвидел Великую Войну и был пламенно на стороне Франции."

181) Герцаг не хранил писем и это письмо вероятно потеряно. В письме к Бертони от 30 ноября 1914 г. Кропоткин говорит: „Ты прав. Нет ничего мучительнее для меня раздвоения между мною и Вази тризми", что подтверждает, что Герцаг и Дюкартерре поддерживали Бертони в этом вопросе."

183) В Risveglio после смерти Кропоткина (воспроизведено в Новых Временах, март, 1921 г. стр. 37) Бертони допускает ту же ошибку: „В последний раз когда я его видел в Локарно за много времени до начала войны".

мера (столеция дня рождения Бакунина) еврейского обозрения *Germinal*, (Лондон), напечатанное по-английски в *Freedom*, июнь-июль 1914 года, и часто затем перепечатанное и переводимое.

Начало войны застало его в Брайтоне. Все многочисленные письма его племянницы с этого времени, которые были напечатаны и к которым я имел доступ, были написаны под влиянием войны, Русской Революции, положения России под властью большевиков, и эта часть его корреспонденции должна рассматриваться совершенно отдельно от моей настоящей задачи, обследования его анархистских опытов в самый период сравнительного европейского мира, по крайней мере, для Западной и Центральной Европы в течении тридцати восьми лет с 1876 по 1914 год.

— 0 —

Да послужат эти выдержки из писем Кропоткина, через десять лет после его смерти, живым напоминанием о блеске его гения и о могучем обаянии его личности. Даже из приведенных выше кратких выдержек читатель сможет установить основные моменты биографии Кропоткина и эволюции его идей. В письмах к близким друзьям, Кропоткин касался всего, что тревожило его деятельный ум в данный момент, в письмах же своих к лицам не столь близким или в своих статьях, Кропоткин дает пространнее объяснения и взвешивает слова, как будто он говорит их с трибуны. В отрывках, приведенных выше, содержится больше данных о ходе его идей или о событиях и переменах в его личной жизни, чем в значительно числе его биографий, несмотря на то, что письма эти охватывают лишь малый период его жизни, по отношению к значительной части которой почти не найдено еще писем. Кроме опубликования этих материалов, чтобы дать возможность друзьям Кропоткина и товарищам провести еще несколько часов с ним насиде, мы еще преследовали цель напомнить о необходимости собрания и издания всей переписки Кропоткина, как заслуживающей сохранения для потомства наравне с пере-

писками Прудона, Реклю и др. Нам казалось бы неправильным оставить выполнение этого дела частной инициативе или даже общественному почину. Прежде всего, ранние периоды его жизни до 1872 года и даже до 1886 г. могут быть восстановлены лишь путем кропотливых и умело направленных изысканий, и то не полностью, английский же период 1886-1914 г.г. потребует непосредственного обращения к ряду лиц известных, как его корреспондентов, с целью заинтересовать их в этом предпрятии и тем победить возможные возражения с их стороны против опубликования принадлежащих им писем.

Все это гораздо более сложно, чем может показаться с первого взгляда, так как придется иметь дело с людьми самых разнообразных возрастов и общественных положений, часто с людьми совершенно равнодушными к делу, или придется найти письма в руках наследников, чужих нашим задачам. По инициативе отдельных лиц некоторые письма получили значительную известность, в то время как большинство подвергнуто забвению и будет потеряно.

Настоящие выборы не могли бы быть опубликованы, если бы письма к Робэну, Гильому и Бертони, в этой части, в коей они сохранились, не были бы мне доступны. Но как разнообразна была судьба этих столь богатых содержанием писем! Только Бертони напечатал значительную часть принадлежавшей ему переписки, однако значительная часть писем к Герцигу безвозвратно потеряна. Письма к Робэну были много лет тому назад переданы Виктору Дэну, который показывал их мне, но я тогда не скопировал их; большинство их погибло с имуществом Дэна после его смерти, и я смог снять с них копии, так же, как с писем к Бертони, лишь благодаря случайной поездке моей к тому участнику, которое принял в этом деле один вдумчивый, участвовавший товарищ. Письма к Гильому были фактически брошены им в огонь, когда случайный посетитель выпросил у него небольшую, оставшуюся часть, как это я рассказывал. Я бы мог привести много случаев,

где слепая судьба спасла то, что не смогли сохранить соединенные усилия людей. В небольшой сплоченной группе может быть и правильно рассчитывать на успех путем дружных объединенных действий, но в деле собирания переписки, разбросанной на протяжении ряда лет начиная с шестидесятых годов до года начала войны среди людей различных классов общества, различных воззрений, и при этом в различных странах света, есть лишь один верный способ — это личное расследование и поиски, или мы не достигнем ничего. Можно напасть на отрывки переписки, принадлежавшей к трем и более обособленным категориям, но ничего систематически стройного достигнуто быть не может.

Я сам могу лишь стараться объяснить трудность положения. Совершенно те же соображения приложены к вопросу о собирании переписки других товарищей того же периода от шестидесятых годов до 1914 года, или по отношению вообще к сборнику исторических документов этой эпохи. Если

бы каждый год удавалось бы издавать по одному собранию переписки по анархистическим вопросам за период предшествовавший 1914 г., то можно было бы считать обеспеченным сохранение для потомства наших идей и мыслей. Это не праздное знание в пыли прошлого, социальные идеи нашего времени еще не вышли из обращения, и мы должны знать опыты минувшего, чтобы извлечь из них предостережения или руководство для настоящего.

Чтобы ни случилось, при опубликовании настоящего труда, мне приходится прежде всего поблагодарить тех товарищей, помощь коих была так необходима для появления такового и для того, чтобы дать нам снова услышать через его письма голос живого Кропоткина, после того, как уже десять лет тому назад голос этот заставила смолкнуть смерть.

(Для "Пробуждения".)

М. НЕЙТЛАУ.

8-го августа 1930 года.

П. А. КРОПОТКИН

В короткой заметке нет никакой возможности рассказать с достаточной полнотой всю необычайную жизнь П. А. Кропоткина и изложить хотя бы основные принципы его учения.

Мы вынуждены будем остановиться поэтому лишь на самых выдающихся датах его биографии и только самыми общими чертами обрисовать его личность и творчество.

П. А. Кропоткин родился в Москве, 9-го декабря (по нов. стилю) 1812 г. в семье родовитого князя Алексея Петровича Кропоткина, предками которого были великие князья Смоленские — прямые потомки первого русского князя Рюрика.

Детство и юношеские годы П. А. протекали в мрачной и душной обстановке крепостного права. Страшные бытовые явления той эпохи глубоко запечатлевались в чуткой душе П. А. и пробуждали в нем горячую любовь к угнетенным.

По личному распоряжению императора Николая Первого, П. А. был зачислен в Пажеский корпус. В корпусе П. А. все свое свободное время посвящал чтению и саморазвитию, увлекаясь поэзией, музыкой и театром. Его любимыми поэтами в юности были: Шиллер, Гете, Некрасов. Большое влияние на П. А. оказали сочинения Герцена. В корпусе же у П. А. зародилась и любовь к точным наукам, особенно к физике и математике.

Летом 1861 года П. А. был назначен камер-пажем императора Александра Второго и перед П. А. открывалась широкая возможность блестящей карьеры.

Однако, придворная жизнь и высшее светское общество не ослепило П. А. и он не захотел жить сытой и праздной жизнью блестящего паредворца.

В 1862 году, когда ему было двадцать лет, П. А. сознательно порывает связи с высшим обществом и царским двором, и едет в далекую Восточную Сибирь, куда его влечет дикая и неисследованная природа. Он ставит себе целью — быть ученым, и

вот впечатление целых пяти лет он неутомимо исследует отдаленные области Сибири, совершает несколько экспедиций в Китай и Манчжирию, и вырабатывает из себя настоящего ученого географа — исследователя и геолога.

В 1867 году он возвращается в Петербург. Его научные заслуги признаются Русским Географическим Обществом, которое вскоре избирает его секретарем отдела Физической Географии. В 1871 г. П. А. получает научную командировку в Швецию и Финляндию и в то же время Географическое Общество предлагает ему пост Генерального Секретаря. Научные работы увлекают П. А., в его уме складываются величественные теории о строении Азиатского материка, о Ледниковом периоде... Он намечает план больших работ в области географии.

Но, страдания народных масс не дают покоя его чуткому сердцу. Его совесть подсказывает ему, что и отрешившись и отказавшись от всех привилегий своего класса и зажив скромной трудовой жизнью простого ученого, он еще не выполняет целиком своего долга перед народами. Он создавал, что необходимо помочь народу освободиться от оков гнета и насилия... И П. А. находит в себе силы сделать и второй решительный шаг. Он отказывается от звания официального ученого и уходит в ряды трудового народа, чтобы вместе с ним идти на борьбу за завоевание хлеба и воли. Он становится социалистом.

Не пылким юношей, ослепленным красивой утопией, пришел П. А. к социализму, но взрослым, много видевшим человеком. Прежде чем перейти окончательно на другую сторону социальной баррикады, П. А. долго изучал историческую и общественную жизнь народов. Чтобы ближе и лучше узнать теории социализма, он в 1872 г. едет за границу, знакомится там с деятелями Интернационала и сам выступает в ряды этой ассоциации.

Вернувшись из-за границы, он примы-

каст в кружок "чайкомцев", и начинает вести социально-революционную пропаганду среди петербургских рабочих и учащейся молодежи. Его огромные знания во всех областях науки, его увлекательные речи — скоро выдвигают его из среды других революционеров и П. А. помимо своего желания становится одним из главных руководителей революционного движения семидесятых годов и инициатором знаменитого "хождение в народ".

Он горячо отдается организации революционного движения в России, составляет программу революционной пропаганды, пишет статьи, читает лекции, ведет беседы в рабочих кружках...

Но скоро его кипучая революционная работа прерывается. В 1872 г. его арестовывают и по распоряжению Александра Второго запирают в сырой и темный каземат Петропавловской крепости. П. А. ожидала участь пожизненного одиночного заключения в крепости, или, в лучшем случае, ссылка на каторгу, так как Александр Второй никак не мог простить своему бывшему каменщику такого страшного преступления, как стать социалистом и революционером.

Присев в Петропавловке три года, П. А. так расстроил свое здоровье, что тюремный врач приговорил его к смерти. Только тогда Александр Второй, уступая настойчивым просьбам родных П. А., разрешил перевести узника для лечения в тюремный военный госпиталь. Оттуда П. А. совершает свой смелый побег и эмигрирует за границу.

Но полав за границу, П. А. не остался пассивным наблюдателем европейской жизни, как это делали большинство русских эмигрантов, он сразу же входит в европейское революционное движение и после смерти Бакунина становится главным теоретиком анархизма.

Учение Кропоткина резко противоположно марксизму. Кропоткин — отрицатель всякого централизованного государства, даже социалистического. Его идеалом общественно-го устройства является федерация свободных самоуправляющихся коммун и союзов. „Это общество, — говорит П. А., — будет состоять из множест-

ва ассоциаций, которые требуют общих усилий... благодаря взаимному соглашению все эти группы будут свободно комбинировать свои усилия... полная свобода будет направлять развитие новых форм производства, изобретения и организации; частная инициатива будет поощряема и всякая тенденция к однообразию и централизации будет устранена".

Таким образом анархизм Кропоткина — это свободная кооперация,вольные союзы, основанные на взаимной помощи и солидарности... анархическое общество, по Кропоткину, это ассоциация равных, для которой нет надобности ни в какой власти, ни в каком насилии...

В 1881 г. швейцарское правительство, по просьбам русского правительства, изгоняет П. А. из пределов Швейцарии, в 1883 г. он был арестован во Франции и по настоянию правительства Александра III был приговорен к пятилетнему тюремному заключению. Благодаря болезни, П. А. был досрочно освобожден в 1886 г., с запрещением проживать во Франции.

Вследствие этого он вынужден был уехать в Англию, где и прожил вплоть до 1917 г., когда революция в России дала ему возможность вернуться на родину.

Живя в Англии, П. А. занимался, главным образом, разработкой своей теории анархического коммунизма, а также работал в области географии, истории, биологии и экономики. В 1897 и в 1904 гг. он совершил путешествие в Соединенные Штаты Сев. Америки и в Канаду, где читал лекции по анархизму и русской литературе.

В Англии им написаны главные его произведения: „Хлеб и Воля“, „Записки революционера“, „Поля, фабрики и мастерские“, „Взаимная помощь, как фактор эволюции“, „Великая Французская Революция“ и „Современная наука и анархия“.

Все эти произведения П. А. проникнуты общностью мировоззрения и в них П. А. пробует дать ответ на волновавшие его вопросы. Три главных вопроса тревожили ум П. А.: 1) каковы основные законы, по которым строится общественная жизнь людей; 2) по каким законам совершаются ре-

полнонии и 3) каким путем может водвориться на земле справедливость?

Чтобы разрешить эти вопросы, П. А. тщательно изучил естественные науки, в особенности биологию, а также и науки исторические и экономические. Чтобы познать лучшие законы современной экономической жизни, он изучал экономическую жизнь Англии, много путешествовал по ее промышленным центрам, вел беседы с рабочими, с предпринимателями и инженерами. Все приобретенные им знания, весь свой опыт он нес народным массам, призывая их к борьбе за новый свободный общественный строй.

В своих книгах П. А. доказывал с неопровержимой логикой, что человечество нуждается не только в новой жизни, но и в жизни красивой и свободной; вот почему он отрицал государственный коммунизм, какая же радость жить в казарме, хотя и предоставленной по неволе плану?

Кропоткин не был узким догматиком, ни когда не говорил авторитетным тоном учителя. Отрицавший власть человека над человеком, он не хотел поработать даже идейно.

В лице Кропоткина мы видим удивительно цельную натуру. На склоне своих лет, как и на заре своей юности, он оставался верен своим идеалам, которые он пропел через тяжелые годы тюремного заключения и необеспеченной эмигрантской жизни.

Всю свою жизнь Кропоткин отдал упорному и настойчивому труду в поисках научной и жизненной правды. Великий немецкий поэт-философ Гете сказал: „Благе тому, кто сумеет соединить конец своей жизни с началом ее“. Кропоткин сумел это сделать, он гармонически сочетал все свои действия в единую стройную симфонию. Вся его жизнь является единой поэмой — поэмою труда и творчества мысли.

Н. К. Лебедев.

П. А. КРОПОТКИН В МОЛОДОСТИ

В „Записках Революционера“ П. А. Кропоткин сказал о себе несравненно больше, чем мог бы сказать о нем какой-нибудь биограф. Поэтому, с нашей точки зрения, нет никакого смысла повторять все то, что читателям известно о жизни и деятельности Кропоткина из его же „Записок“. В „Записках Революционера“, этом одном из лучших произведений современной литературы, есть только один пробел: в них Кропоткин очень мало говорит о своей работе в Сибири, после окончания Пажеского корпуса. А между тем, во время пребывания в Сибири, в душе Кропоткина появились первые ростки тех революционных идей, которые он проповедывал в течение нескольких десятков лет в Западной Европе. (К сожалению, ему суждено было вернуться на родину только перед смертью).

Этот пробел заполнен до некоторой степени его „Дневником“, изданным несколько лет тому назад Государственным Издательством (Москва - Петроград). В этом дневнике очень ярко отражается душевное на-

строение молодого Кропоткина: мечты, надежды и стремления как в области личной жизни, так и в области жизни общественной.

Дневник начал Кропоткиным в июне 1862 года, при отъезде из Петербурга, а закончен в ноябре 1867 года. В 1874 году дневник был отобран у Кропоткина при обыске и с тех пор хранился в архивах Охранного Отделения.

Чтобы не исказить, в своей передаче, ни мыслей, ни слов Кропоткина, мы приводим полностью важнейшие места из его дневника.

Дневник Кропоткина начинается следующими словами: „Наконец то, навсегда я выбрался из Петербурга. Пора, давно пора“. (24 июня 1862 года). По приезде в Москву, Кропоткин писал: „Да, я радовался, выезжая из Петербурга. Чего мне было там жалеть?.. В Петербурге мне было жаль оставлять только одно здание — Большой театр. Сколько дивных, приятных, грустных, веселых минут, я провел там!“...

Эти строки свидетельствуют о том, что Кроноткину нечего было жалеть в Петербурге, кроме Большого театра. Ему, видимо, надоели и придворные балы и вся петербургская „жизнь“. Поэтому из его души, во приезде в Москву, и вырвался вздох облегчения.

В Калуге (17 июля) Кроноткин говорит о „бедной русской женщине“. „Бедная русская женщина!“ — восклицает он. „Несчастливая, и вся жизнь так“. Там же он вспомнит Николаевское (родовое имя Кроноткиных в Калужской губернии) и какую-то девушку Лидию: „Я расстался с Николаевским... но хладнокровнее, чем когда либо. Лидия? Для меня это не более, как первая девушка, которая, кажется, питает некоторое сочувствие, — но не более“. В записи от 1-го декабря он говорит о ней следующее: „Сейчас, роюсь в портфеле, я напал на записку Н. В. Кошкаревой к Елизавете Марковне: рука удивительно походила на руку Лидии, и я припомнил ее чудный веселый смех, улыбку, иногда очень милое наморщивание бровей... Милое создание! И я в ней, вовсе того не подозревая, разбудил впервые нетронутые, незнакомые чувства. Милая! Она за меня мучилась, думала обо мне, грустила, и за меня впервые поплатилась неприятностями, — в ней заметили перемену, и это вызвало шутки, первые недетские неприятности в жизни. Конечно, это не любовь, это не серьезно, это чувство переходное от детства к жизни, это приятно.“

В записи от 28 декабря того же года, он говорит: „Вообще говоря, я создан не для женщин, женщины не для меня. Я могу понравиться женщине, заинтересовать ее, но только... Лидия... но она потому до сих пор любит меня, что меня нет, что видела она меня 3 недели, а через год еще две, и я уехал в такую даль, она нищет прищип этому, милая. Потом это ее первая любовь. Не довольно быть не глупым, не довольно быть подчас и энергичным, и горячо любить все святое, — женщине этого мало. Ну, много, много, а главное все таки физическая сторона должна быть хо-

роша. А я?!“...

30 июля (1862) он видит на Волге женщину — мещанку, таскающих дрова (5 сажен в 28 возилок) и снова вспоминает о тяжелой судьбе русской женщины.

9-го августа, после выезда из Перми, Кроноткин рассуждает о „казне“. Поводом к этим рассуждениям ему служат плохие дороги. „Это шоссэ, пишет он, остается порядочным, пока оно в ведении обывателей, но лишь только переходит в казну, как становится невыносимым, — „все зубы выколотив“, как сказал ямщик“. Здесь уже Кроноткин сомневается в способности „казны“ (властей) сделать что-нибудь хорошее.

26-го августа он высмеивает томоских и других провинциальных барышень, дочерей разных чиновников, за их увлечение французским языком. „По-русски пишет он сколько раз я ни начинал говорить, не удавалось“....

В Красноярске, 30-го августа, Кроноткина приводит в негодование враждебное отношение его спутника Петрова к евреям: „... он страшно глуп и бесит меня своей дикостью: вчера оставил на станции человека, с которым ехал в перекладной, только потому, что он жид, не спал всю ночь, потому что: „что с жидами за спанье“. А этот человек столько же жид, сколько и я, на жида несколько не похож, говорит по-русски без всякого акцента и имеет все русские замашки, но имел глупость заявить Петрову, что отец его жид и сам он не крещен“. Затем он говорит о самом себе, о своем характере: „И что я за отвратительная натура! Вспыльчивая, капризная до нельзя. И неужели я буду когда-нибудь иметь глупость жениться, чтобы сделать несчастною ту, которая согласится на это?“.

После этого он говорит о том, что в Восточной Сибири „большое количество политических преступников“, и первый раз упоминает имя Бакунина, в связи с его побегом. Из этой записи видно, что имя Бакунина, равно как и его деятельность, Кроноткину было хорошо известно.

В записи от 31 августа он высказывает

ую мысль, которую высказывал десятки лет спустя в изгнании — о возможности отделения Сибири от России. „Сегодня попарались транспорты с ружьями, — везут 146 нарезных драгунских ружей в Камчатский полк; проулялся с весной, а теперь стоим на Енисее, скоро ли дойдут? Это еще раз заставило меня вспомнить о том, как возможно Сибири отделиться и составить отдельное царство. Что связывает ее, особенно восточную, с Россией? Ничто. Россия много в ней теряет, Сибирь ничего“.

Иркутск произвел на Кропоткина лучшее впечатление, нежели другие сибирские города. Его очень удивило то, что даже в доме губернатора Забайкальской области Кукеля говорят свободно обо всем, в том числе и о Герцене. В Иркутске в то время господствовали другие настроения, отличавшиеся от настроений других городов некоторой революционностью. По окончании Пажеского корпуса, Кропоткин решил поступить на службу в Амурское казачье войско, а поэтому он и уехал в Сибирь. В Иркутске же к этому отнеслись недоверчиво и спрашивали его: „скажите, Кропоткин, по правде, за что вас сюда назначили?“

Самое лучшее впечатление произвел на него губернатор Кукель. Так, например, 16 сентября он пишет: „А Кукель сам восхитительная личность. Он всегда говорит, например, одну из своих любимых мыслей: „всякое насилие есть мерзость, давайте свободу“... При Кукеле читается „Колокол“, который получается очень исправно, не разрозненными номерами, а всем томом. Встречается ли это в губерниях Европейской России?“

В Чите 10 октября Кропоткин говорит о „сумасшедших припадках“ правительства в связи с арестами политических ссыльных. „Ужасно! Запнут сюда, отнимут всякие средства действовать и все-таки дрожат, трусят, как какого то фантома, и посылают арестовать. — боятся, что Михайлов и из 7,000 верст может быть им опасен, не понимая, что это есть признание в своей собственной слабости, что и это может быть им опасно. Боже, когда это кончится?“

Ведь трудно утешаться, как Кукель, что чем хуже, тем лучше“.

В 1863 году Кукель был смеен со своего поста, вследствие перехваченного письма, в котором его просили оказать содействие польскому восстанию. Кропоткин провозвал Кукеля со слезами на глазах, так как он предчувствовал, что его ожидает в Петербурге суровая расправа. 18 февраля 1863 года он пишет: „Мне жаль, страшно жаль бедного Кукеля. За что пощадился этот человек?... А какой это человек! Сколько перешло от него денег бедным, сколько небогатым чиновникам выданных в виде пособия, а по настоящему, из его денег“.

На Ойкинской станции Кропоткин записывает в дневник известное стихотворение Генриха Гейне:

„Брось свои инсказанья
И гипотезы пустые.
На проклятые вопросы
Дай ответы на прямые:
Отчего под ношей крестной
Весь в крови влачится правый?
Отчего везде безчестный
Принят с почестью и славой?
Отчего? Или силе Бога
На земле не все доступно?
Или он играет нами ...
Это подло и преступно.
Так мы сравниваем жадно
Целый век, пока безмолвно,
Не заткнут нам рта землею...
Да ответ ли это? Полно“...

В тот же день он заносит в свой дневник мысль, что если сердца нет у людей, то „никакие законы им не помогут“.

7-го мая он следующим образом описывает жизнь и нравы бурят: „Снова 2 бурятские юрты, вечный огонь, щели, в которую руку просунешь, на полках несколько винтовок, несколько мисок, над огнем котел с грязным кирпичным чаем, — жалкая жизнь, но ею довольны, — чего же? Пробовали им дома строить, живут; потех ради с домом выстраивают себе юрту, и в ней живет. Мне говорили, что для бурята нет

ужаснее наказания, как арест, и аресту надо подвергать их осторожно, — подвергать братского неделю в катажке, это слишком жестокое наказание, против которого надо бороться с такой же силой, как против розог Маркевича.

В Благовещенске он присматривается к тяжелой работе пильщиков и 18 июля пишет: „Вообще во всем малочисленность труда, бездна трудолюбия и низкие цены, оттого богатые живут хорошо, но рабочие живут в нищете, бедно и грязно“.

Записи от 4 июля 1864 года свидетельствует о том, что Кропоткин не верил в возможность „устройства народа“ при помощи смертных казней. „Двух расстреливали здесь, за острогом, чтобы весь острог вывести смотреть на экзекуцию. В саловаренном заводе то же будет. Думают этим устрашить народ, прекратить подобные вещи (убийства) на будущее время. Едва ли“.

В Хабаровске 27 июля он описывает „религиозность“ китайцев. „Китайцы очень перешипозны. Главный бог — бог богатства, Шень-Фу. Les - Tartares религиозны, с ними лучше дело иметь. Начнет сп проповедывать китайцам, — во всем согласны, а своей религии не переменят. Les - Tartares, — те лучше, простые люди, и когда уже примут христианство, то ни весть как верят во всем слову своего духовного отца, — все готовы исполнить“.

В Уссури 15 июля Кропоткин впервые задумывается о том, что не то он делает, что нужно. „Больно мне, нехорошо... Читал „Христиане в Турции“. Возмутительно! Что делать? Не то я делаю, что бы нужно. С кем перетоворить? Сама (брат), — и его нет, да и знает он мало“. 16 июля он продолжает свою мысль о страданиях народа и о своей работе: „Где та польза, которую я мог бы принести. И что же мои мечтания? Безполезны? Безплодны, по крайней мере. И с каждым днем, с каждым разом, как я встречаюсь с этим народом, с его жалкою нищенскою жизнью, как читаю об этих страшных насилиях, которые терпят хоть христиане в Турции, — боль,

слезы просеются. Как помочь? где сила? Не хочу я перевернуть дела, не в силах, но я хотел бы тут, вокруг себя, приносить хотя микроскопическую пользу им — и что же я делаю, чем приношу? И умру я, видно, ничего не сделав, и все мы помрем, проливши также безполезно. Дети? В силах ли мы детям внушить ненависть, омерзение к этой силе, которая давит их. Мы, да, мы сами их давим. Чорт знает, что это!“.

В записи от 29 августа есть две строки о духовенстве. „Если попы не будут вымишляться, постепенно будет распространяться оседлость, за ней христианство“. О духовенстве он говорит и в другом месте дневника: „Церковь очень красива, ряд маленьких колоколен (деревянных), но монахов нет ни одного, это очень хорошо. Сибирь вообще молодец на этот счет“.

В начале 1865 года Кропоткин снова возвращается к вопросу о чистых науках. Так, например, он пишет: „Наконец, это становится невыносимым, — с каждым днем хуже, а выхода не вижу. Специализированные занятия постепенно вертятся на уме. Так, но если я к нему неспособен? Не так давно я утверждал — математика, физика. Да, но закралось сомнение: не папускное ли это? Мне пришлось много позаняться в последнее время в корпусе математикой. Меня увлекла стройность, логичность математического мышления, те горизонты для анализа, которые открылись при занятиях. Приятно было сознать, что вот какой громадный арсенал оружия в моих руках, — только умеи прикладывать. Так, но теперь то я и стал в тупик, — к чему?“.

„Вот недавно накинулся на геологию. Однако и это папускное. Не вижу тут цели, — не может же быть целью изучение данной местности, а завтра изучение другой, третьей и т. д. Это либо средство, либо побочная работа. А без цели нет и интереса. Одним словом, так скверно, что уже не знаю, чем это кончится. То же самое высказалось и в прошлом году в Чинденте, хоть не так отчетливо — скверно. Ведь в том то и беда, что есть боль, да

исследую, где эта боль, — тогда бы, пожалуй, придумались другие средства ее лечить. Где же пеход? Такая уверенность, ой-богу, хуже еще в жизни не было".

В Иркутске, в ноябре 1866 года, Кропоткин заносит в дневник следующие слова: „Жизнь в этом обществе с каждым днем заметно становится неприятнее, даже при здоровом настроении духа. Противно сознавать, что видишься с людьми, говоришь с ними, как с порядочными, в то время как они плевать не стоят, и чувствуешь себя не в силах, не в праве плюнуть им в роу, когда сам ничем не лучше их, по-тупее, ту же ливрею, выделяешь те же штуки, — чем же я лучше, где основание, на котором я мог бы действовать, сам независимый человек, к тому же мало развитый. Не менее утопичным становится отделение воды в виде слезы".

Следующая, последняя, запись сделана в Петербурге ровно через год — в ноябре 1867 года. Начинается эта запись рассуждениями об альтеризме, а кончается следующими словами: „... И всякий, кто умственно не силен, которые бы могли быть обращены на действительно необходимые услуги человечеству, посвящает на умозрение и исследование, без которых можно было бы обойтись, достоин порица-

ния, как человек, мало заботящийся о человечестве. Но кто в состоянии (положительно) сказать, чтобы умозрение, руководимое правильными научными методами и касающееся предметов, действительно достижимых человеческими способностям, могло не быть полезным?"

Вскоре после возвращения из Сибири, Кропоткин, как известно примкнув к революционному движению и начал совмещать в своей деятельности служение науке со служением человечеству. Кропоткин, таким образом, разрешил тот вопрос, который его долго мучил в Сибири.

Так складывалось революционное миро-созерцание Кропоткина. Так выросли в его сознании ростки того великого анархического учения, которое он разработал впоследствии за границей, обосновав его на строго научной почве.

Дневник Кропоткина является, таким образом, наилучшим пособием для изучения его духовной эволюции. В дневнике, словно в зеркале, отражается мятежная душа молодого Кропоткина. Помимо этого, в дневнике есть целый ряд чисто поэтических страниц и искерки того милого и простодушного юмора, который сохранился в душе Кропоткина до последнего дня его жизни. Е. М.

Библиография научных и литературных трудов П. А. Кропоткина.

Речи бунтовщика. Перевод с французского под редакцией и предисловием к поволу русскому изданию. Книгоиздательство „Голос Труда". Петербург и Москва 1921 г. стр. 348. То же в издании В. Бродского 1906 г. СПб.

Статьи, из которых составилась эта книга, печатались во французской газете „Le Revolte" в 1879—1882 гг. В этих статьях изложена критика современного строя: понятие о государстве, о политических правах, о представительном правлении, о централизации и о власти вообще. Впервые книга эта появилась во Франции в 1885 г. с предисловием Элизе Реклю под заголовком „Paroles d'un Revolte".

„Завоевание Хлеба". Перевод с французского

то А. Тверитенова, издание Яковено, СПб. 1906 г. 75 к. (было конфисковано). Та же книга под заголовком „Хлеб и Воля" в издании „Свободная мысль" СПб. 1906 г. н. 75 к. (конфисковано). То же с предисловием Эл. Реклю. Лондон 1902. Издание группы рабочих коммунистов - анархистов. Стр. XVI+295.

Если в Сборнике статей „Речи бунтовщика" изложена критика современного общества, то в Сборнике „Завоевание хлеба" (Conquete du pain), вышедшем в Париже в 1892 г. с предисловием Элизе Реклю, собраны статьи положительного порядка: постронительная работа предстоящей социальной революции, нового общества, построенного на коммунизме до анархиче-

ских началах.

В русских и французских тюрьмах. С английского перевод В. П. Батурицкого. Под редакцией автора СПб. 1907 г. Стр. 242. Изд. „Знание“.

Книга составилась из журнальных статей, сначала помещенных в английских журналах, вышла в свет в 1906 г. Несмотря на 40 лет, отделяющие их от нас, статьи эти до сих пор не утратили своего значения.

Поля, фабрики и мастерские. Промышленность, соединенная с земледелием и умственный труд с ручным. Перевод с английского А. Н. Кошмина, под редакцией автора. С 7 рисунками и чертежами. Издание 4-ое, пересмотренное автором и значительно дополненное. Москва. 1918 г. Стр. 272.

Впервые книга появилась по-английски в 1898 г., с тех пор она вышла на всех европейских языках и распространилась в дешевых изданиях. Сущность этой чрезвычайно интересной книги сводится к тому, чтобы доказать, что путь к развитию благосостояния народов лежит в единении земледелия и промышленности, а не в разделении народов на промышленные и земледельческие. Автор приводит много интересного материала из области земледелия и мелкой промышленности нового времени, который в корень изменяет укоренившиеся грешатные представления об этих областях народного хозяйства.

Сущность этой книжки автором изложена в небольшой брошюре под заглавием „К чему и как прилагать труд ручной и умственный“.

Записки революционера. С предисловием Георга Брандеса и четырьмя портретами. С английского перевод Дионео. Издание третье, стр. 399. Типогр. Сытина.

Записки эти сначала печатались в американском журнале „Atlantic Monthly“, а затем в 1902 году впервые на русском языке в переводе Дионео появились в Лондоне, в издании Фонда вольной русской прессы. В России вышло всего пять изданий.

„Записки революционера“ замечательная книга в русской литературе, как по

блестящему изложению и интересу, так и по богатству материала. Автор характеризует русское общество кануна освобождения и эпоху великих реформ, когда складывалось русское революционное движение. Широко с захватывающим интересом Кроноткин живописует людей, нравы, обстановку этого времени. Затем, эмигрировав на Запад, автор очень подробно и с тем же захватывающим интересом рассказывает о настроениях в рабочих массах, о первом Интернационале, о его распаде и о новых течениях социализма, о зарождении антрхического движения и затем его прослеживает очень подробно во всех перипетиях. Но это не сухой хронологический пересказ событий, это не личные воспоминания, где автор фигурирует на первом месте, нет — это художественно нарисованная картина эпохи, это мастерской, несравненный пересказ периода, в котором зародилось и сложилось современное рабочее движение в различных направлениях.

Идеалы и действительность в русской литературе. С английского, перевод В. Батурицкого. СПб. стр. 367. Изд. „Знание“.

Книга составилась из лекций, прочитанных автором в Америке перед публикой, совершенно незнакомой с русской литературой. Через всю книгу проходит мысль, что лучшая русская литература всегда отражала идеалы общественного освободительного движения. Лекции читались в 1901 г., книга впервые вышла на английском языке в 1905 г. в Лондоне, на русском языке было одно только издание в 1906 г.

Взаимная помощь, как фантор эволюции. Харьков 1919 г. Стр. 231.

Книга как и большинство Кроноткинских книг, составилась из статей, печатавшихся сначала в журналах.

Взаимная помощь — такой-же естественный закон, как и взаимная борьба; но для прогрессивного развития вида первая несравненно важнее второй. Показание это автор доказывает на немом ряде примеров общественной, как человеческой, так и животного. Книга распадается на главы: Взаимопомощь среди животных.

Взаимопомощь среди дикарей. Взаимопомощь среди варваров. Взаимопомощь между городами средних веков. Взаимопомощь между современными людьми. Изыскания, которые пришлось сделать автору, привели его к другим интересным исследованиям: к научению роли государства в течение трех последних веков и к изысканиям о развитии в человечестве идей справедливости и нравственности.

Великая французская революция 1789—1793. Перевод с французского, под редакцией автора. Москва, 1918 г. Стр. 608.

Книга вышла весной 1909 г. одновременно на французском, немецком и английском языках и затем в 1914 г. в Лондоне появилась и на русском языке.

Если французская революция была сравнительно хорошо изучена в политическом отношении исторической школой с ее представителем проф. Оларом и Историческим обществом Французской революции, то этого нельзя сказать об экономическом ее характере. Кропоткин один из первых написал историю революции, осветив участие в ней масс и столкновения их, происходившие на экономической почве. Ему же принадлежит и заслуга в выяснении роли парижских секций в развитии великой революции.

В книге приведено много нового фактического материала, извлеченного из архивов, освещенного зачастую оригинальными подходами. Мало останавливаясь на драматической истории революции, достаточно уже известной, автор пользуется результатами новейших исследований, чтобы осветить внутреннюю связь и причины различных событий, из которых сложился переворот, закончивающий собой восемнадцатый век.

Современная наука и Анархия. Перевод с французского. Книгоиздательство „Голос Труда“, СПб. и Москва. 1921 г. Стр. 316.

По-французски вышла в 1913 г.

Автор старается показать, что в развитии анархических идей, формулированных Голлем, Прудоном и развитых их продолжателями применен тот же индуктивный

метод, которому следовал прогресс естествознания в 19 в. Вторая часть книги посвящена выяснению роли государства, как организованного института власти меньшинства над большинством. Книга эта выросла из двух небольших брошюр: („Современная наука и анархизм“ и „Государство и его роль в истории“) в большой том в 300, стр.

Этика. Том 1. Прохождение и развитие нравственности. Изд-во „Голос Труда“, СПб. и Москва, 1922 г. Стр. 263+IV.

„Этика“ является последним трудом П. А-ча и представляет как бы заключение всех его научных, философских и социальных взглядов.

В своей „Этике“ П. А. хотел дать ответ на два основных вопроса морали: откуда берутся в человеке нравственные понятия? и к чему стремятся нравственные предписания и нормы? К сожалению, П. А. написал, и то не в окончательном виде, лишь первый том „Этики“, где он рассмотрел лишь историческое развитие нравственных понятий. Второй том „Этики“, касавшийся основ морали и ее цели — остался незаписанным: имеются лишь отрывки и несколько отдельных глав.

Чисто научные статьи по самым разнообразным вопросам естествознания и преимущественно по географии и областям соприкасающимся, П. А. Кропоткин помещал сначала в русских журналах — Известия Русского Географического Об-ва и Записки того же за 1873 и 1876 г.г., а затем по эмиграции в Европу в „Geographical Journal“, London за 1894, 1895, 1897, 1898, 1900 и дальнейшие годы, „Nineteenth Century“ за 1894, 95, 97, 98, 1900 и дальнейшие, в Encyclopaedia Britannica и целом ряде других.

Полного собрания сочинений П. А. еще нет. В настоящее время издательство „Голос Труда“ издало 7 томов. „Знание“ и СПб. в 1906-07 г.г. издало 4 тома. Т-во Сытина в 1918 г. на трех выданных томах прекратило задуманное полное собрание сочинений П. А-ча.

Ф. Рыдин.

ЧТО ТАКОЕ АНАРХИЯ?

(Из неопубликованной рукописи П. А. Кропоткина).

Анархия — это учение, которое стремится к полному освобождению человека от ига Капитала и Государства.

Освобождение от ига Капитала есть основная цель социализма, а потому уже из этого определения видно, что анархизм есть одно из социалистических учений. Он и развивался, действительно, в начале семидесятых годов среди социалистического движения в швейцарских, германских и итальянских федерациях Международного Союза Рабочих.

Развился он из той мысли, что если бы для освобождения рабочих от ига Капитала, им пришлось обратиться в наемников Государства, ставшего обладателем всех накопленных в современном обществе средств производства, то при таком общественном строе работникам грозила бы опасность стать рабами Государства и утратить даже ту небольшую личную свободу, которую они отвоёвывали себе в некоторые страны. Развивая эти мысли и прилагаясь к действительной жизни, анархисты пришли к заключению, что им следует отнестись отрицательно не только к мысли о государственном капитализме, проповедуемой многими социалистами, но и к той мысли, что социалисты должны сперва завоевать власть в современном буржуазном государстве, с тем, чтобы впоследствии преобразовать права собственности в этом государстве. Напротив того, рабочие организации, державшиеся анархических воззрений, пришли за эти тридцать с лишним лет к убеждению, что людям, стремящимся к освобождению от ига Капитала, не только не следует стремиться к захвату Власти в теперешнем Государстве, но что освобождение от ига Капитала возможно будет только при одновременном освобождении от ига Государства, что самые формы государственности были выработаны, чтобы помешать этому движению; и что освободительное движение только тогда будет достигать своей цели, когда оно будет ослаблять все время государственную власть, как в смысле предоставления наиболее широкой свободы и самостоятельности местной жизни, так и в смысле от-

граничения атрибутов государства, т. е. обязанностей, которые оно принимает на себя. Так, поясняя нашу мысль действительным примером, некоторые социалисты видят шаг вперед на пути к социализму в том, что государство овладевает железными дорогами или банками и поэтому вносят требование государственной монополии на железные дороги и банки в свою программу. Анархисты же видят в этом шаг к вредному усилению власти Государства. Даже в социалистическом обществе, говорим мы, сосредоточение такой важной отрасли народного хозяйства в руках государства, было бы опасностью для свободы всех. Но тем более опасно такое усиление власти в современном буржуазном государстве, так как оно дает лишнее могучее оружие в руки буржуазии против рабочих, поэтому анархисты предпочитают, чтобы железные дороги, будучи отняты у теперешних капиталистов, перешли в пользование групп самих железно-дорожных рабочих (подобно тому, как земля находится в пользовании у сельских общин) и чтобы отношения таких рабочих групп ко всем другим группам вырабатывались непосредственно, без вмешательства Государственной власти, путем взаимного договора. Анархисты-рабочие убеждены, что подобные отношения, которые вырабатывались бы в революционный период из непосредственных договорных сношений между группами рабочих и общинами, были бы, во всяком случае, предпочтительнее тому, что могло бы выработать Государство, или какой бы то ни было национальный парламент.

Точно также в области отношений между различными частями одной стороны и различными нациями, анархисты не только признают, что всякая отдельная народность в теперешних государствах должна была бы иметь полное право устроить свою внутреннюю жизнь, хозяйственную и политическую, как она сама найдет это нужным, но они думают также, что такими же обширными правами автономии и свободы должны пользоваться каждый город и каждая сельская община. Единение же между всеми городами, общинами и областями данной страны должно обуславли-

ваться не общей одинаковой подчиненностью их центральному правительству, а добровольным объединением путем договора. Анархисты убеждены, что если объединение на договорном начале и будет местами причиной местных и временных раздоров, то никогда эти раздоры не дадут тех потоков крови, которые были уже продиты и еще будут проливаться ради поддержания государственного сосредоточения власти и насильственного объединения различных областей под одну центральную власть.

Таким образом, в противоположность социал-демократическим партиям, которые стремятся к созданию государства, в котором вся власть была бы централизована в руках правительства и где все главные отрасли производства находились бы в ведении этой всемогущей центральной власти,—анархисты стремятся к такому строю, где все главные отрасли производства находились бы в руках самих рабочих, объединенных в вольные производственные союзы, и в руках самих общин, организующих в своей среде пользование общественными богатствами так, как они сами найдут это нужным. Необходимость взаимных уступок гораздо лучше поможет выработать установление правильных взаимных отношений, чем какая бы то ни была государственная власть.

При этом анархисты убеждены, что ни социалистам, государственным, ни даже анархистам, не удастся установить желаемый ими социалистический или коммунистический строй в один прием, одною революцией. Анархисты убеждены, что для перехода от капитализма к коммунизму потребуются не один переворот, а несколько. А потому они считают, что обязанность человека, понимающего задачи современного человечества, уже теперь состоит в том, чтобы отнюдь не давать свои силы на поддержку и усиление ига как капитализма, так и государства, а напротив того, всеми силами содействовать ослаблению того и другого.

Подобно тому, как ни одному искреннему социалисту не придет в голову, что лучшим средством для освобождения человечества от ига капитала—это стать эксплуататором человеческого труда, а потом обратиться в благодетеля вроде Карнеги или Нобеля, —

так что для всякого искреннего социалиста должно бы быть ясным, что его обязанность—не вступать в ту государственную машину, которая была выработана в интересах капиталистов и феодалов, а вместе с народом стремиться к выработке тех новых форм политического объединения, которые в социалистическом обществе смогут заменить ныне существующие политические формы, выработанные с целью помешать освобождению трудящихся классов. Нам по крайней мере совершенно ясно, что всякое усиление государственной власти в современном буржуазном обществе становится лишь новой помехой на пути освобождения человечества из под ига Капитала. Вступление рабочих в государственное управление только даст прилив новых сил этой отживающей форме эксплуатации.

Сведем вкратце все сказанное:

Конечная цель анархистов состоит в том, чтобы выработать жизненным опытом такой общественный строй, в котором нет никакой верховной государственной власти, а страна представляет собою вольные союзы вольных общин и вольных производственных групп или артелей, возникающие на основах взаимного договора, и разрешающие возможные споры между собою—не путем насилия и оружия, а путем третейского суда.

Как те, так и другие, знают, что достигнуть социалистического или коммунистического строя невозможно сразу, без нескольких последовательных переворотов, которые они и стараются подготовить сначала в умах, а потом и в жизни на деле.

В этот подготовительный период социалисты — государственники стремятся однако, (прежде всего к захвату власти и ради этого добиваются возможности заседать в парламентах, чтобы со временем составить свое правительство.

Анархисты же считают всякое усиление государственности вредным, мешающим против капиталистической революции, мешающим ясному пониманию рабочими всего вреда капиталистического строя и поддерживающим те самые предрассудки, которыми держится теперь капиталистический строй. Поэтому они отказываются от всякого участия в государственной власти, точно так же как они отказываются от участия в капиталисти-

ческой эксплуатации, от участия в войне за интересы буржуазии, и от участия в использовании религиозных верований. Они стремятся вызвать самостоятельность всего народа — сельского и городского, — а также каждой отдельной группы и личности для выработки новой формы вольного договора между производительными союзами и потребительными обществами, т. е. тех новых форм политической жизни, которых потребует новый строй жизни хозяйственной.

Слово "Анархия" (по гречески — безвластие, безначалие) с издавна употреблялось защитниками "порядка" и собственности для обозначения такого состояния общества, когда народ свергал иго установленных властей и начинал, выражаясь их языком, — "потрясать священные основы власти и собственности"... На языке измученных и владеющих классов такое состояние было состоянием хаоса, неурядицы, беспорядка, но история говорит нам другое, а именно, что такие периоды были именно периодами революций, переворотов, когда ломались противные основы старого общества и закладывались основы нового порядка, нового строя, в котором освобожденным рабам жилось впоследствии несколько лучше, чем прежде.

В том же смысле порицания и ненависти употреблялось слово "анархисты" во время Великой Французской Революции. Когда в 1792 г. в Париже взяла верх революционная коммуна, выбранная всем парижским народом для низвержения короля и для совершения народной революции, и по всей Франции взяли верх революционеры из народа, и когда эти революционеры стали требовать от своего парламента (Конвента) уничтожения крепостных прав без выкупа, налога на богатых, ограничения права владения землей и т. д., тогда имущие классы и их защитники в Конвенте, называвшиеся тогда Жирондистами, стали называть революционеров, выставлявших эти требования — "анархистами"; врагами порядка, смутьянами, цель которых — хаос и неурядица. И они стали требовать немедленного ареста и казни всех этих анархистов, не желавших признать права собственности и установленного правительства.

Нужно сказать, однако, что во время

французской революции кличка "анархисты" прилагалась безразлично ко всем тем, кто стремился уничтожить старый порядок и старые феодальные отношения революционным путем. Не только к тем немногим революционерам, которые действительно отрицали необходимость сильной государственной власти, и не признавали частной собственности, но и к тем, которые, подобно Робеспьеру и Сен-Жюсту, были сторонниками могучей централизованной власти, но хотели помочь народу совершить революцию против богатых. Всех, стоявших тогда на стороне народа и действительно совершавших ломку старого общества революционным путем и требовавших равенства, как основу свободы, называли тогда "анархистами", чтобы представить их врагами всякого порядка и всякого мирного развития общества.

Со словом "анархия" произошло, таким образом, то, что происходит очень часто с кличками партий. Кличку дают враги. "Нищие", "голоштанники" или "санкюлоты" были сперва кличками, имевшими целью унижить эту партию в глазах общества. А потом кличка становится именем, которое с гордостью удерживала за собою партия 1). Также произошло и со словом "анархия". Люди порядка употребляли его с целью вызвать неприязнь против народных революционеров. В этом отрицательном смысле употребляли его в 1793 г., а также и первые историки французской революции, писавшие об истории революции с буржуазной точки зрения. Но когда роль, сыгранная этими революционерами стала выясняться и сделалось очевидным, что уничтожение даже такого зла, как крепостные обязательства продолжало бы существовать и после революции, если бы те, кого тогда называли "анархистами" не совершили по всей Франции насильственного уничтожения этих прав, и не заставили бы Конвент узаконить это уничтожение, — тогда слово "анархисты" стали употреблять уже в другом смысле... (На этих словах рукопись прерывается).

1) В республиканском календаре 1793 г. отсчитывались пять дней в году за вычетом двенадцати месяцев по 30 дней — были посвящены народным революционерам и назывались "дней якобинцев" и праздник народной безвластной революции.

Открыта подписка НА ЖУРНАЛ ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган свободной мысли, издающийся Федерацией групп

“Пробуждение”.

ЖУРНАЛ ПОСВЯЩЕН ВОПРОСАМ: ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ, ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ, НАУКИ, ФИЛОСОФИИ, ИСКУССТВА, ЛИТЕРАТУРЫ И КРИТИКИ.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР
ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

“PROBUZHDENIE”

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не опоздаст и не разочарует читателей с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия “Пробуждения” просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, нашего содействия по распространению журнала, подписанию новых подписчиков, и об оказании ему вашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него миссию распространения безвластных идей свободы и международного братства людей.

С товарищескими приветом

Редакционная Коллегия.